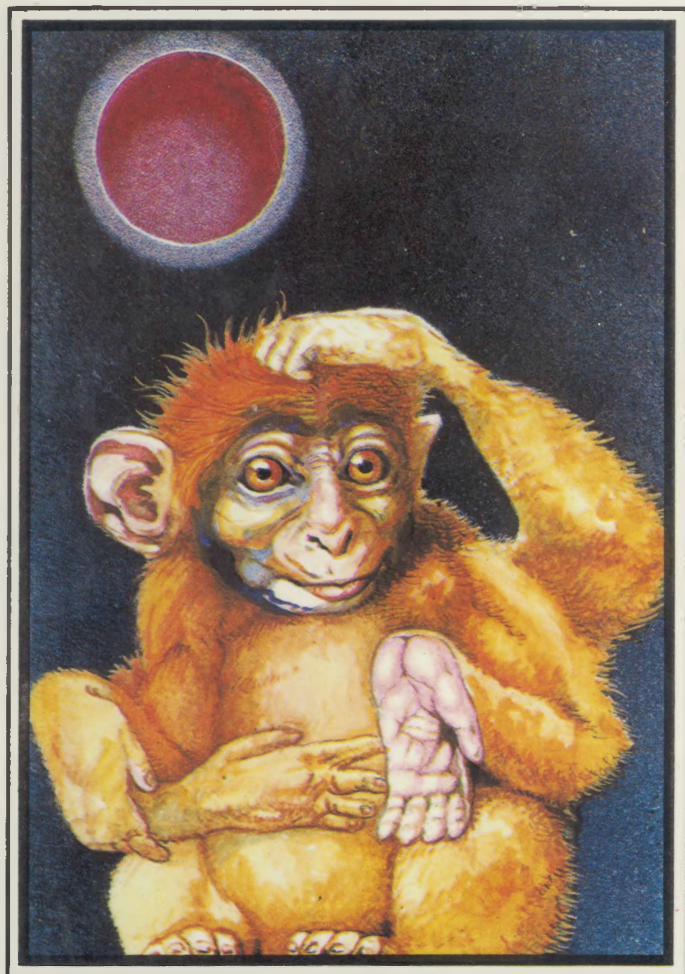

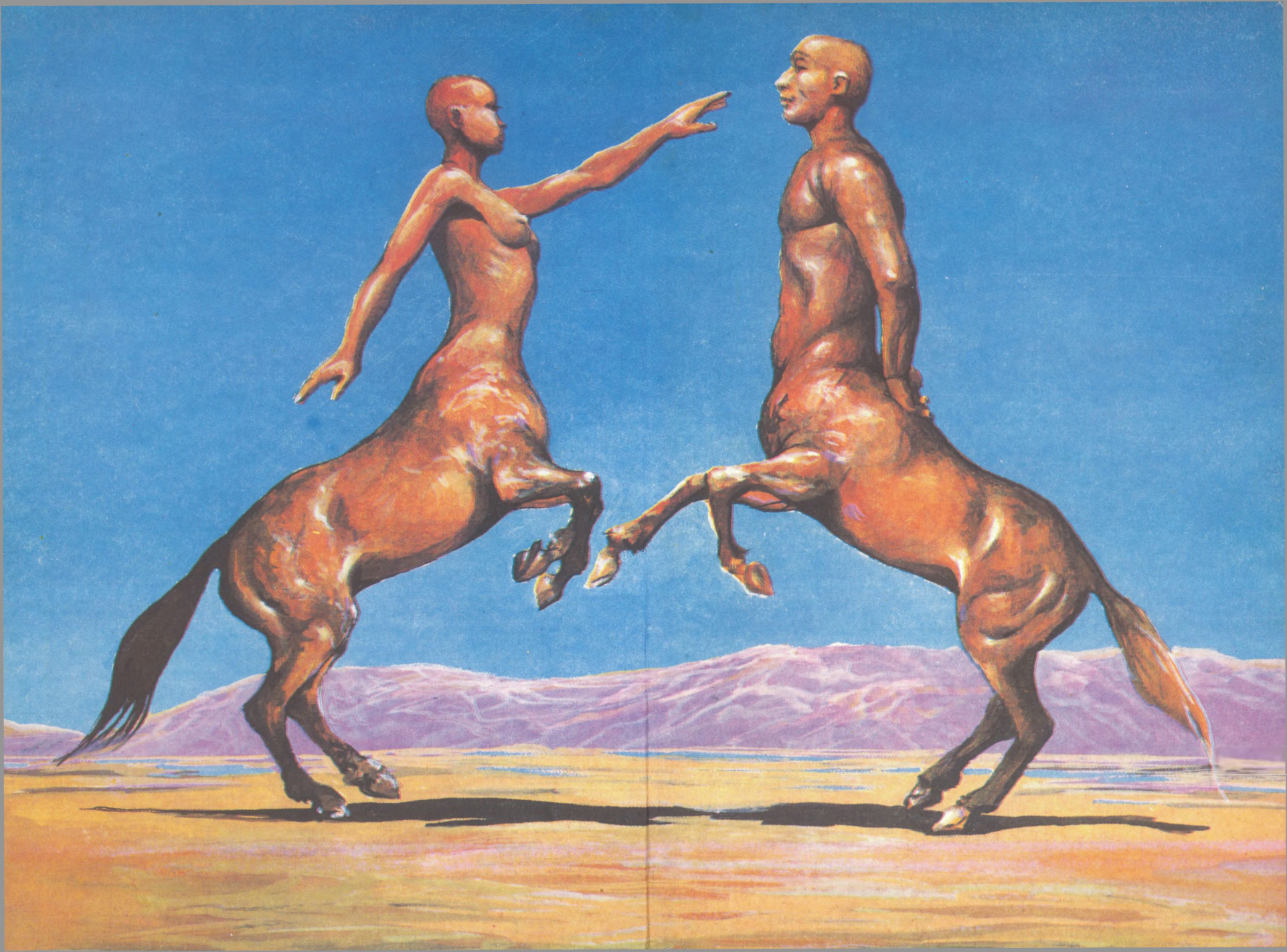
МИРЫ РОБЕРТА ХАЙНЛАЙНА

7

МИРЫ РОБЕРТА ХАЙНЛАЙНА

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ
ФИРМА
«ПОЛЯРИС»

WORLDS OF ROBERT A. HEINLEIN

Volume seven

**RED PLANET
STARMAN JONES**

МИРЫ РОБЕРТА ХАЙНЛАЙНА

Книга седьмая

КРАСНАЯ ПЛАНЕТА АСТРОНАВТ ДЖОНС

Издательская фирма «Полярис»

1994

Red Planet
Copyright © 1949 by Robert A. Heinlein

Starman Jones
Copyright © 1953 by Robert A. Heinlein

© 1993 Издательская фирма «Полярис»,
перевод на русский язык

© 1992 Издательская фирма «Полярис»,
оформление, название серии

Перепечатка отдельных романов и
всего издания в целом — запрещена без
разрешения издателя и переводчика.
Всякое коммерческое использование
данного издания возможно исключитель-
но с письменного разрешения издателя.

ISBN 5-88132-043-3

КРАСНАЯ ПЛАНЕТА

Глава 1

ВИЛЛИС

Разреженный воздух Марса был прохладен, но не очень. В южных широтах зима еще не настала и температура днем не опускалась ниже нуля.

Странное существо, стоящее у двери куполообразного строения, походило на человека, хотя ни у одного человека не было такой головы: на макушке — что-то вроде петушиного гребня, огромные глазницы, а посередине лица — клюв. А окрас уж и вовсе из ряда вон — тигровый, в желтую и черную полосу.

На поясе у него висело оружие, напоминавшее пистолет, а в сгибе правой руки был зажат мяч — побольше баскетбольного и поменьше медбольного. Существо переложило мяч в левую руку, открыло входную дверь и оказалось в крохотном тамбуре.

Как только наружная дверь закрылась, давление воздуха в тамбуре стало подниматься со звуками, напоминающими вздохи.

— Ну, кто там? Отвечайте, отвечайте! — сиплым басом взревел репродуктор.

Пришелец осторожно опустил мяч на пол и обеими руками стянул с себя безобразную личину. Под маской обнаружился обыкновенный мальчишка.

— Это я, док, Джим Марло, — ответил он.

— Ну так заходи. Нечего стоять и ногти грызть.

— Иду. — Когда давление в прихожей сравнялось с давлением в доме, внутренняя дверь автоматически открылась. Джим сказал: — Пошли, Виллис, — и прошёл внутрь.

Мяч выпустил снизу три отростка и последовал за мальчиком — непонятно было, идет он или катится, больше всего его походка напоминала движение бочонка, который кантуют на днище. Они прошли по коридору в большую комнату, занимавшую половину всего круглого дома. Доктор Макрей, не вставая, приветствовал их.

— Здорово, Джим. Разоблачайся. Кофе на скамейке. Здорово, Виллис. — Доктор вернулся к своей работе, он перевязывал руку мальчику, ровеснику Джима.

— Спасибо, док. А, Фрэнсис, привет. Ты чего тут?

— Привет, Джим. Я убил водоискалку, да только палец о шип наколол.

— Прекрати ерзать! — скомандовал доктор.

— Щиплется, — пожаловался Фрэнсис.

— Так и надо.

— Как это тебя утормозило? — не успокаивался Джим. — Ты что ж, не знаешь, что их нельзя трогать? Спалил сразу — и все тут.

Он расстегнул «молнию» скафандра, стянул его и повесил на вешалку у дверей. Там уже висел скафандр Фрэнсиса с маской, имитирующий боевую раскраску индейского воина, и скафандр доктора с маской без орнамента. Теперь Джим остался в модных на Марсе комнатных ярко-красных шортах.

— Я и спалил, — объяснил Фрэнсис, — но она зашевелилась, когда я ее тронул. Я хотел отрезать хвост, сделать бусы.

— Значит, плохо спалил. Может, в ней полно яиц осталось. А для кого бусы?

— Не твое дело. А яички я сразу выжег. За кого ты меня принимаешь? За туриста?

— Да как тебе сказать. Ты же знаешь, эти твари подыхают только на закате.

— Не говори глупостей, Джим, — сказал доктор. — Теперь, Фрэнсис, я тебе сделаю укол антитоксина. Толку от него никакого, зато твоя мама успокоится.

Завтра палец у тебя вздуется, как обожравшийся щенок, принесешь его сюда, и я его вскрою.

— Палец придется отрезать? — спросил мальчик.

— Нет. Просто какое-то время будешь чесаться левой рукой. А тебя, Джим, что сюда привело? Живот заболел?

— Нет, доктор, я из-за Виллиса.

— Из-за Виллиса? Вид у него как будто бодрый.

Доктор посмотрел вниз, на Виллиса, который смотрел, как Фрэнсису перевязывают палец: он высунул еще три отростка — глазных. Отростки торчали, как большие пальцы рук, образуя равнобедренный треугольник, и на каждом углу сидел глаз, до того похожий на человеческий, что становилось не по себе. Виллис медленно развернулся на трех ножках, чтобы как следует обозреть доктора.

— Налей-ка мне чашку явы, Джим, — распорядился доктор, нагибаясь и складывая руки ковшиком. — Ну-ка, Виллис, оп-ля!

Виллис подпрыгнул и влетел прямо в руки доктору, убрав при этом все свои выступы. Доктор положил его на смотровой стол. Виллис снова выставил ножки и глазки, и они принялись разглядывать друг друга.

Доктор видел перед собой мячик, покрытый густой короткой шерстью, как стриженная овца, и не имеющий никаких отличительных черт, кроме ножных и глазных отростков. Виллис видел перед собой пожилого землянина с длинными курчавыми седовато-белыми волосами, одетого в белоснежную рубашку и шорты. Виллису очень нравилось смотреть на него.

— Как ты себя чувствуешь, Виллис? — спросил доктор. — Хорошо? Или плохо?

На самой макушке Виллиса между глаз появилась ямочка, а в ней прорезалась дырочка.

— Виллис хорошо! — сказал он. Голос у него был точь-в-точь как у Джима.

— Хорошо, говоришь? — переспросил доктор. — Джим, помой чашки и на этот раз простерилизуй. Мы ведь не хотим подцепить какую-нибудь заразу, верно?

— О'кей, док, — согласился Джим и спросил у Фрэнсиса: — Ты будешь кофе?

— Конечно. Слабый, и побольше молока.

Джим нырнул в лабораторную раковину и выудил оттуда еще одну чашку. В раковине было полно грязной посуды. Рядом на бунзеновской горелке потихоньку кипел большой кофейник. Джим тщательно вымыл три чашки, пропустил их через стерилизатор и налил всем кофе.

— Джим, этот гражданин говорит, что он в порядке, — сказал доктор Макрей, беря свою чашку. — Что с ним такое?

— Да, знаю, он все время говорит, что у него все нормально, но это не так. Вы бы не могли осмотреть его, док?

— Осмотреть? Каким образом, мальчик? Я не могу даже измерить ему температуру, потому что не знаю, какая температура у него нормальная. В его биохимии я смыслю столько же, сколько свинья в апельсинах. Ты хочешь, чтобы я вскрыл его и посмотрел, почему он тикает?

Виллис тут же убрал свои отростки и сделался гладким, как бильярдный шар.

— Ну вот, вы его напугали, — с укором сказал Джим.

— Прошу прощения. — Доктор протянул руку и потрепал Виллиса по меховой шерстке. — Виллис хороший, Виллис славный. Никто не обидит Виллиса. Ну давай, малыш, вылезай.

Виллис приоткрыл голосовой сфинктер.

— Не обижать Виллис? — недоверчиво спросил он голосом Джима.

— Не обижать Виллис. Обещаю.

— Не резать Виллис?

— Не резать Виллис. Никогда.

Медленно появились глаза, и Виллис приобрел выражение настороженного внимания (он прекрасно обходился без лица).

— Вот так-то лучше, — одобрил доктор. — Ближе к делу, Джим. Почему тебе кажется, что с ним что-то не так, если мы с ним думаем иначе?

— Да потому что он так себя ведет, док. Дома-то все хорошо, а вот когда выходит... Раньше он со мной всюду ходил, скакал и везде совал свой нос...

— У него нет носа, — заметил Фрэнсис.

— Пять с плюсом. А теперь, когда я его беру погулять, он сворачивается в клубочек, и ничего от него не добьешься. Если он не болен, почему он так делает?

— Начинаю соображать, — сказал доктор. — Он у тебя сколько времени живет?

Джим задумался, перебирая в памяти двадцать четыре месяца марсианского года.

— Где-то с конца зевса, почти с ноября.

— А теперь конец марта, почти церера, лето кончилось. Тебе это ни о чем не говорит?

— Да нет.

— Что ж он, по-твоему, по снегу должен скакать? Мы уезжаем, когда приходят холода, а он здесь живет.

— Вы думаете, это он впадает в спячку? — раскрыл рот Джим.

— А что ж еще? Предки Виллиса много миллионов лет приспособлялись к смене времен года, не может же он так сразу от этого отказаться.

Джим забеспокоился.

— Я ведь хотел взять его с собой в Малый Сирт.

— Малый Сирт? Ах да, ты ведь в этом году поступаешь в школу. И Фрэнк тоже.

— Точно!

— Не могу привыкнуть к тому, как быстро вы растете. Я прилетел на Марс, потому что здесь год в два раза длиннее, но что-то не вижу никакой разницы — годы летят еще быстрее.

— Док, а сколько вам лет? — поинтересовался Фрэнсис.

— Неважно. Итак, кто из вас будет изучать медицину, а потом вернется мне помогать?

Ответа не было.

— Ну, ну! — настаивал доктор. — На кого вы собираетесь учиться?

— Не знаю, — сказал Джим. — Я интересуюсь ареографией*, но и биология мне тоже нравится. Может, стану планетарным экономистом, как мой старик.

— Это обширная область. Долго придется учиться. А ты, Фрэнсис?

---

* А р е о г р а ф и я — астрологическое описание поверхности планеты Марс, от Ares — Марс (греч.). (Здесь и далее примеч. перев.)

Фрэнсис немного смутился.

— Я? Да ну, я все-таки думаю стать космическим пилотом.

— А я думал, ты из этого уже вырос.

— А что тут такого? Мне кажется, я смогу.

— Дело твое. Да, раз уж об этом зашла речь: вы ведь уедете в школу еще до миграции?

Поскольку людям несвойственно впадать в зимнюю спячку, колония дважды в марсианском году переезжала. Южное лето они провели в Хараксе, в тридцати градусах от южного полюса, а теперь собирались перебраться в Утопию, в Копайс, почти на том же расстоянии от северного полюса. Там колония должна была провести половину марсианского года, то есть почти целый земной год.

Возле экватора находились постоянные, немигрирующие поселения — Нью-Шанхай, Марсопорт, Малый Сирт и другие, но они не считались колониями, и населяли их в основном служащие Марсианской Компании. Контракт и закон обязывали Компанию обеспечить колонистам высшее земное образование, а Компании было удобнее сосредоточить обучение в одном месте — в Малом Сирте.

— Мы едем в будущую среду, — сказал Джим, — на почтовом скутере.

— Так скоро?

— Да, потому я и беспокоюсь за Виллиса. Что с ним делать, док?

Виллис, услышав свое имя, вопросительно посмотрел на Джима и повторил, в точности копируя его:

— Что с ним делать, док?

— Заткнись, Виллис.

— Заткнись, Виллис, — Виллис столь же точно скопировал и доктора.

— Наверное, правильнее всего было бы вынести его на воздух, найти норку и сунуть его туда. Вы сможете возобновить знакомство, когда спячка кончится.

— Что вы, док, он же так потеряется! Он выйдет гораздо раньше, чем я приеду на каникулы. Может, он проснется еще до переезда колонии.

— Может быть. — Макрей задумался. — Ему не повредит снова оказаться в своей среде. С тобой он

ведет неестественный образ жизни, Джим. Ты же знаешь, он личность, а не собственность.

— Конечно! Он мой друг.

— Не пойму я, — вставил Фрэнсис, — чего это Джим так с ним носит. Конечно, болтает он здорово, но все равно, как попутай. По-моему, он просто болван.

— А тебя никто не спрашивает. Виллис меня любит. Правда, Виллис? Ну, иди к папе. — Джим протянул руки, меховой шарик взобрался по ним и устроился у Джима на коленях — теплый, чуть пульсирующий. Джим погладил его.

— Почему бы тебе не попросить марсиан позаботиться о нем? — предложил доктор.

— Я пробовал, но не нашел ни одного в таком настроении, чтобы он обратил на меня внимание.

— То есть у тебя не хватило охоты этого дожидаться. Внимание марсианина можно завоевать, только набравшись терпения. А почему ты не спросишь самого Виллиса? У него свое мнение есть.

— А как ему объяснить?

— Давай я попробую. Виллис!

Виллис обратился к доктору два глаза.

— Хочешь выйти и найти место, где спать?

— Виллис не хочет спать.

— Надо выйти. Хорошо, холодно, найти норку в земле. Свернуться и поспать как следует. А?

— Нет!

Доктору стоило труда не поддаваться наваждению, что это говорит Джим (говоря от своего лица, Виллис всегда пользовался голосом Джима). Звуковая диафрагма Виллиса так же не имела собственного тембра, как не имеет его мембрана радиоприемника, она и была устроена так же, как мембрана радио, хотя и была органом живого существа.

— Решительно сказано, но попробуем зайти с другой стороны. Виллис, хочешь остаться у Джима?

— Виллис остаться у Джима. Тепло! — задумчиво произнес Виллис.

— Вот секрет твоего обаяния, Джим, — сухо сказал доктор. — Ему нравится температура твоего тела. Но *ipse dixit*, бери его с собой. Не думаю, чтобы это ему повредило. Ну проживет он пятьдесят лет вместо ста, зато получит вдвое больше удовольствия.

— Значит, обычно они живут по сто лет? — спросил Джим.

— Кто их знает. Мы недостаточно долго пробыли на этой планете, чтобы знать такие вещи. А теперь выместайтесь. У меня полно дел. — Доктор задумчиво посмотрел на кровать, которая уже неделю не застилалась, и решил подождать, пока будет менять белье.

— А что значит «ipse dixit», док? — спросил Фрэнсис.

— Значит «сказано — сделано».

— Док, — предложил Джим, — пойдемте к нам обедать. Я позвоню маме. И ты тоже, Фрэнк.

— Нет, — сказал Фрэнк, — я, пожалуй, не пойду. Мама говорит, что я слишком часто у вас ем.

— Моя мама, будь она здесь, непременно сказала бы то же самое, — признался доктор. — Звони, Джим.

Джим подошел к телефону, попал на двух колониальных мамаш, болтающих о своих малышах, и наконец, сменив частоту, соединился с домом. Когда на экране появилось лицо матери, Джим сказал ей, что пригласил доктора.

— Я очень буду рада, если доктор придет, — сказала она. — Скажи ему, Джим, пусть поторопится.

— Мы идем, мама! — Джим выключил аппарат и потянулся за скафандром.

— Не надевай, — остановил его Макрей. — На воздухе слишком холодно. Пройдем по туннелям.

— Это же вдвое дольше, — возразил Джим.

— Предоставим Виллису решать. Ты за кого, Виллис?

— Тепло, — важно сказал Виллис.

Глава 2

ЮЖНАЯ КОЛОНИЯ, МАРС

Южная колония была построена в виде колеса. Административный центр был ступицей, от него в разные стороны расходились туннели, над которыми стояли дома. Колонисты начали строить туннель-обод, соединяющий концы спиц, и уже соорудили дугу в сорок пять градусов.

За исключением трех лунных хижин, поставленных при основании первой, покинутой потом, колонии, все дома были одинаковой формы. Каждый дом представлял собой усеченный снизу пузырь из силиконового пластика (вещество добывалось из почвы и надувалось тут же, на месте). Собственно, пузырь был двойной: сначала выдувалась внешняя оболочка, футов тридцати-сорока в поперечнике. Когда она застывала, надували внутренний пузырь, чуть поменьше первого. Внешний пузырь полимеризовался, то есть затвердевал и вулканизировался, под лучами солнца. Внутренний пузырь вулканизировали с помощью ультрафиолетовых батарей и нагревательных ламп. Оболочки отделялись друг от друга слоем воздуха около фута толщиной, который служил теплоизоляцией в морозные марсианские ночи.

Когда новый дом затвердевал, в нем прорезали двери и устанавливали шлюзовой тамбур. Ради комфорта ко-

лонисты поддерживали в домах давление, составлявшее две трети земного (атмосферное давление Марса не достигает и половины). Новоприбывший с Земли, непривычный к условиям планеты человек сразу умер бы без респиратора. Из колонистов только тибетцы и боливийские индейцы отваживались выходить без респираторов за дверь, но даже они надевали облегающие эластичные скафандры во избежание подкожных кровоизлияний.

Окон в домах не было, как в современных нью-йоркских зданиях. Окружающая колонию пустыня однообразна, хоть и красива. Южная колония находилась в зоне обитания марсиан, немного к северу от древнего города Харакса (давать его марсианское название нет необходимости, ни один землянин его все равно не выговорит). Колония располагалась между двумя рукавами Стримонского канала (мы снова следуем обычаю колонистов и называем канал именем, данным ему бессмертным ученым Персивалем Лоуэллом *).

Фрэнсис дошел с Джимом и доктором до коридора, соединяющего туннели под мэрией, потом свернул в свой туннель. Через несколько минут доктор, Джим и Виллис поднялись в дом Марло. Доктор поклонился вышедшей навстречу матери Джима.

— Мадам, я опять злоупотребляю вашей добротой.

— Чепуха, доктор. Вы у нас всегда желанный гость.

— Несмотря на то что вы такая первоклассная повариха, сюда меня привлекает не столько ваша стряпня, сколько вы сами, дорогая.

Мать Джима вспыхнула и переменяла разговор.

— Джим, повесь свой пистолет. Не бросай его на диване, где Оливер может достать.

Маленький братишка Джима, услышав, что речь идет о нем, тут же потянулся за пистолетом. Джим и его сестра Филлис оба заметили это и в один голос завопили: «Олли!», а Виллис сразу передразнил их, проделав трюк, возможный только для атональной диафрагмы, — воспроизвел два голоса разом.

---

* П. Лоуэлл (1855 – 1916) – американский астроном, предсказавший существование планеты Плутон, которая была открыта через 14 лет после его смерти. Один из его трудов посвящен марсианским «каналам».

Филлис была ближе, она схватила пистолет и шлепнула малыша по рукам. Оливер заплакал, а Виллис ему вторил.

— Дети! — сказала миссис Марло, и тут на пороге появился мистер Марло.

— Что тут за шум? — ласково спросил он.

Доктор Макрей взял Оливера, перевернул его вверх ногами и посадил себе на плечи. Оливер забыл, что надо плакать. Миссис Марло повернулась к мужу.

— Ничего страшного, дорогой. Я рада, что ты пришел. Дети, идите мыть руки.

Младшее поколение покинуло комнату.

— Так в чем дело? — повторил мистер Марло.

Через пару минут он зашел в комнату Джима.

— Джим?

— Да, папа.

— Как же ты бросаешь пистолет там, где ребенок может его достать?

— Он не заряжен, папа, — вспыхнул Джим.

— Если бы всех, кто был убит из незаряженного оружия, сложить в ряд, ряд получился бы о-го-го какой длинный. Ты ведь гордишься тем, что получил разрешение носить оружие, правда?

— Да.

— А я горжусь тобой. Значит, ты у нас ответственный, взрослый человек, на которого можно положиться. И я поручился за тебя перед Советом и стоял рядом, когда ты давал присягу, — тем самым я пообещал, что ты будешь соблюдать правила и следовать закону. От всего сердца и постоянно, а не от случая к случаю. Ты понял меня?

— Да, папа, думаю, да.

— Хорошо. Пойдем обедать.

Беседу за столом, как всегда, возглавлял доктор Макрей, время от времени ненавязчиво вставляя соленную шуточку или скандальное замечание. В ходе разговора он спросил у мистера Марло:

— Ты как-то говорил, что лет через двадцать мы сможем выкинуть респираторы. Есть что-нибудь новенькое насчет Проекта?

В колонии разрабатывались десятки проектов, направленных на то, чтобы сделать Марс более пригодным для человека, но Проект с большой буквы был

только один: проект насыщения атмосферы кислородом. Пионеры из экспедиции Гарвард-Карнеги объявили, что Марс пригоден для колонизации, если не считать одного существенного факта: его воздух настолько разрежен, что человек будет в нем задыхаться. Тем не менее, доложили исследователи, в песках марсианской пустыни заключены многие миллиарды тонн кислорода — это красный оксид железа, которому Марс и обязан своим цветом. Целью Проекта и было высвобождение этого кислорода.

— А вы слушали сегодняшние деймосские новости?

— Я их никогда не слушаю. Нервная система дороже.

— Без сомнения. Но на этот раз новости были хорошие. Головной завод в Ливии успешно заработал. После первого рабочего дня в воздух поступило около четырех миллионов тонн кислорода — без всяких срывов.

— Четыре миллиона тонн? — ахнула миссис Марло. — Но это же ужасно много.

— А ты представляешь себе, — усмехнулся ее муж, — сколько понадобится времени одному заводу, чтобы справиться с такой задачей — довести давление кислорода до пяти фунтов на квадратный дюйм?

— Нет, не представляю. Но, мне кажется, не очень много.

— А вот посмотрим. — Он беззвучно зашевелил губами. — Получается около ста тысяч лет, марсианских, конечно.

— Джеймс, зачем ты меня дразнишь?

— Я не дразню. Но пусть эти цифры тебя не пугают, дорогая, мы, конечно, не будем зависеть от единственного завода. Их расставят в пустыне через каждые пятьдесят миль, и все будут в тысячу мегалошадиных сил. Слава Богу, в энергии у нас недостатка нет, и если мы не успеем разделаться с этой работой, то, по крайней мере, детишки увидят, чем все кончится.

— Как хорошо было бы погулять, подставив лицо ветерку, — мечтательно сказала миссис Марло. — Помню, когда я была маленькая, у нас был сад, а по нему бежал ручей...

— Жалеешь, что мы прилетели на Марс, Джейн? — мягко спросил муж.

— Нет, нет! Мой дом здесь.

— Вот и хорошо. Что это вы скисли, доктор?

— А? Да так, ничего. Просто задумался о конечном результате. Понимаете, это такая чудесная работа, трудная работа, хорошая работа, есть куда с головой уйти. И вот мы сделаем ее, а для чего? Чтобы еще два-три биллиона баранов могли бездельничать, почесываться и зевать. Следовало бы оставить Марс марсианам. А скажите, сэр, известно ли вам, для чего первоначально использовалось телевидение?

— Нет, откуда мне знать?

— Так вот, я сам, конечно, не видел, но отец мне рассказывал...

— Ваш отец? Сколько же ему было лет? Когда он родился?

— Ну, дед. А может, и прадед. Не в том суть. Первые телевизоры ставили в коктейль-барах (это такие увеселительные заведения) и смотрели матчи по армрестлингу.

— Что такое армрестлинг? — спросила Филлис.

— Такой старомодный народный танец, — объяснил ей отец. — Так вот, принимая вашу точку зрения, доктор, я не вижу вреда...

— А что такое народный танец? — не унималась Филлис.

— Скажи ей, Джейн. Я выдохся.

— Это когда народ танцует, дурочка, — важно разъяснил Джим.

— В общем, правильно, — согласилась мать.

— Какой пробел в воспитании ребят, — опешил доктор Макрей. — Надо бы организовать клуб бального танца. Я в свое время считался неплохим кавалером.

Филлис повернулась к брату.

— Скажешь, бальный танец — это когда баллы танцуют, да?

Мистер Марло поднял брови.

— По-моему, дети уже доели, дорогая. Может быть, мы их отпустим?

— Да, конечно. Можете встать из-за стола, милые. Оли, скажи: «Прошу меня извинить».

Малыш повторил, а Виллис за ним. Джим торопливо вытер рот, схватил Виллиса и направился в свою комнату. Ему нравилось слушать разговоры доктора, но надо

сознаться, что в компании других взрослых старик начинал нести несусветную чушь. Не интересовал Джима и кислородный проект. Он не видел ничего странного и неудобного в том, чтобы носить маску. Он чувствовал бы себя раздетым, выйдя из дому без нее.

С точки зрения Джима, Марс был хорош и такой, как есть, и нечего стараться, чтобы он больше походил на Землю. Подумаешь, Земля. Его личное впечатление о Земле складывалось из туманных воспоминаний раннего детства: адаптационная эмигрантская станция на высокогорном боливийском плато, холод, короткое дыхание, постоянная усталость.

Сестра увязалась за ним. Войдя к себе, Джим остановился в дверях.

— Тебе чего, коротышка?

— Слушай, Джимми, ведь я буду заботиться о Виллисе, когда ты уедешь в школу, так ты бы сказал ему об этом заранее, чтобы он меня слушался.

Джим вытаращил глаза.

— С чего это ты взяла, что я его оставляю?

Сестра в свою очередь уставилась на него.

— А как же? Как же иначе? Не можешь же ты взять его в школу? Вот спроси у мамы.

— Мама тут ни при чем. Ее не интересует, что я беру с собой в школу.

— Все равно его нельзя брать, даже если мама не против. Жадина ты, вот и все.

— Ты всегда говоришь, что я жадина, если я не делаю того, что тебе хочется!

— А о Виллисе ты подумал? Здесь его дом, он к нему привык. Он будет тосковать по дому в школе.

— У него буду я!

— Не всегда. Ты будешь в классе. А Виллису останется только сидеть и хандрить. Тебе надо оставить его со мной, с нами, здесь, где ему хорошо.

Джим выпрямился.

— Я пойду и выясню это прямо сейчас. — Он вернулся в столовую и вызывающе стал ждать, когда его заметят. Отец повернулся к нему.

— Да? Что у тебя, Джим? Хочешь что-то спросить?

— Да. Папа, решено ведь, что Виллис поедет со мной в школу?

Отец удивился.

— Я просто не думал, что ты захочешь взять его с собой.

— А почему?

— Ну ему ведь в школе не место.

— Почему?

— Ты же не сможешь заботиться о нем как надо. Ты будешь все время занят.

— Виллис не требует большой заботы. Его надо покормить раз в месяц да напоить раз в неделю, вот и все. Почему же нельзя взять его, папа?

Мистер Марло в замешательстве посмотрел на жену.

— Джимми, милый, — начала мать, — мы же не хотим, чтобы ты...

— Мама, — перебил Джим, — каждый раз, когда ты хочешь меня от чего-то отговорить, ты говоришь «Джимми, милый».

Губы матери дрогнули, но она удержалась от улыбки.

— Извини, если так. Но я вот что хотела сказать: мы хотим, чтобы ты начал свою школьную жизнь хорошо и успешно. С Виллисом на руках тебе это вряд ли удастся.

Джим не нашелся, что сказать, но сдаваться не собирался.

— Слушай, мама. Слушай, папа. Вы оба видели брошюрку, которую мне прислали из школы. Там говорится, что надо делать, и что брать с собой, и когда явиться, и все такое. Если кто-нибудь из вас найдет там указание, что Виллиса брать нельзя, я молчу, как марсианин. Уговор?

Миссис Марло вопросительно посмотрела на мужа. Он ответил ей таким же молящим о помощи взглядом, все время сознавая, что доктор Макрей молча наблюдает за ними с сардонической усмешкой.

Мистер Марло пожал плечами.

— Забирай Виллиса, Джим. Но это будет твоя проблема.

— Спасибо, папа! — широко усмехнулся Джим и поскорей убрался из комнаты, пока родители его не остановили.

Мистер Марло выколотил трубку в пепельницу и сердито глянул на доктора.

— Ну чего вы усмехаетесь, как старая обезьяна? Считаете меня слишком снисходительным, да?

— Да вовсе нет! Я считаю, ты совершенно правильно поступил.

— Думаете, любимчик Джима не доставит ему в школе хлопот?

— Я думаю как раз наоборот, поскольку немного знаком со светскими манерами Виллиса.

— Почему же вы тогда говорите, что я правильно сделал?

— А почему у мальчика не должно быть хлопот? Хлопоты — это естественное состояние рода человеческого. Мы воспитаны на этом. Мы на этом выросли.

— Иногда я думаю, доктор, что вы ненормальный — вроде жука-вертуна, как выразился бы Джим.

— Возможно. Но поскольку я единственный медик в округе, засвидетельствовать это некому. Миссис Марло, не затруднит ли вас налить старику еще чашечку вашего восхитительного кофе?

— Конечно, доктор. — Налив кофе, она сказала: — А знаешь, Джеймс, я довольна, что ты разрешил Джиму взять Виллиса. Мне это очень облегчит жизнь.

— Почему, дорогая? Джим правильно сказал, этот малыш не требует особой заботы.

— Да, это верно. Но если бы он еще не был таким откровенным...

— Ну? Я думал, он как раз идеальный свидетель при разборе ребячьих ссор?

— Да, так и есть. Он проигрывает все, что слышит, не хуже магнитофона, вот в том-то вся беда. — Огорчение на лице Джейн сменилось усмешкой. — Вы знаете миссис Поттл?

— Конечно.

— Куда от нее денешься? — добавил доктор. — Я, несчастный, в ответе за ее «нервы».

— Она в самом деле больна, доктор? — спросила миссис Марло.

— Она слишком много ест и недостаточно много работает. Входить в дальнейшие детали запрещает мне профессиональная этика.

— Я не знала, что она у вас есть.

— Имейте уважение к моим седидам, леди. Так что же эта Поттл?

— На той неделе пришла ко мне на ленч Люба Конски, и мы заговорили о миссис Поттл. Честное

слово, Джеймс, я ничего такого не говорила и не знала, что Виллис сидит под столом.

— А он сидел? — Мистер Марло прикрыл глаза рукой. — Ну и дальше что?

— Ну вы же помните, что Поттлы в Северной колонии жили в доме у Конски, пока им не построили свой. С тех пор Люба возненавидела Сару Поттл всем сердцем и в тот четверг поделилась со мной некоторыми аппетитными подробностями относительно Сариных домашних привычек. Через пару дней заходит Сара поучить меня, как надо воспитывать детей. На каких-то ее словах Виллис включился (я знала, что он в комнате, но у меня и в мыслях не было, что он что-то выкинет). И стал прокручивать как раз ту самую запись, а я никак не могла его заткнуть и наконец просто вынесла из комнаты. Миссис Поттл ушла не попрощавшись, и с той поры о ней ни слуху ни духу.

— Небольшая потеря, — заметил мистер Марло.

— Это верно, но Люба-то за что пострадала? Любин акцент ни с чем не путаешь, а у Виллиса он получается лучше, чьим у самой Любы. Не думаю, чтобы Люба обиделась, но слышали бы вы в исполнении Виллиса рассказ о том, как Сара Поттл выглядит по утрам и что она при этом предпринимает.

— А вам бы послушать, — откликнулся Макрей, — высказывания миссис Поттл о прислуге.

— Я слышала. Она считает безобразием, что Компания не обеспечивает нас слугами.

— Не поставляет их нам в заклепанных ошейниках, — кивнул доктор.

— Ну и женщина! И зачем только она стала колонисткой?

— А ты не знаешь? — спросил муж. — Они прибыли сюда, рассчитывая быстро разбогатеть.

— Хмм!

— Миссис Марло, — с отрешенным видом сказал доктор Макрей, — мне, как лечащему врачу миссис Поттл, было бы полезно послушать, что имеет сказать Виллис по ее поводу. Как вы думаете, согласится он нам это прочесть?

— Доктор, вы старый мошенник и собиратель сплетен.

— Само собой. А еще я люблю подслушивать.

— Вы бесстыдник.

— Опять согласен. Мои нервы расслаблены. Я уже много лет не испытывал стыда.

— Правда, Виллис может нам устроить захватывающую передачу — разговоры детей за последние две недели.

— Может быть, вы его уговорите?

— Попробуем, — миссис Марло улыбнулась и отправилась за Виллисом.

Глава 3

ГЕККО

В среду рассвет занялся ясный и холодный, как почти всегда на Марсе. Все Саттоны и Марло, за исключением Оливера, собрались на грузовой пристани колонии, на западном рукаве Стримонского канала, чтобы проводить мальчиков в дорогу.

Температура повышалась, ровно дул рассветный бриз, но было все еще около минус тридцати *. Стримонский канал был покрыт серовато-голубым льдом, на этой широте он сегодня не растает. На канале у пристани стоял почтовый скутер Малого Сирта — лодочный корпус на острых полозьях. Водитель грузил багаж со склада.

Молодежь легко было различить по маскам: тигровым полоскам Джима, боевой раскраске Фрэнсиса и радужному орнаменту Филлис. Взрослые отличались друг от друга только ростом, фигурой и манерой поведения. Двое были сверх комплекта: доктор Макрей и отец Клири. Священник тихо и серьезно говорил что-то Фрэнку, потом обратился к Джиму.

---

* —34°C.

— Твой пастор просил меня попрощаться с тобой, сынок. Он, бедняга, к несчастью, слег с марсианским катаром, но все равно пришел бы, если б я не спрятал его маску. — Протестантский священник, как и католический, был холостяком, и они жили в одном доме.

— Ему очень плохо? — спросил Джим.

— Нет, не очень. Прими его благословение и мое тоже. — Священник протянул руку.

Джим поставил дорожную сумку, переложил коньки и Виллиса в левую руку и ответил на рукопожатие. Наступило неловкое молчание. Наконец Джим сказал:

— Почему бы вам всем не пойти в помещение, пока вы не окончили окончательно?

— Точно, — поддержал Фрэнсис. — Хорошая мысль.

— Кажется, водитель скоро будет готов, — сказал мистер Марло. — Ну, сынок, береги себя. Увидимся, когда будем переезжать. — Он торжественно потряс сыну руку.

— До скорого, папа.

Миссис Марло обняла сына, прижав свою маску к его.

— Ох, мой маленький, рано тебе еще уезжать из дома.

— Ну, мама! — Джим крепко обнял мать. Потом пришлось обнять Филлис.

— Пассажиры, по местам! — позвал водитель.

— До свидания!

Кто-то поймал Джима за локоть — доктор.

— Береги себя, Джим. И никому не спускай грубостей.

— Спасибо, док. — Джим показал водителю школьное удостоверение. Доктор в это время прощался с Фрэнсисом.

— Оба задарма? — спросил водитель. — Ну раз платных пассажиров все равно нет, можете ехать на обзорных местах.

Он оторвал себе корешок, Джим залез в скутер и прошел на вожаемое обзорное место — сзади над кабиной водителя. Фрэнк последовал за ним.

Машина задрожала, это открывались ото льда полозья. Потом взревела турбина, и скутер с легким свистом тронулся в путь. Берега проплывали мимо, сливаясь в одну сплошную стену, скорость нарастала. Лед был

гладкий, как зеркало, и вскоре скутер набрал путевую скорость — 250 миль в час. Водитель снял маску. Джим и Фрэнк, глядя на него, сделали то же самое. Давление в машине теперь поддерживалось пневматическим устройством, работающим от потока встречного воздуха, а с ростом давления сразу потеплело.

— Здорово, правда? — сказал Фрэнк.

— Ага. Смотри, Земля.

Их родная планета плыла по небу на северо-востоке, выше Солнца, сияя зеленым светом на густом багровом фоне. Рядом с ней, ясно видимая невооруженным глазом, светилась белая звездочка поменьше — Луна, спутник Земли. На севере, куда они ехали, не выше двадцати градусов над горизонтом висел Деймос, внешний спутник Марса. Крохотный бледный диск, почти невидимый в лучах солнца, Земля затмевала его своим блеском.

Фобос, внутренняя луна, не был виден. На широте Харакса он поднимается над северным горизонтом не выше чем на восемь градусов и не дольше чем на час дважды в сутки. Днем он теряется в синеве горизонта, а наблюдать его ночью на морозе дураков нет. Джим не мог припомнить, когда и видел его, разве что во время миграции.

Фрэнк перевел взгляд с Земли на Деймос.

— Попроси водителя включить радио, — сказал он, — Деймос взошел.

— Да кому это интересно? — ответил Джим. — Я хочу смотреть.

Берега теперь стали ниже, с верхних мест за ними виднелись поля. Хотя была уже осень, орошаемый пояс вдоль канала еще зеленел и на глазах становился все зеленее — растения раскрывались навстречу утреннему солнцу.

Там и сям вдалеке мелькали красные дюны — предвестницы пустыни. Зеленый пояс восточного рукава канала не был виден, его скрывал горизонт.

Водитель и без просьбы включил радио. Машину наполнила музыка, заглушив монотонный шум турбины. Это была земная классическая музыка, написанная в прошлом веке композитором Сибелиусом. Марсианские колонисты не успели еще создать собственное искусство, и культуру приходилось брать взаймы. Впрочем, ни Джим, ни Фрэнк не знали, чья это музыка, и это

их не беспокоило. Берега канала снова ушли вверх, и ничего не стало видно, кроме ровной ленты льда. Мальчики откинулись на спинки кресел и погрузились в грезы.

Виллис шевельнулся в первый раз с тех пор, как его коснулся утренний холод. Он выставил глазные отростки, огляделся и начал отбивать ими такт.

Музыка умолкла, и диктор сказал:

— Говорит станция Ди-эм-эс, Марсианская Компания, Деймос, орбита Марса. Сегодня мы передаем из Малого Сирта программу, представляющую общественный интерес. Доктор Грейвз Армбрастер расскажет об экологических аспектах экспериментального искусственного симбиоза...

Водитель поскорее выключил радио.

— Я бы послушал, — недовольно сказал Джим. — Это что-то интересное.

— Да ладно прикидываться, — сказал Фрэнк. — Ты и слов-то этих не знаешь.

— Черта с два. Это значит...

— Заткнись, давай поспим лучше. — С этими словами Фрэнк откинулся в кресле и закрыл глаза.

Но поспать ему не пришлось. Виллис, очевидно, переработал у себя в уме, что бы там его ни заменяло, услышанную им передачу и теперь начал трансляцию, не упустив ничего, даже деревянных духовых.

Водитель в изумлении оглянулся и что-то сказал, но за Виллисом его не было слышно. Виллис исполнил все до конца, включая и прерванное объявление. Водитель наконец прорвался:

— Эй, ребята! Что у вас там, магнитофон, что ли?

— Нет, попрыгунчик.

— Чего-чего?

Джим поднял Виллиса и показал его водителю.

— Попрыгунчик. Его зовут Виллис.

Водитель выпучил глаза.

— Это что, и есть магнитофон?

— Нет, это попрыгунчик. Я же говорю, его зовут Виллис.

— Это надо посмотреть, — сказал водитель. Он переключил что-то на панели управления, встал и просунул голову и плечи к ним под колпак.

— Эй! — сказал Фрэнк. — Мы же так разобьемся.

— Спокойно, — сказал водитель. — Я включил автоматический эхолот — теперь еще миль двести будут высокие берега. Ну-ка, что за зверюшка? Когда ты с ним садишься в машину, я подумал, это волейбольный мяч.

— Нет, это Виллис. Поздоровайся с дядей, Виллис.

— Здравствуй, дядя, — с готовностью откликнулся Виллис.

Водитель почесал в затылке.

— Я такого и в Кеокуке не видал. Он вроде попугая, что ли?

— Он попрыгунчик. У него есть и научное название, но оно значит просто «марсианин круглоголовый». Вы их никогда разве не видели?

— Нет. Я тебе скажу, парень, это самая свихнутая планета во всей системе.

— Если вам здесь не нравится, — сказал Джим, — почему бы вам не вернуться туда, откуда пришли?

— Не дерзи, юноша. Сколько возьмешь за зверюшку? У меня насчет него одна идея появилась.

— Виллиса продать? Вы что, с ума сошли?

— Иногда мне кажется, что да. Ладно, это я так.

Водитель вернулся на место, но не утерпел и оглянулся на Виллиса.

Мальчики вытащили из сумок сандвичи и принялись жевать. Предложение Фрэнка соснуть было одобрено. Они спали, пока скутер не начал замедлять ход. Джим сел, поморгал и спросил:

— Это что?

— Станция Киния, — ответил водитель. — Простой тут до заката.

— Что, лед не держит?

— Пока держит, но кто его знает. Температура поднимается, и я не собираюсь рисковать.

Скутер плавно затормозил, вполз на низкие мостки и остановился окончательно.

— Все на выход! — скомандовал водитель. — Чтобы к закату были на местах, не то останетесь. — Он вышел, мальчики за ним.

Станция Киния находилась в трех милях к западу от древнего города Киния, в месте, где западный Стримон впадает в канал Оэроэ. При станции был буфет, комната для ночлега и несколько сборных складов. На востоке мерцали в небе пернатые башни Кинии, казалось, что

они колеблются в воздухе, слишком прекрасные, чтобы быть настоящими.

Водитель прошел в здание станции. Джиму хотелось побродить по городу, а Фрэнк предлагал сначала зайти в буфет. Победил Фрэнк. Мальчики вошли и осмотрительно поместили часть своих скромных капиталов в кофе и какой-то невыразительный суп.

Водитель оторвался от обеда и сказал:

— Эй, Джордж! Видал когда-нибудь такое? — Он показал на Виллиса.

Джордж был буфетчиком, а также кассиром, портье, начальником станции и агентом Компании.

— Видал, — сказал он.

— Да ну? Где? А я смогу такого поймать?

— Сомневаюсь. Они иногда бегают около марсиан, только их мало. — И Джордж вернулся к чтению «Нью-Йорк таймс» двухлетней давности.

Мальчики поели, заплатили по счету и собрались выйти. Агент-буфетчик задержал их.

— Стойте-ка. Вы куда направляетесь?

— В Малый Сирт.

— Я не о том. Вот сейчас вы куда собрались? Пошли бы лучше в спальню, может, вздремнули бы.

— Мы хотели погулять тут, — объяснил Джим.

— Ладно. Только в город не ходите.

— Почему?

— Компания не позволяет, вот почему. Только по разрешениям. Так что держитесь от города подальше.

— А как получить разрешение? — настаивал Джим.

— А никак. Киния пока еще не открыта для эксплуатации. — Он вернулся к своей газете.

Джим хотел возразить, но Фрэнк дернул его за рукав, и они вышли. Джим сказал:

— По-моему, это не его дело указывать нам, можно ходить в Кинию или нет.

— Какая разница? Он-то считает, что это его дело.

— Ну и что теперь?

— Пойдем в Кинию, конечно. Не спросившись у его милости.

— А если он нас поймает?

— Где там. Разве он поднимется с нагретого стула. Пошли.

— Ладно.

И они пошли на восток. Идти было нелегко: никакой дороги не было, а растительность, окаймляющая канал, распустилась особенно пышно под лучами полуденного солнца. Но слабое притяжение Марса облегчает ходьбу, даже когда продираешься сквозь заросли. Вскоре мальчики вышли на берег Оэроз и повернули направо, к городу.

Идти по берегу, мощенному камнем, стало легко. Воздух был теплым и ароматным, хотя на канале еще не стоял лед. Солнце стояло высоко: теперь они были почти на тысячу миль ближе к экватору, чем утром.

— Тепло, — сказал Виллис. — Виллис хочет гулять.

— Ладно, — сказал Джим, — только не провались никуда.

— Виллис не провались.

Джим спустил его на землю, и мячик пошел вдоль берега то вприпрыжку, то кубарем, то и дело ныряя в буйные заросли, как щенок, исследующий новую территорию.

Они прошли уже с милею, — городские башни в небе стали выше, — и тут встретили марсианина. Он был невысок для представителя своей расы — всего около двенадцати футов ростом — и стоял совершенно неподвижно, опустив все три своих ноги, очевидно уйдя глубоко в себя. Глаз, не мигая, смотрел в окружающий мир.

Джим и Фрэнк давно привыкли к марсианам и поняли, что этот ушел в свой «иной мир». Они замолчали и прошли мимо, стараясь не задеть его ноги.

Виллис поступил иначе. Он стал шмыгать в ногах у марсианина, тереться о них, а потом пару раз жалобно каркнул.

Марсианин зашевелился, посмотрел по сторонам, потом вдруг нагнулся и поднял Виллиса.

— Эй! — завопил Джим. — А ну, положи его!

Ответа не было.

Джим торопливо стал просить Фрэнка:

— Скажи ему, Фрэнк. Меня он никогда не поймет. Пожалуйста!

Джим плохо понимал язык марсиан, а говорил на нем еще хуже. У Фрэнка получалось немного лучше, но только в сравнении. Люди, говоря по-марсиански, жалуются, что от этого болит горло.

- А что ему сказать?
- Скажи, чтобы положил Виллиса!
- Ты не волнуйся. Марсиане никому зла не делают.
- Вот и скажи — пусть отдаст Виллиса.
- Попробую.

Фрэнк скривил рот и приступил к делу. Произношение, и без того плохое, искажалось вдобавок маской и волнением. Все же Фрэнк с грехом пополам прокудал и прокаркал фразу, которая как будто передавала смысл просьбы Джима. Ответа он не получил. Фрэнк попробовал еще раз, прибегнув теперь к другой идиоме, — с тем же успехом.

— Бесполезно, Джим, — сознался он. — То ли он не понимает, то ли не желает понимать.

— Виллис! — закричал Джим. — Эй, Виллис! Ты как там?

- Виллис хорошо!
- Прыгай! Я тебя поймаю.
- Виллис хорошо.

Марсианин поводил головой по сторонам и, кажется, наконец заметил Джима. Виллиса он держал в одной руке; две другие руки вдруг поползли вниз и поймали Джима — одна ладонь подхватила его сзади, другая придерживала за живот.

Джим почувствовал, что отрывается от земли, и очутился прямо перед большим влажным глазом марсианина. Марсианин покачивал головой, чтобы как следует рассмотреть Джима обоими глазами.

Впервые Джим был так близко к марсианину — и не слишком этому радовался. Он попробовал вывернуться, но марсианин, такой хрупкий с виду, был сильнее его.

Марсианин что-то прогудел, голос шел у него с макушки. Джим не понял, что он сказал, заметил только символ вопроса в начале предложения, но голос произвел на него странное действие. В этом режущем ухо карканье было столько тепла и дружелюбия, что Джим перестал бояться. Марсианин стал казаться ему старым и близким другом.

Марсианин повторил свой вопрос.

- Что он сказал, Фрэнк?
- Не уловил. Что-то приятное, но понять не могу.

Марсианин снова заговорил. Фрэнк вслушался и сказал:

— Кажется, он приглашает тебя пойти с ним.

Джим колебался лишь долю секунды.

— Скажи, я согласен.

— Джим, ты в своем уме?

— Все нормально. Он ничего плохого не замышляет, я уверен.

— Ну ладно. — И Фрэнк прокаркал утвердительный ответ.

Марсианин втянул одну ногу и быстро зашагал к городу. Фрэнк трусил следом, изо всех сил стараясь не отставать, но марсианин шел слишком быстро. Фрэнк задохнулся, остановился и глухо закричал в маску:

— Подождите меня!

Джим попытался построить фразу с просьбой остановиться, понял, что не сможет, потом его осенило:

— Виллис, а Виллис. Скажи ему, пусть подождет Фрэнка.

— Подождать Фрэнк? — протянул Виллис.

— Да. Подождать Фрэнк.

— Ладно.

Виллис уткнул что-то их новому другу, марсианин остановился и опустил третью ногу. Фрэнк, отдуваясь, догнал их. Марсианин оторвал одну руку от Джима и подхватил Фрэнка.

— Эй! — запротестовал Фрэнк. — Ты это брось!

— Спокойствие, — сказал Джим.

— Да не хочу я, чтобы меня несли.

Марсианин снова тронулся в путь. Теперь, с такой ношей, он шел на трех ногах, причем в землю упирались обязательно две ноги разом. Аллюр был тряским, но на удивление быстрым.

— Как ты думаешь, куда он нас несет? — спросил Джим.

— Наверное, в город. Как бы не опоздать на скутер.

— У нас еще несколько часов в запасе, не дергайся.

Марсианин больше ничего не говорил, а все шагал и шагал к городу. Виллис, похоже, был на седьмом небе, и Джиму тоже начала нравиться поездка. Путешествуя в десяти футах над землей, он мог теперь видеть над верхушками растений радужные башни Кинии. Они были не такие, как башни Харакса, марсианские города

не бывают похожи друг на друга. Все они словно произведения искусства, отражающие замысел разных художников.

Джиму любопытно было знать, зачем построены эти башни, на что они нужны и сколько лет они стоят.

Вокруг них расстился растительный пояс канала, марсианин шел в этом темно-зеленом море. Широкие листья раскрылись навстречу солнцу, жадно ловя живительную энергию лучей. Пропуская марсианина, они сворачивались, потом распускались снова.

Башни стали гораздо ближе. Марсианин внезапно остановился и спустил мальчиков вниз, оставив себе Виллиса. Перед ними, почти скрытый нависшей растительностью, был пологий спуск под землю, в туннель.

— Ну что, Фрэнк? — спросил Джим, заглянув туда.

— Ох, не знаю. — Мальчикам и раньше приходилось бывать в городах Хараксе и Копайсе, но они посещали только заброшенные и наземные кварталы.

Впрочем, долго раздумывать им не пришлось: их проводник быстрым шагом начал спускаться вниз.

Джим побежал за ним с криком:

— Эй, Виллис!

Марсианин остановился и обменялся с Виллисом парой слов. Попрыгунчик крикнул в ответ:

— Джим подожди.

— Скажи, чтобы он тебя отпустил.

— Виллис хорошо. Джим подожди.

Марсианин снова рванул вперед так, что Джиму было за ним не угнаться. Расстроившись, он вышел наверх и уселся на краю ската.

— Что теперь будешь делать? — спросил Фрэнк.

— Ждать, что же еще. А ты?

— Я как ты. Только я на скутер опаздывать не собираюсь.

— Да я тоже не собираюсь. Все равно после заката мы не сможем тут оставаться.

Стремительное понижение температуры на заходе солнца меняет на Марсе почти всю погоду, и для землянина это смерть, если он недостаточно тепло одет и не находится все время в движении.

Мальчики сидели, ждали и смотрели на шмыгающих мимо них жуков-вертунов. Один задержался у колена Джима — трехногая козявка не больше дюйма ростом.

Похоже было, что он изучает новый объект. Джим тронул его пальцем, жучок растопырил ножки и вихрем умчался прочь. Быть настороже не было необходимости: водоискалки не подходят близко к марсианским поселениям. Оставалось только ждать.

Примерно через полчаса вернулся их марсианин — по крайней мере, марсианин такого же роста. Виллиса с ним не было, и у Джима вытянулось лицо. Марсианин пригласил их следовать за ним, поставив в начале фразы символ вопроса.

— Ну как, идем? — спросил Фрэнк.

— Идем. Скажи ему.

Фрэнк перевел, и все трое стали спускаться вниз. Марсианин положил свои большие ладони мальчикам на плечи и так вел их, потом остановился и взял их на руки. На этот раз возражений не было.

В туннеле было светло как днем, хотя они и спустились на несколько сот ярдов под землю. Дневной свет шел отовсюду, но главным образом с потолка. Туннель по человеческим меркам был высоким, по марсианским — в самый раз. Им встречались другие марсиане. Тех, кто шевелился, их знакомый приветствовал, а застывших в характерной позе транса обходил молча.

Однажды он перешагнул через шар футов трех в диаметре. Джим сначала не понял, что это такое, потом сообразил и был поражен. Вывернув шею, он оглянулся. Не может быть — и все же это так!

Он наблюдал то, что не часто доводится видеть человеку и что ни один человек не стремится увидеть. Это был марсианин, свернувшийся в шар. Ладони закрывали все, кроме круглой спины. Марсиане — современные, цивилизованные марсиане — не впадают в зимнюю спячку, но их предкам в какую-то отдаленную эпоху это, должно быть, было свойственно: любой марсианин устроен так, что при желании способен принять вот такую позу, сохраняющую тепло и влажность тела.

Но такое желание приходит не часто.

Для марсианина такая поза означает то же, что для землянина вызов на дуэль. Он прибегает к ней только тогда, когда оскорблен до глубины души. Поза гласит: я отрекаюсь от вас, я ухожу из вашего мира, я отрицаю ваше существование.

Земляне-пионеры, прибывшие на Марс, не понимали этого и по незнанию местных обычаев часто оскорбляли чувства марсиан. Это на много лет задержало колонизацию Марса человеком. Самые искусные дипломаты и семантологи Земли с трудом смогли исправить вред, нанесенный по недомыслию. Джим смотрел, не веря своим глазам, на удалившегося от мира марсианина и думал: что же могло заставить его поступить так по отношению ко всему городу. Джиму вспомнилась одна страшная история, которую рассказывал доктор Макрей. Это случилось во время второй экспедиции на Марс.

«...И тут этот дурак набитый, — говорил доктор, — он был лейтенантом медицинской службы, как ни стыдно в этом сознаться, этот идиот хватается беднягу за руки и пытается развернуть его. Вот тогда это и случилось.

— Что случилось? — спросил Джим.

— Он исчез.

— Марсианин?

— Нет, военный врач.

— Как это исчез?

— Ты меня не спрашивай, меня там не было. Свидетели, их было четверо, показали под присягой, что он там был, а потом его не стало. Будто надел шапку-невидимку.

— Что за шапка-невидимка?

— Экая необразованная молодежь пошла! Про шапку-невидимку есть много сказок, я тебе достану.

— Но каким образом он исчез?

— Не спрашивай. Назови это массовым гипнозом, если тебе от этого легче. Мне, например, легче, но ненамного. Все, что я могу сказать, это что семь восьми айсберга скрыты от нас».

Джим никогда не видел айсберг, и ассоциация ничего ему не говорила. И ему отнюдь не стало легче, когда он увидел свернувшегося марсианина.

— Ты видел? — спросил Фрэнк.

— Лучше б я этого не видел. Интересно, с чего это он?

— Может, он баллотировался в мэры и не прошел.

— Тут не над чем смеяться. Может, он... шш!

Они приближались к другому марсианину, неподвижному, и вежливость обязывала хранить молчание.

Марсианин, который их нес, повернул налево, вошел в холл и поставил мальчиков на пол. Зал показался им огромным, но марсиане, должно быть, считали его как раз подходящим для небольшой вечеринки. Множество рамок, которыми марсиане пользуются вместо стульев, были составлены в круг. Зал тоже был круглым, с куполом вверху. Казалось, что находишься под открытым небом: на куполе был изображен марсианский небосвод, голубой на горизонте, выше переходящий в глубокую синеву, потом в пурпур, а в высшей точке купола пурпурно-черный с проглядывающими звездами. Миниатюрное солнце, совсем как настоящее, висело к западу от небесного меридиана. Благодаря хитрому устройству горизонт казался отдаленным. По северной стене протекал Озроз.

— Ух ты! — только и мог сказать Фрэнк, а Джима и на это не хватило.

Марсианин поставил их как раз около рамок, но мальчики не собирались на них садиться: на приставной лестнице сидеть и то удобнее. Марсианин посмотрел на них и на рамки большими печальными глазами и вышел. Вскоре он вернулся в сопровождении еще двоих, все трое несли в руках охапки разноцветных тканей, которые сложили посреди комнаты. Первый марсианин взял Джима и Фрэнка и осторожно опустил их в эту груду.

— По-моему, он предлагает нам присесть, — заметил Джим.

Материал оказался не тканью, а полотнищем вроде паутины, почти таким же мягким, но гораздо прочнее. Полотнища были окрашены во все цвета радуги, от пастельно-голубого до глубокого, густо-красного цвета. Мальчики растянулись на них и ждали, что будет дальше.

Их знакомый устроился в одной из рамок, двое других последовали его примеру. Все они молчали, а мальчики были не какие-нибудь туристы, чтобы торопить их. Вскоре Джиму пришла в голову одна мысль. Чтобы проверить ее, он осторожно приподнял маску. Фрэнк рявкнул:

— Ты чего это? Задохнуться захотел?

Джим поднял маску.

— Порядок. Давление в норме.

— Быть не может. Мы же не проходили через шлюз.

— Ну как хочешь.

Видя, что Джим не синее, не задыхается, и лицо у него не отекает, Фрэнк тоже отважился попробовать. Оказалось, что дышать можно. Правда, давление было ниже того, к которому он привык дома (жителю Земли показалось бы, что он попал в стратосферу), но для человека в состоянии покоя оно было достаточным.

Пришли еще несколько марсиан и неторопливо расположились в рамках. Помолчав, Фрэнк сказал:

— Знаешь, что тут происходит, Джим?

— Кажется, да.

— Чего там «кажется». Это растительные посиделки.

«Растительные посиделки» — это неточный перевод марсианской идиомы, обозначающей наиболее распространенную форму общения марсиан — попросту говоря, когда все сидят и молчат. Подобным же образом игру на скрипке можно описать, как вождение конским волосом по высушенным кошачьим кишкам.

— Похоже на то, — согласился Джим. — И нам лучше заткнуться.

— Само собой.

Молчание было долгим. Джим отвлекся и стал думать о школе, о том, что ждет его там, о своих близких, о прошлом. Потом вернулся к своему душевному состоянию и понял, что давно уже не был так счастлив — без всяких видимых на то причин. Это было тихое счастье: ему не хотелось смеяться, даже улыбаться не хотелось, просто он испытывал полный покой и довольство.

Джим остро ощутил присутствие марсиан, каждого марсианина в отдельности, и это ощущение с каждой минутой становилось все сильнее. Он никогда раньше не замечал, как они красивы. У колонистов была поговорка «страшный, как туземец», и Джим с удивлением припомнил, что и сам ею пользовался. Сейчас он не понимал, как мог говорить это.

Он чувствовал Фрэнка рядом с собой и думал о том, как его любит. Преданный друг — вот имя для Фрэнка, вот человек, на которого можно опереться. Странно, почему он никогда не говорил Фрэнку, как он ему дорог?

Немного не хватало Виллиса, но Джим не беспокоился о нем. Такое общение не в духе Виллиса, ему подавай что-нибудь шумное, бурное и не столь изыскан-

ное. Джим перестал думать о Виллисе, лег поудобнее и стал впитывать радость бытия. Его приводило в восторг то, что по воле художника, украшавшего зал, миниатюрное солнце движется по небу, как настоящее. Джим следил за тем, как оно склоняется к западу и начинает закатываться за нарисованный горизонт.

Рядом с ним послышалось тихое гудение, слов он не разобрал. Другой марсианин ответил. Один из хозяев встал, раскладываясь, со своего сиденья и иноходью вышел из комнаты. Фрэнк сел и сказал:

- Кажется, мне снился сон.
- Ты разве спал? — спросил Джим. — А я нет.
- Как же, как же. Храпел, как доктор Макрей.
- Да я даже не засыпал.
- Рассказывай.

Марсианин, который выходил, вернулся. Джим был уверен, что это тот самый, теперь он стал различать их. В руках у марсианина была чаша. Фрэнк вытаращил глаза.

- Они что, собираются поднести нам воду?
- Похоже на то, — с трепетом ответил Джим.
- Лучше, чтобы это осталось между нами, — покачал головой Фрэнк, — все равно никто не поверит.
- Ты прав.

Церемония началась. Марсианин с чашей назвал свое имя, поднес край чаши к губам и передал другому. Тот также произнес свое имя, пригубил чашу, и она пошла дальше по кругу. Оказалось, что марсианина, который их привел, зовут Гекко, — Джим подумал, что имя красивое и подходит ему. Наконец чаша дошла до Джима, сосед протянул ее с пожеланием:

- Да не придется тебе никогда страдать от жажды.
- Джим легко понял смысл.

Все хором подхватили:

- Да будешь ты пить вволю, когда только пожелаешь!

Джим принял чашу, и ему вспомнились слова доктора, будто у марсиан нет ничего такого, что может привлечь человека.

— Джим Марло! — произнес он, поднес чашу к губам и отпил. Передавая чашу, он призвал на помощь все свое знание языка, сосредоточился на произношении и сумел сказать: — Да не будет у тебя никогда недостатка в чистой воде!

Марсиане одобрительно загудели, и у Джима стало тепло на душе. Марсианин протянул чашу Фрэнку.

По завершении церемонии собрание приняло шумный, почти человеческий характер. Джим тщетно пытался вникнуть в то, что говорит ему марсианин почти втрое выше его, когда Фрэнк сказал:

— Джим, посмотри-ка на солнце! Мы опаздываем на скутер.

— Да это же не настоящее солнце, а игрушечное.

— Нет, оно соответствует настоящему. Мои часы говорят то же самое.

— Ах ты батюшки! Где Виллис? Гекко, где Гекко?

Гекко, услышав свое имя, подошел и вопросительно щелкнул. Джим напрягся и стал излагать свою просьбу, запутался в синтаксисе, неправильно употребил повелительный символ и совсем потерял произношение. Фрэнк отпихнул его и стал говорить сам, потом сказал Джиму:

— Они доставят нас обратно до заката, но Виллис останется здесь.

— Как? Они не сделают этого!

— Он так сказал.

Джим подумал.

— Скажи, пусть Виллиса принесут сюда, и мы спросим у него.

Гекко охотно согласился. Виллиса принесли и положили на пол. Он подкатился к Джиму и сказал:

— Приветик, Джим! Приветик, Фрэнк!

— Виллис, — серьезно сказал Джим, — Джим уходит. Виллис пойдет с Джимом?

Виллис пришел в замешательство.

— Остаться здесь. Джим остаться здесь. Виллис остаться здесь. Хорошо.

— Виллис, — свирепо сказал Джим, — Джиму надо уходить. Виллис пойдет с Джимом?

— Джим уходит?

— Джим уходит.

Было похоже, что Виллис пожал плечами.

— Виллис идет с Джим, — грустно сказал он.

— Скажи это Гекко.

Виллис послушался. Марсианин как будто удивился, но больше не спорил. Он взял на руки мальчиков и Виллиса и пошел к двери. Марсианин повыше его ростом (Джим вспомнил, что его зовут Г'куро) взял у Гекко

Фрэнк и пошел следом. Во время подъема по туннелю Джим почувствовал, что надо надеть маску. Фрэнк тоже надел свою.

Марсианин-отшельник все еще загораживал проход, и носильщики перешагнули через него без всяких комментариев.

Когда они вышли на поверхность, солнце стояло очень низко над горизонтом. Хотя марсианина ничто не заставит спешить, ходят они очень быстро. Длинноногая парочка мигом одолела три мили до станции Киния. Солнце коснулось горизонта, и начало холодать, когда мальчиков с Виллисом доставили на причал. Марсиане сразу же повернули обратно, спеша в свой теплый город.

— До свиданья, Гекко! — прокричал Джим. — До свиданья, Г'куро!

Водитель и начальник станции стояли на причале: водитель явно собрался в дорогу и не мог найти своих пассажиров.

— Это еще что? — сказал начальник станции.

— Мы готовы, — сказал Джим.

— Вижу, — сказал водитель. Поглядев на удаляющиеся фигуры, он моргнул и повернулся к агенту: — Зря мы так налегали на это дело, Джордж. Мне уже мерещится. Ну, по местам.

Мальчики забрались под колпак. Скутер сполз по мосткам на лед, повернул влево на канал Оэроэ и стал набирать скорость. Солнце закатилось, окрестности еще освещал короткий марсианский закат. Растения по берегам канала сворачивались на ночь. Через несколько минут местность, еще полчаса назад покрытая пышной растительностью, стала голой, как настоящая пустыня.

Показались яркие, сверкающие звезды. Над горизонтом висел бледный полог зари. На западе загорелся крохотный ровный огонек, идущий против движения звезд.

— Фобос, — сказал Фрэнк. — Смотри!

— Вижу, — ответил Джим. — Холодно, давай укроемся.

— Давай. А я есть хочу.

— У меня еще осталась пара сэндвичей.

Ребята съели по одному, спустились в нижнее отделение и залезли в койки. Тем временем скутер миновал

город Геспериды и повернул на запад-северо-запад по каналу Эримант, но Джим этого не знал: ему снилось, что они с Виллисом поют дуэтом перед изумленными марсианами.

— Выходите! Конечная остановка! — расталкивал их водитель.

— А?

— Вставай, приятель. Приехали в Малый Сирт.

Глава 4

АКАДЕМИЯ ИМЕНИ ЛОУЭЛЛА

«Дорогие мама и папа!

Я не позвонил вам в среду вечером потому что мы приехали только утром в четверг. Когда я хотел позвонить в четверг оператор сказал что связи с Южной колонией нет и что я смогу соединиться с вами через Деймос только дня через три а письмо дойдет быстрее и я сэкономлю вам четыре с половиной кредитки за переговоры. Потом я спохватился что не отправил вам письмо сразу и вы получите его не раньше чем если бы я позвонил но вы может быть не знаете какая в школе нагрузка и сколько от нас требуют и мать Фрэнка наверно сказала вам что мы нормально добрались и я все-таки сэкономил вам четыре с половиной кредитки потому что не позвонил.

Я прямо слышу как Филлис говорит что это я намекаю чтобы сэкономленные деньги потратили на меня но я бы никогда себе этого не позволил и потом у меня еще осталось немного денег которые вы мне дали и часть подарочных на день рождения и если расходувать осмотрительно то мне их хватит до вашей миграции хотя здесь все дороже чем дома. Фрэнк говорит что в туристских центрах всегда взвинчивают цены но пока никаких туристов здесь нет и они появятся только когда

придет «Альберт Эйнштейн» на той неделе. И если даже вы со мной поделитесь вам все-таки останутся две с четвертью кредитки.

В среду мы не доехали потому что водитель сомневался выдержит ли лед и мы стояли на станции Киния и мы с Фрэнком болтались вокруг и убивали время до заката.

Нам с Фрэнком разрешили жить вместе и у нас шикарная комната. Она рассчитана только на одного и у нас только один стол но мы в основном проходим те же самые предметы и можем вместе пользоваться проектором. Я диктую это письмо на наш учебный магнитофон потому что сегодня очередь Фрэнка дежурить на кухне а мне осталось выучить только немного по истории и я лучше подожду Фрэнка и буду учить вместе с ним. Профессор Штойбен говорит что не знает куда денут еще школьников если их примут на крючки повесят что ли но это он просто шутит. Он все время шутит и все его любят и всем будет жалко когда он улетит на «Альберте Эйнштейне» а у нас будет новый директор.

Ну вот и все только что пришел Фрэнк и нам надо работать потому что у нас завтра контрольный опрос по истории системы.

Ваш любящий сын Джеймс Мэдисон Марло младший.

P.S. Фрэнк мне сказал что он тоже не писал своим и просит может быть вы позвоните его маме и скажете ей что у него все хорошо и пусть она пожалуйста сразу вышлет ему камеру он ее забыл.

P.P.S. Виллис шлет всем привет.

P.R.P.S. Скажите Филлис что девчонки здесь красят волосы полосками. По-моему выглядит очень глупо.

Джим».

Если бы профессор Отто Штойбен, магистр гуманитарных наук и доктор права, не ушел на пенсию, жизнь Джима в академии Лоуэлла сложилась бы совсем по-другому. Но профессор ушел-таки на пенсию и вернулся в долину Сан-Фернандо на вполне заслуженный отдых. Вся школа отправилась в Марсопорт провожать

его. Он пожал всем руки, всплакнул и поручил их заботам Маркиза Хоу, недавно прибывшего с Земли и теперь занявшего директорский пост.

Джим и Фрэнк, вернувшись из космопорта, увидели, что пришедшие раньше их толпятся у доски объявлений. Они влились в толпу и прочли бумагу, из-за которой собрался народ:

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Всем учащимся предписывается постоянно содержать себя и свое жилище в чистоте и опрятности. Практика проверки чистоты старостами себя не оправдала, поэтому директор будет лично заниматься проверкой, которая будет проводиться еженедельно. Первая проверка назначается на 7-е цереры, субботу, на 10 часов 30 минут.

М. Хоу, директор.

— Прямо слов нет! — взорвался Фрэнк. — Что скажешь, Джим?

— Скажу, что сегодня шестое цереры, — мрачно ответил Джим.

— Да, но сама идея! Он что думает, у нас исправительная колония? — Фрэнк обратился к старшекласснику, который был старостой их коридора: — А ты что скажешь, Андерсон?

— Прямо не знаю. По мне, у нас и раньше все было нормально.

— Ну и что ты собираешься делать?

— Я-то? — Молодой человек немного подумал. — Мне остался всего один семестр до аттестата, и я отсюда ухожу. Буду сидеть и помалкивать в тряпочку, авось как-нибудь.

— Да, тебе хорошо, а у меня еще целых двенадцать семестров впереди. Что я, преступник, что ли?

— Это твоя проблема, парень. — И старшеклассник отошел.

Одного мальчика объявление, похоже, не волновало, это был Герберт Бичер, сын генерального резидента Компании, новичок и на Марсе, и в школе. Кто-то заметил его ухмылку и спросил:

— А ты, турист, чего нос задираешь? Ты об этом заранее знал?

— Конечно, знал.

— Небось сам и придумал.

— Нет. Но мой старик говорит, что вы, ребята, уж больно распустились. Старик говорит, что Штуби был слишком мягкотелым, чтобы держать в школе хоть какую-то дисциплину. Старик говорит...

— Никому не интересно, что говорит твой старик. Кончай волюнку!

— Ты не должен так говорить о моем старике. Я...

— Кончай, я сказал!

Молодой Бичер посмотрел на своего оппонента — рыжего паренька по фамилии Келли, понял, что тот не шутит, и стушевался.

— Хорошо ему ухмыляться, — с горечью сказал Келли, — он живет в резиденции своего старика. По-страдают только те, кому приходится жить при школе. Форменная дискриминация, вот это что!

Около трети учеников были приходящими — в основном сыновья служащих Компании, живущих в Малом Сирте. Еще одну треть составляли дети мигрирующих колонистов, а прослойкой между двумя группами были дети служащих с отдаленных постов, особенно тех, кто работал над атмосферным проектом. Большинство из них были боливийцы и тибетцы, было и немного эскимосов.

Келли обратился к одному из них:

— Ну что, Чен? Неужели мы это проглотим?

Широкое азиатское лицо Чена ничего не выражало.

— Не стоит из-за этого волноваться. — Он повернулся и хотел уйти.

— Ты, значит, не будешь бороться за свои права?

— Это все преходяще.

Джим и Фрэнк вернулись к себе, не прекращая обсуждать новости.

— Фрэнк, — спросил Джим, — что за этим кроется? Как ты думаешь, у девочек в школе то же самое творится?

— Могу позвонить Долорес Монтес и узнать.

— Мм... ладно, не беспокойся. Это в конце концов не важно. Вопрос в том, что нам делать?

— А что мы можем сделать?

— Не знаю. Жаль, что нельзя спросить у отца. Он мне всегда говорил, что надо бороться за свои права, — но в этом случае он бы, возможно, посчитал, что ничего особенного тут нет. Не знаю.

— Слушай, — предложил Фрэнк, — а почему бы в самом деле не посоветоваться с отцами?

— Ты предлагаешь позвонить им сегодня? А связь есть?

— Нет, звонить не будем, это слишком дорого. Подождем миграции, когда они заедут к нам, теперь уж недолго осталось. Если мы собираемся поднимать бучу, то надо, чтобы нас поддержали родители, одни мы ничего не добьемся. А пока будем помалкивать и делать, что нам говорят. Может, ничего страшного и не случится.

— Вот теперь ты здраво рассуждаешь, — Джим встал. — Может, приберем все же этот свинарник?

— Давай. Слушай, Джим, я кое-что вспомнил. Как фамилия председателя Компании? Не Хоу?

— Джон У. Хоу, — подтвердил Джим. — А что?

— Директор тоже Хоу.

— А-а! Ну это ничего не значит. Хоу — очень распространенная фамилия.

— А я тебе говорю, очень даже значит. Доктор Макрей говорит, что без влиятельных родственников теплое местечко в Компании не получишь. Док говорит, что Компания — это одна большая дружная семья, а слова о том, что это независимая корпорация, — самая смешная острота с тех пор, как изобрели женщин.

— Н-ну, не знаю. Куда девать этот хлам?

Наутро за завтраком всем раздали листки с перечнем требований, которым должны соответствовать комнаты, и всю вчерашнюю работу пришлось переделывать заново. Поскольку инструкцией директора Хоу не предусматривалось, что в комнате на одного будут жить двое, это было нелегким делом, и они не успели до десяти. Впрочем, директор дошел до них только через два часа.

Он просунул голову в дверь и уже хотел было уйти, но передумал и вошел. Он указал на скафандры, висевшие на крючках рядом с гардеробом.

— Почему вы не убрали эту варварскую роспись со своих масок?

Мальчики не могли понять, о чем речь, и Хоу спросил:

— Вы не читали утром объявления на доске?

— Нет, сэр.

— Так прочтите. Вы обязаны знать все, что вывешивается на доске. Дневальный! — крикнул он в дверь.

На пороге появился старшеклассник.

— Да, сэр.

— Эти двое лишаются воскресных привилегий, пока не будут соответствовать требованиям. Пять штрафных баллов каждому. — Хоу посмотрел вокруг: — Комната невероятно захламлена и неопрятна. Почему вы не придерживаетесь предписанной схемы?

Джим не мог выдавить из себя ни слова, потрясенный явной несправедливостью вопроса, и наконец пробормотал:

— Эта комната рассчитана на одного человека. Мы сделали все, что могли.

— Меня не интересуют оправдания. Если у вас нет места, чтобы держать вещи в порядке, избавьтесь от лишних вещей. — Тут его взгляд упал на Виллиса, который при виде посторонних убрался в угол и спрятал все свои надстройки. Хоу указал на него. — Спортивное снаряжение следует хранить на шкафах или оставлять в спортзале. Недопустимо бросать его по углам.

Джим открыл было рот, но Фрэнк лягнул его в голень. Хоу, следуя к двери, продолжал:

— Я понимаю, молодые люди, что вы воспитывались вдали от цивилизации и не имели случая приобрести приличные манеры, но я сделаю все, чтобы исправить это. Я хочу, чтобы эта школа выпускала, помимо всего прочего, цивилизованных молодых джентльменов. — Хоу остановился на пороге и добавил: — Когда очистите маски, зайдите ко мне в кабинет.

Когда Хоу отошел на достаточное расстояние, Джим спросил:

— Ты зачем меня лягнул?

— Идиот ты этакий, он же подумал, что Виллис — это мяч.

— Я знаю, потому и хотел его поправить.

— Тебе что, еще мало? — процедил Фрэнк. — Хочешь держать при себе Виллиса, а Хоу, поди, уже выдумал правило, которое это запрещает.

— Ну нет, не может быть!

— С него станется. Я начинаю понимать, что Штуби не давал нашему другу Хоу проявлять свои таланты в полной мере. Слушай, а что такое «штрафные баллы»?

— Не знаю, но думаю, ничего хорошего. — Джим снял с крючка маску и посмотрел на веселые тигровые полоски. — Знаешь, Фрэнк, мне что-то не хочется становиться «цивилизованным юным джентльменом».

— Присоединяюсь.

Прежде чем браться за маски, друзья решили взглянуть на объявление, нет ли там еще какого подвоха. Они пошли в вестибюль и прочли на доске:

ОБЪЯВЛЕНИЕ

1. Воспрещается раскрашивание респираторных масок так называемыми опознавательными узорами. Маски должны быть однотонными. Каждый ученик обязан написать на груди и на спине своего скафандра свою фамилию буквами вышиной в один дюйм.

2. Ученикам предписывается носить рубашки и обувь (ботинки или тапочки) повсюду, кроме своей комнаты.

3. Содержание домашних животных воспрещается. В отдельных случаях, если животные представляют научный интерес, может быть рассмотрен вопрос о содержании их в биологической лаборатории.

4. Воспрещается хранить в комнатах продукты. Учащиеся, получающие продуктовые посылки от родителей, должны сдавать их сестре-хозяйке и брать продукты в разумных количествах после каждого приема пищи, кроме субботнего завтрака. На чаепития в свободное время по случаю дня рождения и т. п. следует получить особое разрешение.

5. Ученики, лишенные воскресных привилегий за нарушения дисциплины, могут читать, заниматься, писать письма, играть на музыкальных инструментах. Им не разрешается играть в карты, заходить в комнаты других учеников, а также покидать территорию школы под каким бы то ни было предлогом.

6. Ученики, желающие воспользоваться телефоном, подают письменное заявление установленной формы, после чего получают ключ от телефонной будки в канцелярии.

7. Ученический совет распускается. Ученическое самоуправление будет восстановлено только в том случае, если вся школа заслужит это своим поведением.

М. Хоу, директор.

Джим свистнул. Фрэнк сказал:

— Нет, ты видел такое? Распустить ученический совет — подумать только? А на то, чтобы почесаться, тоже надо испрашивать разрешение? За кого он нас принимает?

— Откуда я знаю. Фрэнк, а у меня рубашки нет.

— Я тебе одолжу футболку, пока не купишь. А ты посмотри на третий пункт и сделай выводы.

— А что такое? — Джим перечел объявление.

— Ты бы пошел и подлизался к биологу, может, он возьмет Виллиса.

— Что? — Джим просто не связал параграф о домашних животных с Виллисом, он не думал о Виллисе как о животном. — Нет, Фрэнк, я не могу. Он будет ужасно несчастен.

— Тогда отправь его лучше домой, и пусть твои о нем позаботятся.

— Не стану я этого делать. Не стану! — заартачился Джим.

— Что ж ты тогда будешь делать?

— Не знаю. — Джим призадумался. — А ничего. Просто буду его прятать. Хоу не знает даже, что он у меня есть.

— Ну... может, и пройдет, если никто не заложит.

— По-моему, наши парни на это не способны.

Они вернулись к себе и попытались смыть узоры с масок — нельзя сказать, чтобы с большим успехом: краска въелась в пластмассу, и друзьям удалось только размазать ее. Тут в дверь заглянул ученик по фамилии Смайт.

— Почистить вам маски?

— Ничего не выйдет, краска не отмывается.

— Я слышу это уже в энный раз. Но по доброте душевной, из желания послужить людям я покрашу ваши маски в естественный цвет — четверть кредитки за маску.

— Я так и знал, что тут подвох, — сказал Джим.

— Не хотите, как хотите. Давайте решайте, клиенты ждут.

— Смитти, ты способен продать билеты на похороны собственной бабушки. — И Джим достал четверть кредитки.

— Это идея. Как думаешь, по сколько брать за билет? — Смайт достал жестянку, кисточку и быстро покрасил смелый орнамент Джима коричневато-оливковым лаком, точно под цвет маски. — Ну вот! Через пару минут высохнет. А ты как, Саттон?

— Давай, кровопийца.

— Так-то ты отзываешься о своем благодетеле? У меня в женской школе важное свидание, а я тут трачу драгоценное субботнее время, выручая вас. — И Смайт столь же быстро обработал маску Фрэнка.

— Вернее сказать, сшибаешь денежки для свидания, — заметил Джим. — Смитти, что ты скажешь насчет хитрых правил, которые придумал новый шеф? Покоримся или поднимем вой?

— А зачем поднимать вой? — Смайт собрал свои орудия. — На всем можно сделать бизнес, стоит только приложить мозги. Когда вы в затруднении, обращайтесь к Смайту — обслуживаем в любое время. — Он задержался на пороге. — А про билеты на похороны никому не говорите, а то бабушка захочет урвать свою долю, пока не померла. У старушки на это большой нюх.

— Фрэнк, — сказал Джим, когда Смайт ушел, — не нравится мне этот парень.

— Зато он нас выручил, — пожал плечами Фрэнк. — Давай отметимся, пусть нас вычеркнут из черного списка.

— Давай. Он мне напомнил, как док говорил: какой закон ни прими, он всегда открывает новую лазейку для мошенников.

— Не обязательно. Пошли.

У кабинета директора стоял длинный хвост, и очередных впускали по десять человек. Хоу быстро осмотрел их маски и перешел к нотации:

— Надеюсь, юные джентльмены, это послужит вам не только уроком аккуратности, но и уроком внимания. Если бы вы прочли сегодня объявление, то подготовились бы к инспекции. Что до самого нарушения, я хочу, чтобы вы поняли: дело здесь не только в детских, дикарских рисунках на ваших средствах защиты, как ни безобразна подобная живопись сама по себе. — Он помолчал, чтобы убедиться, что его слушают. — Нравы в колониях вовсе не обязательно должны быть грубыми и вульгарными. Как глава этого учебного заведения, я намерен искоренить все пороки, внедренные в вас домашним воспитанием. Главная цель воспитания, если не единственная — это созидание характера, а характер создает только дисциплина. Считаю, что я как нельзя лучше приспособлен для этой задачи. Перед тем как прибыть сюда, я двенадцать лет преподавал в военной академии в Скалистых горах. Это превосходнейшая школа — школа, которая выпускает мужчин.

Он снова остановился — то ли перевести дыхание, то ли дать слушателям проникнуться своей речью. Джим пришел сюда только затем, чтобы у него со спины сняли ярлык нарушителя. Однако высокомерие директора и особенно его высказывание о колониальном доме как источнике дурного воспитания в конце концов вывели Джима из терпения.

— Мистер Хоу, — сказал он.

— Да? Что такое?

— Здесь не Скалистые горы, а Марс. И не военная академия.

Изумление и гнев мистера Хоу были столь велики, что какой-то момент казалось: не то он совершит рукоприкладство, не то его хватит удар. Затем он овладел собой и процедил сквозь зубы:

— Ваша фамилия?

— Марло, сэр. Джеймс Марло.

— Было бы намного лучше для вас же, Марло, если бы здесь была военная академия. Остальные могут идти. Воскресные привилегии восстановлены. Марло, оставайтесь.

Когда все вышли, Хоу сказал:

— Марло, нет на свете ничего отвратительнее наглого, неблагодарного, незнающего своего места юнца. Вы получаете прекрасное образование исключительно бла-

годаря Компании. И вряд ли вам пристало дерзить людям, которых Компания поставила наблюдать за вашим обучением и содержанием. Вы сознаете это?

Джим молчал. Хоу сказал резко:

— Ну же! Говорите, юноша, признайте свою вину и извинитесь. Будьте мужчиной!

Джим продолжал молчать. Хоу побарабанил пальцами по столу и наконец сказал:

— Очень хорошо, ступайте к себе и обдумайте свое поведение. До понедельника у вас будет достаточно времени.

Когда Джим вернулся к себе, Фрэнк восхищенно покачал головой.

— Ну и отчаянный же ты парень.

— Надо же было кому-то сказать ему.

— Да уж, надо. Каковы же твои дальнейшие планы? Перережешь себе горло или уйдешь в монастырь? Старый Хоу теперь будет постоянно держать тебя на мушке. Прямо небезопасно стало жить с тобой в одной комнате.

— Какого черта, Фрэнк! Если ты так на это смотришь, поищи себе другого соседа.

— Тихо, тихо! Я тебя не брошу, буду с тобой до конца. «И с улыбкою мальчик мертвым упал». Я рад, что ты ему все высказал. У меня не хватило бы смелости.

Джим бросился на свою койку.

— Не думаю, что смогу долго здесь выдержать. Я не привык, чтобы меня шпыняли и издевались надо мной за что ни про что. А теперь я буду получать двойную дозу. Что делать?

— А пес его знает.

— Здесь было так хорошо при старом Штуби. Я думал, мне здесь будет просто здорово.

— Штуби был молодец. Но что же остается, Джим, кроме как заткнуться, проглотить пилюлю и надеяться, что он забудет?

— Слушай, никому ведь это не нравится. Может, если мы объединимся, он сбавит ход?

— Вряд ли. Ты единственный, у кого хватило духу высказаться. Даже я и то тебя не поддержал, хотя согласен с тобой на сто процентов.

— А если мы все напишем родителям?

— Всех не заставишь, — покачал головой Фрэнк, — а кто-нибудь еще и настучит. Тогда тебя обзовут зачинщиком бунта или как-нибудь похоже. И потом, что ты такого напишешь в письме? Чем ты докажешь, что мистер Хоу делает то, что он не вправе делать? Я знаю, что скажет мой старик.

— Ну и что он скажет?

— Он мне много раз рассказывал про школу, в которой учился на Земле, и как ему там несладко приходилось. По-моему, он даже гордится этим. Если я ему скажу, что Хоу не велел нам держать в комнате пирожные, он посмеется, и все.

— Черт, Фрэнк, ведь речь идет не о правиле насчет продуктов, а обо всем вместе.

— Ясно, ясно. Мне-то ясно. А вот попробуй объясни моему старику. Все, что мы можем рассказать — это мелочи. Нужны вещи посерьезнее, чтобы родители вмешались.

К вечеру Фрэнк утвердился в своем мнении. Слух разнесся, и у них перебивала чуть ли не вся школа. Кто приходил позвать руку Джиму, а кто просто поглядеть на чудака, у которого хватило ума восстать против авторитета, облеченного властью. При этом выяснились два обстоятельства: никому не нравилось новое руководство и предпринятые им дисциплинарные меры, и никто не желал объединяться, считая это делом пропавшим.

В воскресенье Фрэнк пошел в Малый Сирт — в поселение землян, а не в соседний марсианский город. Джим, будучи под домашним арестом, остался в комнате, делал вид, что занимается, и беседовал с Виллисом. Фрэнк вернулся к ужину и сказал:

— Я тебе принес подарок, — и кинул Джиму маленький пакетик.

— Спасибо, друг! А что там?

— Разверни — увидишь.

Это оказалась кассета с записью нового танго, сделанной в Рио и доставленной прямо с Земли на «Альберте Эйнштейне». Называлось танго «*Quien Es la Senorita?*»*. Джим был без ума от латиноамериканской музыки, и Фрэнк вспомнил об этом.

---

* «Кто эта сеньорита?» (исп.)

— Ух ты! — Джим подошел к столу, вставил кассету в магнитофон и приготовился наслаждаться, но Фрэнк остановил его.

— Звонок на ужин. Давай лучше потом.

Джим неохотно согласился, зато, вернувшись, прокрутил свою музыку несколько раз, пока Фрэнк не уговорил его позаниматься. Перед отбоем Джим еще раз поставил кассету.

В жилом коридоре стало темно и тихо, все отошли ко сну, но минут через пятнадцать «Сеньорита» зазвучала вновь. Фрэнк рывком сел в постели.

— Что за черт? Джим, да выключи ты ее!

— Я не включал, — возразил Джим. — Это, наверное, Виллис, кто же еще?

— Ну так заткни его! Придуши его. Сунь его под подушку.

Джим включил свет.

— Виллис, а, Виллис! Ну-ка, прекрати шуметь!

Виллис, похоже, даже не слышал его. Он стоял посреди комнаты, отбивал глазами такт и покачивался. В его блестящем исполнении звучали и маримба, и хор.

Джим взял его на руки.

— Виллис! Ну заткнись, пожалуйста.

Виллис продолжал концерт.

Дверь распахнулась, и на пороге возник директор Хоу.

— Так я и думал, — торжествующе сказал он. — Совершенно не считаемся с другими людьми. Выключите магнитофон. И имейте в виду, вы не выйдете из своей комнаты весь следующий месяц.

Виллис продолжал звучать. Джим попытался прикрыть его своим телом.

— Вы что, не слышали? — спросил Хоу. — Я сказал: выключить музыку.

Он прошел к рабочему столу и рванул выключатель. Поскольку магнитофон и так был выключен, Хоу только сломал себе ногу. Он проглотил непедагогичное выражение и сунул палец в рот. Виллис приступил к третьему куплету. Хоу стал оглядываться.

— Куда он у вас подключен? — гаркнул он. Не получив ответа, Хоу шагнул к Джиму и спросил: — Что вы прячете? — Оттолкнув Джима в сторону, он устремил недоверчивый и брезгливый взгляд на Виллиса. — Это еще что такое?

— Это Виллис, — прокричал, чтобы заглушить музыку, несчастный Джим.

Хоу был не так уж глуп, до него мало-помалу дошло, что музыка исходит из этого странного мехового шара.

— А что такое Виллис, можно спросить?

— Ну, это... попрыгунчик. Он обитает на Марсе. — В этот момент Виллис закончил выступление, пропев бархатным контральто «*buenas noches*», и заткнулся — на время.

— Попрыгунчик? Никогда о них не слышал.

— Их мало кто видел, даже среди колонистов. Они редко встречаются.

— Не так уж редко. Это разновидность марсианского попугая, не так ли?

— О нет!

— То есть как «о нет»?

— Вовсе он не попугай. Он думает, что говорит, он мой друг!

Хоу оправился от удивления и вспомнил о цели своего визита.

— Не имеет значения. Вы читали мой приказ относительно домашних животных?

— Да, но Виллис не животное.

— Кто же он в таком случае?

— Да он просто не может быть животным. Все домашние животные — это чья-нибудь собственность, а Виллис никому не принадлежит. Он — просто Виллис.

Здесь Виллис включил следующий номер программы — то, что он слышал после последнего прослушивания танго.

— Знаешь, когда я слышу эту музыку, — сказал он голосом Джима, — я забываю даже про старого паршивца Хоу.

— А у меня он из головы не выходит, — продолжал Виллис голосом Фрэнка. — Хотел бы я набраться духу и сказать ему то же, что и ты, Джим. Знаешь, я думаю, у Хоу не все дома, то есть по-настоящему. Поспорить могу, в детстве он был трусом, вот и вырос такой.

Хоу побелел. Доморощенный психоаналитик Фрэнк попал в самую точку. Он поднял руку, точно хотел ударить, и опустил ее, не зная, кого, собственно, тут надо бить. Виллис поскорей убрал отростки и сделался гладким.

— А я вам говорю, это животное, — свирепо сказал Хоу, обретя дар речи. Он схватил Виллиса и пошел к двери.

Джим закричал ему вслед:

— Послушайте, мистер Хоу! Вы не можете забрать Виллиса!

— Ах, не могу, вот как? — обернулся директор. — Ложитесь спать. Утром зайдете ко мне в кабинет.

— Если вы тронете Виллиса хоть пальцем, я... я...

— Что ты? Никто твое сокровище не тронет. Сейчас же в постель, не то получишь как следует. — Хоу повернулся и ушел, не посмотрев, как выполняется его приказание.

Джим застыл, не сводя глаз с закрытой двери, по его щекам текли слезы, рыдания бессильного гнева сотрясали его. Фрэнк подошел и положил руку ему на плечо.

— Джим, Джим, не надо так. Ты ведь слышал, он обещал не трогать Виллиса. Ложись в постель, а утром все уладишь. В самом худшем случае придется отправить Виллиса домой.

Джим отмахнулся.

— Не позволяй ему бесить тебя, Джим, — настаивал Фрэнк. — Если ты разозлишься, то сделаешь какую-нибудь глупость, и тогда ты у него в руках.

— Я уже разозлился.

— Знаю, оно и понятно. Но тебе надо остыть и подумать головой. Он тебя караулил, сам видишь. Что бы он ни говорил и ни делал, ты должен сохранять спокойствие и не поддаваться, а то он доведет тебя до беды.

— Пожалуй, ты прав.

— Я знаю, что я прав. Так и док бы сказал. А теперь ложись спать.

Но ни один из них не смог как следует заснуть в эту ночь. Под утро Джиму приснился кошмар, будто Хоу — марсианин-отшельник, а он, Джим, пытается развернуть его по своему разумению.

К завтраку на доске появилось свеженькое объявление:

С сего дня личное оружие надлежит хранить исключительно на складе. Ученик, ведавший его хранением, освобождается от своих обя-

занностей. Оружие будет выдаваться директором только в том случае, если ученик выходит за пределы школы и поселения. Ношение оружия в местах, не посещаемых марсианской фауной, не допускается.

М. Хоу, директор.

— Не понял, — сказал Джим по прочтении. — К чему такая волокита? К тому же у большинства из нас есть лицензии.

Школьники, как правило, и так хранили оружие на складе, но кладовщик из учеников контролировал только тех, кому еще предстояло получить лицензию.

— Знаешь, что я думаю? — поразмыслив, сказал Фрэнк.

— Ну что?

— Это он тебя боится.

— Меня? Почему?

— Из-за вчерашнего. Ты был готов его убить, и он это видел. По-моему, он решил вырвать у тебя зубы. А на нас, прочих, ему наплевать, сохраним мы оружие или нет.

— Ты правда так думаешь? Хм... может, и к лучшему, что наши пистолеты сейчас при нас.

— Весь вопрос в том, как тебе быть дальше.

Джим задумался.

— Я не собираюсь сдавать оружие. Отец бы этого не одобрил, я уверен. И потом, у меня лицензия, я не обязан этого делать. Я выбил необходимое количество очков, прошел психологические тесты и принес присягу, я имею такое же право носить оружие, как и он.

— Ладно, я за. Но лучше бы найти какую-нибудь лазейку перед тем, как ты пойдешь к нему.

Лазейка нашлась за завтраком в лице Смайта. Фрэнк вполголоса посовещался с Джимом, и после еды они зазвали Смайта к себе.

— Слушай, Смитти, — начал Джим, — ты у нас парень оборотистый, так ведь?

— Допустим. И что же?

— Читал сегодняшнее объявление?

— Кто ж его не читал? Все уже бурчат по этому поводу.

— Ты будешь сдавать свой пистолет?

— Он у меня и так на складе. Зачем он мне сдался здесь? Мне мозгов хватает.

— Значит, тебя не будут вызывать по поводу сдачи. Теперь допустим, что тебе дали на хранение два пакета. Ты их не разворачиваешь и не знаешь, что в них. Как по-твоему, сможешь ты поместить их в надежное, по-настоящему надежное место так, чтобы выдать по первому требованию?

— Подразумевается, что я не должен никому говорить про эти... э-э... пакеты?

— Ясное дело. Никому.

— Хм... такая услуга будет дорого стоить.

— Сколько?

— Я не могу с вас взять меньше двух кредиток в неделю.

— Дорого, — отрезал Фрэнк.

— Ну, для друзей — одновременно восемь кредиток до конца года.

— Все равно дорого.

— Шесть кредиток — последняя цена. За риск надо платить.

— По рукам, — сказал Джим, не дав Фрэнку торговаться дальше.

Смайт ушел со свертками, а Джим отправился к директору.

Глава 5

У МАЛЕНЬКИХ КУВШИНЧИКОВ БОЛЬШИЕ УШКИ

Директор продержал Джима полчаса, прежде чем принять. Войдя наконец в кабинет, Джим заметил, что у Хоу чрезвычайно довольный вид. Директор поднял глаза.

— Да? Вы хотели меня видеть?

— Вы велели мне прийти, сэр.

— Вот как? Минутку, как ваша фамилия?

«Он распрекрасно знает, как моя фамилия, — злобно подумал Джим, — хочет, чтобы я вспылil». Он вспомнил, как Фрэнк наказывал ему держать себя в руках, и спокойно ответил:

— Джеймс Марло, сэр.

— А, да. Итак, Марло, зачем вы хотели меня видеть?

— Вы сказали, чтобы я пришел. Насчет Виллиса.

— Виллис? Ах да, марсианин круглоголовый, — Хоу улыбнулся одними губами. — Любопытный экземпляр.

И замолчал. Пауза длилась так долго, что Джим начал понимать: директор вынуждает его сделать первый шаг. Джим уже примирился с мыслью, что больше не сможет держать Виллиса в школе, и сказал:

— Я хочу его взять, чтобы отнести в город и отослать домой.

Улыбка Хоу стала шире.

— Ах, вот как! Как же вы собираетесь это сделать, если вам запрещено покидать школу в ближайшие тридцать дней?

У Джима в ушах звучал предостерегающий голос Фрэнка.

— Я попрошу кого-нибудь, сэр, сегодня же. Можно мне взять Виллиса?

Хоу откинулся на спинку стула и сплел пальцы на животе.

— Вы затронули интереснейшую тему, Марло. Ночью вы говорили, что это существо не является животным.

— Да, — с недоумением сказал Джим.

— Вы настаивали на этом. Вы говорили, что он не ваша собственность, а ваш друг. Это верно?

Джим заколебался. Он чуял, что здесь западня, но не знал какая.

— Ну и что же?

— Говорили вы это или нет? Отвечайте.

— Ну, говорил.

Хоу подался вперед.

— Тогда на каком основании вы требуете от меня вернуть вам это существо? У вас на него нет никаких прав.

— Но... — Джим не находил слов. Его запутали, обошли хитрыми речами, он не знал, как ответить. — Разве так можно? — выпалил он. — Вам он тоже не принадлежит. Вы не имеете права держать его под замком.

Хоу медленно соединил кончики пальцев.

— Этот вопрос требует рассмотрения. Хотя вы и отказались от своих прав на это существо, оно тем не менее может являться собственностью. В таком случае, поскольку оно было обнаружено на территории школы, я могу оформить его как школьное имущество — лабораторный экземпляр.

— Но нельзя же так! Это нечестно! Если он кому-нибудь принадлежит, то он мой. Вы не имеете права...

— Молчать! — Джим умолк, и Хоу продолжал уже спокойнее: — Не указывайте мне, что я вправе делать, а что нет. Вы забываете, что по отношению к вам я нахожусь *in loco parentis**. Все ваши права представ-

---

* На правах отца (лат.).

ляю я, как если бы был вашим отцом. Что касается судьбы марсианского существа, я рассмотрю этот вопрос... сегодня я как раз собираюсь к генеральному резиденту. В свое время вам сообщат о результате.

Латинская фраза сбила Джима с толку, как и было задумано, но он ухватился за другие слова Хоу:

— Вот я и расскажу все своему отцу. Вам это так не пройдет.

— Угрозы? — скорбно улыбнулся Хоу. — Не трудитесь просить у меня ключ от телефонной будки, нечего школьнику звонить родителям каждый раз, когда я велю ему вытереть нос. Продиктуйте отцу письмо и представьте мне на прослушивание, прежде чем отправить. — Он встал. — Это все. Можете идти.

Фрэнк ждал Джима.

— Крови не видать, — объявил он при виде друга. — Ну как дела?

— Ах он, такой-сякой!

— Плохо, значит?

— Фрэнк, он не отдает Виллиса.

— Хочет, чтобы ты отправил его домой? Но ты ведь к этому приготовился.

— Не в том дело. Он его вообще не отдает. Наплел мне с три короба, но суть в том, что он его забрал и теперь не отдаст. — У Джима был такой вид, будто он вот-вот разревется. — Бедненький Виллис, ты же знаешь, как он всего боится. Фрэнк, что делать?

— Не понимаю, — медленно ответил Фрэнк. — Как же он может забрать Виллиса себе? Виллис твой.

— Говорю тебе, он нагородил с три короба, но смысл такой. Как мне отобрать Виллиса? Фрэнк, я обязательно должен его отобрать.

Фрэнк не ответил. Расстроенный Джим посмотрел вокруг и в первый раз обратил внимание на комнату.

— Что тут было? — спросил он. — Что за погром?

— А-а. Я не успел тебе сказать. Пока тебя не было, приспешники Хоу произвели у нас обыск.

— Да ну?

— Пистолеты искали. Я прикинулся дурачком.

— Обыск, значит? — Джим принял какое-то решение. — Пойду к Смайту. — И направился к двери.

— Эй, погоди, зачем тебе Смитти?

Джим оглянулся с постаревшим лицом.

— Возьму пистолет и пойду отбирать Виллиса.

— Джим! Ты рехнулся!

Джим, не отвечая, шел дальше.

Фрэнк подставил ему ногу, повалил и, уложив на обе лопатки, завернул ему правую руку за спину.

— Полежи-ка, пока не успокоишься.

— Пусти.

— У тебя в голове есть что-нибудь? Ладно, — продолжал Фрэнк, не получив ответа, — я могу так сидеть хоть до скончания века. Дай мне знать, когда уймешься. — Джим начал вырываться, но Фрэнк скрутил ему руку так, что он взвыл и сдался. — Вот так-то лучше, — сказал Фрэнк. — Теперь слушай меня: ты славный парень, Джим, но с придурью. Ну возьмешь ты пистолет и напугаешь старика Хоу так, что он выплюнет Виллиса обратно, а дальше что? Знаешь, сколько Виллис пробудет у тебя? Ровно столько времени, сколько Хоу будет дозваниваться до полиции. Тебя посадят, а Виллиса снова отберут, и ты его больше не увидишь, не говоря уж о том, сколько горя и хлопот это принесет твоим родителям.

Последовало продолжительное молчание. Наконец Джим сказал:

— Ладно, пусти.

— Раздумал махать пистолетом?

— Само собой.

— Честное слово? Клятва получающего лицензию и все такое?

— Да, обещаю.

Фрэнк отпустил его и слез. Джим потерял руку.

— Мог бы и полегче.

— Он еще жалуется, нет бы спасибо сказать. Бери тетрадку, мы опаздываем на химию.

— Я не пойду.

— Не дури, Джим. Нахватаешь кучу двоек да еще и вылетишь, и все только потому, что обозлился на директора.

— Не в том дело. Я уйду, Фрэнк. Я в этой школе не останусь.

— Чего? Джим, не горячись. Я понимаю твоё состояние, но ведь учиться можно или здесь, или нигде. Твоим не по карману посылать тебя учиться на Землю.

— Значит, нигде. Здесь я не останусь. Побуду еще, пока не удастся заполучить Виллиса, а потом уеду домой.

— Ну что ж... — почесал голову Фрэнк, — твоя проблема. Но знаешь, при всем при том на химию лучше пойти. Вреда от этого никакого, ты же не сейчас уходишь.

— Нет.

Фрэнк беспокоился.

— Обещаешь сидеть здесь и ничего не выкидывать, пока я не вернусь?

— Чего ты волнуешься?

— Обещай, Джим, а то я тоже пропущу химию.

— Ладно, ладно! Иди уж.

Фрэнк убежал. Когда он вернулся, Джим лежал на койке.

— Спишь?

— Нет.

— Решил, что будешь делать?

— Нет.

— Хочешь чего-нибудь?

— Нет.

— Ты блестящий собеседник. — Фрэнк сел к столу.

— Извини.

Весь день от Хоу ничего не было слышно. Фрэнк все-таки уговорил Джима пойти завтра на занятия, чтобы не привлекать к себе внимания, раз он хочет забрать Виллиса.

Во вторник Хоу тоже не давал о себе знать. Ночью, часа через два после отбоя, Фрэнка разбудил какой-то шорох в комнате.

— Джим! — тихо окликнул он.

Гробовое молчание. Фрэнк потихоньку протянул руку и включил свет. Джим стоял у двери.

— Джим, — пожаловался Фрэнк, — что же ты не отвечаешь? Хочешь напугать меня до смерти?

— Извини.

— Что случилось? Почему ты встал?

— Неважно. Спи дальше.

Фрэнк вылез из койки.

— Ну уж нет! Ты опять зверем смотришь. Скажи папе все.

— Не хочу я тебя впутывать, — отмахнулся Джим. — Ложись давай.

— Уж не ты ли меня уложишь? Кончай дурить и говори. Что ты задумал?

Джим неохотно рассказал. Он считал, что директор держит Виллиса где-то у себя в кабинете, и решил взломать дверь и попытаться спасти друга.

— А ты ложись спать, — закончил он. — Если тебя спросят, ты ничего не знаешь, ты всю ночь спал.

— Оставить тебя одного? Ну нет! Надо же кому-то стоять на страже. — И Фрэнк начал рыться в шкафу.

— Мне помощь не нужна. Что ты там ищешь?

— Лабораторные перчатки, — ответил Фрэнк. — Все равно я тебе помогу, нужно тебе это или нет, идиот ты безрукий. Я не хочу, чтобы тебя поймали.

— А перчатки зачем?

— Про отпечатки пальцев слышал?

— Конечно, но он и так будет знать, кто это сделал. Ну и пусть, я уйду, и все.

— Знать-то он будет, но пусть попробует доказать. На, надевай.

Джим взял перчатки и неохотно согласился на помощь Фрэнка.

Кража со взломом — на Марсе явление редкое, и замки тоже. Что касается ночных сторожей, не для того доставляют людей за миллионы космических миль, чтобы они охраняли пустые коридоры в школе для мальчиков. Все, чем рисковали Джим с Фрэнком по пути в канцелярию, — это наткнуться на кого-нибудь, идущего в неурочный час в туалет.

Они шли как можно тише, заглядывая за каждый угол коридора, прежде чем повернуть. Через несколько минут они оказались у двери канцелярии и надеялись, что их никто не заметил. Джим попробовал дверь — она была заперта.

— Зачем канцелярию-то запирают? — прошептал он.

— Из-за таких, как мы с тобой, — ответил Фрэнк. — Иди на угол и смотри в оба. — И Фрэнк атаковал замок своим ножом.

— Иду. — Джим стал у поворота. Через пять минут Фрэнк тихонько свистнул, подзывая его.

— Чего ты?

— Ничего. Заходи. — Фрэнк открыл дверь.

Они прокрались через канцелярию, где стояли столы для записи с грудями кассет, к внутренней двери, на которой было написано: «Маркиз Хоу, директор. Посторонним вход воспрещен». Надпись была новая, как и замок. Замок был не из тех, что можно открыть ножиком. Он был кодовый, из титановой стали — такой впору ставить на сейф.

— Ты как, сможешь его открыть? — озабоченно спросил Джим.

Фрэнк присвистнул.

— Не говори глупостей, Джим. Дело не выгорело. Давай-ка попробуем пробраться назад, пока не поймали.

— А дверь с петель нельзя снять?

— Она не в ту сторону открывается. Уж лучше попробую прорезать дырку в перегородке. — Фрэнк встал на колени и начал ковырять стену ножом.

Джим посмотрел вокруг. Из коридора через комнату в кабинет директора шла вентиляционная труба, диаметр которой соответствовал ширине плеч Джима. Если бы отвинтить фланец и убрать колено трубы из отверстия в стене...

Нет, до трубы не добраться, даже встать не на что. Стеллажи для кассет, как выяснил Джим, были привинчены к полу.

В нижней части двери была маленькая решетка, через которую выходил из кабинета использованный воздух. Снять ее было нельзя, да и отверстие было недостаточно велико, но Джим лег на пол и попытался заглянуть в кабинет. Он ничего не увидел — внутри было темно.

Джим сложил ладони рупором и позвал:

— Виллис! А, Виллис!

Фрэнк вскочил и сказал, подойдя к Джиму:

— А ну прекрати. Хочешь, чтобы нас засекли?

— Шш! — Джим приложил ухо к решетке.

Оба услышали приглушенный ответ:

— Джим! Джим!

— Виллис! Иди сюда! — ответил Джим и прислушался. — Он там где-то заперт.

— Скорей всего, — согласился Фрэнк. — Может, ты уймешься, пока никто не пришел?

— Надо его оттуда вытащить. Как у тебя со стенкой?

— Ничего не выйдет. Пластик битком набит арматурой.

— Все равно надо его вытащить. Но как?

— Да никак, черт возьми. Мы все испробовали. Надо возвращаться.

— Можешь идти, если хочешь. Я останусь и вытащу его.

— Прямо беда с тобой, Джим, хоть бы раз ты сознался, что проиграл. Пошли!

— Нет. Шш! Ты слышишь?

— Слышу. Что это?

Из кабинета слышалось царапанье.

— Это Виллис хочет вылезти, — заявил Джим.

— Все равно не сможет. Пошли.

— Нет.

Джим продолжал слушать у решетки. Фрэнку не терпелось — с него довольно было приключений. Он разрывался между нежеланием бросать Джима и стремлением вернуться в свою комнату, пока их не застали. Царапанье не прекращалось. Потом оно утихло, раздалось негромкое «шлеп», как будто что-то мягкое, но достаточно тяжелое упало с высоты около фута, и послышался легкий, почти неслышный топоток.

— Джим? А, Джим?

— Виллис! — завопил Джим.

Голос попрыгунчика слышался у самой решетки.

— Джим, возьми Виллис домой.

— Да, да! Стой там, Виллис. Джим подумает, как Виллису выйти.

— Виллис выйти. — Попрыгунчик заявил это очень решительно.

— Фрэнк, — торопливо сказал Джим, — если б у нас было что-то вроде лома, я бы выломал эту решетку. Может, Виллис и пролез бы.

— У нас ничего такого нет. Только ножи.

— Думай, парень, думай! Есть у нас в комнате что-нибудь подходящее?

— Как будто нет. — Царапанье возобновилось. — Что это Виллис там делает?

— Наверное, пытается открыть дверь. Надо ему как-то помочь. Слушай, стань мне на плечи и попробуй снять фланец с трубы.

— Бесполезно, — прикинул Фрэнк. — Даже если снять трубу, с той стороны будет решетка.

— Откуда ты знаешь?

— Так всегда бывает.

Джим замолчал. Фрэнк был, конечно, прав, и он это знал. Виллис продолжал царапаться. Фрэнк опустился на одно колено, приблизил голову к решетке и стал слушать.

— Не волнуйся, — вскоре сказал он. — По-моему, Виллис и без нас управится.

— Что ты говоришь?

— Он там что-то режет, если слух меня не обманывает.

— Чем? Не может Виллис прорезать дверь. Я его дома много раз запираю.

— Может не может — видно будет. Наверное, раньше ему не так уж хотелось выйти.

Скребуший звук усилился. Через несколько минут вокруг решетки обозначилась ровная линия, и вырезанный из двери кружок упал на пол. В дыре тут же показался Виллис. Из его толстого тельца торчал щуп восьми дюймов длиной, в дюйм толщиной, с когтем на конце.

— Это еще что? — спросил Фрэнк.

— Понятия не имею. Он никогда раньше такого не проделывал.

Виллис убрал свой инструмент внутрь и прикрыл мехом, как будто его никогда и не было. Потом изменил форму, превратившись из шара в арбуз, и просочился в отверстие.

— Виллис выйти, — гордо объявил он.

Джим схватил его на руки.

— Виллис! Виллис, старина.

Попрыгунчик, сидя на руках у Джима, сказал с упреком:

— Джим потерялся. Джим ушел.

— Джим больше никогда не уйдет. Виллис и Джим будут вместе.

— Виллис вместе. Хорошо.

Джим потерялся щекой о шерстку Виллиса. Фрэнк откашлялся.

— А не податься ли нам к себе в берлогу?

— Конечно, пошли. — Обратный путь они проделали быстро, и, кажется, никто их не видел. Джим уложил Виллиса к себе в кровать и огляделся вокруг.

— Что же взять с собой? Надо будет зайти к Смитти забрать пистолет.

— Погоди, не спеши, — сказал Фрэнк. — Тебе ведь совсем не обязательно уходить.

— Как это?

— Наружный замок я не повредил, а замок Хоу даже и не трогал. На то, что Виллис сбежал, указывает только дыра, в которую мы явно не пролезем, и еще, пожалуй, такая же у Хоу в столе. Ничего он не докажет. Можешь отправить Виллиса домой, и с нас взятки гладки.

Джим потряс головой.

— Я ухожу. Дело не только в Виллисе. Я не остался бы в школе, которой заправляет Хоу, даже за деньги.

— Ну чего ты кипятишься, Джим?

— Я не кипячусь. Тебя я не виню за то, что ты остаешься, на будущий год ты сможешь сдать экзамены на кандидата в пилоты и уйти. Но, если вдруг завалишь, могу поспорить, тебе тоже не захочется торчать здесь до окончания курса.

— Может, и не захочется. Ты уже придумал, как уйти, чтобы тебя не задержал Хоу? Не вздумай уходить до рассвета — слишком холодно.

— Дождусь рассвета и уйду без всяких ухищрений.

— Весь вопрос в том, как это у тебя получится, — сухо сказал Фрэнк. — Обязательно надо дразнить гусей? По-моему, лучше спрятаться, пока не удастся улизнуть, лучше всего, пожалуй, уходить во второй половине дня.

Джим собирался спросить, почему именно во второй половине дня, но тут включился Виллис.

— Добрый день! — сказал он сочным голосом взрослого мужчины.

— Заткнись, Виллис.

Виллис повторил:

— Добрый день, Марк. Садись, мой мальчик. Всегда рад видеть тебя.

— Где-то я слышал этот голос, — заинтересовался Фрэнк.

— Благодарю вас, резидент. Как поживаете, сэр? — Теперь Виллис говорил с четкими, довольно манерными интонациями директора Хоу.

— Знаю, — сказал Фрэнк. — Я его слышал по радио. Это Бичер, генеральный резидент.

— Шш, — сказал Джим, — я хочу послушать.

Виллис снова сказал сочным голосом:

— Неплохо, совсем неплохо для старика.

— Вздор, резидент, какой же вы старик, — голос Хоу.

— Очень мило с твоей стороны, мой мальчик. Что у тебя в портфеле? Контрабанда?

Виллис воспроизвел подхалимский смех Хоу.

— Не совсем. Это научный экземпляр — любопытная редкость, которую я конфисковал у одного ученика.

После короткой паузы сочный голос сказал:

— Батюшки светы! Марк, где ж ты его откопал?

— Я же сказал, сэр. Вынужден был отобрать у одного из своих учеников.

— Да-да. А ты хоть имеешь представление, что это такое?

— Конечно, сэр. Я посмотрел. *Areosephalopsittacus Bron...*

— Избавь меня от ученых слов, Марк. Это марсианин круглоголовый, но не в том суть. Ты говоришь, что взял его у школьника. Как по-твоему, он согласится тебе его продать? — нетерпеливо спросил сочный голос.

— Не думаю, сэр, — медленно ответил Хоу. — Я почти уверен, что он не захочет продать. Это так важно? — продолжил он после паузы.

— Важно? Это смотря что ты считаешь важным. Как по-твоему, шестьдесят тысяч кредиток — это важно или нет? А то и семьдесят? Это сумма, которую наверняка уплатит за него Лондонский зоопарк, доставку они, разумеется, берут на себя.

— В самом деле?

— Конечно. У меня заказ от лондонского брокера на пятьдесят тысяч кредиток, а мне все никак не удастся выполнить его. И думаю, что сумму можно будет увеличить.

— Вот как? — осторожно сказал Хоу. — Это очень выгодно для Компании, не так ли?

Помолчав немного, резидент от души рассмеялся.

— Марк, мой мальчик, ты меня уморишь. Вот послушай: тебя наняли заведовать школой, так или нет?

— Так.

— А меня наняли блюсти интересы Компании, верно? Весь день мы работаем на совесть и отрабатываем

свое жалованье, а восемнадцать часов у нас остается для себя лично. Разве в твои обязанности входит поиск редких животных?

— Нет.

— И в мои не входит. Ты меня понял?

— Кажется, да.

— Уверен, что да. В конце концов, я же хорошо знаю твоего дядю, он не отправил бы сюда племянника, не объяснив ему, как устроена жизнь. Сам-то он прекрасно в этом разбирается, могу тебя заверить. Дело в том, мой мальчик, что здесь открывается масса возможностей для умного человека, только не зевай. Причем все вполне законно. — Виллис сделал паузу.

Джим заговорил было, но Фрэнк прервал его:

— Тихо! Как бы чего не упустить.

— Все вполне законно, — продолжал голос резидента. — Законные деловые интересы, естественно, сопутствующие нашей служебной деятельности. Так вот, насчет этого ученика: за сколько бы он согласился продать? Не надо предлагать ему слишком много, еще заподозрит что-нибудь, а это нам ни к чему.

Хоу не спешил с ответом.

— Я почти уверен, что он не продаст, резидент, но, кажется, есть иной путь.

— Какой? Не понимаю.

Хоу изложил свою персональную теорию относительно принадлежности Виллиса. Резидент так и покатился.

— Ох, не могу! Марк, ты меня просто уморишь. И что ты пропадаешь в учителях, тебе бы резидентом быть.

— Что ж, я не думаю, что буду учителем всю жизнь.

— Конечно, конечно. Мы подберем тебе место. И потом, школа станет меньше и не будет иметь такого значения, когда миграции будут отменены.

— О чем это он? — прошептал Фрэнк.

— Тихо! — шикнул Джим.

— А что, есть новости на этот счет? — поинтересовался Хоу.

— Я как раз жду сообщения от твоего дяди. Не зайдешь ли ко мне еще раз, вечером? Может быть, новости и будут.

Последующая беседа не представляла особого интереса, но Виллис добросовестно воспроизвел ее. Маль-

чки дослушали до того места, когда Хоу распрощался, и Виллис умолк.

Джим весь кипел.

— Отдать Виллиса в зоопарк! Это же надо придумать! Я прямо хочу, чтобы он задержал меня при уходе, будет повод его пристрелить.

— Спокойно, парень! Хотел бы я знать, что это за разговоры об отмене миграций?

— По-моему, он сказал «иммиграции».

— Нет, «миграции». Который час?

— Около трех.

— У нас еще почти три часа. Джим, давай попробуем, нельзя ли выжать из Виллиса еще что-нибудь. Мой нюх подсказывает: кое-что там есть.

— Ладно. — Джим взял пушистый шар и сказал: — Виллис, старичок, а что ты еще знаешь? Расскажи Джиму все, что ты слышал, все-все.

Виллиса не пришлось просить дважды. Он пересказал разговоры следующего часа — разные мелочи школьной жизни. Наконец терпение мальчиков было вознаграждено, они услышали маслянистые тона Гейнса Бичера:

— Марк, мой мальчик...

— О, резидент, входите, садитесь, прошу вас. Счастлив видеть вас.

— Я зашел только на минутку — сказать тебе, что получил сообщение от твоего дорогого дяди. Он шлет тебе привет.

— Как мило с его стороны. Благодарю вас, сэр.

— Не за что, мой мальчик. Закрой дверь, хорошо? — Виллис изобразил, как закрывается дверь. — Теперь можно говорить. Сообщение касается, разумеется, отмены миграций.

— Вот как?

— Рад сообщить тебе, что комитет согласился с мнением твоего дяди. Южная колония остается на месте. Иммигранты с двух очередных кораблей направляются в Северную колонию, где у них будет впереди почти двенадцать летних месяцев, чтобы подготовиться к зиме. Чему ты усмехаешься?

— Да так, сэр. Один ученик, дубина по фамилии Келли, говорил мне сегодня, что со мной сделает его отец, когда будет здесь проездом во время миграции.

Воображаю его физиономию, когда он узнает, что его папаша здесь вообще не появится.

— Ты ничего ему не скажешь, — резко сказал резидент.

— Нет?

— Я хочу, чтобы все прошло по возможности без трений. Никто не должен ничего знать до последнего момента. Среди колонистов есть горячие головы, которые воспротивятся новой политике, хотя уже доказано, что при некоторых предосторожностях на Марсе вполне можно зимовать. Мой план таков: отложить миграцию на две недели под каким-либо предлогом, затем опять отложить. К тому времени, когда я объявлю им новый приказ, будет слишком поздно предпринимать что-нибудь, останется только подчиниться.

— Гениально!

— Спасибо. Только так и можно управлять колонистами, мой мальчик. Ты здесь еще слишком недавно, чтобы знать их так, как знаю я. Это неврастеники, в большинстве своем бывшие неудачниками на Земле, и они могут с ума свести своими требованиями, если не проявлять к ним твердость. Они как будто не понимают, что всем обязаны только Компании. Возьмем эти миграции — если дать колонистам волю, они так и будут гоняться за солнцем, словно богатые бездельники, и все за счет Компании.

— Полностью с вами согласен, — вставил Хоу. — Если судить по их деткам, это народ вспыльчивый и необузданный.

— Ничемная публика, — подтвердил генеральный резидент. — С ними надо быть твердым. Ну, мне пора. Кстати, об этом, э-э... экземпляре: он у тебя в надежном месте?

— Да, конечно, сэр. Он заперт здесь, в кабинете.

— Мм... может быть, лучше перенести его ко мне?

— Вряд ли в этом есть необходимость. Вы обратили внимание на дверной замок? Здесь он в безопасности.

Они распрощались, и Виллис замолчал.

Фрэнк что-то свирепо бубнил себе под нос.

Глава 6

ПОБЕГ

Джим потряс его за плечо.

— Приди в себя и помоги мне, а то я не успею.

— Интересно, как бы ему понравилось зимовать в Хараксе? — тихо сказал Фрэнк. — Приятно бы ему было просидеть взаперти одиннадцать-двенадцать месяцев или выходить из дому при сотне градусов ниже нуля?

— Да уж, интересно. Ну давай помогай.

Фрэнк вдруг вскочил, снял с вешалки скафандр и бросил его Джиму, потом снял свой скафандр и начал натягивать его.

— Эй, ты что? — уставился на него Джим.

— Я иду с тобой.

— Чего?

— Думаешь, я буду сидеть здесь и учить уроки, когда мою мать хотят вынудить зимовать в Южной колонии? Мою родную мать! У мамы слабое сердце, это ее убьет. — Фрэнк открыл шкаф и начал выбрасывать из него вещи. — Давай шевелись.

Джим колебался:

— Это все так, Фрэнк, но как же твои планы? Если ты сейчас бросишь школу, тебе уж не быть космическим пилотом.

— Ну и пусть. Есть вещи поважнее.

— Я и сам могу рассказать про то, что затевается, не хуже тебя.

— Как я сказал, так и сделаю.

— Ладно. Я просто хотел убедиться, что ты твердо решил. Пошли.

Джим надел свой скафандр, застегнул его, затянул ремни и стал укладывать свои пожитки. Большинство вещей пришлось оставить — в сумке он собирался везти Виллиса.

— Слушай, парень, — сказал Джим, взяв Виллиса, — мы едем домой. Я хочу, чтобы ты сидел здесь, тут хорошо и тепло.

— Виллис поедет?

— Виллис поедет. Но я хочу, чтобы ты сидел в сумке и ничего не говорил, пока я тебя не достану оттуда. Понятно?

— Виллис не говори?

— Виллис ничего не говори, пока Джим не достанет его из сумки.

— Ладно, Джим. — Виллис подумал и добавил: — Виллис играть музыку?

— Нет! Ни звука, ни слова. Никакой музыки. Виллис заткнется и будет молчать.

— Ладно, Джим, — грустно ответил Виллис и сделался гладким. Джим сунул его в сумку и закрыл «молнию».

— Пойдем, — сказал Фрэнк. — Сначала к Смитти — забираем пистолеты и вперед.

— Солнце взойдет не раньше, чем через час.

— Ну что поделаешь. Слушай, а сколько у тебя денег?

— Немного. А что?

— А за проезд чем платить, балда?

— Ох? — Голова у Джима была занята другим, и он не подумал о билетах. В школу они ехали бесплатно, но на дорогу домой у них не было льготы, придется платить.

Мальчики объединили свои капиталы — их не хватало даже на один билет.

— Что будем делать? — спросил Джим.

— Возьмем у Смитти.

— Как это?

— Возьмем, и все.

— Не забудь свои коньки.

Смайт жил один, что следовало приписать его незаурядной натуре. Когда его потрясли, он сразу проснулся и сказал:

— Да-да, офицер, я пойду сам.

— Смитти, — сказал Джим, — нам нужны наши пакеты.

— Я ночью закрыт. Приходите утром.

— Они нам нужны сейчас.

Смайт вылез из постели.

— Ночное обслуживание, разумеется, по повышенной таксе. — Он встал на койку, открыл вентиляционную решетку и, просунув глубоко руку, вытащил свертки.

Джим и Фрэнк достали пистолеты и прицепили их к поясу. Смайт наблюдал за ними, подняв брови.

— А еще нам нужны деньги. — Фрэнк назвал сумму.

— А я тут при чем?

— При том, что я знаю — у тебя они есть.

— Да? А почему я их должен вам давать? За красивые глаза?

— Нет. — Фрэнк достал свою логарифмическую линейку, красивый круглый приборчик с двадцать одной шкалой. — Сколько дашь за нее?

— Ну-у... шесть кредиток.

— С ума сошел, отец за нее отдал двадцать пять.

— Ну, восемь. Мне ее больше чем за десять не продать.

— Возьми в залог за пятнадцать.

— Десять наличными. У меня не ссудная касса.

Линейка Джима ушла за меньшую сумму, за ней последовали двое часов и еще несколько вещей подешевле.

Друзьям больше нечего было продать, кроме коньков, а с ними расстаться они отказались, хотя до нужной суммы не хватало еще двенадцати кредиток.

— Остаток придется поверить нам на слово, Смитти, — сказал Фрэнк.

Смайт уставился в потолок.

— Ну, поскольку вы были хорошими клиентами, я вам скажу: я собираю еще и автографы.

— Чего?

— Дадите мне одну долговую расписку на двоих, из шести процентов в месяц.

— Хорошо, — сказал Джим.

Наконец они собрались уходить. Смайт сказал:

— Мой кристальный шар говорит мне, что вы, джентльмены, собираетесь слинять. Это каким же образом?

— Каким? Уйдем, и все, — сказал Джим.

— Мм... вы, должно быть, не обратили внимания на то, что входная дверь теперь на ночь запирается. Наш друг и ментор мистер Хоу лично отпирает ее, когда приходит утром.

— Врешь!

— Иди сам посмотри.

Фрэнк дернул Джима за руку.

— Пошли. Взломаем замок, если надо.

— Зачем эти крайние меры? — возразил Смайт. — Идите через кухню.

— Значит, задняя дверь не запирается?

— Почему же, запирается.

— Тогда нечего давать дурацкие советы.

— Я бы обиделся, если б не знал, от кого это исходит. Хотя задняя дверь и заперта, братец Хоу пока не додумался запирать мусорный люк.

— Мусорный? Еще чего! — взорвался Джим.

— Как угодно. Это единственный способ выбраться наружу.

— Мы согласны, — решил Фрэнк. — Пошли, Джим.

— Погодите, — остановил их Смайт. — Если один из вас выбросит в мусор другого, кто же выбросит его? Он застрянет.

— Все ясно — это будешь ты, — сказал Фрэнк.

— А что я получу взамен?

— Провались ты, Смитти, по башке получишь! Ты уж и так вытряс из нас все, кроме глазных зубов.

— Разве я против? — пожал плечами Смайт. — В конце концов, это я показал вам выход. Очень хорошо, я записываю это в накладные расходы, добровольно, в рекламных целях. Не люблю, когда мои клиенты вступают в конфликт с законом.

Все отправились на большую школьную кухню. Осторожное продвижение Смайта по коридорам указывало

на длительную практику нарушителя. Придя на место, он спросил:

— Итак, кто первый?

Джим брезгливо осмотрел мусоропровод. Это был металлический цилиндр в форме бочонка, вделанный в стену. Его можно было вращать вокруг оси с помощью рычажка на стене. Отходы закладывались внутрь и через большое отверстие выбрасывались наружу, причем давление в здании не нарушалось — это было простейшее шлюзовое устройство. Внутренность цилиндра наглядно показывала, для какой цели он предназначен.

— Я пойду первым, — решил Джим и натянул маску на лицо.

— погоди секунду, — сказал Фрэнк, глядя на банки с консервами, стоящие на стеллажах вокруг кухни. Он выбросил из своей сумки какую-то одежду и начал совать туда банки.

— Скорее, — торопил Смайт. — Я хочу вернуться к себе, пока не прозвонили подъем.

— Ну зачем они тебе? — поддержал Джим. — Через несколько часов мы будем дома.

— Да так, на всякий случай — чутье. Все, я готов.

Джим залез в мусоропровод, поджав колени и прижав сумку к груди. Цилиндр повернулся — сразу изменилось давление воздуха и повеяло ледящим холодом. Джим поднялся с земли на задворах школы.

Цилиндр со скрипом вернулся в исходное положение, и рядом с Джимом приземлился Фрэнк. Джим помог ему встать.

— Здорово ты извоился! — сказал он, стряхивая со скафандра Фрэнка картофельное пюре.

— Ты тоже, только некогда этим заниматься. Ну и холодина!

— Скоро потеплеет. Пошли.

На востоке уже розовело, хотя ночной холод еще держался. Они вышли переулком на улицу позади школы и повернули направо. Эта часть города была совершенно земная, можно было подумать, что находишься на Аляске или в Норвегии, но древние башни Малого Сирта, словно выгравированные на светлеющем небе, перечеркивали земной вид улицы.

Друзья вышли, как и было задумано, на отводной канал, сели и надели коньки. Коньки были беговые, с 22-дюймовыми, острыми как бритва, лезвиями, рассчитанные только на скоростной бег. Джим управился первым и спустился на лед.

— Давай скорей, — сказал он. — Я чуть задницу себе не отморозил.

— Отморозишь тут.

— Лед такой твердый, что трудно стоять.

Фрэнк спустился к нему. Взяв сумки, они покатали вперед. Через несколько сот ярдов канава вывела их на Большой городской канал, они свернули на него и побежали к скутерной станции. Несмотря на быстрый бег, они совсем замерзли, пока добрались.

Через входной шлюз они прошли на станцию. Там дежурил только один клерк, и Фрэнк подошел к нему.

— Идет сегодня скутер в Южную колонию?

— Минут через двадцать, — сказал клерк. — Хотите отправить сумки?

— Нет, нам два билета.

Фрэнк выложил их совместный капитал. Клерк молча выдал билеты, и Джим вздохнул с облегчением: скутеры в колонию ходили не каждый день. Его мучила мысль: а вдруг придется скрываться сутки или еще больше, и как потом уехать, не попавшись на глаза Хоу.

Они сели в зале ожидания, и Джим сказал:

— Фрэнк, Деймос взошел?

— Не заметил. А что?

— Может, сумею дозвониться домой.

— Денег нет.

— Закажу с оплатой на номер вызова.

Джим вошел в кабину напротив стойки клерка — тот посмотрел, но ничего не сказал — и вызвал станцию. В глубине души ему не терпелось поговорить с отцом с тех самых пор, когда Виллис выдал секрет об отмене миграции.

На экране появилась приятная молодая женщина с полосатыми, по моде, волосами.

— Я хотел бы поговорить с Южной колонией.

— Связь будет немного позже, — сообщила телефонистка. — Желаете записать сообщение для последующей передачи?

Джим знал, что такие сообщения с оплатой на номер вызова не принимаются.

— Нет, спасибо, я перезвоню позже, — соврал он и выключил аппарат.

Клерк постучал в дверь кабины.

— Водитель вас ждет.

Джим быстро опустил маску и вслед за Фрэнком прошел через шлюз. Водитель как раз закрывал багажное отделение. Он взял у них билеты, и мальчики прошли в салон. Они опять были единственными пассажирами и заняли обзорные места.

Через десять минут, устав смотреть на встающее прямо впереди солнце, Джим сказал:

— Я спать хочу, пойду вниз.

— А я, пожалуй, попрошу водителя включить радио, — сказал Фрэнк.

— Да ну его. У нас была трудная ночь. Пошли.

— Ну ладно.

Они спустились вниз, залезли в койки, и через несколько минут оба храпели.

Скутер, выйдя из Малого Сирта на рассвете, опережал дневное таяние, и ему не пришлось отставать в Гесперидах. Он продолжал путь на юг и около полудня добрался до Кинии. Зима уже вступила в свои права, не нужно было беспокоиться, выдержит ли лед между Кинией и Хараксом, Стримон теперь не растает до весны.

Водитель был доволен, что не вышел из графика. Когда в конце утреннего перегона взошел Деймос, можно было расслабиться и включить радио. То, что водитель слышал, заставило его внимательно посмотреть на своих пассажиров. Они все еще спали, и водитель решил ничего не предпринимать, пока не прибудет на станцию Киния.

Причалив к станции, он быстро прошел в салон. Джим и Фрэнк проснулись, когда скутер остановился, но не спешили вставать.

— Остановка на обед. Выходите, — сказал им водитель.

— Мы не хотим есть, — сказал Фрэнк.

Водитель растерялся.

— Все-таки лучше выйти. В машине становится зверски холодно, когда она стоит.

— Нам все равно.

Фрэнк подумал, что можно будет достать из сумки какие-нибудь консервы, когда водитель уйдет, со вчерашнего ужина до полудня, как считал его желудок, прошло очень много времени.

— В чем проблема? — спросил водитель. — Финансы? — По выражению их лиц он понял, что угадал правильно. — Пошли, я угощаю — по сандвичу на брата.

Фрэнк отказался было, но Джим сказал:

— Ладно тебе, Фрэнк. Спасибо, сэр, мы согласны.

Джордж, агент и фактотум станции Киния, внимательно посмотрел на них и молча подал сандвичи. Водитель быстро расправился со своим обедом и встал, не видя, что мальчики последовали его примеру, сказал:

— Вы не торопитесь, у меня еще работы минут на двадцать, на тридцать: погрузиться надо и проверить машину.

— Может быть, вам помочь? — спросил Джим.

— Не стоит. Я вас позову, когда управлюсь.

— Ладно. Спасибо за сандвичи.

— На здоровье. — И он вышел.

Минут через десять им послышался шум двигателя. Испуганный Фрэнк бросился к окну, выходящему на канал. Скутер удалялся по направлению к югу. Фрэнк обернулся к агенту.

— Эй, он нас не дождался!

— Ага.

— Он ведь сказал, что позовет!

— Угу. — Агент продолжал читать газету.

— Но почему? — настаивал Фрэнк. — Он ведь велел нам подождать!

Агент отложил газету.

— Дело вот в чем. Клем — человек мирный. Я, говорит, не фараон и даже пробовать не стану — шутка ли, арестовать двух рослых, крепких парней, к тому же вооруженных.

— Что-о?

— То, что слышали. Только не махайте тут своими горелками, вы же видите, я без оружия, по мне хоть всю станцию забирайте.

Джим подошел к стойке и встал рядом с Фрэнком.

— А в чем дело-то?

— Это вы мне скажите. Я знаю только, что по радио передали, чтобы вас задержать. Вас обвиняют в краже со взломом, в побеге из школы, в порче имущества Компании — чего только нет. Похоже, вы из отпетых, хотя по виду не скажешь.

— Понятно, — медленно сказал Фрэнк. — Ну и что вы собираетесь с нами делать?

— Да ничего. Ничего. Завтра утречком придет специальный скутер, и там, полагаю, будет достаточно народу, чтобы управиться с парочкой беглых. А пока можете делать, что хотите. Погуляйте, например. А как замерзнете, возвращайтесь обратно. — И он снова взялся за газету.

— Ясно. Пошли, Джим.

Они удалились в угол на военный совет. Агента можно было понять. Станция Киния буквально на тысячи миль удалена от какого-либо жилья — это единственное человеческое становище, где можно укрыться от убийственного ночного холода.

Джим чуть не плакал.

— Прости меня, Фрэнк. Если бы мне не приспичило пожрать, ничего бы не случилось.

— Не надо трагедий, — посоветовал Фрэнк. — Ты можешь себе представить, как мы стреляем в двух безвинных людей и захватываем скутер? Я не могу.

— Ну да, тоже верно.

— Конечно. Надо решать, что делать дальше.

— Одно знаю: обратно в школу меня не заташат.

— Меня тоже. А самое главное — надо предупредить наших о том, что против них готовится.

— Слушай, а вдруг сейчас удастся дозвониться?

— Думаешь, он нам позволит? — Фрэнк кивнул на агента.

— Кто его знает. Но пистолеты при нас, — а я теперь на все готов. — Джим встал и подошел к агенту. — Не возражаете, если мы воспользуемся телефоном?

Агент даже не поднял на него глаз.

— Сделайте одолжение.

Джим вошел в будку. Аппарат не был связан с местной станцией — это был радиопередатчик, настроенный на спутник. Табло светилось, — значит, Деймос над горизонтом. Джим нажал кнопку вызова и попросил

соединить его с Южной колонией. После необычайно длинной паузы приятный безличный голос объявил:

— По не зависящим от нас причинам станция Киния с Южной колонией не соединяется.

Джим стал спрашивать, виден ли Деймос из Южной колонии: он знал, что видимость — необходимое условие для радиосвязи на Марсе, а другие виды связи были ему неизвестны. Но станция отключилась, не отвечая на повторный вызов. Джим вышел из будки и рассказал Фрэнку о своей неудаче.

— Видно, Хоу нас засек, — заметил Фрэнк. — Я не верю, что у них повреждение. Разве что...

— Что «разве что»?

— Разве что дело не только в нас. Может быть, Бичер принял меры против утечки информации, пока не осуществит свои планы.

— Фрэнк, нам обязательно надо послать весточку своим. Держу пари: мы сможем укрыться у марсиан в Кинии. Мы ведь разделили с ними воду.

— Ну, предположим. И чего мы этим достигнем?

— Дай договорить. Можно отправить отсюда письмо — мы в нем обо всем напишем и скажем, где скрываемся. А потом будем ждать, когда наши придут за нами.

Фрэнк покачал головой.

— Если мы оставим письмо здесь, вон та обмороженная морда тут же передаст его легавым, когда мы уйдем. И получат его не наши родители, а Хоу с Бичером.

— Ты правда так думаешь? Какое они имеют право вскрывать личную почту?

— Не будь ты таким наивным. Имел Хоу право заставлять нас сдавать оружие? Однако он это сделал. Нет, Джим, мы должны сами доставить новости.

На стене перед ними висела карта района, обслуживаемого станцией Киния, и Фрэнк во время разговора рассматривал ее. Вдруг он сказал:

— Джим, что это за новая станция к югу от Кинии?

— Где?

— Да вот. — На карте к югу от станции, на западном Стримоне, чернилами был поставлен крестик.

— Это? Наверное, один из опорных пунктов Проекта, — сказал Джим.

Грандиозный план насыщения атмосферы кислородом предусматривал на будущую весну создание цепочки кислородных заводов в пустыне между Кинией и Хараксом. К пуску в Ливии завода номер один было уже подготовлено несколько опорных пунктов.

— Он не дальше сотни миль отсюда.

— Ну, скажем, сто десять, — прикинул по масштабу Джим.

Глаза Фрэнка приняли отсутствующее выражение.

— Я, пожалуй, смогу пробежать это расстояние до темноты. Ты как, играешь?

— Да ты что, спятил? Все равно нам останется до дому больше семисот миль.

— Мы за день можем покрыть больше двухсот. Разве других опорных пунктов нет?

— На карте они не отмечены. — Джим задумался. — Я точно знаю, что их должно быть несколько — отец говорил.

— Если надо, мы можем бежать ночью, а днем спать. Тогда не замерзнем.

— Хмм... ты на это не настраивайся. Я раз видел человека, которого ночь застала в пути. Он одеревенел, как доска. Ладно, когда отправляемся?

— Прямо сейчас.

Они взяли сумки и пошли к двери.

— Куда собрались-то? — спросил агент.

— Погулять.

— Сумки-то можете оставить, вы ведь вернетесь.

Джим и Фрэнк, не отвечая, вышли вон. Пять минут спустя они скользили на юг по западному Стримону.

— Эй, Джим!

— Чего?

— Давай остановимся на минутку. Хочу повесить сумку за спину.

— Я как раз об этом подумал.

Дорожные сумки мешали взмахам рук и не давали набрать нужную скорость. Но поскольку коньки были на Марсе обычным средством передвижения, сумки снабжались особыми ремнями, чтобы можно было нести их, как рюкзаки. Джим открыл свою сумку. Виллис выставил глазки и с укором посмотрел на него.

— Джим долго нет.

— Извини, старина.

— Виллис не говори?

— Виллису теперь можно говорить. Слушай — если я приоткрою сумку, чтобы тебе было видно, ты не выпадешь?

— Виллис хочет гулять.

— Нельзя. Зато я тебя прокачу. Ты не вылетишь?

— Виллис не вылетишь.

— Ладно.

Джим перекинул сумку за спину, и они снова тронулись в путь, набирая скорость. Гладкий лед, малое сопротивление воздуха и слабая гравитация — все это позволяет конькобежцу на Марсе развернуться в полную силу, а Джим с Фрэнком были сильными бегунами.

— Уу! — напугствовал их Виллис, и они начали отсчитывать милю за милей.

Участок пустыни между Кинией и Хараксом находится выше, чем дно мертвого моря между Кинией и экватором. По этому стоку воды таяния с южного полюса поступают к широкому зеленому поясу вокруг экватора. В середине зимы полярная шапка подступает к Хараксу, и двойной канал Стримон, берущий начало в Хараксе, служит одним из главных водостоков, когда шапка весной начинает таять.

Мальчики сейчас поднимались вверх по водостоку, и берега канала стояли высоко над головой. К тому же уровень воды (или льда) теперь, поздней осенью, был низким — весной он будет гораздо выше. Ничего не было видно, кроме высоких берегов, голубого неба перед ними и пурпурно-черного над головой. Солнце было у них за спиной, чуть западнее небесного меридиана, оно двигалось к северу, к моменту северного летнего солнцестояния. Времена года на Марсе не запаздывают так, как на Земле, здесь нет океанов, удерживающих тепло, и единственный «маховик» климата — это таяние и замерзание полярных шапок.

Смотреть было не на что, и мальчики сосредоточились на движении, опустив головы и размахивая руками.

После многих миль однообразного бега Джим потерял бдительность: носок его правого конька попал в трещинку на льду, и Джим упал. Благодаря скафандру он не обжегся об лед, да и падать он умел, но Виллис выскочил из сумки, как пробка из бутылки.

Попрыгунчик инстинктивно втянул все отростки разом, подпрыгнул как мячик на льду и покатился дальше; так он пробежал несколько сот ярдов. Фрэнк, видя, что Джим свалился, затормозил, как хоккеист, в облаке ледяной пыли и подъехал к нему.

— Ты как, ничего?

— Порядок. Где Виллис?

Они поехали вперед и обнаружили Виллиса, который стоял на ножках и ждал их.

— Ураа! — заорал он. — Давай еще так!

— Ну уж нет, — возразил Джим и затолкал его обратно в сумку. — Слушай, Фрэнк, сколько времени мы уже в пути?

— Не больше трех часов, — определил Фрэнк, поглядев на солнце.

— Жаль, часов нет, — посетовал Джим. — Не пропустить бы станцию.

— Да до нее еще бежать добрых два часа.

— А вдруг проедем мимо? Нам же не видно, что там на берегу.

— Хочешь вернуться и проверить?

— Ну нет.

— Тогда не дергайся.

Джим замолчал, но беспокоиться не перестал. Может быть, потому он и заметил единственный признак станции Проекта, а Фрэнк прокатился мимо. Это был обычный спуск с берега на канал. Такие спуски встречались через каждые несколько миль и были такими же древними, как сами каналы, но над этим торчала балка — должно быть, для подвески талей. Джиму подумалось, что это работа землян. Он остановился. Фрэнк, заметив, что Джима нет рядом, повернул назад.

— Чего ты?

— По-моему, это то самое и есть.

— Хмм... все может быть.

Они сняли коньки и поднялись по скату. Наверху, недалеко от берега, стоял надувной дом, отличительный признак пришельцев с Земли. Рядом был заложен фундамент кислородного завода. Джим испустил глубокий вздох. Фрэнк кивнул.

— Как раз там, где мы ожидали.

— И как раз вовремя, — добавил Джим.

Солнце клонилось к западу и на глазах опускалось все ниже.

В доме, конечно, никого не было, работы на этой широте возобновятся только весной. Давление внутри не поддерживалось, мальчики просто открыли защелку на двери и вошли. Фрэнк нашарил выключатель и включил свет; электричество вырабатывал атомный блок питания, не требующий присутствия человека. Дом был простым бараком с рядами коек и кухней, но Фрэнк был наверху блаженства.

— Прямо как дома, Джим.

— Ага.

Джим нашел термостат, включил его, и комната стала нагреваться. Послышались легкие вздохи, это регулятор давления, встроенный в термостат, включил нагнетатель. Через несколько минут мальчики смогли снять маски, а потом и скафандры. Джим стал обыскивать кухню, открывая шкафы и заглядывая на полки.

— Нашел что-нибудь? — спросил Фрэнк.

— Ни фиги. Могли бы хоть банку бобов оставить.

— Вот теперь ты порадуешься, что я перед уходом ограбил кухню. Ужин через пять минут.

— У тебя прямо криминальный талант, — признал Джим. — Воздаю тебе должное. — Он попробовал кран и объявил: — Полно воды в резервуарах.

— Это хорошо, — ответил Фрэнк. — Не придется идти строгать лед. Мне надо залить воды в маску. Последние несколько миль я бежал всухую.

В гребне на респираторной маске находится не только маленький нагнетатель с источником питания, поддерживающий давление, там есть еще и резервуар для воды. Через ниппель внутри маски можно попить, не снимая ее, но это не главная функция резервуара. В первую очередь вода нужна для того, чтобы смачивать тампон, через который воздух проходит в нос.

— Как всухую? Ты что, не знаешь, что этого нельзя допускать?

— Я забыл залить воду, когда мы уходили.

— Турист!

— Ну мы ведь несколько спешили.

— Сколько времени ты был сухой?

— Не знаю точно, — уклонился Фрэнк.

— Как твое горло?

— Нормально. Разве что чуть-чуть пересохло.

— Дай я посмотрю, — сказал Джим, подойдя к нему.

Фрэнк оттолкнул его.

— Говорю тебе: нормально. Давай лучше поедим.

— Давай.

Они поужинали говяжьим фаршем и улеглись спать. Виллис пристроился Джиму под бок и передразнивал, как он храпит.

На завтрак было то же самое: фарш еще остался, а Фрэнк настаивал на том, что ничего не должно пропадать. Виллис не стал завтракать, потому что поел всего две недели назад, зато выпил целую кварту воды. Перед уходом Джим показал Фрэнку электрический фонарик.

— Смотри, что я нашел.

— Положи на место, мы уходим.

— Пожалуй, я возьму его, — ответил Джим. — Вдруг пригодится.

— Не пригодится, и он не твой.

— Ты, праведник, я ж его не ворую, а беру взаймы — при чрезвычайных обстоятельствах.

— Ладно, пошли, — пожал плечами Фрэнк.

Через несколько минут они спустились на лед и снова покатали на юг. День был чудесный, как почти все дни на Марсе. Когда солнце поднялось достаточно высоко, чтобы заглянуть в русло канала, воздух наполнился запахом трав, несмотря на глубокую осень. К полудню Фрэнк заметил заветную балку — знак станции Прокта, и им удалось пообедать в доме. Это избавило их от скучной, неопрятной и неэффективной операции — питаться через клапан маски. Дом был близнецом первого, но фундамент завода отсутствовал.

Перед уходом Джим сказал:

— Ты что-то красный, Фрэнк. У тебя температура?

— Это признак цветущего здоровья, — заверил Фрэнк. — Все хорошо. — Однако он кашлял, надевая маску.

«Марсианский катар», — подумал Джим, но ничего не сказал, он все равно не мог ничем помочь Фрэнку.

Марсианский катар сам по себе не болезнь, а просто крайняя сухость носоглотки. Она появляется, когда человек дышит марсианским воздухом без защитных средств. Влажность на Марсе, как правило, равна нулю,

и пересохшая слизистая оболочка открывает дорогу всем болезнетворным микробам, которые в тот момент находились в горле. Обычно дело кончается жестокой ангиной.

День прошел без происшествий. Когда солнце стало клониться к закату, можно было предполагать, что до дома осталось не более пятисот миль. Джим весь день не спускал глаз с Фрэнка. Тот бежал на коньках так же резво, как и вчера. Может быть, кашель — просто ложная тревога, решил Джим.

— Пора бы подумать о ночлеге, — сказал он.

— Согласен.

Вскоре они проехали спуск, построенный давно умершими марсианами, но ни подъемной балки, ни каких-либо иных знаков деятельности землян не было видно. Берега, хоть и стали чуть ниже, все же были слишком высоки, и с канала нельзя было увидеть, что находится наверху. Джим увеличил темп, и они помчались вперед. Показался следующий спуск, но снова ничто не указывало на то, что над ним может быть приют. Джим остановился.

— Предлагаю подняться наверх и посмотреть. Мы точно знаем, что станции строят на спусках, а балку могли и опустить.

— А если мы только потеряем драгоценное время? — возразил Фрэнк. — Лучше поторопимся и доедем до следующего спуска, пока не стемнело.

— Ну как скажешь. — Джим оттолкнулся и начал набирать скорость.

У следующего спуска история повторилась. Джим снова остановился и взмолился:

— Давай посмотрим. К следующему мы не успеем до заката.

— Давай. — Фрэнк нагнулся снять коньки.

Они поднялись наверх. В косых лучах солнца не было видно ничего, кроме растительности, окружающей канал. Джим чуть не заревел от усталости и разочарования.

— Что же теперь делать? — сказал он.

— Поедем обратно, — ответил Фрэнк, — и будем бежать, пока не найдем.

— Вряд ли мы разглядим подъемную балку в темноте.

— Тогда будем бежать, пока не упадем, — мрачно сказал Фрэнк.

— Раньше мы замерзнем.

— Если хочешь знать мое мнение, — ответил Фрэнк, — то нам конец. Я, к примеру, не смогу бежать всю ночь, даже если мы не замерзнем раньше.

— Тебе плохо?

— Мягко говоря. Пошли.

— Хорошо.

Виллис вылез из сумки Джиму на плечо, чтобы лучше видеть. Внезапно он соскочил вниз и куда-то покатился. Джим не успел схватить его.

— Эй! Виллис! Назад!

Виллис не отвечал. Джим побежал его догонять, с трудом продираясь сквозь заросли. Днем он спокойно прошел бы под листьями, но теперь, к вечеру, почти все растения съежились и стали ему по колено — скоро они уйдут на ночь в землю. Более чувствительные к морозу уже исчезли, и на их месте осталась голая земля. Виллису заросли не мешали, но Джим запутался в них и никак не мог найти беглеца. Фрэнк закричал:

— Берегись водоискалак! Смотри, куда идешь!

Джим стал продвигаться еще медленнее.

— Виллис, — позвал он, стоя на месте, — а Виллис! Вернись! Вернись, чтоб тебя, а то мы уйдем и бросим тебя здесь. — Это была совершенно пустая угроза.

Фрэнк с треском продрался к нему.

— Нельзя больше здесь оставаться, Джим.

— Само собой. Кто ж его знал, что он выкинет такой номер в самый неподходящий момент?

— Надоел он до смерти, вот что. Пойдем.

Издалека донесся голос Виллиса или, скорее, голос Джима:

— Джим! Джим! Иди сюда!

Джим, а за ним и Фрэнк стали пробираться сквозь жмушщиеся к земле растения. Попрыгунчик сидел на краю огромного листа пустынной капусты — все растение насчитывало пятьдесят ярдов в поперечнике. Пустынная капуста не часто встречается вблизи каналов. Это сорняк, и ее не допускают на дно бывшего моря в низких широтах, зато ее находят в пустыне за многие мили от воды.

Листья, обращенные к западу, все еще были распластаны веером по земле, но те, что смотрели на восток, поднялись почти вертикально, жадно ловя солнечные лучи, необходимые для фотосинтеза, а значит, для жизни. Растение было морозостойким и не сворачивалось до полного захода солнца, а в землю совсем не уходило. Капуста просто сжималась в тугой шар, защищаясь от холода, и тем напоминала в гигантском масштабе земное растение, в честь которого была названа.

Виллис сидел на листе, распластанном по земле, и Джим потянулся за ним.

Виллис подпрыгнул и укатился в самую середину капусты. Джим остановился и сказал:

— Виллис, чтоб тебя, вылезай. Ну пожалуйста.

— Не ходи за ним, — предостерег Фрэнк. — Вдруг она сейчас свернется. Солнце почти что село.

— Я стою на месте. Виллис! Вернись!

— Иди сюда, Джим, — отозвался Виллис.

— Нет, это ты иди сюда.

— Джим, иди сюда. Фрэнк, иди сюда. Там холодно. Здесь тепло.

— Фрэнк, что делать?

— Иди, Джим, — снова позвал Виллис. — Тепло! Тепло всю ночь.

— Знаешь что, Фрэнк, — опешил Джим. — Кажется, он хочет пересидеть ночь в капусте. И зовет нас к себе.

— Похоже на то.

— Иди, Джим! Иди, Фрэнк! — настаивал Виллис. — Скорей!

— Может, он и знает, что делает, — сказал Фрэнк. — Док говорит, у него есть инстинкты для жизни на Марсе, а у нас нет.

— Но нельзя же лезть в капусту. Она нас раздавит.

— Не знаю.

— А нет, так задохнемся.

— Возможно. Делай как знаешь, Джим, — сказал вдруг Фрэнк, — я больше не могу бежать на коньках.

Он поставил ногу на широкий лист, который при этом дрогнул, и пошел прямо к Виллису. Джим какой-то миг колебался, потом бросился следом.

— Молодец, Фрэнк! Молодец, Джим! — восторженно приветствовал их Виллис. — Хорошо, тепло всю ночь.

Солнце опускалось за отдаленную дюну, подул холодный закатный бриз. Наружные листья растения поднялись и начали сворачиваться.

— Еще не поздно выскочить, Фрэнк, — нервно сказал Джим.

— Я остаюсь, — сказал Фрэнк, сам глядя с тревогой на приближающиеся листья.

— Мы задохнемся.

— Возможно. Все лучше, чем замерзнуть.

Внутренние листья закрывались быстрее, чем наружные. Один лист, четырех футов в ширину и десяти в длину, поднялся дыбом за спиной у Джима и стал скручиваться, пока не коснулся его плеча. Джим нервно стряхнул его. Лист отпрянул и снова медленно пополз к Джиму.

— Фрэнк, — пронзительно вскрикнул Джим, — они нас задушат!

Фрэнк тоже со страхом смотрел, как сжимаются листья вокруг него.

— Джим, — сказал он, — сядь. Расставь ноги пошире. Теперь бери меня за руки, сделаем свод.

— Зачем?

— Чтобы захватить как можно больше места. Скорей!

Джим послушался. Действуя руками, локтями и коленями, они отвоевали себе неправильную сферу пяти футов в поперечнике и примерно столько же высотой. Листья коснулись их, словно ощупывая, а потом сомкнулись вокруг них, но не с такой силой, чтобы раздавить. Вскоре закрылся последний просвет, и они оказались в полной темноте.

— Фрэнк, — спросил Джим, — теперь-то можно шевелиться?

— Нет! Пусть наружные листья тоже станут на место.

Джим еще долго просидел неподвижно, он знал, что долго, потому что досчитал в уме до тысячи и уже приступил ко второй, когда у него в ногах закопошился Виллис.

— Джим, Фрэнк, хорошо, тепло, да?

— Да, Виллис, — согласился Джим. — Ну как, Фрэнк?

— Пожалуй, можно расслабиться, — Фрэнк опустил руки. Лист, служивший потолком, тут же полез

вниз и задел Фрэнка по голове. Тот инстинктивно отмахнулся, и лист вернулся на место.

— Здесь уже душно, — сказал Джим.

— Не волнуйся, ничего страшного. Не дыши глубоко, не говори и не двигайся, тогда меньше кислорода уйдет.

— Какая разница, задохнемся мы через десять минут или через час? Это было безумие, Фрэнк. Как ни крути, до утра нам не дотянуть.

— Почему? Я читал, как в Индии люди давали хоронить себя заживо, а когда их откапывали спустя несколько дней или даже недель, они еще были живы. Они назывались «факиры».

— Факиры или еще кто, я в это не верю.

— Говорю тебе, я читал это в книге.

— Что ж, по-твоему, все, что пишут в книгах, правда?

— Хорошо бы это было правдой, — поколебавшись, ответил Фрэнк, — потому что это наш единственный шанс. А теперь, может, заткнешься? Если будешь трепаться, то изведешь весь воздух, который еще есть, и мы все помрем из-за тебя.

Джим замолчал, и слышно было только, как дышит Фрэнк. Джим наклонился и потрогал Виллиса: попрыгунчик был гладкий, наверное, спал. Потом дыхание Фрэнка перешло в скрипучий храп.

Джим попытался заснуть, но не смог. Непроглядная тьма и спертый воздух давили на него, как груз. Он снова пожалел о своих часах, ставших жертвой деловой сметки Смайта. Если бы знать, который час и сколько еще до рассвета, тогда бы он, пожалуй, выдержал.

Он был убежден, что ночь уже прошла или на исходе, и стал ждать рассвета, когда капуста раскроется. Прождав, по своим расчетам, часа два в надежде, что это вот-вот произойдет, Джим начал паниковать. Он знал, что зима совсем близко, и знал, что пустынная капуста на зиму засыпает — закрывается до весны, и все. Очевидно, им с Фрэнком здорово не повезло: они нашли приют в капусте в ту самую ночь, когда она закрылась на зиму.

Пройдет двенадцать долгих месяцев, больше трехсот дней, и капуста раскроется навстречу весеннему солнцу, освободив их мертвые тела. Джим был уверен в этом.

Потом он вспомнил про фонарик, который прихватил на первой станции Проекта. Эта мысль приободрила Джима, и на миг он забыл свои страхи. Он наклонился, извернулся и попробовал достать сумку, все еще висевшую за спиной.

Листья у него над головой полезли вниз. Он стукнул по ним, и они отпрыгнули. Джиму удалось нащупать фонарик, он вытащил его и включил. Замкнутое пространство ярко осветилось. Фрэнк перестал храпеть, моргнул и сказал:

— Что это?

— Да вот вспомнил про фонарик. Хорошо, что я его взял, правда?

— Ты лучше выключи его и спи.

— Он кислорода не поглощает, а мне с ним легче.

— Может, и так, зато ты, когда не спишь, поглощаешь больше кислорода.

— Наверное. — Тут Джим вспомнил, что мучило его до того, как он зажег свет. — Только нам это все равно, — и он рассказал Фрэнку о своем открытии: больше они отсюда не выйдут.

— Чепуха! — сказал Фрэнк.

— Ничего не чепуха. Почему ж она тогда не раскрылась на рассвете?

— Потому что, — сказал Фрэнк, — мы здесь не больше часа.

— Что?

— Не больше часа. Заткнись и не мешай мне спать. А свет лучше выключи.

Джим заткнулся, но свет не выключил — свет успокаивал его. Кроме того, ближние листья, которые все время надоедливо лезли им на голову, теперь отодвинулись и плотно прилипли к стенке, образованной слоями наружных листьев. Следуя законам природы, листья старались подставить как можно больше поверхности свету фонарика.

Джим не анализировал это явление. Его понятия о фотосинтезе и гелиотропизме были поверхностными. Он просто видел, что при свете пространство увеличилось и не надо все время воевать с листьями. Он приткнул фонарик к Виллису, который даже не шевельнулся, и закрыл глаза.

При свете казалось, что внутри не так душно, и давление как будто повысилось. Джим подумал, не снять ли маску, но решил не делать этого и сам не заметил, как уснул.

Ему приснился сон. Ночлег в пустынной капусте был всего лишь фантастическим, причудливым сном, а школа и директор Хоу кошмаром; он был дома и спал в своей кровати с Виллисом под боком. Завтра они с Фрэнком поедут в школу в Малый Сирт.

Это был просто кошмарный сон, вызванный опасениями, что у него отберут Виллиса. Они собрались отнять у него Виллиса! Не бывать этому! Джим его не отдаст!

Сон переменялся: Джим снова восставал против директора Хоу, спасал Виллиса и убежал, и снова они были заперты в пустынной капусте. Джим с горечью сознавал во сне, что конец всегда будет таким. Это реальность: они заперты, пойманы в сердцевину гигантского, закрывшегося на зиму сорняка и умрут там. Он задышался и бормотал сквозь сон, пытаясь проснуться, и уходил в другой, не такой тяжелый сон.

Глава 7

ПОГОНЯ

Крохотный Фобос, внутренний спутник Марса, вышел из его тени и с головокружительной скоростью пролетел с запада на восток, навстречу восходящему солнцу. Неспешное вращение Красной планеты, делавшей оборот за двадцать четыре с половиной часа, поставило под лучи солнца восточный Стримон. Через полосу пустыни между рукавами канала лучи достигли западного Стримона и коснулись огромного шара, торчащего на его восточном берегу — пустынной капусты, закрывшейся на ночь от холода.

Растение шевельнулось и раскрылось. Сторона, обращенная к солнцу, распласталась по земле, а вторая половина развернулась, как павлиний хвост, ловя почти горизонтальные лучи. При этом из сердцевины растения что-то вывалилось на плоские листья — два человеческих тела, скрюченных и застывших, одетых в нелепые эластичные костюмы, с карикатурными шлемами на головах.

Вместе с ними вывалился мяч, прокатился пару ярдов по толстым зеленым листьям и остановился. Вверху показались глазки, внизу — ножки, шарик поковылял к распростертым телам и потерся об одно из них. Подождал, потерся снова, отскочил и тоненько заску-

лил, выражая свое безутешное горе и невосполнимую потерю.

Джим открыл один глаз, налитый кровью.

— Прекрати к черту этот шум, — рявкнул он.

Виллис завопил:

— Джим, мой мальчик! — Вскочил ему на живот и начал там прыгать в полном экстазе.

Джим смахнул его и взял под мышку.

— Уймись. Как ты себя ведешь? Ой!

— Ты чего, Джим?

— Рука затекла. У-уй! — Джим понял, что у него затекли и ноги, и спина, и шея.

— Что с тобой? — спросил Фрэнк.

— Застыл, как доска. Придется коньки на руки надевать. Слушай...

— Чего «слушай»?

— Может, коньки и не понадобятся. Интересно, ручки уже бегут?

— Что ты такое несешь? — Фрэнк медленно, осторожно сел.

— Ну ручки, весенние. Нам как-то удалось протянуть зиму, не знаю почему.

— Не будь глупее, чем ты есть. Посмотри, где солнце встает.

Джим посмотрел. Марсианскому колонисту положение солнца на небе говорит гораздо больше, чем любому землянину, за исключением разве что эскимоса.

— А-а... — только и сказал он, — это, наверное, был сон.

— То ли сон, то ли мозги у тебя свихнулись набекрень больше обычного. Надо двигаться. — И Фрэнк со стоном поднялся на ноги.

— Как ты себя чувствуешь?

— Как собственный дедушка.

— Я про горло спрашиваю.

— Да нормально. — И Фрэнк тут же закашлялся, но усилием воли остановил приступ: очень неудобно кашлять, когда на тебе респиратор, а чихать еще хуже.

— Позавтракать не хочешь?

— Нет, не хочу пока, — ответил Фрэнк. — Давай сначала поищем станцию, тогда и поедем, как люди.

— Давай.

Джим упаковал Виллиса обратно в сумку и убедился, что стоять и ходить может. Заметив фонарик, он сунул его к Виллису и пошел за Фрэнком на берег. Растительность начинала вылезать из земли и все больше мешала ходьбе. Зелень еще не отошла от ночного холода и неохотно уступала дорогу. Они вышли на берег.

— Спуск должен быть ярдов на сто вправо, — определил Фрэнк. — Точно, я его вижу. Пошли.

Джим схватил его за руку и оттащил назад.

— Ты что, обалдел?

— Погляди на канал к северу.

— Чего там? А-а!

К ним приближался скутер, но не со скоростью двести пятьдесят миль в час, обычной для него, он еле полз. Наверху, на куполе, сидели двое человек.

Фрэнк быстро отпрянул назад.

— Молодец, Джим. Я чуть было не вылез прямо на них. Пусть проедут.

— Виллис тоже молодец, — наставительно заметил Виллис.

— Проедут, как же! — ответил Джим. — Ты что, не видишь, что они делают?

— Что?

— Идут по нашим следам, вот что!

Пораженный Фрэнк выглянул из укрытия.

— Осторожно! — одернул Джим. — У него бинокль.

Фрэнк нырнул обратно, он видел достаточно: скутер остановился примерно в том месте, где и они вчера вечером. Один из тех, что сидел наверху, через обзорный купол жестами разговаривал с водителем, показывая на спуск.

Следы коньков никогда не исчезают со льда канала — разве что при оттепели, а сейчас канал прочно замерз на зиму. И вряд ли еще кто-нибудь, кроме двух беглецов, мог бежать на коньках по этому отрезку канала, вдали от всякого жилья, и в это время. Следы скутеров, конечно, тоже отпечатывались на льду, но Джим и Фрэнк, как все конькобежцы, избегали их, предпочитая гладкий лед. Теперь их след, как по нитке, мог привести любого от станции Киния к ближайшему спуску.

— Залезем обратно в кусты, — прошептал Джим, — и спрячемся, пока они не уйдут. В этих зарослях им нас никогда не найти.

— А вдруг не уйдут? Хочешь провести еще одну ночь в капусте?

— Когда-нибудь им ведь придется уйти.

— Да, но это будет не скоро. Они знают, что мы поднялись на берег в том месте, значит, останутся и будут искать, мы столько не выдержим. Им легче, у них есть укрытие.

— Что же тогда делать?

— Пойдем на юг по берегу пешком, хотя бы до следующего спуска.

— Ну пошли, а то они вот-вот поднимутся.

С Фрэнком во главе они рысцой двинулись по берегу. Растения теперь поднялись достаточно высоко, чтобы можно было пройти под ними. Фрэнк держался футах в тридцати от обрыва. Сумрак под листвой и стебли трав укрывали их от преследователей.

Джим был начеку, высматривая змеечервей и водоискалок, и велел Виллису тоже следить. Они шли с хорошей скоростью. Через несколько минут Фрэнк остановился, знаком призвал к молчанию, и они прислушались. Джим слышал только хриплое дыхание Фрэнка, если погоня и шла за ними, то отстала.

Они отошли уже мили на две к югу от спуска, и Фрэнк внезапно остановился. Джим налетел на него, и оба чуть не скатились в то, что послужило причиной остановки, — в поперечный канал. Он шел с востока на запад и был притоком главного канала. Между Кинией и Хараксом таких было несколько. Некоторые соединяли восточный рукав Стримона с западным, другие просто отводили воду в местные водоемы.

Джим заглянул в глубокий и узкий проем.

— Надо же, чуть не свалились.

Фрэнк не ответил. Он упал на колени и схватился за голову: на него напал кашель. Потом приступ прекратился, но плечи Фрэнка продолжали вздрагивать, будто он беззвучно рыдал. Джим положил руку ему на плечо.

— Худо тебе, парень?

Фрэнк не ответил.

— Бедный наш Фрэнк! — сказал Виллис и поцокал, как будто языком.

Джим в раздумье снова перевел взгляд на канал. Фрэнк поднял голову и сказал:

— Я ничего. Это просто минутное — вдруг этот канал и снова задержка из-за него. Я так устал.

— Слушай, Фрэнк, — сказал Джим, — у меня новый план. Я пойду вдоль этой канавы на восток, пока не найду, где можно спуститься. А ты пойдешь назад и сдашься.

— Нет!

— Дай договорить! Это будет только разумно. Ты слишком болен, чтобы идти. Если ты останешься здесь, то умрешь, надо себе в этом сознаться. Кто-то должен рассказать обо всем нашим, и это буду я. Ты идешь к скутеру, сдаешься и врешь им, что я, мол, пошел туда-то и туда-то — в другую сторону, конечно. Если согласишься убедительно, это может сбить их со следа, и весь день они будут гоняться за собственным хвостом, а у меня будет передышка. Ты тем временем лежишь в скутере, в тепле и безопасности, а завтра тебя поместят в школьный лазарет. Это только разумно, правда?

— Нет.

— Почему «нет»? Ты просто упрямисься.

— Нет, — повторил Фрэнк, — ничего не выйдет. Во-первых, я не дамся им в руки, лучше умру.

— Дурак!

— Сам дурак. Во-вторых, передышка в один день ничего тебе не даст. Когда они убедятся, что там, где я сказал, тебя нет, они вернутся, прочешут канал на скутере и завтра же тебя поймают.

— Что же ты предлагаешь?

— Не знаю, но твой план не годится.

Несколько минут оба молчали, потом Джим спросил:

— Какой у них скутер?

— Обычный грузовой, Хадсон-600, по-моему. А что?

— Смогут они развернуться здесь?

Фрэнк посмотрел на поперечный канал с высокого берега: уровень воды в нем был таким низким, что ширина льда не достигала и двадцати футов.

— Не смогут, — ответил он.

— Значит, не будут обыскивать приток на скутере — по крайней мере, на этом.

— Без тебя ясно, — перебил Фрэнк. — Ты хочешь выйти на восточный Стримон и по нему добираться домой. Но откуда ты знаешь, выводит к нему эта канава или нет? Ты так хорошо помнишь карту?

— Нет, не помню. Но вероятность большая. А если нет, мы часть пути пробежим, а остальную часть пройдем пешком, вот и все.

— Когда мы выйдем на восточный рукав, нам все равно останется миль пятьсот до Харакса. На этом рукаве хотя бы станции есть, просто мы вчера одну пропустили.

— На восточном рукаве так же могут быть станции, как и на западном, — возразил Джим. — Весной работы по Проекту начнутся и здесь и там. Я знаю, отец без конца говорит об этом. А по этому рукаву дальше идти просто нельзя, нас здесь ищут. Так чего зря языком молоть? Вопрос только в том, сможешь ты бежать на коньках или нет? Если нет, я все-таки за то, чтобы ты сдался.

— Смогу, — мрачно сказал Фрэнк и встал. — Идем.

Они смело вышли на каменную кромку канала и убедились, что их преследователи все еще обыскивают окрестности того места, где оборвался след. Пройдя три или четыре мили на восток, они обнаружили спуск на лед.

— Попытаем счастья? — спросил Джим.

— Конечно. Даже если они пошлют вдогонку человека на коньках, не думаю, чтобы он добрался до этого места — следов-то нет. Я устал идти пешком.

Они сошли вниз, надели коньки и покатали вперед. Ходьба излечила почти все последствия сна в неудобном положении, хорошо было снова оказаться на льду. Джим подстраивался под Фрэнка, а тот, несмотря на болезнь, бежал ровно, оставляя позади милю за милей.

Они проехали около сорока миль, и берега стали гораздо ниже. У Джима при виде этого екнуло сердце: должно быть, канал не доведет их до восточного рукава, это всего лишь сток, ведущий к какой-то впадине в пустыне. Свои подозрения он оставил при себе, но еще через час шадить друга больше не было смысла, истина стала очевидной. Берега стали такими низкими, что можно было видеть, что наверху, а лед впереди больше не сливался с голубым небом, а обрывался невдалеке.

Они дошли до этого места — там было замерзшее болото. Берега исчезли, во все стороны простирался неровный лед, обрамленный вдали зеленью. Кое-где из-под льда торчали пучки травы, прихваченной морозом.

Друзья продолжали идти на восток, скользили на коньках, где было можно, проходили пешком через островки суши. Наконец Фрэнк сказал:

— Конечная! Все выходят! — и сел снять коньки.

— Прости, Фрэнк.

— За что? Дальше пойдем пешком. Наверное, не так уж много осталось.

Они прошли зеленый пояс, двигаясь достаточно скоро для того, чтобы растения успевали дать им дорогу. Растительность, окружавшая болото, была ниже, чем у канала — по плечо мальчикам, и листья были меньше. Пройдя пару миль, Джим и Фрэнк оказались в песках.

По рыхлым холмам красного оксида железа идти было тяжело, а дюны, на которые надо было либо взбираться, либо обходить их, еще больше затрудняли дорогу. Джим предпочитал взбираться на холм, даже когда Фрэнк обходил, и смотрел, не покажется ли на горизонте темно-зеленая линия, указывающая на близость восточного Стримона. Но она не показывалась.

Виллис настоял, чтобы его спустили вниз, и первым делом искупался в чистом песке, а потом стал рыскать впереди, разведывая дорогу и распутивая жуков-вертунов. Джим только что влез на дюну и спускался с нее, и тут он услышал отчаянный вопль Виллиса. Он оглянулся.

Фрэнк огибал дюну с Виллисом впереди. Теперь попрыгунчик замер на месте, а Фрэнк ничего не замечал, он тащился, волоча ноги и опустив голову. Прямо перед ними изготавилась к нападению водоискалка. Дистанция была длинной даже для опытного снайпера. Вся сцена стала казаться Джиму какой-то нереальной. У него было впечатление, что теперь Фрэнк застыл на месте, а водоискалка медленно движется к своим жертвам. А у него самого была целая бездна времени, чтобы вынуть пистолет, тщательно прицелиться и выстрелить.

Огонь охватил хищницу, но она продолжала двигаться.

Джим снова прицелился и нажал на спуск. Луч, направленный точно в середину туловища, разрезал зверя пополам, словно циркулярная пила, но он продолжал двигаться, пока обе половины не распались, извиваясь. Огромный кривой коготь левой лапы остановился в нескольких дюймах от Виллиса.

Джим бегом спустился с дюны. Фрэнк, который больше не казался ему статуей, действительно стоял на месте и смотрел, хлопая глазами, на то, что чуть не стало для него внезапной и кровавой смертью.

— Спасибо, — сказал он подошедшему Джиму.

Джим, не ответив, лягнул ногу зверя, которая еще дергалась.

— Дрянь такая, — с силой сказал он. — Ух, до чего я их ненавижу. Всех бы спалил, сколько их есть на Марсе, всех до единой. — Он осмотрел туловище, нашел яичник и тщательно выжег его.

Виллис не шевелился и тихо плакал. Джим подошел, взял его и положил в сумку.

— Давай будем держаться вместе, — сказал он. — Если не хочешь лазить на дюны, мы их будем обходить.

— Ладно.

— Фрэнк!

— Да? Что, Джим? — безжизненным голосом спросил Фрэнк.

— Что ты видишь впереди?

— Впереди? — Фрэнк мужественно попытался сфокусировать взгляд — перед глазами стоял туман. — Да это же канал, то есть зеленый пояс. Кажется, мы дошли.

— А еще что? Башню видишь?

— Что? Где? Да, вроде вижу. Точно, башня.

— Ради всего святого, Фрэнк! Ты понимаешь, что это значит? Марсиане!

— Да, наверное.

— Ну так приободришь малость!

— С чего это?

— Марсиане возьмут нас к себе, они добрые! И ты сможешь отдохнуть в тепле, прежде чем идти дальше.

Фрэнк немного оживился, но ничего не сказал.

— Может, они и Гекко знают, — продолжал Джим. — Вот будет здорово.

— Все может быть.

Им пришлось тащиться еще около часа, пока они не добрались до маленького марсианского городка. Он был такой маленький, что мог похвалиться всего одной башней, но в глазах Джима он был прекраснее Большого Сирта. Идя вдоль стены, они нашли ворота.

Стоило пробыть внутри несколько минут, и радужные надежды Джима поблекли. Еще до того, как он увидел заросший сорной травой городской сад, — пустые аллеи и площадки для игр открыли ему печальную правду: город был покинут.

Марс когда-то, очевидно, был гораздо гуще населен аборигенами, чем сейчас. Здесь встречаются города-призраки, и даже в крупных населенных центрах, таких, как Харакс, Большой и Малый Сирт, Геспериды, есть заброшенные кварталы, по которым иногда водят туристов с Земли. А этот городок, скорее всего, никогда не имевший большого значения, опустел, должно быть, еще до того, как Ной заложил киль своего ковчега.

Джим стоял на центральной площади, и ему не хотелось говорить. Фрэнк сидел на слитке металла с вытравленными на нем письменами, — чтобы прочесть их, не один земной ученый отдал бы правую руку.

— Ладно, — сказал Джим, — отдохни немного, а потом, наверное, надо будет поискать спуск на канал.

— Без меня, — тусклым голосом сказал Фрэнк. — Я больше не могу идти.

— Не говори так.

— Я говорю как есть, Джим.

— Вот что, — забеспокоился Джим, — пойду-ка я пошарю тут крутом. Эти города под землей как соты. Я найду, где нам укрыться на ночь.

— Как хочешь.

— Ты сиди, не уходи никуда. — Тут Джим заметил, что Виллис нет, и вспомнил, что тот выпрыгнул из сумки, когда они входили в город.

— Виллис! Куда он делся?

— Откуда я знаю?

— Надо его найти. Виллис! Эй, Виллис! Иди сюда, парень!

Джиму отвечало только эхо со всех сторон мертвой площади.

— Эгей, Джим!

Вот это, без сомнения, откликнулся Виллис — он был где-то поблизости. Вскоре он появился, и не один: его нес марсианин. Марсианин подошел, выставил третью ногу, наклонился и что-то ласково прогудел Джиму.

— Что он говорит, Фрэнк?

— Да не знаю я. Скажи ему, пусть убирается.

Марсианин снова заговорил. Джим отказался от попытки использовать Фрэнка как переводчика и постарался вникнуть в смысл. Он понял перевернутый символ вопроса: его то ли приглашали куда-то, то ли что-то предлагали. Было также окончание, обозначающее движение, но корень был Джиму неизвестен. Джим ответил вопросительным символом, надеясь, что марсианин повторит свои слова. За него ответил Виллис.

— Пошли, Джим, — хорошее место!

«Почему бы и нет?» — подумал Джим и ответил:

— Хорошо, Виллис.

Марсианину он ответил символом согласия и чуть не надорвал глотку, воспроизводя тройной гуттуральный звук, совершенно нечеловеческий. Марсианин повторил его в обратном порядке, втянул ближнюю к ним ногу и зашагал прочь, не оглядываясь. Пройдя ярдов двадцать пять, он заметил, что за ним никто не последовал, быстро вернулся и произнес общий вопросительный символ, обозначающий «Что случилось?»

— Виллис, — поспешно сказал Джим, — я хочу, чтобы он нес Фрэнка.

— Нести Фрэнк?

— Да, как нес его Гекко.

— Гекко нет. Это К'бумч.

— К'бумк его звать?

— Нет, К'бумч, — поправил Виллис.

— Так вот, я хочу, чтобы К'бумч нес Фрэнка, как Гекко.

Виллис с марсианином помычали и покаркали, потом Виллис сказал:

— К'бумч хочет знать: Джим знает Гекко?

— Скажи ему: мы друзья, мы вместе испили воды.

— Виллис уже сказал.

— А как начет Фрэнка?

Оказалось, что Виллис сказал их новому знакомому и об этом. К'бумч взял Фрэнка в свои ладони и поднял. Фрэнк открыл глаза и снова закрыл, ему, как видно, безразлично было, что с ним делают.

Джим побежал за марсианином, еле успев схватить коньки Фрэнка со слитка, на котором тот сидел. Марсианин привел их в большое здание, которое внутри казалось еще больше, чем снаружи, благодаря цветным огням, горящим на стенах. Не задерживаясь там, марсианин сразу прошел под арку в дальней стене — там был спуск в туннель.

Марсиане, должно быть, так и не изобрели ступенек: скорей всего, просто не нуждались в них. Слабое притяжение Марса, составляющее всего тридцать восемь процентов земного, позволяет пользоваться скатами, которые на Земле показались бы опасно крутыми. Марсианин вел Джима по этим спускам все ниже и ниже.

Джим вскоре обнаружил, как раньше под Кинией, что давление стало выше, и сдвинул маску с чувством глубокого облегчения: он не снимал ее больше суток. Давление возросло внезапно, поэтому Джим рассудил, что дело тут не в спуске вниз, и не настолько уж глубоко они спустились, чтобы давление могло так измениться.

«Интересно, — думал Джим, — как они ухитряются это делать? Куда нам до них с нашими шлюзами».

Наконец они пришли в большой зал под куполом, где с потолка шел ровный свет. Стены состояли из сплошных арок. К'бумч остановился и снова задал Джиму какой-то вопрос, в котором упоминалось имя Гекко. Джим порывлся в памяти и старательно составил такую фразу:

— Мы с Гекко испили из одной чаши. Мы друзья.

Марсианин, кажется, остался доволен. Он прошел в одну из арок, в боковую комнату, и осторожно положил Фрэнка на пол. За ними бесшумно задвинулась дверь. Для марсиан комнатка была совсем маленькая, и в ней было несколько рамок для сидения. К'бумч пристроил свою нескладную фигуру в одну из них.

Джим вдруг почувствовал, что тяжелеет, и неожиданно для себя уселся на пол. Чувство тяжести сопровождалось легкой сонливостью, и Джим остался сидеть.

— Как ты, Фрэнк? — спросил он.

Фрэнк что-то пробормотал. Дышал он тяжело и хрипло. Джим снял с него маску и потрогал лицо: оно было горячим. Больше пока он ничего не мог сделать для Фрэнка. Чувство тяжести не оставляло его. Марсианин, похоже, был не расположен к разговору, да Джима и не тянуло разговаривать на его языке. Виллис стал гладким. Джим лег рядом с Фрэнком, закрыл глаза и попытался ни о чем не думать.

Потом он ощутил на миг, что стал легким, почти до головокружения, снова отяжелел и не мог понять, что это с ним творится. Он полежал еще несколько минут, потом К'бумч наклонился над ним и что-то сказал. Джим сел, и оказалось, что с ним снова все в порядке. К'бумч поднял Фрэнка, и они вышли.

В большом зале с куполом ничего не изменилось, только теперь там собралось много марсиан, больше тридцати. Когда К'бумч с ношей на руках, а за ним и Джим вышли из дверей, один из марсиан отделился от остальных и подошел к ним. Для марсианина он был невелик ростом.

— Джиммарло, — сказал он, употребив звательный символ.

— Гекко! — завопили в два голоса Джим и Виллис. Гекко склонился над ним.

— Друг мой, — мягко прогудел он. — Мой маленький, изувеченный друг.

Он взял Джима на руки и понес куда-то, а другие марсиане уступали ему дорогу.

Гекко быстро шел по каким-то туннелям. Оглянувшись, Джим увидел, что К'бумч и вся прочая компания следует за ними по пятам, и покорился обстоятельствам. Гекко вошел в комнату средних размеров и опустил Джима на пол, а рядом с ним положили Фрэнка. Фрэнк заморгал и спросил:

— Где это мы?

Джим посмотрел по сторонам. В комнате было несколько рамок для сидения, составленных в круг. На куполе изображено было небо. По одной стене протекал канал, прямо как настоящий. На стенах повторялся барельеф марсианского города, перья его башен парили в воздухе. Джим узнал эти башни, узнал город; он узнал

эту комнату. Это была та самая комната, в которой он «произрастал» с Гекко и его друзьями.

— Провалиться мне на месте, Фрэнк, мы опять в Кинии.

— Как? — Фрэнк сел, обвел глазами комнату, снова лег и крепко зажмурил глаза.

Джим не знал, смеяться ему или плакать. Столько усилий! Побег, стремление добраться до дома, благородный отказ Фрэнка сдаться преследователям, несмотря на болезнь и усталость, ночь в капусте — и вот вам, пожалуйста: они снова в трех милях от станции Киния.

Глава 8

ИНОЙ МИР

Джим налаживал хозяйство — и уход за больным — в самой маленькой комнате, которую смог подобрать ему Гекко. Сразу после прибытия состоялось «произрастание», после которого Джим, как и в прошлый раз, обнаружил, что его марсианский язык обогатился. Он дал Гекко понять, что Фрэнк болен и нуждается в уходе.

Гекко предложил взять заботу о Фрэнке на себя, но Джим отказался. Марсианская терапия то ли излечит Фрэнка, то ли убьет. Зато Джим попросил побольше питьевой воды — это было его правом, ведь он был «водный друг», почти что названный брат, а еще попросил цветной марсианский шелк, который предлагали им раньше вместо рамок. Из этого шелка Джим сделал мягкую постель для Фрэнка, а рядом гнездышко для себя и Виллиса. Он уложил Фрэнка, приподнял его, чтобы напоить как следует, и стал ждать, когда другу полегчает.

В комнате было как раз в меру тепло. Джим снял скафандр, потянулся и почесался. Потом стянул скафандр с Фрэнка и прикрыл его огненно-красным шелком. Порылся у Фрэнка в сумке и посмотрел, что там есть из еды. До сих пор он был занят и слишком устал,

чтобы думать о желудке, теперь от одного вида этикеток у него потекли слюнки. Он выбрал банку с синтетическим витаминизированным апельсиновым соком и искусственное куриное филе. Последнее происходило из дрожжевого резервуара в Северной колонии, но Джим привык к дрожжевым протеинам, и филе было для него не менее соблазнительно, чем настоящее белое мясо. Насвистывая, он вынул свой нож и приступил к делу.

Виллис куда-то смылся, но Джим по нему не скучал, он почему-то не беспокоился о Виллисе, пока они были в марсианском городе: здешняя атмосфера дышала миром и безопасностью. Даже о больном Джим почти позабыл, пока не закончил есть и не вытер рот.

Фрэнк все еще спал, но дышал хрипло, и его лицо пылало. Хотя в комнате было тепло и давление почти равнялось нормальному, воздух был по-марсиански сухой. Джим достал из своей сумки носовой платок, намочил его и прикрыл Фрэнку лицо. Время от времени он смачивал платок снова. Потом достал еще платок, тоже намочил и обвязал себе вокруг носа.

Пришел Гекко в сопровождении Виллиса.

— Джиммарло, — сказал он и сел.

— Гекко, — ответил Джим, смачивая платок Фрэнку.

Марсианин так долго молчал, что Джим подумал, не ушел ли он в свой «иной мир», но оказалось, что Гекко наблюдает за ним с живейшим интересом.

Некоторое время спустя Гекко спросил, что это Джим делает и зачем.

Джим попытался объяснить, что его племя, кроме воздуха, должно дышать еще и водой, но его марсианский словарь, несмотря на «произрастание», был недостаточно богат. Он сдался, и снова наступило молчание. Потом Гекко ушел, а за ним и Виллис.

Вскоре Джим заметил, что его повязка и платок Фрэнка сохнут не так быстро, как раньше, потом они вообще перестали просыхать. Он снял повязку — в ней было неудобно — и решил, что Фрэнк тоже вполне может обойтись без мокрого платка.

Вернулся Гекко. После десятиминутной паузы он заговорил, проявив почти безумную для марсианина спешку. Он хотел узнать, достаточно ли теперь воды в воздухе? Джим заверил его, что достаточно, и поблаго-

дарил. Помолчав еще минут двадцать, марсианин ушел. Джим решил лечь спать. День был длинный и тяжелый, а прошлая ночь не очень-то способствовала отдыху. Джим поискал взглядом выключатель, но так и не нашел. Он махнул рукой, натянул разноцветное покрывало до подбородка и уснул.

— Эй, Джим, проснись.

Джим приоткрыл глаза и снова закрыл.

— Уйди.

— Да очнись ты. Я уже два часа не сплю, а ты все хранишь. Мне надо узнать у тебя кое-что.

— Что ты хочешь узнать? Да, как ты себя чувствуешь?

— Я? Прекрасно. Почему ты спрашиваешь? Мы где?

Джим посмотрел на Фрэнка. Лихорадочный румянец пропал, и голос нормальный, без хрипоты.

— Ты вчера был здорово болен, — пояснил Джим, — и, по-моему, не в себе.

Фрэнк наморщил лоб.

— Может быть. Паршивые сны мне снились, это точно. Один был прямо ненормальный — про пустынную капусту.

— Это был не сон.

— Что?

— Я говорю, что пустынная капуста это не сон и все остальное тоже. Ты знаешь, где мы?

— Нет, потому и спрашиваю.

— Мы в Кинии, вот мы где.

— В Кинии?

Джим попытался кратко изложить Фрэнку события последних двух дней. Каким образом их доставили с восточного канала в Кинию, рассказать он не мог, поскольку сам толком не понимал.

— Наверное, это что-то вроде подземки, идущей параллельно каналу. Ну подземка — ты ведь читал про нее.

— Марсиане такой техникой не пользуются.

— Марсиане построили каналы.

— Да, но это было давным-давно.

— Может, они и подземку построили давным-давно.

Откуда ты знаешь?

— Ну построили так построили. Я есть хочу. Осталось у нас что-нибудь?

— Конечно. — Джим огляделся, ища Виллиса, его все еще не было. — Поищу-ка я Гекко и спрошу у него, где Виллис, — забеспокоился он.

— Ненормальный, — сказал Фрэнк. — Давай завтракать.

— Ну давай.

Покончив с едой, Фрэнк перешел к основному вопросу.

— Ладно, значит, мы в Кинии, а нам надо домой, и побыстрей. Вопрос в том, как туда попасть? Насколько я понимаю, раз марсиане так быстро сумели доставить нас сюда, они могут доставить нас и обратно, а там мы двинем домой по восточному Стримбну. Как тебе идея?

— По-моему, годится, — ответил Джим, — только...

— Тогда первым делом надо найти Гекко и договориться. Чего тянуть?

— Первым делом, — возразил Джим, — надо найти Виллиса.

— Зачем? Мало тебе было с ним хлопот? Оставь ты его, он здесь счастлив.

— Фрэнк, ты совершенно неправильно относишься к Виллису. Разве не он выручил нас из беды? Если бы не Виллис, ты бы сейчас выкашливал легкие в пустыне.

— Если бы не Виллис, мы бы в эту беду не попали.

— Ну, это просто нечестно. По правде говоря...

— Ладно, ладно. Иди ищи своего Виллиса.

Джим оставил Фрэнка прибираться после завтрака и вышел. Впоследствии он так и не смог связно рассказать о том, что случилось после, хотя некоторые факты оставались непреложными. Он стал разыскивать Гекко и спросил о нем первого же попавшегося ему в коридоре марсианина самым варварским образом: произнес символ вопроса и назвал имя.

Джим не был одаренным лингвистом и не обещал им стать, но его метод сработал. Марсианин отвел Джима к другому марсианину — так горожанин на Земле отвел бы приезжего к полицейскому, — а тот привел его к Гекко.

Джиму не составило большого труда объяснить Гекко, чего он хочет: чтобы ему вернули Виллиса. Гекко выслушал его и ласково объяснил, что это невозможно.

Джим начал снова, полагая, что непонимание вызвано его плохим знанием языка. Гекко дал ему догово-

рить, а затем совершенно ясно дал понять: он правильно понимает, чего хочет Джим, но не может выполнить его желание, не может отдать ему Виллиса. Нет, Гекко очень опечален тем, что вынужден отказать другу, с которым разделил чистую влагу жизни, но ничего не может поделать.

Под влиянием могучей личности Гекко Джим понял почти все, сказанное им, а остальное угадал. Отказ Гекко был окончательным. И какая разница, было при Джиме оружие или нет: Гекко не внушал ему ненависти, как Хоу. Джим чувствовал, как изливается на него дружеское тепло Гекко, и все же он был поражен, он негодовал и никак не мог смириться со своим приговором. Посмотрев в лицо Гекко, Джим повернулся и пошел, сам не зная куда, все время призывая Виллиса.

— Виллис! Виллис! Иди сюда, иди к Джиму!

Гекко устремился за ним, каждый его шаг равнялся трем шагам Джима. Джим бросился бежать, не переставая звать Виллиса. Он повернул за угол, налетел на троих марсиан и пролез у них между ногами. Гекко попал в уличную пробку, и, пока он выпутывался из нее по всем правилам марсианского этикета, Джим успел ударить довольно далеко.

Он заглядывал в каждую арку, что попадалась ему по дороге, и звал. Однажды он попал в комнату, где расположились марсиане, застывшие в трансе, который называется у них «уходом в иной мир». Джиму никогда не пришлось бы в голову беспокоить марсианина в трансе, как мальчику, живущему на границе западных американских земель, не пришлось бы в голову дразнить гризли. Но сейчас он ничего не замечал вокруг и крикнул, чем вызвал неслыханное и невообразимое смятение. Марсиан затрясло, а один бедняга так переволновался, что задрал все три ноги и грохнулся на пол.

Джим этого не видел, он уже мчался дальше и кричал в следующую дверь.

Гекко догнал его наконец и поймал в свои большие ладони.

— Джиммарло! — сказал он. — Джиммарло, друг мой!

Джим рыдал и колотил кулаками по твердой груди марсианина. Гекко немного потерпел, а потом зажал

руки Джима третьей рукой. Джим смотрел на него, не помня себя.

— Виллис, — сказал он на своем языке. — Я хочу Виллиса. Ты не имеешь права!

Гекко, держа его на руках, мягко ответил:

— Это не в моей власти. Я ничем не могу помочь. Нам надо отправиться в иной мир. — И пошел куда-то.

Джим не ответил, утомленный взрывом собственных чувств. Гекко сошел вниз по скату и стал спускаться все ниже и ниже. Они спустились так глубоко, как еще не приходилось Джиму и вряд ли приходилось хоть одному землянину. На верхних этажах им встречались другие марсиане, здесь не было никого.

Наконец Гекко вошел в комнатку глубоко под землей. Она отличалась тем, что ничем не была украшена, у простых, жемчужно-серых стен был какой-то немарсианский вид. Гекко опустил Джима на пол и сказал:

— Это ворота в иной мир.

Джим встал и спросил:

— Что ты такое говоришь? — и старательно перевел свой вопрос на марсианский. Он мог бы не утруждать себя: Гекко все равно не слышал.

Джим задрал голову и посмотрел на марсианина. Гекко застыл без движения, твердо упершись в пол всеми тремя ногами. Глаза были открыты, но лишены выражения. Гекко перешел в иной мир.

— Вот тебе и на, — забеспокоился Джим. — Ему-то хорошо.

Джим не знал, что делать: попробовать выйти наверх одному или подождать Гекко. Поговаривали, что марсиане могут не выходить из транса целыми днями, а то и неделями, но док Макрей всегда высмеивал такие рассказы.

Джим решил немного подождать и уселся на пол, обняв руками колени. Он почти успокоился и никуда особенно не спешил, как будто безграничное спокойствие Гекко передалось ему, когда Гекко нес его на руках.

Прошло какое-то время, бесконечно долгое время, и в комнате стало темнеть. Джима это не беспокоило: ему было хорошо, он снова испытывал то полное счастье, которое познал на двух своих «растительных посиделках».

Где-то далеко в темноте появился маленький огонек и стал расти. Но он не осветил жемчужно-серую комнату, а превратился в изображение. Это было похоже на стереокино, как будто смотришь лучший нью-голландский фильм в ярких, естественных красках. Только этот фильм снимали не на Земле, Джим точно знал это, в нем не было ни притянутого за уши счастливого конца, ни сюжета. Фильм был чисто документальным.

Джиму казалось, что он видит заросли трав у канала с высоты не более фута от земли. Ракурс все время перемещался туда-сюда, как будто камеру возили на очень низкой тележке между стеблями. Кадр перемещался на несколько футов, останавливался и снова переходил на другое место, хотя выше не поднимался. Иногда камера описывала полный круг, представляя панораму в триста шестьдесят градусов. Во время одного из таких оборотов Джим и увидел водоискалку. Странно, что он вообще узнал ее при таком сильном увеличении (готовясь к нападению, она заняла весь экран). Но разве можно было не узнать эти кривые, как ятаган, когти, это жуткое сосущее рыло, эти тяжелые ножищи? И уж ни с чем нельзя было спутать тошнотворное омерзение, которое вызывала эта тварь. Джиму даже казалось, что он чувствует ее запах.

Ракурс, с которого он ее видел, не менялся. Он замер на месте, а мерзкая, страшная тварь кинулась на него в последнем, смертельном прыжке. В самый последний миг, когда она заполнила весь экран, что-то произошло. Мора (или то, что ее заменяло) разлетелась на куски, и обгорелая гадина рухнула наземь.

Изображение смазалось, сменившись калейдоскопом красок, а потом чистый, звонкий голос сказал: «Смотри-ка, какой симпатичный!» Изображение восстановилось, будто подняли занавес, и Джим увидел перед собой другую образину, почти такую же страшную, как рыло убитой хищницы. Хотя образина заняла опять-таки весь экран и была причудливо искажена, Джим без труда узнал в ней респираторную маску колониста. Что пошатнуло его позицию кинозрителя, так это то, что он узнал эту маску. Ее украшали те самые тигровые полосы, которые Смайт замазал за четверть кредитки; это была его собственная прежняя маска.

И Джим услышал собственный голос: «Ты слишком маленький, чтобы гулять одному, когда-нибудь такая же гадина тебя съест. Возьму-ка я тебя домой».

Камера опять пошла сквозь заросли, на этот раз повыше, покачиваясь вверх-вниз в такт его, Джима, шагам. Потом в кадре появилась открытая местность, а на ней, в форме звезды, надувные дома Южной колонии.

Джим по привычке к тому, что смотрит на себя со стороны и слышит свою речь, и продолжал наблюдать мир глазами Виллиса. Пленка, видимо, не подвергалась никакой редакции, шла полная запись того, что видел и слышал Виллис с тех пор, как Джим взял его под свою опеку. Зрительные впечатления Виллиса были не слишком точными, он видел все по-своему, в свете прежнего опыта. У «Джима», героя фильма, поначалу было три ноги, прошло какое-то время, пока воображаемая конечность отпала. Другие персонажи — мать Джима, старый док Макрей, Фрэнк — постепенно превращались из бесформенных пятен в реальные, хотя немного искаженные, изображения.

Зато все звуки воспринимались невероятно ясно и четко. Джим обнаружил, что и сам впитывает разные звуки, особенно голоса, с новым для себя, глубоким наслаждением.

Самое большое удовольствие он испытал, глядя на себя глазами Виллиса, — с нежностью и теплым юмором. Его образ был лишен всякого достоинства, зато им живо интересовались. Его любили, но почтения к нему не питали. Джим в фильме был чем-то вроде здорового бестолкового слуги: он был полезен, но полагаться на него было небезопасно, все равно что на плохо выдрессированного пса. Что до других людей, это были занятные создания, в общем безобидные, но то и дело загромаждающие дорогу. Джима очень насмешило мнение попрыгунчика о людях.

Рассказ продолжался день за днем и неделя за неделей, в него вошли даже темные и тихие промежутки, когда Виллис изволил почивать или прятал свои органы чувств. Действие перенеслось в Малый Сирт. Там было плохое время, когда Джим куда-то подевался. Хоу был представлен как противный голос и пара ног, а Бичер вообще не существовал зрительно. История продолжалась, а Джиму почему-то не было скучно и не

надоело. Он вошел в колею повествования и так же не мог выйти из нее, как и Виллис, да ему и не хотелось. Наконец действие дошло до марсианского города Кинии, где и завершилось периодом темноты и покоя.

Джим выпрямил затекшие ноги. Свет зажегся снова. Джим посмотрел на Гекко, но тот так и не вышел из транса. Оглянувшись, Джим увидел, что позади него, в глухой стене, открылась дверь. За ней виднелась соседняя комната, на стенах которой, по марсианскому обычаю, был изображен пейзаж — зеленая местность, больше похожая на дно бывшего моря к югу от Кинии, чем на пустыню.

В той комнате был марсианин. Позднее Джим никак не мог описать его: глаза марсианина притягивали к себе и не отпускали. Человеку трудно судить о возрасте марсианина, но Джим безошибочно чувствовал, что этот очень стар, старше отца и даже дока Макрея.

— Джим Марло, — звучным голосом сказал марсианин. — Добро пожаловать, Джим Марло, друг моего народа и мой друг. Испей со мной воды. — Говорил он на бейсик-инглиш * с каким-то знакомым акцентом.

Джим раньше никогда не слышал, чтобы марсианин говорил на языке землян, хотя и знал, что некоторые говорят. Большим облегчением было общаться на родном языке.

— Я пью с тобой. Да будет у тебя всегда чистой воды в изобилии!

— Благодарю тебя, Джим Марло.

На самом деле никакой воды они не пили, это была просто формула вежливости. Затем последовала пауза, также предписанная этикетом, во время которой Джим думал, кого же напоминает ему выговор марсианина — то ли отца, то ли дока Макрея.

— Ты чем-то опечален, Джим Марло. Твое горе — наше горе. Чем я могу помочь тебе?

— Мне ничего не нужно, — ответил Джим, — только добраться до дома и чтобы Виллис был со мной. У меня забрали Виллиса, это неправильно.

---

* Бейсик-инглиш — упрощенный английский язык из 850 слов, предложенный в 1930 году Ч. Огденом в миссионерских целях.

Последовало еще более продолжительное молчание. Наконец марсианин ответил:

— Стоя на земле, не всегда видишь то, что за горизонтом, но Фобос видит все. — Перед тем как сказать «Фобос», он немного запнулся и добавил: — Джим Марло, я не так давно выучил ваш язык. Прости меня, если я не могу сразу найти слово.

— Да вы прекрасно говорите! — совершенно искренне сказал Джим.

— Я не знаю слов, их значение для меня неясно. Скажи мне, Джим Марло, что такое «Лондонский зоопарк»?

Джим начал объяснять, но остановился: от марсианина повеяло таким холодным, непримиримым гневом, что Джим испугался. Потом настроение марсианина снова переменилось, и Джим вновь ощутил дружеское тепло, идущее от его собеседника, как от солнца; оно было не менее реально, чем солнечные лучи.

— Джим Марло, ты дважды спасал малыша, которого назвал «Виллис», от... — он употребил марсианское слово, неизвестное Джиму, потом поправился: — ...от водоискалки. Ты убил много водоискалок?

— Да нет, не много. Я как вижу их, так и убиваю. Слишком они обнаглели, нечего рыскать около колонии.

Марсианин задумался, потом снова переменил тему.

— Джим Марло, дважды или трижды ты спасал малыша; однажды или дважды наш малыш спас тебя. И с каждым разом вы становились ближе друг другу. День ото дня вы становились все ближе, и вот теперь ни один из вас не может жить без другого. Не уходи от нас, Джим Марло. Останься с нами. Это мой дом, а ты в нем сын и друг.

Джим покачал головой.

— Мне надо домой, и хорошо бы отправиться прямо сейчас. Вы очень добры, что предложили мне остаться, и я благодарен вам, но... — Он как можно понятнее рассказал о заговоре против колонии и объяснил, что ему надо поскорей сообщить об этом людям. — С вашего разрешения, сэр, — нельзя ли, чтобы меня и моего друга доставили обратно туда, где К'бумч нашел нас. Только я бы сначала хотел получить обратно Виллиса.

— Ты хочешь вернуться в город, где вас нашли? Разве ты не хочешь попасть домой?

Джим объяснил, что они с Фрэнком смогут оттуда добраться до дома.

— Может быть, вы спросите Виллиса, сэр, хочет он идти со мной или останется здесь?

Старый марсианин вздохнул точно так же, как отец Джима после бесплодного семейного спора.

— Есть закон жизни и есть закон смерти, и оба они подчинены закону перемен. Даже самую твердую скалу разрушает ветер. Понимаешь ли ты, мой сын и друг, что, даже если тот, кого ты зовешь Виллисом, уйдет сейчас с тобой, вам все равно когда-нибудь придется расстаться?

— Да, наверное. Значит, мне можно взять Виллиса домой?

— Мы поговорим с тем, кого ты зовешь Виллисом.

Старик заговорил с Гекко, который зашевелился и забормотал во сне. Втроем они стали подниматься наверх, Гекко нес Джима, а старик следовал за ними.

Где-то на полпути до поверхности они вошли в темную комнату, которая осветилась при их появлении. Джим увидел, что там от пола до потолка рядами тянутся маленькие ниши, и в каждой нише лежит попрыгунчик. Все они были похожи, как близнецы.

Малыши выставили глазки, как только зажегся свет, и с интересом стали смотреть, что тут происходит. И тут кто-то крикнул:

— Приветик, Джим!

Джим оглянулся, но не смог определить, откуда слышится голос. А по комнате тут же пошло эхом:

— Приветик, Джим! Приветик, Джим! Приветик, Джим! — и все его собственным голосом.

Растерянный Джим обернулся к Гекко.

— Который же Виллис? — спросил он, забыв, что надо говорить по-марсиански.

Хор снова заверещал:

— Который же Виллис? Который же Виллис? Который — который — который — Виллис?

Джим вышел на середину комнаты.

— Виллис! — скомандовал он. — Иди к Джиму.

Справа из среднего ряда ниш выскочил попрыгунчик, спрыгнул на пол и затопал к Джиму.

— Возьми Виллис, — потребовал он.

Джим с облегчением взял его на руки.

— Где Джим был? — осведомился Виллис.

Джим почесал его шерстку.

— Ты все равно не поймешь. Слушай, Виллис: Джим уходит домой. Виллис хочет пойти с Джимом?

— Джим уходит? — недоверчиво переспросил Виллис, словно неумолкающий хор помешал ему расслышать.

— Джим уходит домой, прямо сейчас. Виллис пойдет или останется?

— Джим уходит, и Виллис уходит, — объявил прыгунчик так, будто это было законом природы.

— Тогда скажи об этом Гекко.

— Зачем? — подозрительно спросил Виллис.

— Скажи, а то тебя не пустят. Ну давай, говори.

— Ладно.

Виллис защелкал и закаркал, обращаясь к Гекко. Ни Гекко, ни старый марсианин не сказали ни слова. Гекко взял Джима с Виллисом на руки, и все стали подниматься наверх. Гекко опустил их на пол возле комнаты Фрэнка и Джима, и Джим с Виллисом на руках вошел.

Фрэнк валялся на шелках, а на полу рядом с ним стояли открытые, но еще нетронутые консервы.

— Я вижу, ты его нашел, — заметил Фрэнк. — Правда, и времени у тебя было достаточно.

Джим почувствовал укол совести. Его не было бог знает сколько времени — несколько дней или недель? Фильм, который он смотрел, охватывал несколько месяцев.

— Ох, извини, Фрэнк. Ты беспокоился обо мне?

— С чего мне было беспокоиться? Просто я не знал, начинать ленч одному или ждать тебя. Тебя добрых три часа не было.

Три часа? Скорее три недели, хотел было сказать Джим, но раздумал. Он вспомнил, что все это время ничего не ел, а между тем только слегка проголодался.

— Ну да, конечно. Извини. Только знаешь, может, мы попозже поедем?

— Почему? Я умираю с голоду.

— Потому что мы уходим, вот почему. Гекко и еще один марсианин ждут за дверью, чтобы отвезти нас обратно в тот город, где нас нашел К'бумч.

— А, тогда ладно! — Фрэнк набил рот едой и стал натягивать скафандр.

Джим последовал его примеру и стал одеваться и жевать одновременно.

— Доесть можем в вагоне подземки, — проговорил он с полным ртом. — Не забудь залить воду в маску.

— Не беспокойся, дважды я такую глупость не повторяю.

Фрэнк наполнил резервуар своей маски и маски Джима, хлебнул как следует воды и передал напиться Джиму. Они перекинули через плечо коньки, и сборы были окончены. Все прошли по спускам и коридорам в зал, служивший «станцией метро», и остановились у одной из арок.

Старый марсианин вошел туда, но Гекко, к некоторому удивлению Джима, распрощался с ними. Они обменялись ритуальными любезностями, приличествующими водным друзьям, а потом Фрэнк и Джим с Виллисом вошли внутрь, и дверь за ними закрылась.

Кабина сразу же тронулась с места.

— Ой! — сказал Фрэнк. — Что такое? — и сел.

Старый марсианин, который устроился в рамке, ничего не сказал, а Джим засмеялся.

— Ты не помнишь, как мы ехали сюда?

— Не очень. Ух, какой я тяжелый!

— Я тоже. Это входит в программу. Как насчет перекусить? Кто знает, когда еще удастся поесть по-человечески.

Фрэнк достал остатки ленча. Когда они доели, Фрэнк подумал-подумал и открыл еще одну банку, но не успели они взяться за холодные бобы с искусственной свиной, его желудок подскочил к горлу.

— Эй! — завопил Фрэнк? — А это что еще?

— Ничего, в прошлый раз тоже так было.

— Я думал, мы куда-нибудь врезались.

— Да нет, говорю тебе, так надо. Передай-ка мне бобы.

Они ели бобы и ждали, что будет дальше. Вскоре чувство избыточной тяжести покинуло их, и Джим понял: приехали.

Дверь кабины открылась, и они вышли в круглый зал, точно такой же, как тот, из которого уезжали. Фрэнк разочарованно посмотрел вокруг.

— Слушай, Джим, мы ж никуда не уезжали. Тут какая-то ошибка.

— Нет. — Джим повернулся, чтобы поговорить со старым марсианином, но дверь под аркой уже закрылась.

— Ну вот, как нехорошо получилось, — сказал он.

— Что нехорошо? Они прокатили нас вкрутую?

— Нет, не прокатили, просто этот зал точно такой же, как в Кинии. Поднимемся наверх — увидишь. Я сказал «нехорошо», потому что не успел попрощаться... — Джим остановился, только сейчас сообразив, что так и не узнал имени старого марсианина, — не попрощался со стариком, не с Гекко, а с другим.

— С кем?

— Ну с тем, другим. Который с нами ехал.

— С каким еще другим? Я никого не видел, кроме Гекко. И никто с нами не ехал, мы там были одни.

— Ты что, ослеп, что ли?

— А ты что, спятил?

— Фрэнк Саттон, ты что ж, в глаза мне говоришь, что не видел марсианина, который с нами ехал?

— Я уже сказал.

Джим перевел дыхание.

— Ну вот что: если б ты не обжирался всю дорогу и хоть изредка смотрел на то, что тебя окружает, то увидел бы. Какого...

— Довольно, хватит, — прервал его Фрэнк, — пока я не разозлился. Хоть шесть марсиан, если тебе так хочется. Давай выйдем наверх и посмотрим, где мы. Мы зря теряем время.

— Пошли.

И они стали подниматься наверх. Джим молчал, инцидент беспокоил его, в отличие от Фрэнка.

Во время подъема им пришлось надеть маски. Минут через десять после этого они вошли в помещение, залитое солнечным светом, и заторопились к выходу.

Фрэнк, в свою очередь, растерялся.

— Джим, я знаю, что тогда плохо соображал, но ведь в городишке, из которого нас увезли, была всего одна башня?

— Одна.

— Тогда это не тот город.

— Не тот.

— Мы попали не туда.

— Это точно.

Глава 9

ПОЛИТИКА

Они стояли в большом внутреннем дворе, который бывает во многих марсианских домах. Над стенами виднелись верхушки городских башен, но крутозор был ограничен.

— Ну и что теперь делать? — спросил Фрэнк.

— Мм... поищем туземцев и попробуем выяснить, куда нас занесло. Жаль, что я не удержал старика, — добавил Джим. — Он говорил на бейсике.

— У тебя что, сдвиг еще не прошел? — сказал Фрэнк. — Не думаю, что нам это удастся, похоже, это заброшенный город. Знаешь, что я думаю? По-моему, они просто нас надули.

— По-моему, они просто нас надули, — согласился Виллис.

— Заткнись. Нет, не стали бы они так делать. — Джим смотрел куда-то поверх крыш. — Слушай, Фрэнк...

— Да?

— Видишь те три башенки, похожие одна на другую? Вот — одни верхушки торчат?

— Вижу, ну и что?

— Мне кажется, я их уже где-то видел.

— Да и мне так кажется!

Они бросились бежать. Пять минут спустя они стояли на городской стене, и сомнений больше не было: они находились в заброшенной части Харакса. Под ними, на расстоянии трех миль виднелись надувные дома Южной колонии.

Сорок минут быстрым шагом попеременно с трусой — и они дома.

Добежав до колонии, Джим с Фрэнком расстались: каждому не терпелось попасть домой.

— До скорого! — крикнул Джим другу и побежал к себе.

Время в тамбуре-шлюзе показалось ему вечностью. Пока давление уравнивалось, он слышал, как мать, а за ней сестра, спрашивают через переговорное устройство: «Кто там?» Джим решил не отвечать и сделать им сюрприз. Он вошел и оказался лицом к лицу с Филлис, которая сначала остолбенела, а потом бросилась ему на шею с криком:

— Мама! Мама! Мама! Это Джим! Это Джим!

А Виллис скакал по полу и вторил ей:

— Это Джим! Это Джим!

А мать оттаскивала Филлис в сторону, чтобы тоже обнять Джима, и намочила ему лицо своими слезами, и Джим почувствовал, что и сам вот-вот...

Наконец ему удалось освободиться. Мать отступила назад.

— Ну дай хоть посмотреть на тебя, милый. Бедненький ты мой! Ты здоров? — и опять чуть не расплакалась.

— Конечно, здоров, — буркнул Джим. — Что мне сделается? Скажите, а папа дома?

Миссис Марло вдруг насторожилась.

— Нет, Джим, он на работе.

— Мне надо с ним увидеться, прямо сейчас. Ты что такая, мама?

— Да так, ничего. Сейчас позвоню отцу. — Она подошла к телефону и набрала номер экологической лаборатории. Джим слышал ее сдержанный голос: — Мистер Марло? Это Джейн, дорогой. Ты не мог бы сейчас прийти домой?

И ответ отца:

— Это не совсем удобно. А что такое? У тебя какой-то странный голос.

Мать оглянулась через плечо на Джима.

— Ты один? Нас никто не может подслушать?

— В чем дело? Говори.

— Он дома, — полушепотом сказала мать.

Отец, помолчав, ответил:

— Сейчас иду.

Филлис тем временем терзала Джима:

— Джимми, где ж ты пропадал?

Джим начал было рассказывать, но передумал.

— Ты все равно не поверишь, детка.

— Не сомневаюсь. Но почему так долго? Наши прямо с ума посходили.

— Ничего. Слушай, какой сегодня день?

— Суббота.

— А число?

— Четырнадцатое цереры, разумеется.

Джим опешил. Четыре дня? Всего четыре дня прошло с тех пор, как он уехал из Малого Сирта? Припомнив все, что было, Джим согласился с этим. Если учесть заверение Фрэнка, что Джим провел в подземельях Кинии только три часа, тогда все сходится.

— Ух! Тогда я, пожалуй, успел.

— Что успел?

— Тебе не понять. Подожди еще пару лет.

— Нахал!

— Отец сейчас будет здесь, Джим, — отошла от телефона миссис Марло.

— Я слышал. Это хорошо.

— Ты же голодный, наверное? — спросила мать. — Чего бы ты съел?

— Ясное дело, упитанного тельца, а запил бы шампанским. Я вообще-то не голодный, но чего-нибудь могу перехватить. Может, какао? Последние дни я жил на одних консервах.

— Сейчас будет какао.

— Ты лучше наедайся, пока можно, — вставила Филлис, — а то потом захочешь, а уже нельзя будет, когда...

— Филлис!

— Да я, мама, хотела только сказать...

— Филлис, замолчи или выйди из комнаты.

Сестра что-то пробурчала себе под нос. Вскоре какао было готово, и не успел Джим допить его, как

пришел отец. Он без сантиментов пожал Джиму руку, как взрослому.

— Хорошо, что ты дома, сын.

— До чего это здорово — оказаться дома, папа! — Джим проглотил остаток какао. — Но знаешь, мне надо столько тебе сказать, лучше не будем терять время. Где Виллис? Кто-нибудь видел, куда он девался?

— Это неважно, где Виллис. Я хочу знать...

— Но Виллис играет здесь очень важную роль, папа. Виллис! Иди-ка сюда!

Виллис притопал из коридора, и Джим посадил его на колени.

— Ну, вот тебе и Виллис, — сказал мистер Марло. — А теперь послушай меня. Что это за кашу ты заварил, сын?

— Не знаю, с чего и начать, — нахмурился Джим.

— Выдан ордер на ваш с Фрэнком арест! — брякнула Филлис.

— Джейн, — сказал мистер Марло, — пожалуйста, уйми свою дочь.

— Филлис, ты не слышала, что я сказала?

— Да ведь это все знают, мама!

— Может быть, Джим не знал.

— Да нет, знал, — сказал Джим. — За нами всю дорогу гнались легавые.

— Фрэнк тоже вернулся? — спросил отец.

— Ну конечно! Мы их сбили со следа. Дураки они, фараоны эти.

Мистер Марло нахмурился.

— Видишь ли, Джим, я хочу позвонить резиденту и сказать ему, что ты здесь. Но я не стану сдавать тебя, пока не проясню для себя это дело и уж, конечно, пока не услышу твою версию событий. А когда ты пойдешь сдаваться, я пойду с тобой и не дам тебя в обиду.

Джим выпрямился.

— Сдаваться? Что ты говоришь, папа?

Лицо отца вдруг сделалось очень старым и усталым.

— Марло не бегает от закона, сын. Ты знаешь: я на твоей стороне, что бы ты ни натворил. Но тебе придется выдерживать все, что тебя ожидает.

Джим с вызовом посмотрел на отца.

— Папа, если ты думаешь, что мы с Фрэнком прошли две тысячи миль по Марсу только для того, чтобы

сдаться... в общем, зря ты так думаешь. А если кто захочет меня арестовать, то ему нелегко придется.

Филлис слушала брата с круглыми глазами, мать тихо роняла слезы.

— Напрасно ты выбираешь такую линию поведения, сын.

— Напрасно? Ну так я ее выбираю, и все тут. Может, ты все же выяснишь, в чем дело, прежде чем говорить о сдаче? — в голосе Джима появились истерические нотки.

Отец прикусил губу. Мать сказала:

— Пожалуйста, Джеймс, может быть, ты выслушаешь его?

— Конечно, я хочу его выслушать, — раздраженно ответил мистер Марло, — я ведь так и сказал. Но я не могу слушать, как мой родной сын открыто противопоставляет себя закону.

— Пожалуйста, Джеймс!

— Рассказывай, сын.

— Что-то мне уже не хочется, — с горечью сказал Джим. — Называется, вернулся домой. Можно подумывать, что я уголовник.

— Прости, Джим, — медленно проговорил отец. — Давай начнем все сначала. Расскажи нам обо всем.

— Ну хорошо. Да, Филлис сказала, что меня хотят арестовать. В чем меня обвиняют?

— Во-первых, пропуск занятий... но это пустяки. Действия в ущерб школьному порядку и дисциплине — я лично не понимаю, что это значит, и это меня не волнует. Главный пункт обвинения — это кража со взломом, а через день добавился еще один — сопротивление при аресте.

— Сопротивление при аресте? Глупости какие! Никто не арестовывал.

— Ну а насчет остального как?

— Тоже ерунда. Я у него ничего не крал — у Хоу, у директора, это он украл у меня Виллиса. Да еще насмеялся надо мной, когда я хотел взять Виллиса обратно. Кража! Я ему покажу кражу!

— Продолжай.

— Ну, взлом — это было. Я вломился в его кабинет или пытался это сделать. Но он ничего не докажет. Пусть-ка объяснит, как это я пролез в дырку десяти

дюймов в диаметре. Отпечатки пальцев мы тоже не оставили. И потом, я отстаивал свои права. Там у него был заперт Виллис. Папа, а мы не можем выдвинуть против Хоу обвинение в краже Виллиса? Почему это только он обвиняет?

— Погоди-ка минутку. Я совсем запутался. Если у тебя была причина воспротивиться директору школы, то я, конечно, на твоей стороне. Но давай разберемся. Что за дырка? Ты прорезал дырку в директорской двери?

— Нет, это Виллис сделал.

— Как мог Виллис прорезать дырку?

— А вот так. У него выросла ручка с таким когтем на конце, и он стал резать. Я его позвал, и он пришел ко мне.

Мистер Марло потер лоб.

— Еще того не легче. А как вы с Фрэнком добрались сюда?

— На метро. Мы...

— На метро?!

Джим набычился. Вступилась мать.

— Джеймс, дорогой, может быть, он расскажет лучше, если мы не будем его прерывать.

— Пожалуй, ты права. Вопросы потом. Филлис, дай мне блокнот и карандаш.

Получив свободу слова, Джим изложил всю историю довольно связно — с того момента, как Хоу ввел в школе инспекции на военный манер, до того, как они приехали на «метро» из Кинии в Харакс. Когда Джим окончил рассказ, мистер Марло поскреб подбородок.

— Джим, если б ты всей своей жизнью не завоевал прочную репутацию упрямого правдолюбца, я бы подумал, что ты сочиняешь. А так придется тебе поверить, хотя это самая фантастическая история, какую мне доводилось слышать.

— Ты все еще считаешь, что мне надо сдаться?

— Ну нет, теперь все предстает в другом свете. Предоставь это мне. Я позвоню резиденту и...

— Минутку, папа.

— Да?

— Я еще не все тебе рассказал.

— Вот как? Расскажи, сын, чтобы я...

— Я просто не хотел путать одну историю с другой. Сейчас расскажу, только ответь мне на один вопрос: разве колония не должна уже переезжать?

— В общем, да, — подтвердил отец. — По расписанию миграция должна была начаться вчера, но ее отложили на две недели.

— Не отложили, папа, это обман. Компания не хочет, чтобы колония в этом году мигрировала. Они хотят оставить нас здесь и вынудить зимовать в Хараксе.

— Что? Это просто смешно, Джим. Землянам не выдержать полярную зиму. Но ты ошибаешься, это просто задержка. Компания ремонтирует энергетическую систему в Северной колонии, а поскольку зима в этом году необычайно поздняя, они хотят закончить ремонт до нашего приезда.

— Говорю тебе, папа, это все отговорки. План состоит в том, чтобы задержать колонию до тех пор, пока не станет поздно, и заставить здесь зимовать. Я могу это доказать.

— Каким образом?

— Где Виллис?

Попрыгунчик опять подался осматривать свои владения.

— При чем тут Виллис? Ты говоришь невероятные вещи. Откуда у тебя эта мысль? Говори, сын.

— Но мне нужен Виллис, чтобы это доказать. А, малыш! Иди к Джиму.

Джим кратко изложил то, что узнал из фонограммы Виллиса, и попросил Виллиса повторить ее.

Виллис был рад стараться. Он передал все разговоры мальчиков за последние дни, воспроизвел марсианскую речь, непонятную вне контекста, и спел «Сеньориту». Но передать диалог Хоу и Бичера он не смог или не захотел.

Джим все еще бился с ним, когда зазвонил телефон. Мистер Марло сказал:

— Подойди, Филлис.

Филлис тут же прискакала обратно.

— Это тебя, папочка.

Джим утихомирил Виллиса, чтобы можно было слышать весь разговор.

— Марло? Говорит резидент. Я слышал, ваш мальчик вернулся.

Отец, помедлив, оглянулся на Джима.

— Да. Он здесь.

— Пусть остается на месте. Я сейчас пришло за ним человека.

Мистер Марло снова помедлил.

— Нет необходимости, мистер Крюгер. Я еще не закончил говорить с ним. Он никуда не пойдет.

— Бросьте, Марло, не станете же вы сопротивляться законным распоряжениям властей. У меня есть ордер, и я привожу его в исполнение.

— Да? Это вы так думаете. — Мистер Марло хотел что-то добавить, но воздержался и прервал связь.

Телефон сразу зазвонил опять.

— Если это резидент, — сказал отец, — я не буду с ним разговаривать, а то скажу что-нибудь не то.

Но это оказался не резидент, а отец Фрэнка.

— Марло? Джейми, это Пэт Саттон.

При разговоре выяснилось, что оба отца дошли примерно до одной и той же стадии.

— Мы как раз пробуем разговаривать Джимова попрыгунчика, — сказал мистер Марло. — Похоже, он подслушал чертовски интересный разговор.

— Я знаю, — сказал мистер Саттон, — и тоже хочу послушать. Пусть помолчит пока, мы сейчас придем.

— Прекрасно. Да, кстати, дружище Крюгер собрался арестовать мальчишек. Держите ухо востро.

— Да знаю я, он мне только что звонил. Я ему сказал пару слов. Ну пока.

Мистер Марло выключил аппарат и запер входную дверь, а также дверь в туннель. И вовремя: вскоре загорелся сигнал, оповещающий, что кто-то вошел в тамбур.

— Кто там? — спросил отец.

— По делу Компании!

— Что за дело и кто вы такой?

— Уполномоченный резидента. Мне нужен Джеймс Марло-младший.

— Можете отправляться, откуда пришли. Вы его не получите.

В тамбуре зашептались и стали дергать дверь.

— Откройте, — сказал другой голос. — У нас ордер на арест.

— Уходите. Я отключаю репродуктор.

Индикатор шлюза показал, что посетители ушли, но вскоре опять загорелся. Мистер Марло включил переговорное устройство.

— Если вы опять вернулись, можете убираться.

— Хорошо же ты гостей встречаешь, Джейми! — сказал голос мистера Саттона.

— А, Пэт! Ты один?

— Ну да, только с Фрэнсисом.

Саттонов впустили.

— Уполномоченных видели? — спросил мистер Марло.

— Ага, наскочили прямо на них.

— Папа сказал, что если они меня тронут, то пожалеют, — гордо сказал Фрэнк.

Джим посмотрел на отца, но тот отвел взгляд. Мистер Саттон продолжал:

— Так что же Джимов дружок должен нам рассказать? Давайте заведем его и послушаем.

— Мы пробовали, — сказал Джим. — Сейчас еще попробую. Ну-ка, Виллис, — Джим посадил его на колени. — Ты помнишь директора Хоу?

Виллис тут же стал гладким.

— Не так, — сказал Фрэнк. — Помнишь, как он завелся в прошлый раз? Виллис! — Виллис выставил глазки. — Слушай, дружок: «Добрый день. Добрый день, Марк, — Фрэнк копировал глубокий, сердечный тон генерального резидента, — Садись, мой мальчик».

— Всегда рад тебя видеть, — продолжил Виллис голосом Бичера и передал оба разговора генерального резидента с директором, включая и промежуточную запись.

Когда он собрался говорить дальше, Джим остановил его.

— Ну, — сказал отец Джима, — что ты об этом думаешь, Пэт?

— Я думаю, что это просто ужасно, — сказала мать Джима.

Мистер Саттон скривился.

— Завтра же отправлюсь в Малый Сирт и все там разнесу вот этими руками.

— Твои чувства делают тебе честь, — сказал мистер Марло, — но это касается всей колонии. По-мое-

му, для начала надо созвать городской митинг и оповестить всех о том, что против нас затевается.

— Хм! Ты прав, разумеется, но так никакого удовольствия не получишь.

— Полагаю, тебя ждет еще масса удовольствий, — улыбнулся мистер Марло. — Крюгеру это не понравится и достопочтенному мистеру Гейнсу Бичеру тоже.

Мистер Саттон хотел показать доктору Макрею горло Фрэнка, и мистер Марло решил, несмотря на протесты Джима, что и ему не помешает показаться доктору. Мужчины отвели сыновей к Макрею, и мистер Марло сказал:

— Оставайтесь тут, ребята, пока мы не зайдем за вами. Я не хочу, чтобы вас сцапали уполномоченные Крюгера.

— Еще посмотрим, как у них это получится!

— Да уж!

— Не стоит доводить до этого, хочу попробовать сначала уладить дело миром. Сейчас мы пойдем к резиденту и предложим заплатить за продукты, которые вы присвоили, а я, Джим, предложу возместить ущерб, который Виллис нанес драгоценной директорской двери.

— Но, папа, зачем нам за это платить? Хоу не следовало его запереть.

— Я согласен с парнем, — сказал мистер Саттон. — Продукты — другое дело. Ребята их взяли, и мы за них заплатим.

— Вы правы, — согласился мистер Марло, — зато мы лишим почвы все эти смехотворные обвинения. А потом я возбужу иск против Хоу за попытку кражи или порабощения Виллиса. Как лучше назвать это, Пэт? Кража или порабощение?

— Назови кражей, чтобы не было лишних прений.

— Ладно. Потом буду настаивать на том, чтобы резидент связался с планетарными властями, прежде чем действовать. Тут уж, думаю, его часы станут.

— Папа, — вставил Джим, — ты ведь не скажешь резиденту, что мы знаем про заговор против миграции? А то он сразу позвонит Бичеру.

— Пока не скажу, все равно узнает на митинге. Только тогда он уже не сможет позвонить Бичеру:

через два часа закатится Деймос. — Мистер Марло посмотрел на часы: — Ну, пока, ребята. У нас много дел.

Доктор, увидев ребят, закричал:

— Мэгги, запирай дверь! Тут два опасных уголовника.

— Здравствуйте, док.

— Входите, располагайтесь и рассказывайте.

Добрый час спустя доктор сказал:

— Ну, Фрэнк, надо тебя посмотреть. А потом, тебя, Джим.

— Со мной все в порядке, док.

— Поставь еще кофе, пока я буду заниматься Фрэнком.

Кабинет был оборудован новейшими средствами диагностики, но доктору они были ни к чему. Он задрал Фрэнку голову, заставил его сказать «а-а», выстукал его и послушал сердце.

— Будешь жить, — заключил доктор. — Мальчишка, способный проехать автостопом от Сирта до Харакса, будет жить долго.

— Автостопом? — спросил Фрэнк.

— Этого тебе не понять. Выражение давно вышло из употребления. Твоя очередь, Джим. — С Джимом доктор разделался еще быстрее, и трое друзей вернулись к разговору.

— Я хочу узнать подробней о той ночи, которую вы провели в капусте, — заявил доктор. — С Виллисом все ясно: любое марсианское существо способно залечь и жить без воздуха сколько угодно. Но вы двое по всем статьям должны были задохнуться. Растение до конца закрылось?

— Ну да, — заверил Джим и стал рассказывать подробно. Когда он дошел до фонарика, Макрей прервал его:

— Вот оно. Ты раньше об этом не говорил. Этот фонарик спас вам жизнь, сынок.

— Как так?

— Фотосинтез. Если осветить зеленый лист, он просто не может не поглощать углекислый газ и не выделять кислород, как ты не можешь не дышать. — Доктор зашевелил губами, глядя в потолок: — Все равно, наверное, душно там было: поверхность зеленого листа недостаточна. Какой у тебя был фонарик?

— Дженерал Электрик, «Ночное солнце». А душно было ужасно.

— Да, в «Ночном солнце» достаточно свечей. Теперь буду брать его с собой, если мне вздумается отойти на двадцать футов от крыльца. Реклама что надо.

— Вот чего я никак не пойму, — сказал Джим. — Как я мог посмотреть кино о том, как у меня появился Виллис и как он жил потом, минута за минутой, без единого пропуска, всего за три часа?

— Это еще не такая большая тайна, — сказал медленно доктор, — тайна в другом: зачем тебе это показали.

— Как «зачем»?

— Вот и я удивляюсь, — вставил Фрэнк. — В конце концов, что из себя представляет Виллис? Спокойно, Джим. Зачем надо было прокручивать Джиму его биографию? Как вы думаете, док?

— Единственная гипотеза, которая приходит мне в голову, до того фантастична, что я ее, с вашего позволения, оставляю при себе. Но вот что, Джим: как, по-твоему, можно записать чьи-нибудь воспоминания на пленку?

— По-моему, нельзя.

— Я пойду дальше и прямо заявлю, что это невозможно. Однако ты говоришь, что *видел* то, что Виллис запомнил. Это тебе о чем-нибудь говорит?

— Нет, — сознался Джим, — не понимаю я этого, хоть убейте. Но я это *видел*.

— Конечно, видел, видишь ведь мозгом, а не глазами. Вот я закрываю глаза и вижу, как светится Большая пирамида под солнцем пустыни. Я вижу осликов и слышу крики носильщиков, зазывающих туристов. Вижу? Да я даже запахи ощущаю, а это всего лишь воспоминания. А теперь вернемся к твоей истории. Если все факты объединяет только одна гипотеза, приходится ее принять. Ты видел то, что нужно было старому марсианину. Назовем это гипнозом.

— Но... но... — Джим вознегодовал, как будто покушались на его самое сокровенное. — Говорю вам, я это видел. Я был там.

— А я согласен с доком, — сказал Фрэнк. — Тебе и на обратном пути что-то чудилось.

— Старик с нами ехал: если б ты разул глаза, то увидел бы его.

— Полегче, — вмешался доктор. — Хотите драться, так выйдите вон. Вам не приходило в голову, что оба вы правы?

— Как это может быть? — возразил Фрэнк.

— Мне не хочется выражать это словами, но одно я вам скажу: за свою долгую жизнь я узнал, что человек жив не хлебом единым и что труп, на котором я произвожу вскрытие, это не человек. Самое безумное философское учение — это материализм. Остановимся пока на этом.

Фрэнк начал было опять спорить, но сигнал у двери возвестил о посетителях — вернулись отцы.

— Входите, входите, джентльмены, — загремел доктор, — вы как раз вовремя. Мы тут рассуждаем о солипсизме. Если хотите принять участие, мы предоставим вам трибуну. Кофе?

— Солипсизм, значит? — сказал мистер Саттон. — Фрэнк, не слушай этого старого язычника, слушай лучше, что говорит отец Клири.

— Он меня и так не слушает, — ответил доктор, — как и полагается здоровому ребенку. Ну, на чем вы порешили с его превосходительством?

Мистер Марло усмехнулся.

— Я уж думал, его придется связать.

Собрание колонистов состоялось вечером в муниципалитете — центральном здании поселка. Мистер Марло и мистер Саттон, инициаторы собрания, пришли пораньше и обнаружили, что конференц-зал закрыт, а у дверей стоят двое уполномоченных. Мистер Марло, несмотря на то что они несколько часов назад хотели арестовать Джима и Фрэнка, вежливо пожелал им доброго вечера и сказал:

— Давайте открывать. Люди начнут приходить с минуты на минуту.

Часовые не шевельнулись. Старший, по фамилии Дюмон, объявил:

— Сегодня собрания не будет.

— Почему это?

— Приказ мистера Крюгера.

— Он назвал причину?

— Нет.

— Собрание, — сказал мистер Марло, — созвано по всем правилам, и оно состоится. Отойдите.

— Мистер Марло, не надо обострять обстановку. У меня приказ и...

Вперед выступил мистер Саттон.

— Дай-ка я с ним поговорю, Джейми. — Он положил руку на пояс. За его спиной Фрэнк ухмыльнулся Джиму и тоже схватился за пояс. Все четверо были вооружены, как и уполномоченные: отцы не очень полагались на обещание Крюгера подождать инструкции из Малого Сирта.

Дюмон занервничал. В колонии не было настоящей полиции, эти двое были клерками Компании, а функции полицейских взяли на себя по распоряжению Крюгера.

— Это просто безобразие, что люди в пределах колонии ходят вооруженные до зубов, — жалобно сказал Дюмон.

— Вот как? — ласково сказал мистер Саттон. — Что ж, можно обойтись и без оружия. Держи мою горелку, Фрэнсис. — С пустой кобурой он приблизился к часовым. — Как вас выкинуть? Понежнее или с ветерком?

Перед тем как отправиться на Марс, мистер Саттон управлялся с крутой строительной братией, полагаясь не только на диплом инженера. Он был не крупнее Дюмона, но гораздо крепче. Дюмон отступил на исходные позиции и засуетился:

— Послушайте, мистер Саттон, вы не... Мистер Крюгер!

Все оглянулись и увидели резидента. Оценив обстановку, он резко сказал:

— Что такое? Саттон, вы оказываете сопротивление моим людям?

— Ничего подобного. Это они оказывают сопротивление мне. Велите им отойти в сторону.

— Собрание отменяется, — объявил Крюгер.

— Кто его отменил? — вышел вперед мистер Марло.

— Я.

— По какому праву? Я получил одобрение всех членов совета и могу, если надо, представить фамилии

двадцати колонистов. — Двадцать человек, по уставу колонии, могут собраться без разрешения совета.

— Не имеет значения. В уставе сказано, что собрания созываются для обсуждения вопросов, представляющих общественный интерес. А обсуждение обвинительных актов до суда никакого общественного интереса не представляет, и я не позволю вам толковать устав в своих целях. За мной остается последнее слово. Я не допущу, чтобы у нас здесь правила толпа.

Вокруг уже собирался народ — колонисты пришли на собрание.

— Это все? — спросил мистер Марло.

— Да. Остается только добавить, чтобы вы и все остальные разошлись по домам.

— Они сделают так, как сочтут нужным, и я тоже. Мистер Крюгер, мне странно слышать от вас, что гражданские права не представляют общественного интереса. У наших соседей есть сыновья, которые все еще находятся под опекой, если ее можно так назвать, директора Хоу, и все хотят знать, как обращаются с их детьми. Однако это не входит в повестку дня. Даю вам слово: ни я, ни мистер Саттон не собираемся просить колонию предпринимать что-либо в защиту наших сыновей. Довольно вам этого? Вы отзовете уполномоченных?

— Какова же тогда повестка дня?

— Безотлагательный вопрос, представляющий интерес для каждого члена колонии. Остальное я скажу собранию.

— Ха!

К этому времени появилось несколько членов совета. Один из них, мистер Хуан Монтес, вышел вперед.

— Минутку. Мистер Марло, когда вы говорили мне о собрании, я не имел представления, что резидент против.

— У резидента в данном случае нет права разрешать или запрещать.

— Никогда у нас раньше такого не было. И у резидента есть право вето. Почему вы нам не скажете, чему посвящено собрание?

— Не говори ничего, Джейми! — через толпу протискивался доктор Макрей. — Что это за мягкотелость, Монтес? Я жалею, что голосовал за вас. Мы собираем-

ся, когда нужно нам, а не когда позволит Крюгер. Верно я говорю, люди?

Послышался одобрительный гул.

— Я и не собирался ничего говорить, доктор, — сказал мистер Марло. — Я хочу сказать это всем в помещении и при закрытых дверях.

Монтес пошептался с другими членами совета, и Хендрикс, председатель, сказал:

— Мистер Марло, может быть, вы для порядка все же скажете совету, с какой целью созвали собрание?

Отец Джима покачал головой.

— Вы разрешили собрание. В противном случае я собрал бы двадцать подписей и обошелся без вас. Неужели вы так боитесь Крюгера?

— Они нам ни к чему, Джейми, — вмешался Макрей. Он обратился к толпе, которая теперь быстро росла. — Кто за собрание? Кто хочет послушать, что скажет Марло?

— Я! — крикнул кто-то.

— Кто это? А, Келли. Хорошо. Я и Келли — уже двое. Найдется еще восемнадцать человек, которые не спросят у Крюгера, можно им чихнуть или нет?

Отозвался еще один, за ним другой.

— Трое, четверо. — Через несколько секунд Макрей набрал двадцать человек и обратился к резиденту: — Уберите своих подручных от двери, Крюгер.

Крюгер был вне себя. Хендрикс шепотом посоветовался с ним и убрал уполномоченных, которые сделали вид, что приказ исходит от самого Крюгера, и были только рады уйти от греха подальше. Все повалили в зал.

Крюгер сел сзади (обычно он занимал место в президиуме). Отец Джима, видя, что члены совета тоже не стремятся возглавить собрание, вышел на сцену сам.

— Нам нужно выбрать председателя, — объявил он.

— Веди сам, Джейми, — сказал доктор Макрей.

— Нет уж, давайте, пожалуйста, соблюдать правила. Какие будут предложения?

— Господин председатель!

— Да, мистер Конски?

— Я предлагаю вас.

— Очень хорошо. Другие предложения?

Других предложений не было, и Марло занял свое место — за него проголосовали единогласно.

Он сказал, что получил известия, жизненно важные для колонии, и рассказал о том, как Виллис попал в руки Хоу. Крюгер встал.

— Марло!

— Обращайтесь в президиум, пожалуйста.

— Господин председатель, — процедил Крюгер, — вы говорили, что не станете агитировать собрание в пользу своего сына. Теперь вы пытаетесь уберечь его от заслуженного наказания. Вы...

Мистер Марло поднял молоток.

— Вы нарушаете порядок собрания. Сядьте.

— Не сяду. Вы нагло и неприкрыто...

— Мистер Келли, назначаю вас приставом. Следите за порядком. Помощников подберите сами.

Крюгер сел, и Марло продолжал:

— Повестка собрания не имеет ничего общего с обвинениями против моего сына и сына Пэта Саттона, но известия я получил от них. Вы все видели марсиан круглоголовых-попрыгунчиков, как зовут их дети, и знаете об их удивительной способности имитировать звуки. Многие, наверное, слышали, как это делает питомец моего сына. Случилось так, что этот круглоголовый оказался там, где обсуждались некоторые вещи, которые нам всем следует знать. Джим, тащи его сюда.

Джим, преисполненный сознания собственной важности, взошел на сцену и посадил Виллиса на стол президиума. Виллис поглядел вокруг, и глазки тут же ушли внутрь.

— Джим, — нервно зашептал отец, — приведи его в чувство.

— Сейчас попробую. Малыш, выходи: никто не обидит Виллиса. Выходи, Джим хочет поговорить с тобой.

— Это очень робкие существа, — сказал отец собранию. — Пожалуйста, соблюдайте полную тишину. Ну как, Джим?

— Сейчас.

— А, чтоб ему! Надо было сделать запись.

В этот самый момент Виллис выглянул наружу.

— Слушай, Виллис, — сказал Джим. — Джим хочет, чтобы ты говорил. Все ждут, что Виллис будет говорить. Ну давай: «Добрый день. Добрый день, Марк».

— Садись, мой мальчик, — подхватил Виллис. — Всегда рад видеть тебя. — И стал передавать беседу Хоу с Бичером.

Кое-кто узнал голос Бичера; слышались приглушенные возгласы. Мистер Марло свирепо жестикулировал, призывая к молчанию.

Когда Бичер начал излагать свою теорию узаконенных махинаций, Крюгер встал. Келли положил ему руки на плечи и усадил на место, а когда Крюгер начал протестовать, зажал ему рот. И улыбнулся: ему хотелось это сделать с тех самых пор, как Крюгера назначили к ним в колонию.

В промежутке между двумя диалогами аудитория стала шуметь. Мистер Марло знаками показал, что самое интересное еще впереди. Мог бы и не беспокоиться: Виллиса, если уж он завелся, остановить было не легче, чем хорошо пообедавшего рассказчика.

Когда он кончил, настала тишина: все были ошеломлены. Потом поднялся ропот, он перешел в шум, а затем в крик, все заговорили разом. Марло застучал по столу, и Виллис ушел в себя. Слова попросил Эндрюс, молодой техник.

— Господин председатель, мы понимаем, насколько это важно, если это правда, но — можно ли полагаться на эту зверюшку?

— Ну, я думаю, они способны передавать чужую речь только слово в слово. Есть здесь психолог, который может выступить экспертом? Что скажете, доктор Ибаньес?

— Я согласен с вами, мистер Марло. Круглоголовый может разговаривать на своем умственном уровне, но речь, которую мы слышали, он должен был воспринять извне. Он повторяет, как попугай, только то, что слышит. Не думаю, что такую «фонограмму», если можно так выразиться, возможно изменить после того, как она запечатлелась в нервной системе животного. Это безусловный рефлекс, усложненный, красивый, но все же рефлекс.

— Удовлетворен, Энди?

— Пока нет. Это все знают, что попрыгунчик — просто суперпопугай и не настолько умный, чтобы врать. Но откуда нам знать, что это говорил генераль-

ный резидент? Голос похож, но я его слышал только по радио.

— Да Бичер это, — крикнул кто-то. — Я его достаточно наслушался, когда жил в Сирте.

Эндрюс не согласился.

— Похоже-то похоже, но мы должны знать точно. Может, это просто хороший актер.

Крюгер все это время сидел тихо, будто пораженный шоком. Новость была новостью и для него — Бичер не решился доверить тайну никому из колонии. Но совесть резидента была нечиста, он знал по своей почте, что Виллис сказал правду: миграция требует определенных распоряжений из планетарного управления. Крюгер был вынужден сознаться себе, что никаких шагов к тому, чтобы миграция состоялась, по официальной версии, через две недели, предпринято не было.

Он ухватился за выступление Эндрюса, как за соломинку.

— Я рад, что нашелся хоть один разумный человек, который не дает себя надуть, — встав, сказал Крюгер. — Долго вы учили свое животное, Марло?

— Заткнуть ему рот кляпом, шеф? — спросил Келли.

— Нет. Этого следовало ожидать. Думаю, все здесь зависит от того, верите ли вы моему сыну и его другу. Кто хочет задать им вопросы?

В заднем ряду поднялся с места тощий долговязый человек.

— Я могу дать ответ.

— Да? Очень хорошо, мистер Толенд, вам слово.

— Понадобится кое-какая аппаратура. Займет несколько минут.

Толенд был инженером по электронике и звукозаписи.

— Я, кажется, понял, в чем дело. Хотите смоделировать голос Бичера?

— Конечно. Только модель у меня уже есть. Каждый раз, когда Бичер произносит речь, Крюгер дает задание ее записать.

Несколько человек вызвалось помочь Толенду, и Марло предложил сделать перерыв. Поднялась миссис Поттл.

— Мистер Марло!

— Да, миссис Поттл. Тишина!

— Я лично не останусь здесь больше ни одной минуты и не стану слушать эту чушь. Подумать только, такие обвинения в адрес дорогого мистера Бичера! Не говоря уж о том, какие ужасные вещи проделывает этот Келли с мистером Крюгером! Что касается этого животного (она указала на Виллиса), то ему ни в коем случае нельзя доверять, мне это отлично известно. — Она фыркнула и, сказав мистеру Поттлу: — Пойдем, дорогой, — поплыла из зала.

— Останови ее, Келли! — спокойно сказал мистер Марло. — Я надеялся, что никто из вас не захочет уйти, пока мы не примем решения. Если колония решит действовать, нам лучше сохранить это в тайне. Я хочу принять меры к тому, чтобы ни один скутер не ушел из колонии до тех пор, пока мы не придем к согласию. Поддержит ли меня собрание?

Против была только миссис Поттл.

— Возьмите людей себе в помощь, мистер Келли, — распорядился Марло, — выполняйте волю собрания.

— Есть, шеф!

— Теперь можете идти, миссис Поттл. А вы нет, мистер Крюгер.

Мистер Поттл нерешительно потоптался на месте и последовал за женой.

Вернулся Толенд и начал устанавливать на сцене свою технику. Джим уговорил Виллиса повторить «запись» еще раз, в микрофон. Вскоре Толенд поднял руку.

— Достаточно. Сейчас подберу одинаковые слова.

Он выбрал слова «колония», «компания», «день» и «марсианин», как наверняка присутствующие в той и другой записи — фонограмме Виллиса и официальном выступлении генерального резидента по радио. Затем начал сверять каждое слово. На экране осциллографа появились стоячие волны сложной формы, по которым столь же безошибочно можно определить тембр голоса, как по отпечаткам пальцев — человека.

Наконец Толенд встал.

— Это голос Бичера, — бесстрастно объявил он.

Марло опять пришлось стучать по столу. Добившись тишины, он сказал:

— Итак, ваши предложения?

— Линчевать Бичера, — крикнул кто-то.

Председатель предложил высказывать только практические предложения.

— Давайте послушаем, что скажет Крюгер, — слышалось из зала.

— Господин резидент, — обратился Марло к Крюгеру, — выскажитесь от имени Компании.

Крюгер облизнул губы.

— Если кто-то утверждает, что эта скотина на самом деле воспроизводит слова генерального резидента...

— Хватит влиять!

— Толенд это доказал!

Глаза Крюгера забегали, его поставили перед решением, невозможным для человека его склада.

— Это вообще не мое дело, — сердито заявил он. — Меня все равно собирались переводить отсюда.

— Мистер Крюгер, — встал Макрей. — Вы стоите на страже нашего благополучия. Намерены вы защищать наши права или нет?

— Послушайте, доктор, я служу Компании. Если такова ее политика — я сказал «если», — не могу же я идти против.

— Я тоже служу Компании, — прогремел доктор, — но я не продавался ей телом и душой. — Он обвел глазами зал. — Как, люди? Выкинем его отсюда?

Марло застучал молотком, призывая к порядку.

— Садитесь, доктор. У нас нет времени на подобные мелочи.

— Господин председатель!

— Да, миссис Палмер?

— А как по-вашему, что мы должны делать?

— Я предпочел бы, чтобы предложения поступали от вас.

— О, чепуха, вы знали об этом раньше нас и, наверное, уже приняли решение. Вот и скажите какое.

Марло, видя, что это общее желание, сказал:

— Хорошо, я скажу за себя и за мистера Саттона. В нашем контракте предусмотрена миграция, а Компания обязана ее обеспечить. Вот я и предлагаю: начать миграцию прямо сейчас.

— Верно!

— Я за!

— Вопрос! Вопрос!

— Переходим к прениям, — сказал Марло.

— Минутку, господин председатель, — сказал Хамфри Гиббс, маленький занудливый человечек. — Мы действуем второпях и, так сказать, без соблюдения должной процедуры. Мы еще не пробовали договориться относительно возможных льгот. Нам следует связаться с мистером Бичером. Возможно, существуют веские причины для введения подобных новшеств...

— Вы что, хотите зимовать при минус ста *?

— Господин председатель, я настаиваю на соблюдении порядка.

— Дайте ему сказать, — распорядился Марло.

— Как я уже сказал, на то могут быть веские причины, но, возможно, правление Компании на Земле не совсем в курсе местных условий. Если мистер Бичер не уполномочен предоставить нам льготы, следует связаться с правлением и обсудить вопрос. Не нужно заниматься самоуправством. В крайнем случае, у нас есть контракт, и, если нас к тому вынудят, мы можем обратиться в суд. — Он сел.

— Можно я скажу? — снова встал доктор Макрей. — Не хотелось бы перебивать у кого-то слово. — С общего согласия он продолжал: — Значит, этот сморчок хочет судиться. Когда он «исчерпает все средства», а заодно и наше терпение, температура снаружи будет минус 130, а земля промерзнет на фут в глубину, — самое время записать дело к слушанию в каком-нибудь суде на Земле и нанять адвоката!

Если хотите, чтобы ваш контракт соблюдался, надо самим об этом позаботиться. Всем известно, что стоит за этим: еще в прошлом сезоне Компания сократила расходы на домашнее хозяйство и начала взимать плату за лишний багаж. Я вас предупреждал тогда, но правление было за миллионы миль от нас, и вы предпочли лучше заплатить, чем бороться. Для Компании затраты на наш переезд — просто нож острый, а главное, им не терпится ввозить сюда новых иммигрантов, не дожидаясь, когда мы сможем их принять. Им кажется, что дешевле будет заселять сразу и Северную, и Южную колонии, чем строить новые дома. Как сказал братец

---

* -73 °C.

Гиббс, они не представляют себе здешних условий и не знают, что зимой мы не можем работать в полную силу.

Вопрос не в том, можем мы выдержать полярную зиму или нет — сторожа-эскимосы выдерживают ее каждый сезон. И не в контракте дело. Сейчас решается, будем мы свободными людьми или позволим и дальше управлять собой жителям другой планеты, ноги которых никогда не было на Марсе!

Минуту, дайте договорить! Мы — авангард. Когда атмосферный проект будет претворен в жизнь, сюда придут миллионы других. И что, так и будут ими управлять отсутствующие помещики с Земли? А Марс так и будет земной колонией? Пришло время определиться.

Настала гробовая тишина, потом раздались разрозненные аплодисменты.

— Кто еще желает высказаться в прениях? — спросил мистер Марло.

Встал мистер Саттон.

— Док правильно рассуждает. У меня в крови нелюбовь к отсутствующим лордам.

— Правильно, Пэт! — крикнул Келли.

— Снимаю этот вопрос с повестки дня, — заявил Марло. — Перед собранием ставится вопрос: мигрировать немедленно или нет? И ничего больше. Вы готовы голосовать?

За миграцию проголосовали единогласно. Если кто и воздержался, то «против» не голосовал никто. Потом был выбран чрезвычайный комитет, председателя обязали отчитываться о принятых решениях перед комитетом, а комитет — перед колонией.

Председателем избрали Джеймса Марло-старшего. Называли и доктора Макрея, но он отвел свою кандидатуру. Мистер Марло и он согласились на том, что доктор войдет в комитет.

В ту пору в Южной колонии насчитывалось пятьсот девять человек — от грудного младенца до старого доктора Макрея. В распоряжении колонистов было одиннадцать скутеров, их еле-еле хватало, чтобы вывезти всех, и то с тем расчетом, что люди набьются в них как сельди в бочку и каждый возьмет с собой всего

несколько фунтов ручной клади. Обычно миграция проводилась в три-четыре приема, а дополнительные скутеры приходили из Малого Сирта.

Отец Джима решил вывезти всех разом в надежде, что за вещами можно будет послать потом. Было много жалоб, но он настоял на своем, комитет ратифицировал его решение, а созвать собрание никто не требовал. Отправление Марло назначил на рассвет понедельника.

Крюгеру разрешили сохранить за собой кабинет; Марло предпочитал распоряжаться всем из своего. Но Келли, который стал *de facto* начальником полиции, велено было не спускать с резидента глаз. В воскресенье Келли позвонил Марло:

— Знаешь что, шеф? Только что на скутере приехали двое полицейских Компании — увезти в Сирт твоего мальчишку и мальчика Саттона.

«Должно быть, Крюгер позвонил Бичеру сразу, как только узнал, что мальчики вернулись домой», — подумал Марло.

— Где они теперь?

— Да здесь, у Крюгера в кабинете. Мы их сами арестовали.

— Ведите их сюда, я хочу их допросить.

— Сделаем.

Вскоре появились двое весьма недовольных мужчин в сопровождении Келли и его помощника.

— Отлично, мистер Келли. Нет, можете идти, я вооружен.

Когда Келли с помощником ушли, один из полицейских сказал:

— Учтите, это вам даром не пройдет.

— Вам никакого вреда не причинили, — резонно ответил Марло, — а оружие вы сейчас получите обратно. Я только хочу задать вам несколько вопросов.

Но он ничего не добился, полицейские отвечали односложно и неохотно. Внутренний телефон снова зазвонил, и на экране появилось лицо Келли.

— Шеф, ты не поверишь...

— Чему я не поверю?

— Старый лис Крюгер смылся на скутере, на котором приехали эти двое. Я и не знал, что он умеет водить.

Лицо Марло осталось спокойным. Помолчав, он ответил:

— Отправление переносится. Едем сегодня на закате. Брось все дела и оповести народ. — Он взглянул на таблицу. — Осталось два часа десять минут.

Жалобных воплей было еще больше, чем раньше. Однако, как только солнце коснулось горизонта, первый скутер отправился в путь. За ним с интервалом в тридцать секунд последовали остальные. Когда солнце закатилось, ушел последний скутер — колония двинулась на север, миграция началась.

Глава 10

«МЫ В ЛОВУШКЕ»

Четыре скутера старого образца шли медленнее остальных, их предельная скорость была только двести миль в час. Эти машины поставили в голове колонны, чтобы равняться по ним. Около полуночи у одной из них забарахлил мотор, и колонне пришлось замедлить ход. К трем часам утра мотор совсем отказал, пришлось остановиться и распределить пассажиров по другим скутерам — на морозе предприятие небезопасное.

Наконец Макрей и Марло залезли в свою штабную машину, последнюю в колонне. Доктор посмотрел на часы.

— Будем останавливаться в Гесперидах, шкипер?

Станцию Киния они прошли без остановки. Геспериды были недалеко от нее, а там через семьсот миль и Малый Сирт.

— Не хотелось бы, — нахмурился Марло. — Если делать остановку в Гесперидах, придется стоять до заката, пока не схватится лед, и мы потеряем весь день. Крюгер нас опередил, значит, у Бичера будет целый день, чтобы придумать, как нас остановить. Если бы я был уверен, что лед продержится после рассвета столько, чтобы мы успели добраться... — он замолчал и прикусил губу.

У них в Южной колонии уже настала зима, и лед на канале теперь не растает до весны, но они приближались к экватору. Здесь каналы замерзали ночью и таяли днем — тоненькая марсианская атмосфера допускала такие резкие перепады температуры. К северу от экватора, куда они направлялись, уже таяла шапка северного полюса и бежали весенние ручьи. Канал ночью затягивало льдом, но это был слабый лед, который двигался вместе с течением, а ночные облака сохраняли дневное тепло.

— Ну доберемся мы туда, шкипер, а что дальше? — настаивал доктор.

— Поедем прямо на лодочную станцию, поставим скутера у причала и загрузим все лодки, которые там у них есть. Как только лед достаточно ослабнет, чтобы прошли лодки, отправим их на север. Мне хотелось бы отправить хотя бы сотни полторы людей из Малого Сирта, пока Бичер не спохватится. Нет у меня никакого плана, кроме как форсировать события, пока он не успел составить свой план. Хочу поставить его перед фактом.

— Нахальство — второе счастье, — кивнул Макрей. — Дерзай.

— Я бы рад, да боюсь за лед. Если какой-нибудь скутер провалится, будут жертвы — и по моей вине.

— Наши водители сообразят, что надо растянуть колонну, когда взойдет солнце. Джейми, я уже давно понял, что в этой жизни иногда приходится рисковать. Иначе ты просто овощ, и место тебе в кастрюле с супом. — Доктор выглянул из-за спины водителя. — Я вижу впереди огонек, это Геспериды. Решай, Джейми.

Марло промолчал, и вскоре огонек остался позади.

Когда взошло солнце, Марло приказал своему водителю стать в голове колонны. Около девяти утра они, не останавливаясь, проехали скутерную станцию Малого Сирта, проехали космопорт и свернули направо, к лодочной станции, где кончался главный канал, ведущий на север. Водитель машины Марло, постепенно тормозя, въехал на мостки, не обращая внимания на полозья, и остановился, а другие машины выстроились в хвост позади него.

Из головной машины вышли Марло, Келли, Макрей и Джим с Виллисом на руках. Из других скутеров тоже начали выходить люди.

— Скажи им, Келли, пусть сидят в машинах, — рявкнул мистер Марло.

Услышав это, Джим спрятался за спиной отца, чтобы не привлекать его внимания.

Марло сердито смотрел на лодочный бассейн. Там не было ни одной лодки, только на берегу стоял на катках катерок с разобранным мотором. Марло повернулся к Макрею.

— Ну вот, док, я и залез на дерево. Как теперь слезать?

— Ты не в худшем положении, чем был бы, остановившись в Гесперидах.

— И не в лучшем.

Лодочный бассейн кольцом окружали склады. Из одного склада вышел человек и подошел к ним.

— Что это такое? — спросил он, уставившись на колонну скутеров. — Цирк, что ли?

— Сезонная миграция.

— А я уж думал: что это вы не едете? Ничего про вас было не слышать.

— Куда подевались все лодки?

— Да разогнали повсюду, в основном по лагерям Проекта. Я ими не ведаю, позвоните лучше в отдел транспорта.

Марло снова нахмурился.

— Можете вы хотя бы сказать, где нам разместиться?

При переездах из колонии в колонию один из складов всегда оборудовали под барак для ночлега: в единственной гостинице Компании, отеле «Марсополис», было всего двадцать мест.

Мужчина пришел в недоумение.

— Да как будто ничего такого не подготовили. Похоже, с графиком что-то напутали, да?

Марло выругался — глупо было спрашивать об этом. Разумеется, Бичер не готовился к миграции, которую не собирался проводить.

— Есть тут телефон?

— У меня в конторе, я тут кладовщиком. Звоните.

— Спасибо.

Марло прошел на склад, Макрей за ним.

— Какой у тебя план, сынок?
— Хочу позвонить Бичеру.
— Ты думаешь, это разумно?
— Черт возьми, нельзя же держать людей в машинах. Там малые дети и женщины.

— Они там в безопасности.
— Док, придется Бичеру сделать хоть что-нибудь, раз уж мы приехали.
— Ты тут главный, — пожал плечами Макрей.

Марло выдержал препирательство с несколькими секретарями поочередно, и наконец на экране появился Бичер. Генеральный резидент, не узнавая, уставился на Марло.

— Да? Слушаю вас, любезный. Что за срочность?

— Моя фамилия Марло, временный руководитель Южной колонии. Я хотел бы знать...

— Как же, как же! Знаменитый мистер Марло. Мы видели, как проходит ваша разбитая армия. — Бичер отвернулся и сказал что-то человеку за кадром. Ему ответил голос Крюгера.

— Итак, теперь, когда мы здесь, что вы собираетесь с нами делать?

— Делать? Это элементарно. Как только ночью установится лед, можете разворачиваться и возвращаться туда, откуда приехали. Все, кроме вас, вы останетесь здесь и будете преданы суду. И ваш сын тоже, если я правильно помню.

Марло сдержал себя.

— Я не это имел в виду, мне нужно жилое помещение с санитарными удобствами и кухней на пять сотен человек.

Бичер отмахнулся.

— Пусть остаются там, где они есть. Ничего с ними за день не сделается. Послужит уроком.

Марло хотел было ответить, но передумал и выключил аппарат.

— Ваша правда, док, не надо было с ним говорить.

— Ничего страшного, Джейми.

Они вышли и увидели, что Келли расставил свою команду вокруг скутеров.

— Мне как-то беспокойно стало, босс, когда вы пошли звонить, вот я и поставил ребят.

— Из тебя генерал лучше, чем из меня, — сказал Марло. — Ничего тут не произошло?

— Показался было фараон Бичера, но сразу ушел.

— Что ж ты его не задержал? — спросил Макрей.

— Я хотел, — ответил Келли, — но он не остановился, когда я ему крикнул. Без стрельбы его было не задержать, я и дал ему уйти.

— Вот и подстрелил бы его, — сказал Макрей.

— А надо было? — спросил Келли у Макрея. — Меня подмывало это сделать, но я не решился. У нас что, настоящая война или просто свара с Компанией?

— Ты правильно сделал, — успокоил его Марло. — Никакой стрельбы, разве что Бичер начнет первый.

Макрей фыркнул.

— Вы не согласны? — спросил его Марло.

— Джейми, ты мне напомнил один случай из жизни американского Запада. Примерный гражданин убил профессионального бандита выстрелом в спину. Когда его спросили, почему он не дал шанса своему противнику, он ответил: «Потому что он мертв, а я жив, и я хотел, чтобы так и было». Джейми, если ты ведешь честную игру с отпетым мерзавцем, ты подвергаешь себя большой опасности.

— Сейчас не время рассказывать истории, доктор. Надо немедленно поместить людей в безопасное место.

— Я настаиваю на своем, — не унимался Макрей. — Поиски пристанища могут и подождать, это не главное.

— Что же нужно делать, по-вашему?

— Отбери лучших стрелков и пошли их захватить управление Компании и арестовать Бичера. Я сам их поведу.

Марло сердито замахал руками.

— Не может быть и речи. Пока что мы просто граждане, настаивающие на своих законных правах. Действуя подобным образом, мы превратимся в преступную группу.

— Ты не видишь логики в собственных действиях, — покачал головой Макрей. — Ты видишь, что вода бежит под гору, и думаешь, что она не достигнет подножия горы. В глазах Бичера ты и так уже преступник, равно как и все мы.

— Чепуха, мы просто добиваемся соблюдения контракта. Если Бичер будет держаться в рамках, мы тоже будем.

— Говорю тебе, сынок, раз уж взялся дергать крапиву, дергай с корнем.

— Доктор Макрей, если вы так хорошо знаете, что надо делать, что ж вы тогда отказались от руководства? Макрей покраснел.

— Виноват, сэр. Жду ваших указаний.

— Вы знаете Сирт лучше, чем я. Какое здание можно занять под общежитие?

Джим решил, что самое время выйти из укрытия.

— Пап, — сказал он, выходя вперед, — от этого места до нашей школы...

— Джим, у меня нет времени на пустые разговоры. Вернись в машину.

— Папа, но до школы всего десять минут ходу!

— По-моему, он дело говорит, — вмешался доктор. — В школе есть нормальные кровати для детей и кухня.

— Хмм... ну хорошо. Может быть, займем обе школы и поместим женщин с малышами в школе для девочек?

— Джейми, — сказал доктор, — рискуя тем, что мне опять надерут уши, я все же скажу: не надо дробить наши силы.

— Да нет, это я так. Келли!

— Да, сэр.

— Скажи, чтобы все выходили, и поставь своего человека во главе каждой машины. Мы уходим.

— Есть.

На улицах Малого Сирта прохожих мало, пешеходы предпочитают ходить по туннелям. Те, кто все же попадались навстречу, испуганно шарахались, но колонистов никто не останавливал.

Входной тамбур школы мог вместить только двадцать человек. Когда прошла вторая партия, появился Хоу.

— Что это значит? — спросил он.

Виллис, посмотрев на него, сразу спрятался, а Джим скрылся за спиной у отца.

— Сожалею, — сказал Марло, — но мы вынуждены занять школу под временное пристанище.

— Это невозможно. Кто вы, собственно, такой?

— Моя фамилия Марло. Я возглавляю миграцию.

— Так... — Хоу внезапно повернулся, растолкал толпу и скрылся в здании.

Минут через тридцать Марло, Макрей и Келли вошли с последней партией. Марло приказал Келли поставить часовых у каждого выхода из здания. Макрей хотел было предложить расставить людей вокруг здания снаружи, но прикусил язык.

Саттон ждал Марло в вестибюле.

— Донесение от миссис Палмер, шеф! Она просила тебе передать, что кормежка поспеет минут через двадцать.

— Хорошо! Я и сам не прочь перекусить.

— Школьная повариха сидит в столовой и дуется. Хочет поговорить с тобой.

— Сам с ней разберись. Где Хоу?

— А пес его знает. Пролетел, как ангел мщения, и пропал.

Вестибюль был переполнен, здесь толпились не только колонисты, но и школьники. Родители обнимали своих сыновей. Келли дубасил по спине уменьшенную копию самого себя, а сын в свою очередь дубасил его. Гвалт стоял оглушительный. Какой-то человек, с трудом пробившись к Марло, прокричал ему в ухо:

— Мистер Хоу в своем кабинете. Он заперся. Я хотел к нему пройти, но мне не удалось.

— Пусть сидит, — решил Марло. — А вы кто?

— Ян ван дер Линдер, преподаватель естествознания. Можно узнать, кто вы?

— Марло меня зовут. Командую этим сумасшедшим домом. Послушайте, вы не могли бы собрать мальчиков, которые живут в городе? Мы здесь останемся по меньшей мере на пару дней. Городских учеников можно свободно отпустить по домам, и учителей тоже.

Учитель колебался.

— Мистеру Хоу не понравится, если я сделаю это без его указания.

— Я это сделаю в любом случае, просто у вас получится быстрее. Всю ответственность беру на себя.

Джим увидел в толпе мать и двинулся к ней, не дожидаясь, чем кончится дело. Мать прислонилась к стене с Оливером на руках, вид у нее был очень усталый. Рядом стояла Филлис. Джим протиснулся к ним.

— Мама!

— Что, Джимми?

— Пойдем со мной.

— Ох, Джимми, я слишком устала, чтобы идти еще куда-нибудь.

— Пошли! Я знаю, где можно прилечь.

Через несколько минут он привел всех троих в комнату, которую они занимали с Фрэнком. Мать рухнула на койку Джима.

— Джимми, ты ангел.

— Ты отдыхай. Фил принесет тебе поесть. А я пойду посмотрю, что там делается. Фил, — помедлил он, — ты не присмотришь за Виллисом?

— С чего это? Мне тоже интересно знать, что происходит.

— Ты девочка, и тебе лучше не путаться под ногами.

— Мне это нравится! Я имею такое же отношение...

— Довольно, дети. Мы присмотрим за Виллисом, Джимми. Скажи отцу, что мы здесь.

Джим сказал, потом встал в очередь за едой. Получив свою порцию и быстро разделавшись с ней, он обнаружил, что почти все колонисты собрались в актовом зале. Джим вошел туда, увидел Фрэнка и доктора Макрея и протолкался к ним.

Его отец стучал по столу рукояткой пистолета за неимением молотка.

— Слово предоставляется мистеру Линтикаму.

Оратор был весьма агрессивным мужчиной лет тридцати.

— Я поддерживаю доктора Макрея. Нечего тут болтаться. Нам нужны лодки, чтобы попасть в Копанис. Так? Бичер их нам не дает. Так? Но все, чем располагает Бичер, — это отделение полиции. Так? Если даже он мобилизует всех мужчин в Сирте, у него наберется не более полутора ста стволов. Так? А нас вдвое больше. Да и не сможет Бичер собрать против нас всех, кто здесь работает. Что же мы делаем? Мы идем, хватаем его за шиворот и заставляем сделать то, что нам надо. Так? — И он с торжеством уселся на место.

— Избавь меня, Боже, от друзей, — пробормотал Макрей.

Несколько человек хотели высказаться. Марло выбрал одного.

— Слово имеет мистер Гиббс.

— Господин председатель! Соседи! Мне нечасто доводилось слышать столь опрометчивую и провокационную речь. Вы, мистер Марло, убедили нас присоединиться к этой безрассудной аванюре, которую я никогда не одобрял.

— Однако присоединились! — крикнул кто-то.

— К порядку! — призвал Марло. — Ближе к делу, мистер Гиббс.

— Я присоединился, не желая противиться воле большинства. Теперь же некоторые горячие и неуравновешенные личности могут еще ухудшить положение. Сейчас, когда мы находимся в правительственном центре, естественным шагом было бы составление петиции о возмещении ущерба.

— Если вы говорите о том, чтобы потребовать у Бичера доставить нас в Копайс, то это я уже сделал.

Гиббс кисло улыбнулся.

— Извините меня, мистер Марло, если я скажу, — иногда личность просителя влияет на судьбу прошения. Как я понимаю, здесь находится мистер Хоу, директор школы и человек, близкий к генеральному резиденту. Мне кажется, было бы разумно воспользоваться его помощью при обращении к генеральному резиденту.

Мистер Саттон крикнул:

— Это последний человек на Марсе, которому я позволю говорить от своего имени!

— Обращайся к председателю, Пэт, — предупредил Марло. — Я согласен с тобой, но не стану возражать, если этого захочет большинство. А разве Хоу здесь? — спросил он у зала. — Я его не видел.

— Да здесь он, — встал Келли, — прячется в кабинете. Я с ним поговорил через вентилятор и пообещал ему роскошную трепку, если он выйдет и подерется со мной, как мужчина.

— Вот вам, пожалуйста! — ахнул мистер Гиббс.

— Это личное дело, касается моего парня, — объяснил Келли.

Марло постучал по столу.

— Полагаю, что мистер Келли откажется от своей привилегии, если вы захотите, чтобы Хоу был вашим посредником. Будем голосовать? — За предложение Гиббса проголосовали только он сам и Поттлы.

После этого Джим сказал:

— Папа?

— Обращайся к председателю, сын. Что ты хочешь сказать?

— Господин председатель, у меня есть идея. Раз лодок нет, нельзя ли нам добраться до Копайса тем же способом, каким мы с Фрэнком попали в Харакс — с помощью марсиан? Если все согласятся, — добавил Джим, — мы с Фрэнком могли бы вернуться, найти Гекко и обсудить это с ним.

В зале наступила тишина, потом все зашептались: «О чем это он говорит?» Хотя почти все слышали историю мальчиков, ей не верили, от нее отмахивались или не принимали в расчет. Эта история противоречила всеобщему опыту, а колонисты в большинстве своем так же погрязли в «здравом смысле», как и их сородичи на Земле.

Мистер Марло нахмурился.

— Мы не знаем, имеются ли у туземцев такие же средства передвижения между Сиртом и Копайсом...

— Спорю, что есть!

— ...и не знаем, позволят ли нам марсиане воспользоваться ими, даже если они есть.

— Но, папа, мы с Фрэнком...

— По поводу ведения, господин председатель! — вмешался Гиббс. — По какому праву вы разрешаете детям говорить на собрании взрослых?

Марло смутился. Встал доктор Макрей.

— Я тоже по поводу ведения, господин председатель. С какого возраста этот хлыщ...

— К порядку, доктор.

— Виноват. Я хочу сказать, почему сей зрелых муж не считает гражданами Фрэнка, Джима и других владеющих оружием мужчин их возраста? Я мог бы добавить, что был взрослым мужчиной, когда Гиббс еще пускал слюнки на слюнявчик...

— Доктор!

— Извините. Когда он еще не достиг этого возраста. Мы — общество пионеров, и каждый мальчик, достаточно большой, чтобы сражаться, — это мужчина и должен считаться таковым. И каждая девочка, достаточно большая, чтобы стряпать и нянчить детей, тоже взрослая. Сознаете вы это или нет, вы вступили в такой

период, когда придется драться за свои права. А драться-то будет молодежь, так что извольте относиться к ней соответственно. Может, двадцать пять лет — это и нормальный совершеннолетний возраст для умирающего, дряхлого общества Земли, а мы здесь не собираемся следовать правилам, которые нам не подходят.

Мистер Марло постучал пистолетом.

— Снимаю этот вопрос с обсуждения. Джим, мы поговорим с тобой после. Есть у кого-нибудь конкретное предложение на данный момент? Пойдем путем переговоров или прибегнем к силе?

Мистер Конски сказал:

— Я за то, чтобы идти до конца, если придется, но может быть, и не придется. Что если вам, мистер Марло, еще раз позвонить мистеру Бичеру? Вы можете сказать ему, что у нас достаточно людей, чтобы добиться своего, глядишь, он и прислушается к голосу рассудка. Вот мое предложение.

Предложение было принято. Марло предложил также, чтобы с генеральным резидентом вместо него говорил кто-нибудь другой, но этот вариант отклонили. Марло сошел с возвышения и направился к телефонной будке. Пришлось ломать замок, который приделал на нее Хоу.

Бичер имел очень самодовольный вид.

— А, мой любезный друг Марло. Вы звоните, чтобы сдаться?

Марло вежливо объяснил причину своего звонка.

— Лодки до Копайса? — засмеялся Бичер. — Когда наступит ночь, будут приготовлены скутеры, чтобы отвезти людей обратно в Южную колонию. Те, кто готовы уехать, избегнут ответственности за свои необдуманные действия. Но не вы, разумеется.

— Позвольте вам заметить, что наша численность значительно превышает те силы, которые вы сможете сколотить здесь, в Малом Сирте. Мы добиваемся только выполнения контракта. Если нас вынудят применить силу ради защиты наших прав, мы ее применим.

Бичер ухмыльнулся с экрана.

— Ваши угрозы меня не пугают, Марло. Сдавайтесь. Выходите по одному, без оружия и с поднятыми руками.

— Это ваше последнее слово?

— Нет еще. Вы держите в плену мистера Хоу. Отпустите его сейчас же, не то я позабочусь, чтобы вас обвинили в похищении.

— Хоу? Он не пленник, он может уйти, когда захочет. Бичер развил свою мысль. Марло сказал:

— Это личное дело Келли и Хоу. Можете позвонить Хоу в кабинет и сказать ему об этом.

— Вы должны дать ему охрану, — настаивал Бичер. Марло покачал головой.

— Я не собираюсь вмешиваться в частную ссору. Хоу в безопасности там у себя, зачем мне о нем беспокоиться? Бичер, даю вам еще один час, отдайте лодки миром.

Бичер пристально посмотрел на него и выключил экран.

— Может, стоило отдать меня на съедение, шеф? — спросил Келли.

Марло поскреб подбородок.

— Не думаю. Я не могу держать заложников, однако этот дом будет целее, пока в нем находится Хоу. Насколько мне известно, в Сирте нет ни бомб, ни другого тяжелого оружия, почему же тогда Бичер так уверен в себе, хотел бы я знать?

— Он блефует.

— Сомневаюсь.

Марло вернулся в зал и передал колонистам содержание разговора.

Миссис Поттл встала.

— Мы с мужем, безусловно, примем любезное предложение мистера Бичера. Держать бедного мистера Хоу в плену, подумать только! Надеюсь, что вы будете наказаны по заслугам и этот невоспитанный мистер Келли тоже. Идем, дорогой! — И она совершила свой драматический выход, а мистер Поттл плелся за ней по пятам.

— Кто еще хочет сдать? — спросил Марло.

Гиббс нерешительно посмотрел по сторонам и последовал за Поттлами. Все молчали, и, только когда он ушел, Толенд сказал:

— Предлагаю приступить к организации боевого отряда.

— Поддерживаем! Согласны!

Предложение было принято без всяких дебатов. Затем Толенд предложил назначить Марло капитаном с правом назначать офицеров. Это тоже было принято.

В этот момент вошел, шатаясь, Гиббс, весь белый, с трясущимися руками.

— Они погибли! Они погибли! — кричал он.

Марло не стал и пытаться восстановить порядок. Вместо этого он пробился к Гиббсу и спросил:

— Кто погиб? Что случилось?

— Поттлы. Меня самого чуть не убили.

Немного успокоившись, он рассказал следующее: они втроем надели маски и вышли через шлюз. Миссис Поттл, не поглядев ни вправо, ни влево, двинулась вперед, а муж следовал за ней, как тень. Как только они вышли за порог, в них ударил луч. Их тела лежат на улице перед школой.

— Это вы виноваты, — пронзительно закончил Гиббс, глядя на Марло. — Вы втравили нас в это дело.

— Минутку, — сказал Марло, — а они вышли так, как требовал Бичер? Поодиночке, с поднятыми руками и так далее? Был у Поттла пистолет?

Гиббс покачал головой и отвернулся.

— Какая разница, — сокрушенно сказал Макрей. — Пока мы тут дебатировали, Бичер устроил нам западню.

Глава 11

ОСАДА

Как ни печально, это оказалось правдой — разведка подтвердила. Переднюю и заднюю дверь перекрыли стрелки, предположительно из полиции Бичера. Они могли снять каждого, кто выходил из здания, сами оставаясь при этом в полнейшей безопасности. При шлюзовой системе прорыв был бы равносителен самоубийству.

Школа стояла в отдалении от поселка и не была связана с ним туннелем. Окон в ней тоже не было. Горсточка вооруженных людей держала взаперти сотни лицензированных стрелков колонии.

Зычный голос доктора Макрея убедил собрание продолжать работу.

— Прежде чем двигаться дальше, — сказал Марло, — выясним, может, еще кто-нибудь хочет сдатьсь? Я уверен: Поттлов застрелили только потому, что они полезли напролом. Если покричать и помахать белым флагом, вас, полагаю, пропустят.

Наступила пауза. Потом встал мужчина вместе с женой, за ним еще один. Набралось несколько человек, и в гробовой тишине они вышли из зала.

После их ухода капитан Марло приступил к организации своего отряда. Миссис Палмер он назначил глав-

ным интендантом, доктора — своим заместителем, Келли — начальником караула, ответственным за посты. Саттону и Толенду поручили разработать нечто вроде переносного экрана для защиты от продольного огня, скошившего Поттлов. Джим с волнением наблюдал за этим процессом, но после назначения взводных командиров выяснилось, что отец не намерен вовлекать в боевые действия подростков. Школьников объединили в два запасных взвода и распустили до поры до времени.

Джим не отходил от отца, все ждал случая перемолвиться с ним словом. Наконец ему это удалось.

— Папа...

— Не приставай, Джим.

— Но, папа, ты же сказал, что мы поговорим насчет марсианской помощи...

— Марсиане? — Мистер Марло подумал и сказал: — Не выйдет, Джим. Пока мы не вырвемся отсюда, ни от твоего плана, ни от любого другого толку нет. Пойди посмотри, как там мама.

Отвергнутый Джим грустно побрел прочь. К нему пристроился Фрэнк.

— Знаешь, Джим, а у тебя порой бывает просветление.

— Спасибо за комплимент.

— Это не комплимент, Джим, просто отдаю тебе должное. Как правило, идеи у тебя бредовые, но тут тебя прямо осенило.

— Давай ближе к делу.

— Ближе некуда. Когда ты предложил позвать на помощь марсиан, это было просто гениально.

— Спасибо, но мне так не кажется. Папа правильно сказал: ничего нельзя сделать, пока мы не прорвемся. А тогда уж, наверное, нам и помощь не понадобится.

— Зря ты так думаешь. Давай проанализируем ситуацию, как сказал бы док. Во-первых, твой отец загнал нас сюда...

— Не трогай отца!

— Я не трогаю, он мужик что надо. Но своим джентльменским поведением он загнал нас в угол. Я не упрекаю его, но такова ситуация. И что же они намерены делать? Твой старик велел моему вместе с Толендом сделать какой-нибудь щит, который позволит нам прой-

ти через дверь на открытое место, где можно будет драться. По-твоему, у них что-нибудь получится?

— Я об этом не думал.

— А я думал. Ничего у них не выйдет. Отец хороший инженер, дай ему только оборудование и материал, так он тебе сотворит все, что угодно. А тут что? Есть школьная мастерская, сам знаешь, что это за счастье. Компания вечно экономила на ее оборудовании, в ней разве что подставки для книг можно делать. А материал? Из чего они сделают щит? Из обеденных столов? Бластер разрежет их, как мягкий сыр.

— Может, и придумают что-нибудь.

— Что, например?

— Так чего же ты хочешь? — отчаялся Джим. — Сдаться, что ли?

— Нет, конечно. Но наши старики увязли по уши. Тут-то мы и покажем себя — используем твою идею.

— Никакая она не моя.

— Ну, как хочешь, тогда я присвою все заслуги себе. Мы передадим Гекко, что нуждаемся в помощи. Он наш водный друг, он нас не оставит.

— Как может Гекко нам помочь? Марсиане не воюют.

— Верно, но, как говорится в геометрии, что из этого следует? Люди не воевали, не воюют и не будут воевать с марсианами. Бичер не может позволить себе задеть марсиан. Все знают, с каким трудом Компания добилась того, чтобы марсиане хотя бы позволили нам поселиться здесь. А теперь представь, что двадцать-тридцать марсиан, да пусть даже один, заявятся к нашей парадной двери. Что сделают тогда фараоны Бичера?

— Что?

— Прекратят огонь, вот что, и мы все вывалим наружу. Вот что может сделать для нас Гекко. Он может сделать так, что Бичер отзовет своих стрелков. Бичеру просто некуда будет деваться.

Джим подумал. Да, это имело смысл. Каждому человеку, который допускается на Марс, старательно вбивалось в голову, что ни в коем случае нельзя ссориться с туземцами, провоцировать их, нарушать их обычаи и уж вовсе недопустимо причинять им какой-нибудь вред. К возникновению этого закона — первой заповеди марсианских поселенцев — привела странная и горестная

история первого поколения людей, контактировавших с марсианами. Джим не представлял себе, чтобы Бичер или полиция Компании решились на нарушение этого закона. Первой задачей полиции всегда было как раз его неукоснительное соблюдение, особенно по отношению к туристам с Земли, которым никогда не разрешалось контактировать с туземцами.

— Одно неясно, Фрэнк. Допустим, Гекко и его друзья захотят нам помочь, но как передать им, что нам нужна помощь? Не можем же мы позвонить им по телефону.

— Не можем, но тут на сцену выходишь ты. Ты можешь передать им весть.

— Как?

— Через Виллиса.

— С ума сошел!

— Почему? Предположим, из дома выходишь ты. Фшш! — и тебя нет. А если выйдет Виллис? Кто будет стрелять в попрыгунчика?

— Не нравится мне это. Вдруг его ранят.

— Если мы будем сидеть сложа руки, ты пожалеешь, что он не умер. Бичер отправит его в Лондонский зоосад.

Джим поразмыслил.

— Все равно в твоем плане полно прорех. Даже если Виллис проберется, он не сможет найти Гекко и передать ему наше сообщение. Возьмет и запоет вместо этого или начнет повторять докторские шуточки. Я придумал лучше.

— Послушаем.

— Спорю, что Бичеровы обормоты не додумались караулить мусорный люк. Я сам пойду к Гекко.

— Нет, — поразмыслив, ответил Фрэнк. — Даже если мусоропровод не охраняют, они тебя заметят со своего поста у задней двери и пристрелят, не успеешь ты подняться на ноги.

— Подожду, пока стемнеет.

— Мм... в этом уже что-то есть. Только пойду я. Я быстрее бегаяю.

— Кто бы говорил!

— Ладно! Пойдем оба — с часовым интервалом. Но Виллис не исключается. Ему тоже надо попытаться. Кто-нибудь да пройдет. Нет, погоди, ты недооценива-

ешь своего дружка. Мы его научим, что надо говорить, а потом ты ему скажешь, чтобы он пошел в марсианский город, остановил первого встречного марсианина и рассказал ему то, что выучил. А уж марсианин будет знать, что делать дальше, это все будет в сообщении Виллиса. Только вот хватит ли у него ума сделать то, что ему скажут. Я в этом сильно сомневаюсь.

Джим ощетинился.

— Ты всегда считал Виллиса дураком. А он не такой, ты его просто не понимаешь.

— Значит, он доберется до города и все передаст. Или нет?

— Мне все-таки это не нравится.

— Тогда выбирай: или ты немного рискнешь Виллисом, или твою мать с маленьким братом заставят зимовать в Южной колонии.

Джим прикусил губу.

— Ладно, попробуем. Пошли за Виллисом.

— Не спеши. Мы с тобой не настолько хорошо знаем марсианский, чтобы составить донесение. Но Док знает и поможет нам.

— Да, он единственный из взрослых, кому можно довериться. Пошли.

Они нашли Макрея, но поговорить с ним удалось не сразу. Он орал в телефон, и можно было слышать половину разговора:

— Мне доктора Ролингса. Так позовите, нечего сидеть и грызть карандаш! Скажите, доктор Макрей. А, доктор, добрый день! Нет, я здесь... Как дела? Кремируем свои ошибки? Что ж, все мы... Извините, не могу. Я заперт. Заперт, говорю. З-а-п-е-р-т, как буйный пьянчуга... Да никакой причины нет. Это все ваш человекообразный, Бичер. А вы не слышали? Вся колония сидит под замком в здании школы, а если высунем нос, в нас стреляют. Нет, не шучу. Знаете Тощего Поттла? Его с женой убили часа два назад. Пойдите посмотрите сами, полюбуйтесь, что за сумасшедший вами тут управляет.

Экран внезапно погас. Доктор вырвался и защелкал переключателями. Вскоре он убедился, что связь полностью перерезана, пожал плечами и вышел из кабины.

— В конце концов они меня вырубили, — сказал он тем, кто был в комнате, — но троим, самым главным, я успел позвонить.

— А кому вы звонили, доктор? — спросил Джим.

— Собирал пятую колонну против Бичера. Хорошие люди есть повсюду, сынок, только им надо все разжевать и в рот положить.

— Док, вы не можете уделить нам немного времени?

— А что? Твой отец мне дал кое-какую работу, Джим.

— Это важно. — Мальчики отвели Макрея в сторону и рассказали ему про свой план.

Макрей задумался.

— Да, это может сработать. Блестящая мысль, Фрэнк, использовать неприкосновенность марсиан, тебе надо идти в политику. Ну, а насчет десанта через мусорный люк, — если ты спросишь у отца, он тебе запретит, Джим.

— А вы не могли бы его попросить? Вас он послушает.

— Я сказал «если спросишь у отца».

— А, понял.

— Давайте тащите свою зверюшку в класс «С», я его приспособил под свой кабинет.

Джим и Фрэнк отправились за Виллисом. Мать и Оливер спали; ни сестры, ни Виллиса не было. Джим хотел уйти, но мать проснулась.

— Джимми!

— Я не хотел тебя будить, мама. Где Фил? Мне нужен Виллис.

— По-моему, она на кухне, помогает. А Виллиса разве нет? Он был тут, на кровати, со мной и малышом.

Джим посмотрел еще раз, но Виллиса не было.

— Пойду спрошу Фил. Может, она заходила и взяла его.

— Далеко он не мог уйти. Извини, Джим.

— Ничего, я найду.

Джим пошел на кухню и спросил сестру.

— Откуда я знаю? — сказала она. — Он был с мамой, когда я уходила. Нечего ко мне цепляться.

— Ах ты, горе, недоглядели, — сказал Джим Фрэнку. — Придется искать.

Через час, опросив сотню человек, ребята поняли: если Виллис и в школе, то уж очень здорово спрятался. Джим так рассердился, что позабыл об опасности, которая всем угрожала.

— Вот что значит полагаться на женщин, — сокрушался он. — Что же делать, Фрэнк?

— Почему я знаю.

Они отошли далеко от своей бывшей комнаты и решили вернуться — вдруг Виллис уже пришел. Проходя через вестибюль, Джим внезапно остановился.

— Я его слышу.

Друзья прислушались. Кто-то говорил голосом Джима:

— Открой! Пусти Виллис! — Голос шел из дверного репродуктора.

Джим кинулся к двери в тамбур, но его остановил часовой.

— Эй, — запротестовал Джим, — откройте дверь. Это Виллис.

— Это какая-нибудь ловушка. Отойди.

— Впустите его. Говорю вам, это Виллис.

Часовой привел шлюз в действие, отогнал всех от двери и сам стал сбоку с пистолетом наготове. Внутренняя дверь открылась, и ввалился Виллис. Он примирительно говорил:

— Джим ушел. Все ушел. Виллис пошел гулять.

— Как же ты выбрался из дома?

— Вышел.

— Но как?

Виллис, очевидно, не находил в этом ничего сложного и не желал вдаваться в подробности.

— Может, он вышел с Поттлами? — предположил Фрэнк.

— Может быть. Да неважно, в конце концов.

— Ходил в гости, — сознался Виллис. И перечислил с десяток марсианских имен. — Хорошо. Водный друзья. Дали Виллис хороший вода, много. — Он помокал, как будто губами, хотя не имел таковых.

— Ты только неделю назад пил, — укоризненно сказал Джим.

— Виллис хороший! — возразил Виллис.

— погоди-ка, — сказал Фрэнк. — Он ведь был у марсиан!

— Да хоть у Клеопатры, зачем убегать-то было?

— Ты что, не понимаешь? Он может добраться до туземцев, он уже это сделал. Все, что нужно, — это передать с ним сообщение для Гекко.

В свете последних событий Макрей еще больше заинтересовался их планом. Втроем они составили сообщение на английском для перевода.

«Привет тебе, — говорилось в нем, — это весть от Джима Марло, водного друга Гекко из города... — Далее следовало совершенно непристойное марсианское название Кинии. — Кто бы ты ни был, друг моего друга, прошу тебя немедленно передать мои слова Гекко. Я в большой беде, и мне нужна ваша помощь». Дальше рассказывалось, что с ними произошло, кто в этом повинен и на какую помощь они надеются. К телеграфной краткости не стремились: нервная система Виллиса могла вместить хоть тысячу слов.

Макрей перевел текст, натаскал Джима бегом читать его, после чего они попытались внушить Виллису, что ему следует делать. Виллис был рад стараться, но его легкомысленный, бесшабашный подход ко всякой задаче чуть было не довел всех до истерики. Наконец сошлись на том, что Виллис, пожалуй, готов выполнить задание. По крайней мере, когда его спрашивали, что он должен делать, он отвечал «идти друзья», и, когда его спрашивали, что он должен сказать, он, как правило, начинал передавать сообщение.

— Авось сойдет, — решил Макрей. — Мы знаем, что у марсиан есть средства быстрого передвижения, хотя и не знаем какие. Лишь бы наш дружок-колобок не забыл, куда он идет и зачем.

Джим отнес Виллиса к входной двери. По распоряжению Макрея часовой пропустил их, и Джим вышел с Виллисом в тамбур. Попрыгунчик, по-видимому, усвоил свои инструкции, хотя его ответы выдавали обычный умственный кавардак.

Джим постоял на пороге, где не мог попасть под выстрелы, и посмотрел, как Виллис скатился с крыльца. Поттлы все еще лежали там, где упали. Виллис посмотрел на них, вильнул в сторону и побежал по улице, пропав из поля зрения Джима, — с порога его не стало видно. Джим пожалел, что не взял с собой зеркальце,

оно могло бы служить перископом. Потом собрал все свое мужество, лег и выглянул за дверь.

Виллис ушел уже далеко, и ничего с ним не случилось. В дальнем конце улицы стояло какое-то сооружение, которого раньше не было. Джим высунул голову еще на дюйм, чтобы рассмотреть его получше. Тут дверной косяк над ним задымился, и Джим ощутил легкий электрический разряд от прошедшего близко луча. Он убрал голову и вернулся в шлюз.

Внутри у него все оборвалось, и он был убежден, что больше не увидит Виллиса.

Глава 12

«НЕ СТРЕЛЯЙТЕ !»

День для Джима и Фрэнка тянулся без конца. Свой план они могли осуществить, только когда стемнеет. Предводители колонистов все время заседали, но это происходило при закрытых дверях, и мальчиков туда не приглашали.

Ужин был приятным разнообразием: во-первых, они проголодались, а во-вторых, кухня теперь освободится и они смогут пробраться к мусорному люку. Так думали Джим с Фрэнком, но на деле все оказалось по-другому. Женщины, хлопотавшие на кухне, сначала взялись за уборку, а потом, похоже, собрались просидеть всю ночь за кофе и разговорами.

Мальчики под разными предлогами все время совались на кухню, что наконец стало вызывать подозрения у миссис Палмер. Потом туда прошел другой мальчишка, и Джим последовал за ним, не зная, что придумать на этот раз.

— Миссис Палмер, капитан Марло спрашивает, не слишком ли трудно вам будет подежурить ночью, чтобы снабжать часовых кофе и сэндвичами.

— Совсем не трудно, — ответила она, — мы будем только рады. Генриетта, спроси, пожалуйста, кто согласен подежурить. Я буду первая.

Джим вернулся к Фрэнку.

— Ну, какие шансы? — спросил Фрэнк. — Не собираются они там расходиться?

Джим сказал ему, что шансов никаких. Фрэнк выругался, употребив пару слов, которых Джим раньше не слышал.

— Что будем делать, Джим?

— Не знаю. Может, когда она останется одна, она выйдет куда-нибудь.

— Или мы ее выманим, наврем что-нибудь.

— Скажем, что ее просят в штаб. Это точно работает.

В этот момент погас свет. Стало темно, как в пещере, и наступила какая-то тревожная тишина. Джим не сразу сообразил, что это прекратилась циркуляция воздуха от нагнетателя на крыше. Завизжала какая-то женщина. К ней присоединилась другая, повыше тоном. Голоса в темноте вопрошали, жаловались, успокаивали.

В вестибюле показался свет, и Джим услышал голос отца:

— Тихо там. Это просто авария. Имейте терпение. — Огонек двинулся в их сторону и вскоре осветил их. — А вы, ребята, шли бы спать.

Отец прошел дальше. Где-то гремел доктор, убеждая кого-то замолчать и успокоиться.

Отец Джима вернулся и на этот раз сказал:

— Всем надеть скафандры. И респираторы. Мы наедемся исправить повреждение через несколько минут, но осторожность не помешает. Не волнуйтесь: давление будет держаться еще, по крайней мере, полчаса. Вполне достаточно для того, чтобы одеться, если даже мы так быстро не управимся.

Всюду зажигались огни, и вскоре если не в комнатах, то в коридорах стало достаточно светло. Везде замаячили фигуры людей, влетающих в скафандры. Джим и Фрэнк, поскольку собирались уходить, уже были в скафандрах, при оружии и с масками на головах.

— Может, проскочим сейчас? — предложил Фрэнк.

— Нет, — ответил Джим, — они все еще на кухне. Там свет.

По коридору шел доктор Макрей. Джим остановил его.

— Док, как вы думаете, скоро починят электричество?

— Ты что, смеешься?

— Почему, док?

— Это очередная пакость Бичера. Он отключил нас от сети.

— Вы уверены?

— Аварии нет, мы проверяли. Я еще удивляюсь, почему Бичер этого раньше не сделал. Но вы, ребята, не болтайте, отец Джима и так с ног сбился, утихомиривая нервных дамочек.

Несмотря на уговоры капитана Марло, истинное положение вещей скоро стало известно всем. Давление падало медленно, так медленно, что необходимо было оповестить всех и распорядиться, чтобы все надели респираторы. Иначе недостаток кислорода мог бы захватить многих врасплох. Теперь уже бесполезно стало придерживаться версии об аварии, которую вот-вот исправят. Температура в здании постепенно понижалась. Замерзнуть в закрытом изолированном здании они не могли, но ночной холод все же проникал внутрь.

Марло перенес штаб в вестибюль, где заседали при свете фонарика. Джим с Фрэнком потихоньку прокрались туда и спрятались в темноте. Им хотелось быть в курсе дел и совсем не хотелось идти спать, как им было велено, тем более что их кровати, как верно заметил Фрэнк, были уже заняты миссис Марло, Оливером и Филлис. Они не отказались от намерения уйти через мусорный люк, но знали, что там слишком людно и улизнуть незаметно вряд ли удастся.

К Марло подошел Джо Хартли, один из гидропоников колонии, а за ним его жена — она несла их маленькую дочку в защитной пластиковой палатке, над которой, как труба, торчал нагнетатель.

— Мистер Марло, то есть капитан...

— Да?

— Надо что-то делать. Наш ребенок этого не выдержит. У нее круп, а мы не можем добраться до нее, чтобы ей помочь.

К ним протиснулся Макрей.

— Надо было показать ее мне, Джо. — Он осмотрел ребенка через пластик и сказал: — По-моему, малышка в порядке.

— Она больна, говорю вам.

— Хмм, от такого осмотра, конечно, мало толку, и температуру нельзя измерить, но мне кажется, опасности нет.

— Вы просто хотите меня успокоить, — сердито сказал Хартли. — Что можно сказать, когда она под колпаком?

— Что тут поделаешь, сынок, — сказал доктор.

— Что поделаешь! Что-нибудь да надо делать. Это не может...

Жена дернула его за рукав, они пошептались, и Хартли сказал:

— Капитан Марло!

— Да, мистер Хартли.

— Вы как хотите, а с меня хватит. У меня жена и ребенок.

— Вам решать, — холодно сказал Марло и отвернулся.

— Но... — Хартли умолк, видя, что Марло больше не обращает на него внимания. Он нерешительно постоял, как будто ожидал, что его будут отговаривать. Жена тронула его за руку, и они пошли к главному выходу.

— Чего они от меня ждут? Чуда? — спросил Марло у Макрея.

— Вот именно, сынок. Люди в большинстве своем так и не становятся взрослыми, все ждут, что папа достанет им луну с неба. Однако Джо ненароком сказал правду — надо что-то делать.

— Не вижу, что можно сделать, пока Саттон с Толендом не закончат.

— Нельзя их больше ждать, сынок. Надо прорываться отсюда. Теоретически в респираторе можно прожить много суток, но на практике это не пройдет, на что и рассчитывает Бичер. Нельзя до бесконечности держать несколько сот людей в темноте и холоде, да еще и в масках. Дело кончится паникой.

Даже сквозь маску чувствовалось, как устал Марло.

— Не можем же мы прорыть туннель наружу. Выход один — через дверь, а дверь перекрыта. Это самоубийство.

— Придется рискнуть, сынок. Я возглавлю вылазку.

— Нет, я, — вздохнул Марло.

— У тебя жена и дети. А у меня никого, и я так долго живу взаперти, что уже со счета сбился.

- Это моя привилегия, так что вопрос решен.
- Это мы еще посмотрим.
- Я сказал, вопрос решен, сэр!

Они не доехали — внутренняя дверь шлюза открылась, и вошла, шатаясь, миссис Хартли. Она безудержно рыдала, держа на руках девочку в защитной колыбельке.

Повторилась история с Поттлами и Гиббсом. Как понял доктор из того, что прорывалось сквозь рыдания миссис Хартли, они с мужем соблюли все предосторожности. Они выждали, прокричали, что хотят сдать-ся, и посигналили фонариком. Не получив ответа, они прокричали еще, и Хартли шагнул через порог с поднятыми руками, а жена светила на него.

Его застрелили, как только он вышел.

Макрей передал миссис Хартли женщинам и вышел на разведку. Почти в тот же миг он вернулся.

- Дайте кто-нибудь стул. Ну-ка, Джим, слетай.
- В чем дело? — спросил Марло.
- Сейчас скажу. Есть кое-какие подозрения.
- Будьте осторожны.
- Мне затем и нужен стул.

Джим вернулся со стулом, и доктор опять вышел в шлюз. Минут через пять он вернулся.

- Ловушка, — объяснил он.
- Что вы имеете в виду?

— Бичер не может держать людей всю ночь на морозе, я, по крайней мере, так думаю. Это автоматический самострел. Они установили на дверь фотозлемент, и, когда его кто-нибудь пересекает, срабатывает самострел и срезает того, кто вышел. — Доктор показал стул, прожженный в нескольких местах. — Но не это главное, — продолжал он, пока Марло осматривал стул. — Этот автоматический огонь ведется по двум стабильным линиям: одна проходит в двух футах от пола, другая в четырех. Можно пролезть между ними, если нервы крепкие.

- Покажите-ка, — выпрямился Марло.

Они вернулись через несколько минут с еще более обгоревшим стулом.

— Келли, — распорядился Марло, — мне нужно двадцать добровольцев для вылазки. Займись-ка.

Добровольцев вызвалось около двухсот, проблема была в том, чтобы отбиться от них. Джим с Фрэнком тоже сунулись, но Марло сказал, что возьмет только взрослых неженатых мужчин. Исключение составлял только он сам. Макрея тоже отвергли.

Доктор отвел Джима в сторонку и шепнул ему:

— Придержи лошадей. Через пару минут главным тут стану я.

Штурмовой отряд вышел в шлюз. Марло сказал Макрею:

— Мы идем на электростанцию. Если нас не будет больше двух часов, командуйте. — Прошел в шлюз и закрыл за собой дверь.

Не успела дверь закрыться, Макрей скомандовал:

— Ну-ка, еще двадцать добровольцев.

— Вы разве не будете ждать два часа? — спросил Келли.

— Займись своим вязанием. Когда я уйду, останешься за командира. — Доктор кивнул Джиму и Фрэнку. — Вы двое — за мной. — Макрей быстро отобрал себе людей (как видно, он уже сделал это мысленно перед уходом Марло) и вывел свой отряд в шлюз.

Когда наружная дверь открылась, Макрей посветил фонариком на улицу. Поттлы, Гиббс и несчастный Джозеф Хартли лежали там, где их настиг огонь, но больше мертвых тел не было.

— Дайте-ка стул, — обернулся Макрей. — Я покажу вам, как оно работает.

И высунул стул за порог. Его тут же перерезали два параллельных луча. Когда они погасли, ослепив всех своим блеском, от них остались два бледно-фиолетовых ионизирующих следа, которые постепенно исчезли.

— Как вы могли заметить, — начал доктор, будто читая лекцию студентам, — не имеет значения, где именно находится стул.

Он снова сунул стул за дверь и стал двигать его вверх и вниз... Выстрелы повторялись через доли секунды, но линии огня оставались неизменными: на высоте колен и на высоте груди.

— Пожалуй, будем поддерживать огонь, — решил доктор, — чтобы было видно, куда идти. Первый!

Джим сглотнул и вышел вперед, — а может, его вытолкнули, он не был уверен. Глядя на смертоносную

изгородь, он пригнулся и неуклюже, с бесконечной осторожностью переступил. И вышел на улицу.

— Вперед! — приказал доктор. — Рассредоточиться!

Джим побежал по улице, чувствуя себя бесконечно одиноким, но радостно волнуясь. Добежав до угла, он задержался и осторожно выглянул. Не увидев ничего подозрительного, он остановился и стал ждать, готовый стрелять во все, что будет двигаться.

Слева от него виднелось странное сооружение, из-за которого он днем чуть не лишился головы. Теперь было ясно, что огонь ведется оттуда.

Кто-то подбежал к Джиму сзади. Он резко повернулся и услышал:

— Не стреляй! Это я, Фрэнк.

— А другие где?

— Наверное, идут следом.

Впереди, за дотом, из которого стреляли, сверкнул свет.

— Кто-то вышел на улицу, — сказал Фрэнк.

— Ты его видишь? Как нам — стрелять или нет?

— Не знаю.

Сзади подбегал следующий боец. Впереди, там, где Фрэнк как будто заметил человека, сверкнул выстрел, и мимо них прошел луч.

Джим совершенно машинально выстрелил туда, где сверкнуло.

— Попал, — сказал Фрэнк. — Молодец!

— Да? — сказал Джим. — А где тот, который бежал сзади? — Джим заметил, что его трясет.

— Да вот он.

— Кто в меня стрелял? — спросил новоприбывший. — Где они?

— Пока нигде, — ответил Фрэнк. — Джим убрал его. — Фрэнк не узнавал незнакомца — было слишком темно. — Ты кто?

— Смитти.

Фрэнк и Джим удивленно вскрикнули: это был Смайт, практичный человек.

— Не смотрите на меня так, — защищался он, — я пришел в последний момент, чтобы спасти свои вклады. Вы мне деньги должны.

— По-моему, Джим только что с тобой расплатился, — заметил Фрэнк.

— Совсем нет! Это совершенно другое дело.

— Потом, потом, — сказал Фрэнк.

К ним присоединялись другие. Подоспел, отдуваясь, Макрей и проревел:

— Говорил я вам, куриные вы мозги, рассредотачивайтесь! — Он перевел дух: — Идем брать управление Компании. Трусцой, и не сбивайтесь в кучу.

— Док, — сказал Джим, — в том доме впереди кто-то есть.

— Ну и что?

— Они в нас стреляли, вот что.

— А-а. Всем оставаться на месте. — Доктор сорванным голосом дал новые указания. — Все поняли?

— Док, — сказал Фрэнк, — а самострел? Может, мы его сначала обезвредим?

— Старею, видно, — сказал Макрей. — Кто разбирается в технике и может поломать эту штуку?

Из темноты вызвался кто-то безликий.

— Давай, — сказал доктор. — Мы тебя прикроем.

Колонист рысцой добежал до будки, в которой стоял автоматический бластер, обошел ее сзади и что-то делал там несколько минут. Потом сверкнула белая, необычайно яркая вспышка. Доброволец вернулся обратно.

— Закоротил. Спорить могу, на электростанции все предохранители полетели.

— Теперь точно не будет стрелять?

— Теперь им даже точку над *i* не поставишь.

— Ладно. Ты, — Макрей поймал кого-то за руку, — беги обратно в школу и доложи обо всем Келли. Ты, — сказал он тому, кто обезвредил бластер, — возвращайся туда и посмотри, на что годится эта пушка. Вы двое, прикрывайте его. Остальные за мной к тому зданию, по плану.

Джиму было поручено пробраться вдоль фасада и занять позицию футок в двадцати от двери, чтобы прикрывать других. Он миновал тот участок, где был человек, в которого он стрелял. Тела не было. Может быть, он промахнулся? Было слишком темно, чтобы рассмотреть, есть ли кровь.

Макрей выждал, пока прикрывающие не разошлись по местам, и атаковал дом во главе шестерых людей,

среди которых был и Фрэнк. Доктор подошел к входу и попробовал дверь. Она открылась, атакующие по знаку доктора вошли за ним в шлюз и закрыли дверь за собой.

Джим прижался к ледяной стене, глядя во все глаза и приготовясь стрелять. Прошла, казалось, целая вечность, пока он ждал там на холоде, Джиму уже стало мерещиться, что на востоке брезжит заря. Наконец он увидел какие-то фигуры, вскинул пистолет, но узнал могучий силуэт доктора.

Макрей был хозяином положения. Колонисты вывели четырех обезоруженных пленников, одного из них поддерживали двое других.

— Отведи их в школу, — велел доктор одному из своей группы. — Если кто будет делать лишние движения, стреляй. И скажи тому, кто там командует, чтобы он их посадил под замок. Вперед, ребята. Главная работа еще впереди.

Кто-то окликнул их сзади. Макрей оглянулся. Кричал Келли:

— Док! Подождите нас! — Он подбежал и спросил: — Какой у вас план?

Из школы валом валил народ, и все бежали к ним.

Макрею пришлось задержаться и пересмотреть распоряжения, ведь теперь у него прибавилось людей. Одному из взводных, инженеру-строителю по фамилии Альварес, поручили охранять школу, он должен был расставить часовых вокруг здания и выслать разведчиков патрулировать окрестности. Келли получил задание захватить узел связи, находившийся между поселком и космопортом. Овладеть связью значило овладеть ситуацией — там была не только местная телефонная станция, но и пост радиосвязи с Деймосом, а значит, со всеми поселениями на Марсе. Кроме того, там были радарные маяки и прочие средства для принятия кораблей с Земли.

На себя Макрей взял задачу захватить планетарное управление — управление Компании на Марсе, резиденцию Бичера. Персональные апартаменты генерального резидента находились в том же здании, и доктор рассчитывал схватиться с самим Бичером.

Доктор отправил еще один отряд на электростанцию в помощь Марло и скоординировал своим людям:

— Вперед, пока мы тут не окоченели. Марш, марш! — он затрусил вперед тяжеловесной рысью.

Джим нашел Фрэнка и побежал рядом с ним.

— Чего вы так долго торчали там, в доме? — спросил он. — Бой был?

— Долго? — сказал Фрэнк. — Мы там и двух минут не пробыли.

— Но вы, наверное...

— Эй там, сзади, не болтать! — крикнул доктор.

Джим замолчал в недоумении.

Макрей повел их по льду через главный канал, избегая арочного моста, как возможной ловушки. Переходили канал попарно, оставшиеся позади прикрывали переходивших. Перешедшие, в свою очередь, рассредотачивались по берегу и прикрывали тех, кто шел за ними. При переправе казалось, что движешься медленно, как в кошмарном сне. Но ускорить дело было нельзя: человек на льду представляет собой идеальную мишень. Джим очень жалел, что при нем нет коньков.

На том берегу доктор собрал всех под стеной склада.

— Теперь пойдем на восток, избегая жилья, — сказал он хриплым шепотом. — И тихо все, если жизнь дорога! Расходиться не будем, не то еще перестреляете друг друга в темноте. — Он изложил им план захвата: они окружают здание, перекрывают все выходы, а Макрей с половиной отряда штурмует главный вход. — Когда вы встретитесь, — предупредил Макрей командиров двух групп окружения, — будет чертовски трудно отличить друзей от врагов. Так что осторожнее. Пароль «Марс», отзыв «Свобода».

Джим был в штурмовой группе. Шестерых из них доктор расставил веером у двери на расстоянии двадцати пяти ярдов, приказав по возможности укрыться. Трое залегли перед самой дверью с оружием наготове.

— В случае сомнения, стреляйте, — приказал им доктор. — Остальные — за мной.

Среди остальных был и Джим. Доктор подошел к наружной двери и попробовал ее — она была заперта. Доктор позвонил и стал ждать.

Результата не последовало. Макрей снова позвонил и осторожно сказал в репродуктор:

— Откройте, у меня важное сообщение для резидента.

Опять ничего. Доктор сделал вид, что волнуется:

— Скорее, пожалуйста! Я тут замерзну насмерть.

Внутри по-прежнему было темно и тихо. Макрей отбросил маскировку.

— Ну-ка, Бичер, открывай! Дом окружен, сейчас будем стрелять по двери. Даем тебе тридцать секунд, потом откроем огонь.

Уходили секунды. Доктор шепнул Джиму:

— Хотел бы я, чтобы это было правдой. — Потом повысил голос: — Время истекло, Бичер. Все.

Дверь зашипела — сжатый воздух из шлюза пошел наружу, шлюз заработал. Макрей сделал им знак отойти. Все ждали, затаив дыхание и держа под прицелом открывающуюся дверь.

Дверь открылась, и на пороге, спиной к освещенному шлюзу, появилась одинокая фигура.

— Не стреляйте! — твердым, приятным голосом сказал человек. — Все хорошо. Все уже кончено.

— Да это же доктор Ролингс! — пригляделся Макрей. — Дай тебе Бог здоровья, красавец ты мой.

Глава 13

«ЭТО УЛЬТИМАТУМ»

Ролингс и сам провел полночи взаперти вместе с поддюжиной других именитых горожан, которые пытались урезонить Бичера. Когда вся история разошлась по городу и особенно когда стало известно о гибели людей, Бичер лишился всякой поддержки. При нем осталась только его клика — подхалимы и приживалы, да еще профессионалы — полицейские Компании, обязанные ему подчиняться.

Даже Крюгер сломался, стал уговаривать Бичера дать задний ход — и был посажен вместе с остальными, среди которых к тому времени оказался и главный инженер электростанции. Но доктор Ролингс уговорил охранника, и тот выпустил их, рискуя своим местом (доктор лечил его жену).

— Не думаю, что Бичера будут судить, даже если мы доставим его на Землю, — говорил Макрей Ролингсу и Марло. — Ваше мнение, доктор?

Все трое сидели в приемной планетарного управления. Марло явился туда, получив на электростанции сообщение от Макрея, и сразу взялся за работу: начал писать депеши в лагеря Проекта и другие отдаленные поселения, а также в Северную колонию, чтобы прислали лодки. Потом, усталый, с красными глазами и

плохо соображая от недосыпания, он попытался составить рапорт для отправки на Землю. Но Макрей остановил его и настоял на том, чтобы Марло сначала отдохнул.

— Паранойя? — спросил Ролингс.

— Типичный случай.

— Я того же мнения. Я видел определенные признаки и раньше, но болезнь не проявлялась в полной мере, пока никто не шел против его воли. Его следует госпитализировать, изолировать от общества. — Доктор Ролингс оглянулся на закрытую дверь, за которой сидел Бичер. — А о Хоу что скажете, доктор? — спросил он.

— Я не настолько его изучил, чтобы составить о нем мнение, — пробурчал Макрей. — Что ты собираешься с ним делать, Джейми? — спросил он Марло.

— Ничего, — нахмурился тот. — Ни в чем серьезном мы его обвинить не можем. Отправим его обратно, и все.

— Вот-вот, — кивнул Макрей. — Повесить — слишком много чести, а вышибить — в самый раз.

— Меня больше беспокоит, кем его заменить, — сказал Марло. — Школа должна работать, когда мы отправимся в Копайс. Вы не взялись бы, док? Временно, конечно.

Макрей вытаращил глаза:

— Я? Боже сохрани!

— Надо же кому-нибудь пасти молодняк, и желательно без применения смирительных рубашек. А вас они любят.

— Нет, говорю решительное нет!

— У них там есть один молодой человек, — вставил Ролингс, — профессор Штойбен готовил его на свое место, но Компания прислала Хоу. Его зовут ван дер Линдер. По-моему, он хороший, разумный парень. Мо-ему мальчишке он нравится.

— Я с ним встречался, — оживился Марло, — от него был толк. Но, собственно, кто я такой, чтобы назначать его?

— Джейми, — фыркнул доктор, — ты меня умо-ришь!

Марло допил свой кофе и вытер губы.

— Ну ладно. Прилягу, пожалуй, здесь на столе и сосну пару часов. Доктор, вы распорядитесь, чтобы меня разбудили?

— Разумеется, — заверил Макрей, не собираясь допускать никого к Марло, пока тот не отдохнет как следует. — Не беспокойся.

Джим вместе с остальными вернулся в школу, где колонисты должны были оставаться до прибытия лодок и отправки в Копанис. Миссис Палмер со своими помощницами суетилась на кухне, стряпая грандиозный завтрак для усталых мужчин и подростков. Джим тоже зверски устал и проголодался, но был слишком возбужден, чтобы спать, хотя уже начинался рассвет.

Он дул на кружку с кофе, которую ему дали, и тут появился Смайт.

— Слушай, говорят, ты и впрямь убил фараона, который в меня палил.

— Нет, — сказал Джим, — только ранил, он сейчас в лазарете. Я его видел.

Смайт призадумался.

— А, ладно, — сказал он наконец. — Такое только раз в жизни бывает. Держи свою расписку.

— Смитти, ты не болен? — уставился на него Джим.

— Сам не знаю. Бери скорей.

Джим порывлся в памяти и процитировал отца:

— Нет, спасибо. Марло платят свои долги.

Смайт посмотрел на него.

— Ты просто хам, и больше ничего. — Порвал расписку на мелкие кусочки и ушел.

— С чего это он разозлился? — не понял Джим.

Он решил найти Фрэнка и спросить у него. И нашел, но рассказать ничего не успел. Кто-то закричал:

— Марло! Джим Марло!

— Капитан Марло в планетарном управлении, — ответили ему.

— Не его, мальчика, — сказал первый. — Джим Марло! Тебя там спрашивают у входа.

— Иду, — прокричал Джим. — Кто там еще? — И стал проталкиваться к выходу, Фрэнк за ним.

Человек, который его вызвал, подождал, пока он подойдет, и ответил:

— Ты не поверишь, я и сам не верю. Марсиане.

Джим с Фрэнком выбежали из дома. У дверей школы собралось больше дюжины марсиан. Там были Гекко и Г'куро, но К'бумча не было. Не находил Джим и старика, которого считал главным в племени Гекко. Гекко, увидя их, сказал на своем языке:

— Привет, Джиммарло, привет, Фрэнксаттон, друзья, испившие со мной воды.

С ладони Гекко отзывался еще кто-то:

— Приветик, Джим! — Виллис с честью вернулся домой, пусть он немного и опоздал, но выполнил задание.

Один из марсиан мягко прогудел что-то, и Гекко спросил:

— Где тот, который украл нашего малыша?

Джим не был уверен, правильно ли он понял.

— Он спрашивает, где Хоу, — сказал Фрэнк и ответил Гекко на довольно беглом и правильном марсианском. Хоу все еще сидел в своем укрытии, опасаясь Келли, хотя его много раз приглашали выйти.

Гекко показал, что хочет войти в дом. Мальчики удивились, но охотно провели его. Чтобы войти в шлюз, Гекко пришлось принять форму, напоминающую вешалку для шляп, но все же он поместился.

Внутри он произвел такое же впечатление, как если бы в церковь ввели слона. Все расступались перед ним.

В дверь канцелярии было еще труднее пролезть, чем в шлюз, но Гекко пролез — Джим с Фрэнком помогли. Гекко отдал Виллиса Джиму и легонько подергал ручку двери в кабинет Хоу. Потом потянул, и дверь оторвалась — не только потому, что сломался замок, она просто слетела с петель. Гекко двинулся дальше, целиком заполнив дверной проем.

Мальчики переглянулись, а Виллис спрятался. Они слышали, как Хоу сказал:

— Что это означает? Кто...

Потом Гекко выпрямился, насколько он мог это сделать в комнате, рассчитанной на человека, и пошел к выходу. Мальчики замешкались.

— Давай посмотрим, что он с ним сделал, — сказал Фрэнк и заглянул в дверь. — Я его не вижу. Эй, Джим, его там вообще нет. И не было.

Они побежали за Гекко, догнав его у выхода из школы. Никто не задерживал ни Гекко, ни их. Укоренившееся опасение относительно марсиан заставило всех убраться с дороги. Выйдя, Гекко спросил их:

— Где другой, который хотел причинить зло малышу?

Фрэнк объяснил, что Бичер в другом месте и к нему нельзя.

— Покажи нам где, — велел Гекко и взял их обоих на руки. Другой марсианин забрал у него Фрэнка.

Джим уютно сидел в мягких ладонях Гекко, так же как Виллис на руках у Джима. Виллис выставил глазки и огляделся.

— Хорошо едем, да?

Джим не был в этом уверен.

Марсиане со скоростью добрых восемь миль в час прошагали по городу, через мост и в планетарное управление. Шлюз там был выше и просторнее школьного, так что в здание прошли все. Вестибюль был достаточно высок и для самого высокого марсианина. Войдя, Гекко опустил на пол Джима, а другой марсианин — Фрэнка.

Их встретили с тем же опасливым удивлением, что и в школе. Вышел Макрей и оценил обстановку без особого волнения.

— Это что за делегация?

— Они хотят поговорить с Бичером, — объяснил Фрэнк.

Макрей поднял брови и заговорил на чистом марсианском. Один из марсиан ответил, и они беседовали некоторое время.

— Ладно, я приведу его, — согласился доктор и повторил это по-марсиански.

Он прошел в глубину здания и вскоре вернулся, толкая перед собой Бичера, а за ним шли Ролингс и Марло.

— К вам тут пришли, — сказал Макрей и выпихнул Бичера в вестибюль.

— Это он? — спросил марсианин.

— Он самый.

Бичер посмотрел на марсиан и спросил на бейсике:

— Что вам от меня надо? — Марсиане подошли и окружили его со всех сторон. — Отойдите от меня! — Марсиане медленно сжимали круг. Бичер хотел вырваться, но широкая ладонь преградила ему путь.

Круг становился все теснее. Бичер метался внутри, и наконец его стало не видно за ширмой из ладоней.

— Выпустите меня! — кричал он. — Я ничего не сделал. Вы не имеете права... — Голос оборвался на визгливой ноте.

Круг распался. Внутри никого не было, даже пятнышка крови не осталось на полу.

Марсиане пошли к выходу. Гекко задержался и сказал Джиму:

— Хочешь пойти с нами, друг?

— Нет, о нет. Мне нужно остаться здесь. — Джим спохватился и повторил это по-марсиански.

— А малыш?

— Виллис останется со мной. Правда, Виллис?

— Конечно, Джим.

— Тогда скажи Гекко сам.

Виллис послушался. Гекко печально простился с мальчиками и Виллисом и пошел в шлюз.

Макрей и Ролингс озабоченно шептались у того места, где только что был Бичер. Сонный и растерянный Марло слушал.

Фрэнк сказал:

— Пойдем-ка отсюда, Джим.

— Пойдем.

Марсиане все еще стояли у дома. Гекко, увидев мальчиков, поговорил с одним из марсиан и спросил их:

— Где ученый, который говорит на нашем языке? Мы хотим поговорить с ним.

— По-моему, им нужен док, — сказал Фрэнк.

— Он его имел в виду?

— Кажется. Позовем его.

Они вернулись и извлекли Макрея из кучки взволнованных людей.

— Док, — сказал Фрэнк, — они хотят с вами поговорить — марсиане.

— Почему со мной? — спросил доктор.

— Не знаю.

— Как, скипер? — спросил доктор у Марло. — Хотите присутствовать?

Мистер Марло потер лоб.

— Нет, я слишком ошарашен, чтобы говорить на их языке. Идите вы.

— Ладно.

Макрей пошел за скафандром и маской, позволил мальчикам помочь ему одеться и не стал возражать, когда они пошли за ним. Однако, выйдя из дома, Джим и Фрэнк предпочли стать в сторонке и наблюдать оттуда.

Макрей подошел к группе марсиан и заговорил с ними. Они загудели в ответ. Доктор, стоя среди них, говорил, помогая себе жестами. Беседа продолжалась довольно долго.

Наконец утомленный Макрей опустил руки. Марсиане загудели, явно прощаясь, и двинулись быстрым, но неспешным для них шагом к мосту, а потом к своему городу. Макрей поплелся в дом.

— В чем там было дело, доктор? — спросил его Джим в шлюзе.

— А? Да так, сынок, ничего такого.

Войдя, Макрей взял Марло за руку и повел обратно в приемную.

— Пойдемте и вы, Ролингс. Остальные займитесь своим делом. — Но мальчиков, которые увязались за ними, Макрей не прогнал. — Послушайте и вы, раз уж по уши сидите в этом деле. Следи за дверью, Джим, чтобы никто не вошел.

— В чем дело? — спросил Марло. — Чего вы такой мрачный?

— Они хотят, чтобы мы ушли.

— Ушли?

— Ушли с Марса, вернулись на Землю.

— Как? Что их заставило предложить нам это?

— Это не предложение. Это приказ, ультиматум. Они даже не дают нам времени, чтобы вызвать корабли с Земли. Они хотят, чтобы мы ушли, — все и каждый, будь то мужчина, женщина или ребенок; они требуют, чтобы мы ушли немедленно, — и они не шутят!

Глава 14

ВИЛЛИС

Четыре дня спустя доктор Макрей, пошатываясь, вошел в тот же кабинет. У Марло по-прежнему был усталый вид, но теперь по-настоящему измученным выглядел Макрей.

— Убери всех отсюда, шкипер.

Марло отпустил всех, кто был в кабинете, и закрыл дверь.

— Ну что?

— Ты получил мое письмо?

— Да.

— Декларация об Автономии составлена? Поддержал ее народ?

— Да, составлена, боюсь только, основное мы списали с американской Декларации Независимости, но в общем справились.

— Риторика меня не волнует. В какой стадии документ?

— Ратифицировали. Это было довольно легко. Получили пару испуганных запросов из лагерей Проекта, но документ прошел. Пожалуй, мы должны благодарить за это Бичера — из-за него всем вдруг показалось, что независимость то, что нам надо.

— Ничего мы ему не должны! Из-за него нас всех чуть не поубивали.

— То есть как?

— Потом скажу, сначала покончим с Декларацией. Я ведь там пообещал кое-что. Отправили ее?

— Прошлой ночью передали по радио в Чикаго. Ждать ответа пока еще рано. Дайте я тоже спрошу: у вас все прошло успешно?

— Да, — Макрей устало потер глаза, — мы можем остаться. Это была великая битва, Джейми, но победа осталась за мной. Они разрешили.

Марло встал и включил магнитофон.

— Может быть, запишем вас сразу на пленку, чтобы не возвращаться к этому?

Макрей отмахнулся.

— Нет. Мой официальный рапорт, каким бы он ни был, потребует самой тщательной редакции. Сейчас я попробую просто рассказать тебе обо всем. — Он помолчал в раздумье. — Джейми, сколько времени прошло с тех пор, как люди впервые высадились на Марсе? Больше пятидесяти земных лет, верно? Кажется, я больше узнал о марсианах за последние несколько часов, чем за все эти годы... И все же я ничего о них не знаю. Мы все думаем о них, как о людях, пытаемся поместить их в наши рамки. Но они не люди; они совершенно на нас не похожи.

Они совершали межпланетные полеты еще миллионы лет назад, — добавил доктор, — и отказались от них.

— Что-о? — сказал Марло.

— Да ничего. Неважно. Это только одно из многого, что я узнал из разговора со стариком — тем самым стариком, с которым говорил Джим. Кстати, Джим не знает, с кем ему довелось говорить, старик вовсе не марсианин.

— Минутку, а кто же он тогда?

— Ну, он, конечно, родился на Марсе, но это не марсианин в нашем с тобой понимании. По крайней мере, мне он таким не показался.

— Как он выглядит? Опишите его.

— Не могу, — пришел в замешательство Макрей. — Может, мы с Джимом видели каждый то, что он хотел. Оставим это. Виллис должен будет вернуться к марсианам, и довольно скоро.

— Жаль, — ответил Марло. — Джим будет против, но это не такая уж высокая цена, если марсиане так решили.

— Ничего ты не понимаешь, ничегошеньки. В Виллисе-то вся и загвоздка.

— Конечно, он имел отношение ко всей этой истории, — согласился Марло, — но почему загвоздка?

Макрей потер виски.

— Все очень сложно, не знаю, с чего и начать. Виллис очень много значит. Знаешь, Джейми, ты, безусловно, войдешь в историю как отец-основатель, но, между нами говоря, слава спасителя должна принадлежать Джиму. Исключительно Джиму и Виллису — любви Виллиса к Джиму и упрямой привязанности Джима к Виллису — обязаны колонисты своей жизнью. Если б не они, мы бы пошли на корм червям. Ультиматум, обязывающий нас убраться с планеты, — всего лишь уступка, сделанная ради Джима. Они собирались уничтожить нас.

Марло открыл рот.

— Но это невозможно! Марсиане не способны на такое!

— Еще как способны, — заверил его Макрей. — Они долго сомневались на наш счет. Намерение Бичера отправить Виллиса в зоосад переполнило чашу, но благодаря отношениям Джима и Виллиса она вновь вошла в берега. И марсиане пошли на компромисс.

— Не могу поверить, что марсиане могли бы так поступить, — возражал Марло, — и не понимаю, как бы они это сделали.

— А Бичер где? — озадачил его Макрей.

— Н-н-да.

— Вот и помолчи о том, что они могут и чего не могут. Мы о них ничего не знаем — ровно ничего.

— Не стану спорить. Но что это за тайна вокруг Джима и Виллиса? Что им так дался Виллис? В конце концов, он всего лишь попрыгунчик.

— Не думаю, что смогу разъяснить эту тайну, — сознался Макрей, — но кое-какие гипотезы на этот счет есть. Ты знаешь марсианское имя Виллиса? Знаешь, что оно означает?

— Я даже не знал, что у него есть имя.

— Оно означает: «Тот, на кого возлагаются надежды мира». Это о чем-нибудь тебе говорит?

— Видит Бог, ни о чем.

— Может быть, я плохо перевел. Может быть, лучше сказать «Подающий надежды» или просто «Надежда». Возможно, это лишь поэтическое значение имени, как и у нас. Возьмем мое имя, Дональд. Означает «Правитель мира». Тут мои родители промахнулись. А может, марсианам просто нравится давать попрыгунчикам цветистые имена. Я знал одного пекинеса, так его, не поверишь, звали «Великий чемпион Маньчжурии, принц Бельведерский». — Макрей вздрогнул. — А знаешь, что я вспомнил: в кругу семьи этого песика звали Виллис!

— Да что вы!

— Точно. — Доктор поскреб щетину на подбородке и подумал, что на той неделе надо будет побриться. — Но это даже не совпадение. Я же и предложил Джиму назвать попрыгунчика Виллисом — наверное, вспомнил того пекинеса. Тот пучеглазый паршивец смотрел точно как Виллис — наш Виллис. Я хочу сказать, что ни одно из имен Виллиса, в сущности, ничего не значит.

Доктор замолчал так надолго, что Марло сказал:

— Вы не очень-то спешите раскрыть тайну. Вы ведь думаете, что настоящее имя Виллиса все-таки означает кое-что, иначе вы бы его не упомянули.

Макрей подскочил на месте.

— Да. Я действительно так думаю. Я думаю, что имя Виллиса следует понимать буквально. Нет, погоди, не спорь пока. Я ничего не хочу тебе навязывать. Скажи сам, кто такой Виллис, по-твоему?

— Кто? По-моему, он представитель экзотической марсианской фауны, полумразумное существо, хорошо приспособленное к окружающей среде.

— Сколько умных слов, — пожаловался доктор. — А по-моему, это марсианин, который еще не вырос.

— У них же совершенно разное строение, — завопил Марло. — Они различны, как небо и земля.

— Допустим. А в чем сходство между гусеницей и бабочкой?

Марло открыл рот и снова закрыл.

— Я тебя не упрекаю, — продолжал Макрей, — мы никогда не связываем подобные метаморфозы с

«высшими формами жизни», что бы мы под этим ни понимали. Но я думаю, что Виллис именно то, что я сказал, и этим объясняется, почему он должен вскоре вернуться к своим. Сейчас он в стадии личинки, но скоро станет куколкой и вступит в стадию гибернации (нечто вроде долгого сна). Выйдя из нее, он станет марсианином.

Марло прикусил губу.

— Да, ничего невероятного в этом нет, просто неожиданно.

— На Марсе все неожиданно. Но если моя теория верна — заметь, я не утверждаю этого, — тогда становится понятно, почему Виллис столь важная персона. А?

— Вы хотите, чтобы я переварил слишком много за один раз, — устало сказал Марло.

— Бери пример с Белой Королевы *. Это еще не все. Я думаю, что у марсиан есть еще одна стадия, в коей и пребывает «старик», с которым я говорил. И эта стадия — самая странная из всех. Джейми, ты можешь представить себе народ, у которого сообщение с небесами — небесами в их понимании — развито так же, как у нас, скажем, сообщение между США и Канадой?

— Док, я могу представить все, что вы скажете.

— Вот мы говорим о марсианском «ином мире», что ты под этим понимаешь?

— Ну, это разновидность транса, вроде того, который практикуется в Ост-Индии.

— Я спросил тебя об этом, потому что они мне сказали, что я говорил с представителем «иного мира» — это и есть тот самый старик. Я хочу сказать, Джейми, что, кажется, заключил новый колониальный договор с *призраком*.

А теперь не уподи со стула, — продолжал Макрей. — Сейчас узнаешь почему. Я никак не мог взять в толк, о чем он говорит, поэтому сменил тему. Мы говорили, кстати, на бейсике: он почерпнул его из мозгов Джима, так что знал те слова, которые знал Джим, и не знал тех, которых Джим знать не мог. Я

---

* Белая Королева — из «Алисы в Зазеркалье» Льюиса Кэрролла, которая успевала поверить «в десяток невозможностей до завтрака».

спросил его, точно ли нам разрешено остаться и не позволят ли нам в таком случае марсиане воспользоваться их подземной дорогой для переезда в Копайс? Я по этой дороге ехал на переговоры. Очень остроумно устроено: ускорение гасится, как будто кабина на карданном подвесе. Старик никак не мог понять, чего мне надо. Потом показал мне глобус Марса — очень точный, только без каналов. Меня сопровождал Гекко, как и Джима. Старик советовался с Гекко, причем смысл дискуссии составляло то, *в каком году я нахожусь?* Потом глобус у меня на глазах стал постепенно меняться, на нем прорезались каналы. *Я видел, как они строились, Джейми.*

Вот я и спрашиваю тебя, — заключил доктор, — кто он такой, если не может сразу вспомнить, какое у нас тысячелетие? Не будешь возражать, если я назову его призраком?

— Не буду, — заверил Марло. — Может, мы все тут призраки.

— Я изложил тебе одну теорию, Джейми, а вот другая: попрыгунчики, марсиане и старики — это три разные расы. Попрыгунчики — граждане низшего класса, марсиане — средний класс, а высший класс мы никогда не видим, потому что они живут у себя под землей. Им безразлично, что мы там вытворяем на поверхности, лишь бы вели себя как следует. Нам можно пользоваться парком, можно даже ходить по газонам, но птиц пугать нельзя. А может, «старик» — это всего лишь образ, внушенный мне Гекко под гипнозом, может, существуют только попрыгунчики и марсиане. Как хочешь, так и понимай.

— Никак не хочу, — сказал Марло. — Я доволен, что вам удалось заключить соглашение, позволяющее нам остаться на Марсе. Должно быть, пройдут годы, прежде чем мы поймем их.

— Мягко говоря, Джейми. Белый человек до сих пор изучает американских индейцев и через пятьсот лет после Колумба все не может понять, «почему он тикает», а ведь и индеец, и европеец оба люди, похожие, как две горошины. А тут марсиане. Мы их никогда не поймем, мы просто идем в разных направлениях. — Макрей встал. — Хочу принять ванну и поспать... только вот поговорю с Джимом.

— Минутку, док. Как вы думаете, будут какие-нибудь проблемы с принятием Декларации?

— Их не должно быть. Отношения с марсианами оказались в десять раз сложнее, чем мы считали, и управлять нами на расстоянии теперь нереально. Вообрази, как бы решался вопрос, подобный нашему, как бы его поставили на голосование правления, члены которого марсианина и в глаза не видели?

— Я не то имел в виду. Насколько большое сопротивление нас ожидает?

Макрей снова поскреб подбородок.

— Людям и раньше приходилось бороться за свободу, Джейми. Я не знаю. От нас зависит убедить землян в том, что автономия необходима. Судя по тому, как обстоит на Земле дело с населением и продовольствием, они пойдут на все (когда поймут, с чем мы тут столкнулись), пойдут на все, лишь бы сохранить мир и продолжить эмиграцию. Тормозить Проект им ни к чему.

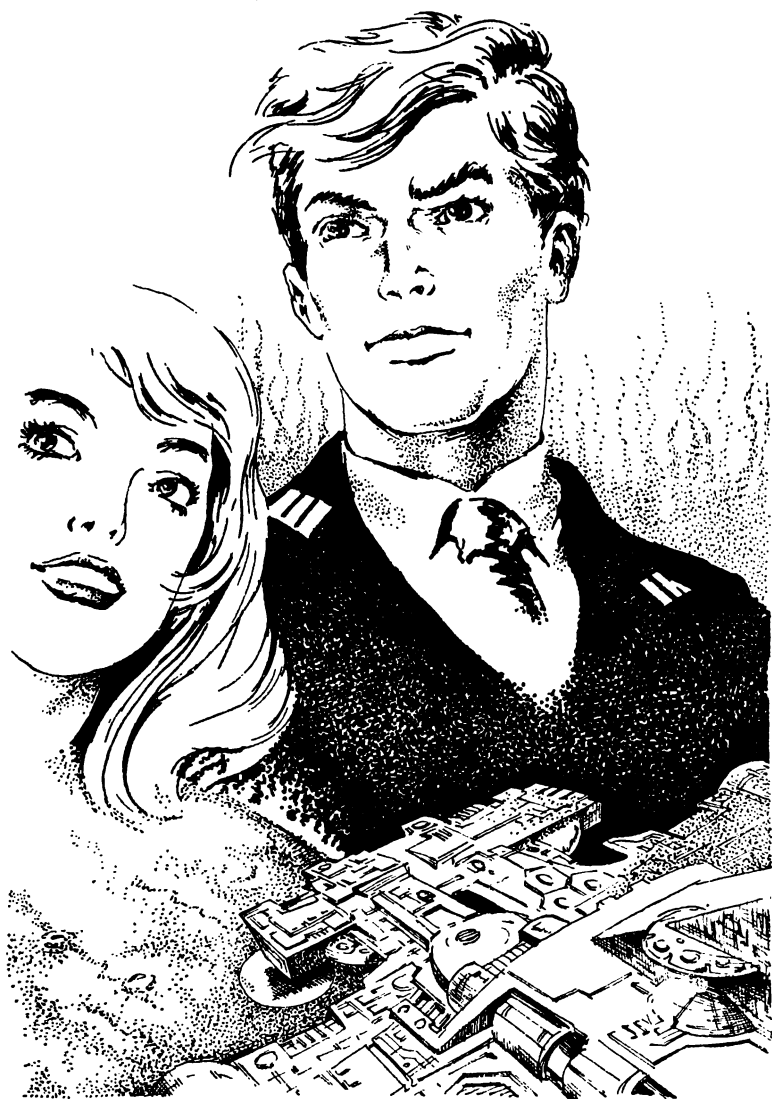
— Надеюсь, что вы правы.

— В конечном счете все равно окажется, что я прав, раз в нашей команде подают марсиане. Ну, пойду сообщу Джиму новости.

— Они ему не понравятся, — сказал отец.

— Переживет. А там, может, найдет другого попрыгунчика, научит говорить по-английски и снова назовет Виллисом. А потом вырастет и перестанет приручать попрыгунчиков. Все это мелочи. — Доктор задумался и добавил: — А вот что будет с Виллисом, хотел бы я знать?!

АСТРОНАВТ ДЖОНС

Глава 1

«ТОМАГАВК»

Макс любил это время дня и это время года. Теперь, когда урожай собран, он рано заканчивал работу по дому и мог позволить себе полентяйничать. Покормив свиней и кур, Макс шел по тропинке на холм за амбаром и ложился на траву, не обращая внимания на кишевших в ней насекомых. В прошлую субботу он взял в сельской библиотеке книгу Бонфорта «Животные нашей Галактики. Руководство по неземной зоологии» и захватил ее с собой, но не читал, а подложил под голову как подушку.

Голубая сойка покружилась над Максом, что-то сердито крича, но, поскольку он не обратил на нее ни малейшего внимания, замолчала. Прибежала рыжая белка, села на пень и с любопытством уставилась на юношу. Посидела, посмотрела, — и отправилась по своим беличьим делам.

Максу нравилось это место на вершине холма, потому что справа отсюда были видны стальные стойки и направляющие кольца дороги Чикаго — Спрингфи — Космопорт. У самого входа в ущелье виднелось первое направляющее кольцо — массивный стальной обруч в двадцать футов высотой. Пара стальных треногих опор поддерживала еще одно кольцо в сотне футов от входа

в ущелье. Третье, и последнее, кольцо, покоящееся на опорах высотой более сотни футов — оно должно было находиться на одном уровне с остальными, — было расположено к западу от холма, там, где горный склон резко опускался в сторону долины. Неподалеку была видна антенна-излучатель электроэнергии, направленная к узкому ущелью.

Слева на дальней стороне горного хребта, тоже находились направляющие кольца, уходящие в глубь темного туннеля. Входное кольцо было больше других, поскольку должно было компенсировать возникающую турбулентность воздуха. Рядом на высоких опорах возвышалась приемная энергетическая антенна. С этой стороны склон был круче, и Макс видел только еще одно направляющее кольцо, прежде чем дорога исчезла в туннеле. Макс читал, что на лунной поверхности входные кольца не отличались по размерам от ходовых, поскольку там не было атмосферы и потому отсутствовала необходимость защиты от возникающей турбулентности, которая могла повлиять на баллистическую траекторию поезда.

Много лет назад, когда Макс был еще ребенком, входное кольцо не было таким большим, и однажды во время сильной грозы поезд слегка отклонился от баллистической траектории, задел кольцо, — и произошла ужасная катастрофа, при которой погибли более четырехсот человек. Сам Макс не видел случившегося, а отец не разрешил ему подойти к месту происшествия: там повсюду были разбросаны обломки металла и истерзанные, окровавленные тела пассажиров. И теперь, когда прошло столько лет, на горном склоне с левой стороны еще был замечен след, поросший более темной травой, чем везде.

Макс не желал ничего плохого пассажирам пролетавших мимо поездов — и все-таки в глубине души ему хотелось стать очевидцем катастрофы.

Юноша не отрываясь смотрел в сторону ущелья: вот-вот должен был появиться «Томагавк». Внезапно из ущелья вылетел серебряный цилиндр с острым как игла носом, промчался через последнее направляющее кольцо и на мгновение повис в воздухе между двумя хребтами. Макс едва успел повернуть голову вслед за сверкающим поездом, как серебряный цилиндр влетел в кольцо

на другой стороне долины и исчез внутри туннеля — и только теперь звуковая волна ударила юношу.

По долине прокатился громовой раскат. Макс затаил дыхание.

— Вот это да! — выдохнул он с восхищением.

Несмотря на то что юноша почти каждый день следил за пролетающими поездами, невероятное зрелище и оглушительный грохот, от которого болели уши, всякий раз приводили его в изумление. Макс слышал, что для пассажиров путешествие было совершенно беззвучным, потому что скорость поезда намного превышала скорость звука. Однако убедиться в этом ему еще не приходилось: он ни разу не летал в сверхзвуковом поезде. Более того, казалось маловероятным, что он когда-нибудь совершит такую поездку: приходилось заботиться о матери и ферме.

Юноша сел и открыл книгу, стараясь не упускать из виду небо. Каждый вечер через семь минут после «Томагавка» можно было наблюдать за взлетом космического корабля Земля — Луна. Несмотря на то что он поднимался в небо гораздо дальше и зрелище было куда менее впечатляющим, чем прыжок поезда на магнитной подушке, Макс приходил сюда именно для того, чтобы увидеть начало этого космического путешествия. Прыжок сверхзвукового поезда приводил Макса в восторг, но по-настоящему он любил только космические корабли.

Едва юноша нашел в книге описание разумных и флегматичных ракообразных обитателей эпсилон Кети IV, как услышал откуда-то снизу крик: «Эй, Макси! Максимилиан! Мак... си... миллиан!»

Макс замер на месте.

— Макс! Перестань прятаться! Я все равно вижу тебя! Иди домой, и побыстрее! Слышишь?!

Юноша недовольно пробормотал что-то под нос, встал и медленно побрел по тропинке, не сводя взгляда с неба. Мама вернулась, и тут уж ничего не поделаешь, — если он не придет домой и не поможет по хозяйству, ему здорово достанется. Когда она утром уходила из дома, у него создалось впечатление, что мать не придет ночевать — правда, сама она этого не говорила. Просто Макс научился читать по ее лицу. А теперь ему придется выслушивать ее причитания и сплетни, тогда

как хотелось лишь одного, — чтобы его оставили в покое и дали почитать книгу. Впрочем, мать, может быть, и не будет разговаривать с ним, а усядется у стереовизора и весь вечер будет смотреть слюнявый сериал, что все равно не даст сосредоточиться. Ему не раз приходило в голову, что было бы неплохо разбить проклятый ящик — лучше всего топором! Ведь он все равно не может смотреть программы, которые его интересуют.

Подойдя к дому, Макс внезапно остановился. Он думал, что мать доехала на автобусе до центра деревни и пришла по дороге, как всегда. Но у крыльца стоял маленький спортивный уницикл — она была не одна.

Сначала Макс показалось, что это незнакомец, но, подойдя поближе, он узнал мужчину. Впрочем, он предпочел бы увидеть незнакомца. Бифф Монтгомери был из местных, однако на ферме не работал. Макс не помнил, чтобы Монтгомери вообще где-то работал. Ходили слухи, что он иногда нанимался охранять самогонщиков, гнавших первач в дальних холмах, — и это могло быть правдой, потому что Монтгомери был крупным широкоплечим мужчиной и роль охранника подошла бы ему.

Макс знал Монтгомери с детства, видел, как тот слонялся по Клайдс Корнерс. Обычно юноша старался обходить его стороной и никогда не разговаривал с ним. Впрочем, только до последнего времени, — мать стала все чаще появляться в обществе Монтгомери, даже ходила с ним на деревенские танцы. Макс пытался объяснить ей, что отцу это не понравилось бы, но спорить было трудно, — если матери что-то приходилось не по вкусу, она просто делала вид, что не слышит.

Но сейчас она впервые привела Монтгомери в дом. Макс почувствовал, как его охватывает гнев.

— Поторопись, Макси! — крикнула мать. — Не стой на месте как столб!

Макс неохотно подошел.

— Макси, пожми руку своему новому отцу, — сказала мать и кокетливо улыбнулась, словно это было очень остроумно.

Макс перевел взгляд на Монтгомери, не скрывая изумления. Тот ухмыльнулся и протянул руку.

— Совершенно верно, молодой человек, теперь ты — Макс Монтгомери, и я твой новый отец. Разрешаю звать меня просто Монти.

Макс взглянул на руку и быстро прикоснулся к ней.

— Меня зовут Джонс, — произнес он безучастно.

— Макси! — укоризненно воскликнула мать.

— Не следует торопить его, милая Нелли, — засмеялся Монтгомери, и его резкий смех заставил Макса поморщиться. — Пусть Макс сначала привыкнет ко мне. Живи и давай жить другим — таков мой девиз. — Он повернулся к жене. — Одну минуту, я сейчас принесу вещи. — Из одного отделения позади седла унцикла он достал охапку грязного белья, из другого — две плоские бутылки виски. Заметив, что Макс наблюдает на нем, Монтгомери подмигнул. — Выпьем за здоровье невесты, — неприятно хихикнул он.

Невеста стояла у дверей. Монтгомери хотел было пройти мимо, но она укоризненно покачала головой.

— Монти, милый, разве ты не собираешься...

Монтгомери остановился.

— Да, конечно, чуть не забыл. У меня еще нет такого опыта. — Он повернулся к Макс. — Вот, возьми, — и сунул ему в руки бутылки и сверток белья.

Затем он наклонился, поднял женщину на руки, крикнув от напряжения, перенес через порог и поспешно поставил на пол. Та взвизгнула от радости, покраснела и чмокнула Монтгомери в губы.

Макс молча вошел следом, положил вещи на стол и повернулся к печке. Она успела остыть — юноша не топил ее с утра. В доме была и электрическая плита, но она перегорела еще в то время, когда был жив отец, и после его смерти у них не было денег, чтобы отремонтировать ее. Макс достал перочинный нож, наструтал щепок, бросил в печку и развел огонь. Когда пламя загудело в трубе, он взял ведро и пошел за водой.

Когда он вернулся, Монтгомери стоял на крыльце.

— А я подумал — куда это ты делся? Разве в этой хибаре нет водопровода?

— Нет, — коротко бросил Макс, поставил ведро с водой и добавил в печку несколько поленьев.

— Макси, следовало бы приготовить ужин заранее, — упрекнула его мать.

— Но ведь он не знал, что мы придем сегодня вечером, — великодушно заступился за юношу Монтгомери. — К тому же теперь у нас появилось время, чтобы поднять бокалы.

Макс стоял к ним спиной и резал холодное мясо. Происшедшее так потрясло его, что он никак не мог прийти в себя.

— Эй, сынок! — окликнул его Монтгомери. — Давай выпьем по стаканчику за невесту.

— Мне нужно готовить ужин.

— Чепуха! Вот твой стакан. Иди сюда.

Монтгомери налил в стакан Макса на дюйм янтарной жидкости; его собственный стакан был налит до половины, стакан невесты — на треть.

Макс взял стакан, подошел к ведру и разбавил виски водой.

— Ты испортишь хороший напиток.

— Я не привык к спиртному.

— Ну как хочешь. Итак, за краснеющую невесту — и нашу счастливую семью! До дна!

Макс осторожно отпил из стакана и поспешно поставил его на стол. Вкус напоминал горькую микстуру, которой поила его медсестра в районной больнице однажды весной. Он снова принял было за стряпню, но Монтгомери остановил его:

— Ты не допил свое виски.

— Послушайте, мне нужно готовить еду. Вы ведь не хотите есть подгоревший ужин?

Монтгомери недовольно пожал плечами.

— Как хочешь — нам больше останется. Мы будем запивать свое виски твоим разбавленным. Знаешь, юноша, когда я был в твоём возрасте, я мог выпить полный стакан и затем сделать стойку на руках.

Макс хотел подать на ужин мясо и картошку, оставшуюся от завтрака, но обнаружилось, что половина сковородки уже пуста. Он поджарил с мясом несколько яиц и сварил кофе.

Когда сели за стол, Монтгомери взглянул на еду и тут же объявил:

— Дорогая, с завтрашнего дня я надеюсь наслаждаться твоей стряпней, о которой ты столько рассказывала. У твоего сына нет кулинарных способностей.

Тем не менее ел он жадно. Макс решил не говорить Монтгомери, что мать совсем не умеет готовить, — сам скоро об этом узнает.

Наконец Монтгомери откинулся на спинку стула, вытер губы, налил себе еще кофе и закурил сигару.

— Макси, сынок, а что у нас на десерт?

— Десерт? Не знаю... По-моему, в холодильнике есть мороженое, то что осталось от празднования юбилея Солнечного Союза.

На лице матери появилась унылая гримаса.

— Боже мой! Боюсь, что мороженого уже нет, — пробормотала она.

— Куда же оно делось?

— Да я съела его однажды днем, когда ты работал на южном поле. Было очень жарко.

Макс промолчал: он не видел в этом ничего удивительного. Но мать не унималась.

— Но почему ты не приготовил ничего на десерт, Макси? Ведь сегодня такой торжественный день!

Монтгомери вынул сигару изо рта.

— Успокойся, милая, — добродушно произнес он. — Я не люблю сладкое, предпочитаю тушеную картошку с мясом — или жареные свиные ребрышки. Давайте поговорим о более приятных вещах. — Он повернулся к Макс. — Слушай, Макс, а что ты умеешь делать, кроме работы на ферме?

Макс удивился.

— Что? Я никогда не занимался ничем другим. А зачем это мне нужно?

Монтгомери стряхнул пепел на свою тарелку.

— Потому что тебе больше не придется гнуть спину на ферме.

Во второй раз за последние пару часов новость застала юношу врасплох.

— Но почему? Что вы хотите этим сказать?

— Потому что мы продали ферму.

Максу показалось, что земля ушла у него из-под ног. По выражению лица Монтгомери он понял, что тот говорит правду, да и мать утвердительно кивнула. Она выглядела так всегда, когда ей удавалось сделать ему какую-нибудь неприятность — торжествующая и словно опасаящаяся чего-то.

— Но папе это не понравилось бы! — отрезал юноша. — Эта земля принадлежала нашей семье на протяжении четырехсот лет.

— Перестань, Макси! Я ведь много раз говорила тебе, что не гожусь для работы на ферме. Я родилась и выросла в городе.

— Клайдс Корнерс! Ну уж и город!

— По крайней мере не ферма. А когда твой отец привез меня сюда, я была совсем молодой девчонкой, — тогда как ты был уже большим мальчиком. У меня впереди вся жизнь. И я не могу похоронить себя на какой-то ферме.

Макс заговорил более твердым голосом.

— Но ты обещала папе, что...

— Помолчи, молодой человек, — перебил Монтгомери. — И когда говоришь, будь вежлив со старшими, — как со своей матерью, так и со мной тоже.

Макс замолчал.

— Земля продана, и больше говорить не о чем. Как ты думаешь, сколько стоит ферма?

— Никогда не задумывался над этим.

— Мне удалось получить за нее намного больше, чем тебе может показаться. — Монтгомери подмигнул Максу. — Это уж точно! Тебе и твоей матери здорово повезло, что я положил на нее глаз. Я в курсе всех последних новостей и прекрасно разбираюсь в них. Мне известно, почему здесь скупают эти никому не нужные, истощенные участки. Я...

— Мы удобряем почву веществами, увеличивающими ее плодородие, которые поставляют нам правительство.

— Я сказал, что это никому не нужные участки, — они и являются таковыми. Для сельского хозяйства, я имею в виду.

Он потер пальцем нос, сделал хитрую физиономию и начал объяснять. Судя по его словам, в этом районе намеревались начать крупную государственную стройку — что-то вроде электростанции. Влиятельный синдикат потихоньку начал скупать землю в ожидании объявления о правительственном проекте. Монтгомери напустил на себя таинственный вид, и Макс пришел к выводу, что он мало об этом знает.

— Так вот, нам удалось получить от них в пять раз больше, чем они рассчитывали. Здорово, а?

Раздался голос матери:

— Теперь понимаешь, Макси? Если бы твой отец знал, что мы сумеем получить за наш участок...

— Замолчи, Нелли!

— Но я просто хотела сказать ему, сколько мы получили за...

— Я сказал — замолчи!

Мать умолкла. Монтгомери отодвинулся от стола, сунул в рот сигару и встал.

Макс поставил на плиту кастрюлю с водой, чтобы помыть посуду, и вынес остатки еды курам. Он пробыл во дворе довольно долго, глядя на небо и обдумывая создавшееся положение. Одна мысль о том, что Бифф Монтгомери стал членом их семьи, потрясала его до глубины души. Интересно, думал Макс, какими правами обладает приемный отец или, вернее, вдвойне приемный отец — мужчина, женившийся на моей мачехе? Но ему так и не удалось решить этот вопрос. Нужно было возвращаться в дом, как бы ни хотелось остаться во дворе.

Войдя, Макс сразу увидел, что Монтгомери стоит у книжной полки над стереовизором и разглядывает книги. Несколько штук уже лежало на приемнике. Он оглянулся и заметил юношу.

— А, это ты? Не уходи, мне нужно поговорить с тобой о скоте.

В дверях появилась фигура матери.

— Милый, — обратилась она к Монтгомери, — может быть, заняться этим завтра утром?

— Не вмешивайся, дорогая, — ответил он. — Аукционер приедет рано утром. Мне нужно подготовить список всего, что поступит в продажу. — Он продолжал разглядывать книги. — Смотри-ка, да это действительно ценные штуки. — Монтгомери держал в руках полдюжины томов, отпечатанных на тончайшей бумаге высшего качества и в обложках из красивого пластика. — Интересно, сколько за них дадут? Нелли, принеси-ка мои очки.

Макс поспешно подошел и протянул руку.

— Это мое! — воскликнул он.

— Что? — удивленно спросил Монтгомери и поднял книги высоко над головой. — Ты слишком молод, чтобы что-то было твоим. Нет, мы продадим все. Начнем жизнь с самого начала.

— Но это мои книги! Мне подарил их мой дядя! — Макс повернулся к матери. — Скажи ему, мама.

— Да, Нелли, поставь на место этого мальчишку, прежде чем мне придется сделать это самому.

На лице матери появилось озабоченное выражение.

— Не знаю, что и сказать. Книги действительно принадлежали Чету.

— А Чет был твоим братом? Значит, ты его наследница, а не этот щенок.

— Он был ей не братом, а деверем!

— Ну и что? Это не имеет значения. Значит, наследником дяди был твой отец, а мать унаследовала все от твоего отца. Именно мать, а не ты — ведь ты еще несовершеннолетний. Таков закон, сынок. Ты уж извини. — Он поставил книги на полку и остался стоять перед ней.

Макс почувствовал, как у него задрожали губы. Он знал, что не сможет говорить убедительно. Глаза наполнились слезами, и комната поплыла перед глазами.

— Вы... вы просто вор!

— Макс! — застонала мать.

Лицо Монтгомери приняло злое выражение.

— А вот теперь ты зашел слишком далеко. Боюсь, тебе придется попробовать вкус ремня. — И он начал расстегивать широкий пояс.

Макс сделал шаг назад. Монтгомери выдернул ремень и двинулся за ним.

— Монти, прошу тебя, не надо! — взвизгнула мать.

— Не вступай, Нелли! — отрезал Монтгомери и обратился к Макс: — Думаю, пришло время раз и навсегда установить, кто здесь повелитель. Сейчас же извинись!

Макс не ответил.

— Извинись, и мы забудем о случившемся, — повторил Монтгомери.

Он взмахнул ремнем. Макс сделал еще шаг назад. Монтгомери бросился за ним и попытался схватить за плечо. Макс увернулся и выскочил во двор.

Он бежал, пока не убедился, что Монтгомери не преследует его. Юноша остановился, тяжело дыша и содрогаясь от бессильной ярости. Он почти жалел, что Монтгомери не побежал за ним; едва ли кто-нибудь мог поймать его ночью около дома. Макс знал, где находится поленница, а вот Монтгомери — нет. Он помнил, в каком месте начинается выгул для свиней, а Монтгомери даже не подозревал. Наконец, юноша точно представлял себе место, где расположен колодец.

Прошло немало времени, прежде чем Макс успокоился и смог здраво рассуждать. Обдумав происшедшее, он с облегчением вздохнул, довольный, что все кончилось для него так просто — Монтгомери был намного крупнее и сильнее и славился тем, что умел здорово драться. ...Если все действительно закончилось, уточнил для себя Макс. Вряд ли к утру Монтгомери забудет об этом происшествии.

В гостиной все еще горел свет; Макс спрятался в сарае. Сев на пол и прислонившись к бревенчатой стене, он вдруг почувствовал, как сильно устал. Макс решил остаться в сарае до утра, но ему не удалось отыскать удобного местечка — развалюшка оказалась очень тесной, даже несмотря на то что старый мул недавно умер. Тогда он осторожно выглянул из сарая.

Теперь в гостиной было темно, но светилося окно спальни; значит, они все еще не легли спать. Дверь в дом была закрыта, однако на ней не было замка, так что пробраться внутрь не составило бы труда, но Макс боялся, что Монтгомери услышит. Комната юноши была в пристройке рядом с кухней, напротив гостиной, но попасть туда можно было только изнутри — наружной двери там не было.

Впрочем, это не имело значения — Макс решил эту проблему давно, еще в то время, когда, став достаточно взрослым, захотел входить в дом и выходить из него, не спрашивая старших.

Он пробрался вдоль стены, нашел козлы, подставил их под окно своей комнаты, залез наверх и вытащил гвоздь, вбитый в оконную раму. Через несколько мгновений он уже был в своей комнате. Дверь, ведущая в гостиную, была закрыта, но Макс не решился зажечь свет: Монтгомери могло прийти в голову заглянуть в

гостиную, и тогда он увидел бы полоску света из-под двери. Макс осторожно разделся и лег в кровать.

Сон долго не приходил. Наконец Макс начал засыпать, но тут его разбудил какой-то звук. Скорее всего это пробежала мышь, но юноше вдруг показалось, что рядом с кроватью стоит Монтгомери. С бьющимся от страха сердцем Макс сел в кровати.

Что же делать?.. Не через час, не завтра, а вообще. Как жить? Монтгомери не представлял для него угрозы — Макс не будет жить с ним под одной крышей. Но как быть с матерью?

Умирая, отец сказал ему: «Позаботься о матери, сынок». Ну что ж, он заботился о ней. Он каждый год сеял и убирал урожай, заботился о том, чтобы в доме была еда и немного денег, даже в те времена, когда бывало трудно. После того как умер старый мул, Макс одалживал упряжку у Макалестера и все-таки справлялся с делами.

Но хотел ли отец сказать, чтобы сын заботился о матери даже после того, как она снова выйдет замуж? Раньше такая мысль просто не приходила ему в голову. Отец просил заботиться о матери, и он выполнял обещание, данное отцу, хотя из-за этого ему пришлось бросить школу.

Однако теперь она больше не была миссис Джонс, она стала миссис Монтгомери. Неужели отец хотел, чтобы Макс содержал и миссис Монтгомери?

Нет, разумеется! Когда женщина выходит замуж, о ней начинает заботиться ее муж. Все знают это. И отец не согласился бы, чтобы его сын мирился с причудами Монтгомери.

Макс встал. Он принял решение. Отавалось решить, что взять с собой.

Собственно, взять-то он мог немного. Пошарив в темноте, юноша отыскал рюкзак, который брал на охоту, и сунул в него запасную рубашку и носки. Затем прибавил логарифмическую линейку дяди Чета для астронавигационных расчетов и кусок вулканического стекла, который дядя привез с Луны. Туда же Макс положил свое удостоверение личности, зубную щетку и бритву, принадлежавшую отцу, — правда, пользоваться ею приходилось еще не слишком часто. На этом «грабеж» закончился.

За кроватью одна доска в полу не была прибита гвоздями. Под нею Макс прятал немного денег. Он приподнял доску и пошарил внизу — пусто. Должно быть, мать отыскала тайник во время одной из своих экспедиций в комнату сына. Ничего не поделаешь, уходить все равно нужно; правда, теперь путешествовать будет сложнее.

Макс вздохнул. Нужно забрать еще кое-что... обязательно забрать... книги дяди Чета, которые, по-видимому, все еще стояли на книжной полке в гостиной, на стене, примыкающей к спальне. Но забрать их необходимо, даже рискуя встретиться с Монтгомери.

Осторожно и очень медленно Макс открыл дверь в гостиную и остановился на пороге, обливаясь потом от напряжения. Из-под двери, ведущей в спальню, все еще виднелась полоска света, и он заколебался, не в силах заставить себя двигаться. Юноша услышал, как Монтгомери пробормотал что-то и мать хихикнула.

При неясном освещении от полоски света под дверью Макс увидел, что у наружной двери навалена куча кастрюль и сковородок. Если бы он вздумал войти в дом с улицы через единственную дверь, раздался бы ужасный грохот, способный разбудить мертвого. По-видимому, Монтгомери предполагал, что мальчишка вернется, и надеялся задать ему хорошую трепку. Макс мысленно похвалил себя за то, что решил забраться в окно.

Медлить не было смысла — он стал беззвучно красться через гостиную, напоминая себе, что доска у стола скрипит, если на нее наступить. В темноте почти ничего не было видно, но юноша точно знал, где стоят заветные книги. Подойдя к полке, он осторожно взял их, стараясь не касаться остальных книг.

Вернувшись к двери, Макс вдруг вспомнил о библиотечной книге. И замер, охваченный внезапной паникой.

Неужели придется вернуться? Но на этот раз его шаги могут услышать — или Монтгомери вдруг захочет выйти из спальни, чтобы выпить воды.

Однако в представлении юноши потеря библиотечной книги была если не смертным грехом, то одним из самых постыдных преступлений. Он замер у двери, обливаясь потом и не зная, как поступить.

Наконец Макс принял решение — он снова повторил переход через гостиную, обошел скрипящую доску,

но забыл, что рядом с ней находится такая же. Наступив на нее, юноша замер, затаив дыхание. Однако пара в спальне не услышала скрипа. Наклонившись через стереовизор, он начал обшаривать полку.

Когда Монтгомери осматривал книги, он поменял их местами. Максусу пришлось ощупывать книги одну за другой, пытаясь отгадать названия на обложке.

Библиотечной оказалась четвертая книга, снятая с полки.

Макс вернулся в свою комнату, стараясь не спешить, хотя нервы были уже напряжены до предела. Сев на койку, Макс почувствовал, что самообладание покинуло его, и задрожал всем телом. Он не рискнул закрыть дверь своей комнаты и одеться, а осторожно залез на окно, отыскал кончиками босых пальцев козлы и беззвучно спустился на землю.

Башмаки были засунуты в рюкзак; он решил не надевать их, пока не отойдет подальше от дома, — от обуви могут остаться следы. Макс обошел вокруг дома и оглянулся. В спальне все еще горел свет. Он направился было в сторону шоссе, но тут заметил уницикл Монтгомери. Юноша остановился.

Если он пойдет дальше, то выйдет туда, где ходит автобус. Куда бы Макс ни повернул — налево или направо — Монтгомери сумеет настигнуть его на своем уницикле. Поскольку у беглеца не было денег и купить билет было не на что, приходилось полагаться только на быстроту своих ног.

Чепуха! Монтгомери не станет преследовать его в темноте. Он вырывается, скажет: «Ну и черт с ним!» — и забудет о нем навсегда.

А вдруг мать заставит своего нового мужа отправиться на поиски? А что если Монтгомери не забыл обиды и захочет поквитаться?

Макс свернул в сторону от шоссе и пошел в направлении кольцевой электромагнитной трассы, соединяющей Чикаго с космопортом.

Глава 2

ДОБРЫЙ САМАРИТЯНИН

Ночь была — хоть глаз выколи, но Макс ловко двигался в темноте: в окрестностях фермы ему было знакомо все — каждый склон, почти каждое дерево и камень. Он не стал спускаться в долину и пошел по склону холма, пока не достиг выходного кольца, из которого вылетали поезда, перепрыгивая через долину. Здесь он наткнулся на дорогу, которой пользовались бригады, обслуживающие линию. Макс сел на землю и надел башмаки.

Дорога представляла собой просеку, проложенную среди деревьев; по ней могли двигаться тракторы, но для автомашин и унициклов она была непроходима. Она вела вниз через ущелье и поднималась к тому месту, где электромагнитная трасса исчезала в туннеле. Макс пошел по ней быстро и уверенно, походкой человека, привыкшего ходить по холмам.

Через семьдесят минут он вышел из ущелья и миновал входное кольцо. Вскоре Макс оказался рядом с направляющим кольцом у входа в туннель. Он остановился на безопасном расстоянии и задумался. Что дальше?

Хребет был здесь высоким, иначе вместо туннеля проложили бы глубокую выемку. Макс часто охотился

тут и знал — чтобы подняться на вершину хребта, понадобится пара часов, и то в дневное время. Дорога для обслуживающего персонала уходила прямо в туннель, под направляющими кольцами. Если он пойдет по ней, то выйдет на другую сторону через десять-пятнадцать минут.

Макс никогда не заходил в туннель. Это было запрещено, что, впрочем, не слишком его беспокоило — все равно он уже нарушил правила, двигаясь по служебной дороге и подойдя так близко к зияющему черному входу в туннель.

Время от времени свинья, убежавшая с фермы, или какое-нибудь дикое животное забредали в туннель за несколько минут до того, как через него пролетал поезд. И всегда погибали, мгновенно и без малейших ран на теле. Однажды Макс заметил тело лисицы, лежавшее в туннеле в нескольких метрах от входа. Он быстро вбежал, схватил мертвую лисицу и тут же выскочил наружу. На ней не было ни единой царапины, но когда юноша снял с нее шкуру, то обнаружил под ней множество крошечных кровоподтеков. Несколько лет назад мчавшийся поезд застал внутри туннеля мужчину, пожелавшего побыстрее выйти на другую сторону хребта; на другой день обслуживающий персонал извлек оттуда мертвое тело.

Диаметр туннеля был больше, чем направляющие кольца; его размеры позволяли поезду мчаться вперед, опережая отраженную ударную волну. Все живое, находившееся в туннеле, было обречено, когда громовой раскат, сопровождавший ударную волну и несущий огромный запас энергии, проносился рядом. Смерть была неминуемой и мгновенной.

Однако Макс все же не собирался карабкаться на вершину хребта. Он вспомнил расписание поездов, пролетающих через туннель. «Томагавк» проносился незадолго до заката солнца; «Копье» летело через долину, когда Макс находился в сарае; «Дротик» должен был промчаться после них, хотя Макс не слышал его грохота; оставался «Косарь», проходящий в полночь. Юноша взглянул на небо.

Венера, разумеется, уже зашла, но он с удивлением увидел, что Марс все еще сиял на западе. Луна не

поднялась над горизонтом. Так, давай рассчитаем, думал Макс, полная Луна была в прошлую среду. Значит...

Результат расчета показался Максу неправильным, поэтому он проверил себя, взглянув на Вегу и сравнив ее место на небосклоне с положением Большой Медведицы. И присвистнул от изумления — за этот вечер произошло столько событий, что Максу было трудно поверить, — сейчас всего десять часов, плюс-минус пять минут; звезды не могут обманывать. Значит, «Дротик» пролетит здесь не раньше, чем через три четверти часа. Даже если — что очень маловероятно — назначат специальный поезд, все равно времени оставалось много.

Макс решительно вошел в туннель. И не успел он пройти и пятидесяти ярдов, как уже пожалел об этом и почувствовал первые признаки паники; в туннеле было темно как в гробу. Однако идти было нетрудно: внутри туннель был покрыт гладкой звукоотражающей плиткой, чтобы облегчать прохождение ударной волны. Макс шел уже несколько минут, ощущая каждый шаг и стараясь идти побыстрее. Наконец его глаза, успевшие привыкнуть к темноте, различили вдали свет — выход из туннеля. Он не выдержал и побежал, быстрее и быстрее — страх гнал его вперед.

Его горло пересохло, и сердце отчаянно билось в груди, готовое выпрыгнуть наружу. Выскочив из туннеля, юноша бросился вниз и помчался по дорожке для обслуживающего персонала. Добежав до стальных стоек, настолько высоких, что опиравшееся на них кольцо над головой выглядело крошечным, он остановился, чтобы перевести дыхание.

И в это мгновение какая-то мощная сила сбила его с ног.

...Юноша поднялся, с трудом соображая, где находится. Щеку саднило, ладони и локти ободраны. Взглянув на окровавленные ладони, Макс понял, что опрокинуло его, — над ним промчался поезд.

Поезд был слишком далеко, чтобы убить его, но ударная волна сбила его с ног. Это не мог быть «Дротик». Беглец снова взглянул на небо, и расположение звезд вновь подтвердило правильность его расчетов. Нет, это был специальный поезд, шедший вне расписания, — и Максу удалось опередить его всего на минуту.

Макс задрожал всем телом — и прошло немало времени, прежде чем он сумел взять себя в руки. Он стал спускаться по служебной дороге, заставляя себя двигаться побыстрее, несмотря на многочисленные ушибы. Вдруг он заметил странную вещь — ночь была абсолютно безмолвной.

Но тишина никогда не бывает абсолютной. Его уши, с детства привыкшие к звукам природы среди холмов, должны были слышать бесконечную последовательность ночных шумов — ветер в листьях деревьев, крики сов и древесных лягушек, стрекот кузнечиков.

Рассуждая логически, Макс пришел к заключению: он ничего не слышал, был глух как телеграфный столб — ударная волна оглушила его. Однако делать было нечего, и Макс продолжал путь; ему даже в голову не пришло вернуться домой. На дне долины, где стойки, на которых покоились направляющие кольца, достигали трехсот футов в высоту, служебная дорога пересекалась с проселочной. Юноша свернул на нее и продолжал спускаться. Он решил свою первую задачу: оказался там, где Монтгомери вряд ли станет его искать. И хотя сейчас Макс находился всего в нескольких милях от дома, пройдя через туннель и оказавшись на другой стороне хребта, он был теперь словно совсем в другой стране.

Около двух часов продолжался спуск вниз. Проселочная дорога местами переходила в нечто похожее на широкую тропу, по которой с трудом могла проехать телега, но идти по ней было все-таки легче, чем по той, вдоль кольцевой трассы. Где-то еще ниже он выйдет на шоссе, протянувшееся параллельно кольцевой дороге и ведущее к космопорту. Именно космопорт был его целью, несмотря на то что у Макса было самое смутное представление о том, как поступить дальше.

С безоблачного неба светила луна. Юноша шел быстро. Из кустов на дорогу выскочил заяц, сел, уставился на Макса любопытными глазами, потом снова убежал. Юноша пожалел, что не захватил свою малокалиберку. Правда, она была старой и изношенной, практически ничего не стоила, да и покупать для этого древнего оружия патроны становилось все труднее — однако как было бы приятно поесть зайчатины! Лишь сейчас Макс понял, что он не только устал, но и ужасно

проголодался. Ведь он даже не поужинал по-человечески, и, судя по всему, на завтрак ему придется просто облизнуть губы.

Вскоре его внимание было отвлечено от чувства голода растущим звоном в ушах, который становился все громче. Он потряс головой и постучал по ушам ладонями, но это не помогло; тогда он решил не обращать на это внимания. Еще через полмили юноша внезапно заметил, что слышит шум своих шагов. Он остановился и хлопнул в ладоши. Сквозь продолжающийся звон в ушах он услышал звук хлопка и, ободренный этим, продолжил путь.

Наконец он увидел впереди широкую долину. В призрачном лунном свете были видны грузовая трасса, ведущая на юго-восток, и, как ему показалось, даже светящиеся в темноте направляющие линии на дороге. Юноша прибавил шаг.

Он уже слышал шум пронесившихся грузовиков, когда заметил впереди огонек. Он пошел на свет и вскоре увидел, что это не огни остановившегося грузовика или окна дома местного фермера. Перед ним был костер, видимый со склона, но закрытый от дороги известняковым выступом. Над огнем склонился мужчина, помешивавший что-то в консервной банке.

Макс опустился на землю и пополз вперед, чтобы заглянуть вниз, в логово бродяги. До него донесся запах варева, и рот наполнился слюной. В нем боролись два чувства: голод и свойственное ему недоверие ко всем чужакам. Он неподвижно лежал и смотрел на костер. Наконец мужчина у костра снял банку с огня и громко произнес:

— Ну хватит прятаться, спускайся!

Макс был настолько изумлен, что не знал, как ответить.

— Да спускайся ты к огню, — повторил бродяга. — Я не собираюсь нести тебе еду.

Макс встал и соскользнул по крутому склону в круг света, отбрасываемый костром.

— Привет! — поднял голову незнакомец. — Бери кресло и садись поближе.

— Привет, — осторожно произнес Макс и посмотрел через огонь костра на бродягу.

Он был одет хуже Макса и к тому же небрит. Тем не менее лохмотья выглядели на нем почти щеголевато, а сам он вел себя с забавной заносчивостью.

Мужчина продолжал помешивать содержимое банки, затем зачерпнул ложкой, подул и проглотил.

— В самый раз, — объявил он. — Четырехдневная тушенка, как раз годится. Еще немного — и начала бы пахнуть. Бери себе тарелку.

Он встал, наклонился, покопался и куче маленьких консервных банок позади себя и выбрал ту, что почище. Макс немного поколебался и последовал его примеру, остановив выбор на банке, в которой раньше был кофе и которой после этого как будто никто не пользовался. Бродяга отмерил ему щедрую порцию месива и вручил ложку. Макс посмотрел на нее с подозрением.

— Если ты не слишком полагаешься на того, кто пользовался ею до тебя, поддержи ее над огнем и вытри о траву, — посоветовал ему бродяга. — Что касается меня, я не беспокоюсь. Если на ложке сохранились микробы, они умрут ужасной смертью.

Макс последовал разумному совету, сунул ложку в огонь и держал до тех пор, пока ручка не стала горячей, потом вытер о рубашку.

С голоду варево показалось ему невероятно вкусным. Оно состояло из овощей и кусков мяса неизвестного происхождения. Макс не стал задумываться о том, откуда взялись составляющие блюда, а набросился на еду как голодный волк. Доев свою порцию, мужчина поднял голову.

— Хочешь добавки?

— Что? Да, с удовольствием. Спасибо.

Съев вторую порцию, юноша насытился, и его охватило чувство блаженства. Он лениво потянулся, с удовольствием ощущая усталость.

— Теперь лучше? — спросил мужчина.

— Да, конечно. Еще раз спасибо.

— Между прочим, меня зовут Сэм.

— А меня — Макс.

— Рад нашему знакомству, Макс.

Макс помолчал.

— Послушай, Сэм, как ты узнал, что я стою невдалеке? Ты что, слышал мои шаги?

Сэм ухмыльнулся.

— Нет. Но ты стоял на фоне неба. Никогда не делай этого, малыш. Это может оказаться последним моментом в твоей жизни.

Макс обернулся и взглянул на то место, где стоял недавно. Действительно, Сэм был прав. Черт побери, как этот горожанин ущучил его, местного жителя!

— И куда теперь направляешься? — поинтересовался Сэм.

— Далеко.

— А твои родные не хватятся тебя?

— Почему ты так думаешь?

— Что ты убежал из дома? Но ведь это действительно так.

— Да, ты прав.

— Когда ты спустился к костру, ты выглядел измученным. Может быть, еще не поздно вернуться назад и не сжигать за собой мосты? Подумай об этом, малыш. Бродяжничать нелегко. Мне-то это хорошо известно.

— Вернуться домой? Никогда!

— Неужели дело так плохо?

Макс уставился в пляшущее пламя костра. Ему отчаянно захотелось поделиться с кем-то своими заботами, даже с незнакомцем, а с этим человеком, читающим его мысли, было так легко.

— Послушай, Сэм, у тебя когда-нибудь была мачеха?

— Мачеха? Вроде не было. В кроватку меня укладывали служащие приюта для беспризорных детей Центрального Джерси.

— Вот как? — И Макс рассказал Сэму обо всем. Тот внимательно слушал, время от времени задавая вопросы. — Вот потому-то я и убежал, — закончил юноша. — У меня просто не было другого выхода. Как ты считаешь?

Сэм наморщил лоб.

— Да, пожалуй, ты прав. Этот двойной отчим похож на мышь, чувствующую себя крысой. Ты поступил правильно, уйдя от него.

— Как ты считаешь, меня будут искать и пытаться вернуть домой?

Сэм подбросил в костер хвороста.

— Трудно сказать... — задумчиво произнес он.

— Почему? Я не нужен ему. Да и мать вряд ли будет беспокоиться. Ну, постонет немного, но и пальцем не шевельнет, чтобы найти меня.

— Понимаешь, речь идет о ферме.

— О ферме? Да мне наплевать на нее, особенно теперь, когда отца нет. Откровенно говоря, какая это ферма. Гнешь спину, стараясь собрать урожай и свести концы с концами. Если бы закон о защите производителей сельскохозяйственной продукции не запрещал собственникам бросать землю, отец отказался бы от нее давным-давно. Потребовалось бы что-то вроде правительственного разрешения, чтобы найти кого-то, кто забрал бы ее у нас.

— Вот об этом я и говорю. Этот козел уговорил твою мать продать ферму. Я не слишком разбираюсь в законах о недвижимом имуществе, но мне кажется, что деньги от продажи должны стать твоими.

— Я и думать не хочу ни о каких деньгах, Сэм. Мне просто хочется уехать отсюда.

— Не говори так легкомысленно о деньгах; сильные мира сего посадят тебя в тюрьму за богохульство. Впрочем, не имеет никакого значения, как ты к ним относишься, поскольку господин Монтгомери захочет как можно быстрее встретиться с тобой.

— Это почему?

— Твой отец оставил завещание?

— Нет. Да и завещать ему, кроме фермы, было нечего.

— Мне неизвестны все тонкости законов вашего штата, но можно не сомневаться, что по крайней мере половина фермы принадлежит тебе. К тому же твоя мать, скорее всего, не владеет второй половиной, а всего лишь имеет право на пожизненное пользование ею, причем и эта половина перейдет к тебе после ее смерти. Но одно несомненно — продать ферму без твоего согласия и твоей подписи нельзя. Так вот, как только завтра утром откроется нотариальная контора, покупатели сразу узнают об этом. И тогда примчатся на всех парах к твоей матери и захотят увидеть тебя. А еще через десять минут твой Монтгомери кинется на поиски, — если только уже не ищет тебя.

— Боже мой! Если они меня найдут, то имеют право заставить меня возвратиться?

— Ты сделай так, чтобы тебя не нашли. Ты уже далеко ушел от дома.

Макс встал и взял рюкзак.

— Спасибо, Сэм. Думаю, мне лучше двинуться дальше. Может быть, я тоже когда-нибудь отблагодарю тебя.

— Сядь.

— Но мне нужно уйти подальше.

— Малыш, ты устал и плохо соображаешь. Неужели ты сумеешь в таком состоянии далеко уйти? Утром, отдохнувший и свежий, ты спустишься вместе со мной к шоссе. Мы пройдем около мили к ресторану — он расположен к югу отсюда — и попросим одного из шоферов, которые останавливаются там на завтрак, подвезти нас. После еды они бывают добрые и покладистые. За десять минут мы уедем дальше, чем ты сможешь пройти за всю ночь.

Макс был вынужден признаться, что действительно здорово устал, точнее, устал до изнеможения, да и Сэм лучше разбирался в подобных тонкостях.

— У тебя в мешке есть одеяло? — спросил Сэм.

— Нет. Одна рубашка... и книги.

— Книги? Вот как? Я тоже люблю почитать, когда выдается время. Покажи, будь добр, а?

С некоторой неохотой Макс развязал рюкзак и достал книги. Сэм взглянул на них в свете костра.

— Клянусь трехглазым марсианином! Малыш, ты знаешь, что это такое?

— Конечно.

— Но ты не имеешь права владеть ими. Ведь ты не член гильдии астрогаторов.

— Нет, но мой дядя состоял в ней. Он принимал участие в первой экспедиции на бегу Гидры, — гордо ответил Макс.

— Неужели?

— Честное слово.

— А ты сам не бывал в космосе? Ну конечно, нет.

— Не бывал, но собираюсь побывать!

Макс впервые признался в своей давней мечте, в своем желании пойти по стопам дяди, стать астронавтом и отправиться к звездам. Сэм внимательно слушал его, задумчиво глядя в пламя костра. Когда Макс закончил, Сэм спросил:

— Значит, ты хочешь стать астрогатором?

— Конечно, и обязательно стану.

Сэм почесал нос.

— Знаешь, малыш, мне не хочется охлаждать твой пыл, но ты ведь знаешь ситуацию в мире. Стать астрогатором почти так же трудно, как вступить в гильдию водопроводчиков. Тебя не примут в гильдию лишь потому, что тебе этого хочется. Членство в гильдии астрогаторов наследственное, как и во всех престижных, высокооплачиваемых гильдиях.

— Но мой дядя был ее членом.

— Твой дядя, но не твой отец.

— Верно, однако, если у члена гильдии нет своих детей, он имеет право выдвинуть кандидатуру кого-нибудь другого. Дядя Чет объяснил мне это. Он всегда говорил, что регистрирует мою кандидатуру.

— И зарегистрировал?

Макс молчал. Когда умер его дядя, он был слишком мал, чтобы знать такие подробности. А после смерти отца, умершего вскоре после дяди, на Макса навалилась масса обязанностей, и он так и не проверил, подосознательно предпочитая отдаваться мечте, чем испытать действительность.

— Не знаю, — произнес он наконец. — Я пойду к главе гильдии в космопорте и выясню.

— Ну что ж, желаю тебе удачи, малыш. — Сэм не отрывал взгляда от пляшущих языков пламени. Макс показалось, что у него печальные глаза. — Я немного вздремну, да и тебе неплохо сделать то же самое. Если станет холодно, под выступом известняка лежат лохмотья — старые мешки из рогожи, упаковочные тряпки и тому подобное. Можешь укрыться, если не боишься подхватить несколько блох.

Макс нашел дыру в скальном выступе и полез внутрь. Там он встал — пещера была достаточно высокой — и потянулся. Пошарив вокруг, он нашел какие-то тряпки, разостлал их на полу пещеры и улегся. Юноша думал, что вряд ли сумеет уснуть, но заснул раньше, чем Сэм закончил тушить костер.

...Его разбудило солнце, ярко сиявшее в безоблачном небе. Лучи пробивались даже в пещеру. Макс выполз наружу, встал и осторожно расправил затекшие руки и ноги. Судя по высоте солнца, было уже часов

семь. Сэма нигде не было видно. Макс огляделся вокруг, покричал — не слишком громко — и решил, что Сэм пошел к ручью умыться и набрать воды. Юноша вернулся в пещеру и вытащил рюкзак, намереваясь сменить носки.

Книги дяди Чета исчезли из рюкзака!

К рубашке была приколата записка: «Дорогой Макс! Я оставил тебе банку тушенки. Можешь разогреть ее на завтрак. Прощай. Сэм» и далее следовала приписка: «Извини».

Тщательный осмотр рюкзака показал, что пропало и удостоверение личности Макса, больше Сэм не тронул ничего. Макс уложил вещи обратно в рюкзак, решил не трогать банку консервов и пошел в сторону шоссе, отчаянно ругая себя за доверчивость.

Глава 3

КОСМОПОРТ

Проселочная дорога пересекала шоссе для грузовых автомобилей. Макс вышел на шоссе и направился по обочине на юг. Вдоль дороги стояли столбики с надписью: «Проход запрещен», однако тропка, по которой шел Макс, была широкой и хорошо утоптанной. Шоссе расширялось, образуя полосу торможения скоростных грузовиков. В конце полосы, на расстоянии примерно с милю, Макс увидел ресторан, о котором говорил Сэм.

...Он перелез через забор, окружавший ресторан и стоянку грузовиков, и направился к стоявшим там гигантским грузовым автомобилям. Один из них был готов к отправлению, двигатели работали, машина уже поднялась на несколько дюймов над металлической поверхностью мостовой. Макс подошел к грузовику и заглянул в кабину. Дверца была приоткрыта, и юноша увидел водителя, сидевшего в кресле за панелью управления.

— Послушайте, мистер! — позвал его Макс.

Водитель высунул голову из кабины.

— Ну, чего тебе?

— Вы не могли бы подвезти меня в южном направлении?

— Убирайся, мальчишка! — Дверца захлопнулась.

Больше ни один из грузовиков не был готов к отъезду; они тяжело стояли на мостовой, и в кабинах никого не было. Макс собрался было уходить, как вдруг по тормозной полосе примчался, быстро тормозя, еще один огромный грузовик, повернул к ресторану, остановился рядом с другими грузовиками и опустил на мостовую. Макс подумал, а не поговорить ли ему с водителем прямо сейчас, но решил, что лучше подождать, пока тот поест. Он подошел к ресторану и, заглянув через стеклянную дверь, увидел людей, жадно поглощавших пищу. От голода у него потекли слюнки, и в этот момент Макс услышал за спиной приятный мужской голос.

— Извините, молодой человек, вы не даете мне пройти.

Макс посторонился.

— Извините, пожалуйста.

— Нет, что вы. Заходите. Вы впереди меня.

Это был мужчина лет на десять старше Макса, с веснушчатым лицом и лукавой улыбкой. К его фуражке был приколот значок гильдии водителей грузового транспорта.

— Да заходите же, — повторил мужчина, — не то вас затолкают.

Макс подумал, что внутри может оказаться Сэм, да и денег с него никто не потребует за одно лишь пребывание в обеденном зале. Кроме того, если хозяин ресторана хороший человек, можно было бы попросить у него работы в обмен на кормежку. Веснушчатый мужчина положил конец колебаниям Макса — он легонько подтолкнул его в зал, из которого доносились небесные ароматы.

Ресторан был переполнен; свободным оставался лишь столик на двоих. Мужчина отодвинул стул, сел и жестом пригласил Макса сделать то же самое. Видя, что юноша заколебался, мужчина сказал:

— Да садись ты, пожалуйста. Я не люблю есть один.

Макс почувствовал на себе внимательный взгляд хозяина ресторана и поспешно сел за стол. Официантка вручила им меню; водитель окинул ее одобрительным взглядом. Когда девушка отошла от стола, водитель наклонился к Максусу и доверительно сообщил:

— Когда эта дыра открылась, обслуживание здесь было автоматическим, и ресторан быстро вылетел в трубу. Все водители заезжали поесть в «Тиволи» — это в восьмидесяти милях дальше. Прогоревший ресторан купил новый владелец, выбросил все механизмы и нанял официантками девушек. Популярность ресторана мгновенно выросла. Вкус еды кажется куда лучше, когда тебе ее подает красивая девушка. Как ты считаешь?

— Да, пожалуй.

От смущения Макс говорил еле слышно. За всю жизнь он бывал лишь в закусочной в Клайдс Корнерсе. Цены в меню напугали его; ему отчаянно захотелось спрятаться под стол.

— В чем дело, дружище? — посмотрел на Макса спутник.

— Ничего, все в порядке.

— У тебя нет денег?

Несчастное лицо Макса подтвердило догадку водителя.

— Брось терзаться. Мне тоже приходилось бывать в таком положении. — Он поманил пальцем официантку. — Подойди к нам, милочка. Мы с приятелем хотели бы позавтракать бифштексом с яичницей сверху и разными вкусными вещами по сторонам. Только чтобы яйцо курица снесла всего пять минут назад. И если оно окажется слишком поджаренным, я приколочу его к стене в назидание другим. Понятно?

— Боюсь, красавчик, ты не сумеешь пробить его гвоздем, — фыркнула девушка и пошла в кухню, грациозно покачивая бедрами.

Водитель не сводил с нее глаз, пока она не исчезла в кухне.

— Теперь понимаешь, что я имел в виду? Какая автоматика может сравниться с такой красоткой?

Бифштекс оказался превосходным, а яйцо свежим. Водитель велел Максy называть его Рыжим, Макс тоже представился. Раздумывая, не обратиться ли к своему новому другу с просьбой подвезти, он подбирал остатки яичницы кусочком хлеба. Тут Рыжий наклонился через стол и тихо сказал:

— Послушай, Макс, у тебя есть свободное время? Ты не мог бы выполнить небольшую работу?

— Работу? А почему нет? А что за работа?

— Не хочешь ли прокатиться на юго-запад?

— На юго-запад? Между прочим я как раз туда направляюсь.

— Отлично! А дело вот в чем. По правилам на каждом грузовике должно быть два водителя — иначе через восемь часов мне придется останавливаться для восьмичасового отдыха. Но у меня срочный груз, и я должен доставить его вовремя, иначе мне грозит штраф. А мой партнер не смог отправиться в рейс. Этот кретин напился, и мне пришлось уложить его отсыпаться. В ста тридцати милях отсюда находится контрольно-пропускной пункт, и, если в машине не будет второго водителя, меня отправят отдыхать.

— Я готов помочь, Рыжий, — но ведь я не умею управлять грузовиком. Ты уж меня извини.

Водитель небрежно махнул рукой.

— Тебе не придется управлять. Всю дорогу ты будешь играть роль моего напарника. Да я и сам не доверю свою старую «Молли Малони» человеку, не разбирающемуся в ее капризах до тонкостей. Я буду принимать стимулирующие таблетки и отосплюсь в космопорте.

— Значит, ты едешь прямо в космопорт?

— Да.

— Можешь рассчитывать на меня.

— Великолепно! Значит так. Всякий раз, когда мы останавливаемся у контрольного пункта, ты лежишь в койке позади водительского отделения и делаешь вид, что отдыхаешь после работы за рулем. Ты поможешь мне в погрузке и разгрузке — в Оук-Сити я оставляю часть груза и кое-что погружу, — а я буду кормить тебя. Согласен?

— Конечно!

— Тогда поехали. Я хочу отправиться в путь прежде чем остальные шоферюги кончат есть. Не исключено, что среди них может оказаться осведомитель транспортной администрации.

Рыжий сделал знак официантке, бросил на стол банкнот и не стал дожидаться сдачи.

«Молли Малони» была двести футов длиной и обтекаемой формы, так что на полной скорости пронесшийся поток воздуха прижимал ее к поверхности шоссе. Макс обратил на это внимание, взглянув на приборы: перед тем как тронуться с места, огромный грузовик

приподнялся на своей воздушной подушке на девять дюймов над мостовой, но когда машина набрала полную скорость, указатель «Клиренс» показал всего шесть дюймов.

— Отталкивание от поверхности происходит в соответствии с законом обратной третьей степени, — объяснил Рыжий. — Это значит — чем сильнее встречный ветер прижимает нас к поверхности шоссе, тем более мощным будет отталкивание от мостовой. В противном случае моя красавица могла бы на такой скорости выскочить за горизонт. Короче говоря, чем мы быстрее, тем устойчивее.

— А если ты поедешь так быстро, что встречное сопротивление воздуха прижмет грузовик к самой поверхности шоссе? Успеешь ли ты остановиться и избежать катастрофы?

— Пошевели извилинами, малыш. Чем сильнее нас прижимает к шоссе, тем мощнее отталкивание — закон обратной пропорциональной третьей степени, ты не забыл?

— Верно. — Макс достал логарифмическую линейку дяди. — Если поток воздуха поддерживает груженный корпус на высоте девять дюймов, то при клиренсе в три дюйма сила отталкивания превышает его вес в двадцать семь раз, а при клиренсе в один дюйм — в семьсот двадцать девять, а уж если клиренс составит четверть дюйма...

— Не ломай голову, приятель. При полной скорости «Молли Малони» не опускается ниже пяти дюймов — как бы я ни старался.

— Но какая сила заставляет грузовик двигаться с такой скоростью?

— Соотношение фаз. Силовое поле движется перед нами, «Молли» пытается настичь его и всякий раз остается чуть-чуть сзади. Не спрашивай меня относительно теории силового поля — я всего лишь нажимаю на кнопки. — Рыжий закурил и откинулся на спинку кресла, положив руку на руль. — Забирайся-ка в койку, малыш. Через сорок миль мы остановимся у контрольного пункта.

Койка сменщика находилась за спиной водителя. Макс забрался наверх и завернулся в одеяло. Рыжий подал ему фуражку.

— Надвинь на лоб, чтобы было видно значок.

К фуражке был приколот значок члена гильдии водителей грузовиков. Макс кивнул и сделал, как было велено.

Через некоторое время свист ветра за стеклом кабины превратился в шипение и наконец стих совсем. Грузовик опустился на мостовую. Дверь открылась.

— Сколько времени вы сидите за рулем? — слышался незнакомый голос.

— Сменил Тони сразу после завтрака.

— Вот как? Тогда почему у вас такие воспаленные глаза?

— Веду развратную жизнь. Показать язык?

Инспектор пропустил издевку мимо ушей и заметил:

— Ваш партнер не расписался при сдаче смены.

— Неужели? Хотите, я разбуджу этого тупого осла?

— Хм-м... не стоит, пожалуй. Распишитесь за него.

И передайте, чтобы впредь был более внимательным.

— Будет исполнено, босс.

«Молли Малони» взревела мощным двигателем, поднялась над поверхностью шоссе и начала стремительно набирать скорость. Макс слез с койки и сел рядом с водителем.

— Когда он спросил, почему в журнале нет моей подписи, я подумал, что нам конец.

— Я сделал это намеренно. Нужно было болтать о чем угодно, чтобы он не прикопался.

Максу нравился грузовик. Огромная скорость, с которой мчалась машина у самой поверхности шоссе, завораживала его; юноша решил, что если ему не удастся стать астронавтом, то неплохо было бы стать водителем грузовика — он выяснит, сколько следует заплатить при вступлении, и начнет копить деньги. Макс с завистью следил, с какой легкостью Рыжий следовал за постоянно ускользающей линией силового поля, соответствующей скорости «Молли Малони», и как свободно огромный грузовик вписывался в повороты. Обычно водитель проходил повороты по наружной линии, и «Молли» наклонялась набок, борясь с центробежной силой.

Неподалеку от Оклахома-Сити они пронеслись под направляющими кольцами электромагнитной дороги как раз в тот момент, когда над головами пролетал поезд — Макс решил, что это был экспресс «Бритва».

— Мне приходилось водить эти поезда, — вдруг сказал Рыжий.

— Вот как? А почему ты ушел?

— Стал бояться. Всякий раз, когда экспресс перепрыгивал пространство между кольцами и наступало состояние невесомости, мне казалось, что у поезда свой собственный характер и он не повинуется мне. Я боялся, что, вместо того чтобы войти в следующее кольцо, он только и ждет, как бы свернуть в сторону. Я понял, что это не приведет ни к чему хорошему. Нашел водителя грузовика, которому хотелось пробиться в более престижную гильдию, и заплатил штраф в обе гильдии, чтобы нам позволили поменяться местами. И знаешь, я совсем не жалею. Двести миль в час у самой мостовой для меня достаточно быстро.

— А ты не думал о космических кораблях?

— Ну, это совсем другое дело. Там есть где развернуться. Слушай, малыш, когда мы приедем в космопорт, пойди и взгляни на этих гигантов. Это что-то.

Библиотечная книга, лежавшая в рюкзаке юноши, казалось, жгла спину. В Оклахома-Сити Макс заметил почтовый ящик у грузового депо и, не подумав, бросил в него книгу. Позднее он стал раскаиваться в содеянном — теперь Монтгомери сможет вычислить, в каком направлении он отправился, но беспокойство быстро исчезло. Все-таки книгу нужно было обязательно вернуть в библиотеку. То, что он стал бродягой, выдающим себя к тому же за члена гильдии водителей грузовиков, не слишком беспокоило юношу, — а вот воровство библиотечной книги казалось ему настоящим грехом.

...Когда грузовик прибыл к месту назначения, Макс спал. Рыжий разбудил его.

— Вставай, малыш, приехали.

Макс сел и широко зевнул.

— Где мы?

— Космопорт. Живей, давай разгрузим нашу красавицу.

Когда они закончили разгрузку «Молли Малони», солнце палило вовсю, и даже поднявшийся ветер не приносил прохлады. Рыжий в последний раз покормил его и положил рядом с тарелкой Макса банкноту.

— Спасибо, малыш. Это тебе на счастье. Прощай.

И он исчез, прежде чем Макс успел открыть рот. Он так и не узнал настоящего имени своего друга и не запомнил номера на значке члена гильдии.

Космопорт оказался гораздо больше, чем Макс ожидал, и все вокруг заставляло кружиться голову — спешащие сосредоточенные люди, огромные здания, движущиеся тротуары, шум, палящее солнце, полное отсутствие гор — подумать только, до самого горизонта не было видно даже крошечного холмика!

Макс сразу встретил первого инопланетянина — восьмифутового жителя эпсилон Джемини V, выходявшего из магазина с пакетом в руке. Как обычный фермер, совершающий покупки в Клайдс Корнерс, подумал Макс. Он остановился и с изумлением уставился на инопланетянина. Он видел таких существ на картинках и по стереовизору, но встретиться с ним наяву... Множество глаз, напоминавших гроздь желтого винограда, придавало ему фантастический вид. Юноша смотрел ему вслед, пока инопланетянин не скрылся в толпе. Тут показался еще один, который подошел к полицейскому, постучал по макушке его шлема и спросил: «Извините меня, сэр. Вы не знаете, как пройти к «Тезерт Палмз Атлетик Клуб»?» Юноша не мог понять откуда доносился голос.

Тут он обнаружил, что среди торопящихся людей лишь он один выглядит праздным зевакой. Макс повернулся и медленно пошел по улице, то и дело оглядываясь назад. И сразу налетел на незнакомца.

— Извините меня, — поспешно пробормотал юноша. Незнакомец посмотрел на него.

— Смотри по сторонам, приятель. Ты в большом городе.

После этого Макс старался быть внимательнее.

Нужно было найти здание гильдии астрогаторов. Макс надеялся, что даже без книг и удостоверения личности он сумеет убедить их, что он именно тот, за кого выдает себя, и выяснить, позаботился ли дядя Чет о его будущем. Но вокруг было столько интересного, что Макс то и дело останавливался и глазел по сторонам. Наконец юноша очутился перед отелем «Империал», в котором любого гостя могли обеспечить такими температурой, давлением, излучением, составом атмосферы, искусственной силой тяжести и пищей, которые

являются привычными на его планете. Макс остановился у входа в отель, надеясь увидеть кого-нибудь из постояльцев, но единственный далекий гость, появившийся из дверей, сидел в баке на колесах, где сохранялась окружающая среда мира, откуда тот прибыл, и юноша не сумел заглянуть внутрь посуды.

Заметив, что полицейский у входа в отель подозрительно смотрит на него, Макс хотел было уйти. Но тут он вспомнил, как инопланетянин с Джемини что-то спрашивал у полицейского, и решил, что уж такому же человеку, как и он сам, полицейский несомненно поможет.

Юноша подошел к полицейскому.

— Извините меня, сэр, вы не скажете мне, как пройти к зданию гильдии астрогаторов?

Полицейский смерил его взглядом.

— В конце авеню Планет, перед самым космопортом.

— А в какую сторону идти?

— Первый раз в городе?

— Да, сэр.

— Где вы остановились?

— Пока нигде. Видите ли, я только что приехал в город и еще не успел...

— А зачем вам гильдия астрогаторов?

— Это по поводу моего дяди, — признался Макс унылым голосом.

— Вашего дяди?

— Он... он астрогатор. — С этими словами Макс суеверно скрестил пальцы руки.

Полицейский понимающе кивнул.

— Встаньте на этот движущийся тротуар, у следующего перекрестка поверните на запад. Увидите большое здание со знаком гильдии — золотое солнце с лучами — над входом. Вы не пропустите его. Держитесь подальше от запрещенных для посещения посторонних районов.

Макс ушел, не решившись спросить, как ему узнать, какой район является запрещенным. Здание гильдии удалось найти почти сразу; движущийся тротуар нырнул под землю, обогнул здание, и когда Макс снова появился на поверхности, то оказался у самого входа.

Однако его внимание привлекло нечто иное. К западу, там, где заканчивалась улица и не было зданий, простиралось взлетное поле космодрома, на котором стояли космические корабли: маленькие стремительные

военные звездолеты, похожие на стрелы; массивные широкие шаттлы, совершающие полеты на Луну; крылатые корабли, предназначенные для обслуживания земных спутников; огромные и могучие грузовые корабли, управляемые роботами.

Прямо перед воротами космодрома, меньше чем в полумиле, возвышался огромный космолет, который Макс узнал с первого взгляда — «Асгард». Он был знаком с историей этого космического скитальца. Дядя Чет служил на нем. Сто лет назад «Асгард» был построен на околоземной орбите и предназначался для полетов от планеты к планете, но не был способен совершать посадки на них; тогда название корабля было «Принц Уэльский».

Прошли годы, с корабля сняли ракетные двигатели с дюзами и установили факельный масс-конвертер — и он стал «Эйнштейном». Почти двадцать лет безжизненный, пустой, устаревший корпус гигантского корабля болтался на окололунной орбите. Потом вместо факельного двигателя были установлены импеллеры Хорс — Конрада, благодаря которым корабль получил возможность совершать посадку на матушку Землю. В ознаменование возрождения корабль называли «Асгард», небесная обитель богов.

Его массивный корпус напоминал перевернутую грушу, поддерживаемую невидимыми силовыми лучами. Макс знал это, потому что вокруг корабля стоял круг ограждений, дабы кто-нибудь из обслуживающего персонала случайно не забрел в опасную зону.

Он прижался носом к прозрачному пластику ворот и попытался получше разглядеть космолет, как вдруг услышал голос:

— Прочь отсюда, парень! Ты что, не видишь надпись?

Макс поднял голову. Прямо над ним виднелась надпись: «Запретный район». Юноша неохотно отошел от ворот и направился обратно, к зданию гильдии астрогагаторов.

Глава 4

ГИЛЬДИЯ АСТРОГАТОРОВ

Вестибюль здания гильдии астрогаторов показался Максиму роскошным и похожим на церковь. Едва он подошел к дверям, они раздвинулись и беззвучно исчезли внутри стен. Звука шагов по мозаичному полу не было слышно. Макс вошел в длинный просторный вестибюль, не зная, куда идти, и в это мгновение его остановил строгий голос:

— Чем могу служить вам?

Юноша обернулся. На него смотрела прелестная молодая женщина в строгом костюме. Она сидела за столом у стены. Макс подошел.

— Э-э, может быть, вы подскажете, мадам, с кем мне встретиться? Я не знаю...

— Одну минуту. Как ваши имя и фамилия?

Через несколько минут Макс в общих чертах изложил ей свое дело.

— Насколько я понимаю, у вас нет никаких прав, а потому нет оснований для обращения в гильдию.

— Но ведь я уже сказал...

— Да, я слышала. Лучше всего вам побеседовать с сотрудником нашего юридического отдела. — Она нажала кнопку, и из гладкой поверхности стола поднялся

экран. — Мистер Хансен, — сказала женщина, — вы не могли бы уделить мне немного времени?

— Слушаю вас, Грейс.

— У меня молодой человек, его родственник служил в гильдии. Вы не побеседуете с ним?

— Послушайте, Грейс, ведь вы хорошо знакомы с правилами. Запишите его адрес, пошлите документы на рассмотрение, а сейчас пусть идет домой.

Женщина нахмурилась и коснулась другой кнопки. И хотя Макс отчетливо видел, как шевелятся ее губы, но не слышал ни единого звука. Затем женщина кивнула, и экран опустился в поверхность стола. Она нажала кнопку и позвала:

— Скитер!

Дверь позади стола распахнулась, появился рассылный, недружелюбно посмотревший на Макса.

— Скитер, — произнесла женщина, — проводи нашего посетителя к мистеру Хансену.

— Вот этого? — хмыкнул угрюмый.

— Да. Застегни воротник и перестань жевать резинку.

...Выслушав рассказ Макса, мистер Хансен отвел его к своему начальнику, главному советнику по юридическим вопросам, который заставил посетителя повторить свою историю. Затем главный советник задумчиво побарабанил пальцами по столу, нажал на кнопку — и снова Макс не услышал ни слова, как недавно в приемной гильдии.

— Тебе повезло, сынок. — Он повернулся к Макс-у. — Достопочтенный верховный секретарь гильдии согласился уделить тебе несколько минут своего времени. Когда войдешь в кабинет, не садись без приглашения, помни, что следует только отвечать на вопросы и, как только аудиенция будет закончена, тотчас уходи.

Кабинет верховного секретаря был настолько роскошным, что все увиденное ранее не шло с ним ни в какое сравнение. Один ковер на полу стоил больше, чем вся ферма Макса. В кабинете не было никакой аппаратуры связи, более того, отсутствовал даже стол. Верховный секретарь сидел в огромном кресле, а стоявший позади слуга массирует ему виски. Услышав звук открывшейся двери, он поднял голову и сказал:

— Входи, сынок. Садись. Как тебя зовут?

— Максимилиан Джонс, сэр.

Они посмотрели друг на друга. Секретарь гильдии увидел длинного худого юношу, которого не мешало бы постричь, помыть и переодеть; перед Максом же сидел невысокий толстый мужчина в помятом мундире. Голова секретаря казалась слишком большой для такого маленького тела, и Макс не мог решить, какие у него глаза — добрые или холодные.

— Значит, ты племянник Честера Артура Джонса?

— Совершенно верно, сэр.

— Я был хорошо знаком с достопочтенным братом Джонсом. Блестящий математик, выдающийся астрогатор... Мне стало известно, что ты потерял удостоверение личности, которое наше правительство выдает каждому гражданину. Карл!

Рядом с креслом, словно джинн из бутылки, мгновенно возник молодой человек.

— Сними отпечаток большого пальца этого юноши и свяжись с бюро идентификации — не местным отделением, а штаб-квартирой в Нью-Вашингтоне. Передай мои наилучшие пожелания начальнику бюро и скажи, что мне нужно немедленно опознать владельца отпечатка. И не прерывай связь, пока не получишь ответа.

Отпечаток большого пальца Макса был снят немедленно, и молодой человек по имени Карл исчез.

— Итак, с какой целью ты прибыл сюда, юноша? — продолжил расспросы секретарь.

Запинаясь, робким голосом Макс поведал, что его дядя говорил ему о своем намерении выдвинуть Макса кандидатом на обучение в гильдии.

— Понятно, — кивнул секретарь. — Мне очень жаль, юноша, но я вынужден сообщить тебе, что достопочтенный брат Джонс не выдвигал твоей кандидатуры.

Максу показалось, что он ослышался. Он так гордился профессией своего дяди, так надеялся, что дядя Чет назначил его своим преемником, что не смог сразу осознать смысла ответа.

— Вы уверены? А вы проверили архивы? — выпалил он наконец.

Слуга за креслом испуганно взглянул на юношу, а верховный секретарь спокойно ответил:

— Да, архивы проверили, и не один раз. Сомневаться не приходится.

Секретарь выпрямился в кресле, сделал едва заметный жест рукой, и слуга быстро покинул комнату.

— Мне очень жаль, — добавил глава гильдии.

— Но ведь он говорил мне, — упрямо повторил Макс. — Сказал, что собирается выдвинуть мою кандидатуру.

— И тем не менее достопочтенный брат Джонс не сделал этого. — В это мгновение в комнату вошел молодой человек, снимавший отпечаток большого пальца Макса, и вручил верховному секретарю какую-то бумагу. Тот взглянул на текст и вернул молодому человеку. — Я ничуть не сомневаюсь, что он думал об этом. Выдвижение чьей-то кандидатуры в наше братство влечет за собой весьма серьезную ответственность, и нередко случается, что члены гильдии, у которых нет детей, очень долго приглядываются к кому-либо из родственников, прежде чем принять окончательное решение. По какой-то причине твой дядя не выдвинул тебя для обучения в академии астроготоров.

Макс был потрясен — неужели любимый дядя считал его недостойным? Это не могло быть правдой — ведь всего за день до своей скоропостижной смерти дядя Чет говорил... Юноша поднял голову.

— Сэр, мне кажется, я знаю, как это случилось.

— Как?

— Мой дядя скончался неожиданно. Он собирался обратиться в гильдию, даже говорил мне об этом накануне смерти, но не успел. Я уверен в этом.

— Возможно. Нередко люди не успевают привести в порядок свои дела, прежде чем выйти на последнюю орбиту. Но я должен исходить из того, что он знал, как ему поступить.

— Но...

— Это все, молодой человек... Нет, не уходите. Я думал сегодня о вас. — На лице Макса появилось озадаченное выражение. Верховный секретарь улыбнулся. — Видите ли, вы уже второй «Максимилиан Джонс», который явился сюда с аналогичным заявлением.

— Что?

— Вот именно — что. — Верховный секретарь опустил руку в карман кресла и, достав оттуда несколько

книг и удостоверение личности, протянул Макс. Юноша смотрел на них, не веря своим глазам.

— Но это книги дяди Чета!

— Совершенно верно. Еще один молодой человек, постарше вас, явился к нам с этим удостоверением и книгами. Впрочем, он был менее честолюбивым и не хотел стать астрогатором. — На лице секретаря появилась холодная улыбка. — Но едва мы попытались взять у него отпечаток пальца, он убежал. Больше я его не видел. А когда вы пришли сегодня сюда, я подумал: интересно, насколько длинной окажется процессия «Максимилианов Джонсов». Впредь относитесь повнимательнее к своему удостоверению — полагаю, что я избавил вас от немалого штрафа.

Макс сунул удостоверение во внутренний карман.

— Спасибо, сэр, — сказал он и стал складывать книги в рюкзак.

— Нет, молодой человек! Книги нужно вернуть.

— Но дядя Чет подарил их мне.

— Извините. Он не мог подарить их — в лучшем случае дал посмотреть, да и это противоречит правилам. Астрогационные книги являются орудием труда; гильдия дает их каждому брату во временное пользование. Когда ваш дядя уходил на пенсию, ему следовало вернуть книги, но некоторые братья сохраняют к ним сентиментальное отношение и не спешат расставаться с книгами, сопровождавшими их в скитаниях между звездами. Отдайте их мне, пожалуйста.

Макс продолжал колебаться.

— Неужели вы сами не понимаете, молодой человек, — укоризненно произнес верховный секретарь, — что мы не можем выдавать свои профессиональные тайны. Даже парикмахеры хранят свои секреты. Мы все несем перед обществом огромную ответственность. Только член нашей гильдии, должным образом обученный, проверенный, принятый в братство и давший клятву, может по закону распоряжаться этими книгами.

— Я не вижу, какой вред могу принести, сохранив их у себя, — едва слышно пробормотал Макс. — Похоже, мне никогда не придется воспользоваться ими.

— Но ведь вы не верите в анархию, надеюсь? Все наше общество основано на том, что секреты профессии передаются лишь тем, кто их достоин. Но вам не

следует расстраиваться. Каждый брат, получая инструменты нашей нелегкой профессии, оставляет залог у казначея гильдии. Поскольку вы являетесь ближайшим родственником брата Джонса, вам следует получить залог. Карл!

Снова из ниоткуда возник молодой человек. В руках у него были деньги — судя по всему, его служба заключалась в том, чтобы угадывать мысли верховного секретаря. Макс вручили внушительную пачку банкнотов — он никогда столько не видел — и забрали книги, прежде чем юноша успел возразить.

Он подумал, что пора уходить, но верховный секретарь указал на стул.

— Лично я сочувствую вам, но, являясь всего лишь слугой моих братьев, не могу поступить иначе. У меня нет выбора. Тем не менее... — Верховный секретарь задумчиво сложил перед собой ладони. — Наше братство заботится о своих членах. В нашем распоряжении имеются немалые средства для таких случаев, как ваш. Вы хотели бы поступить учиться?

— В гильдию?

— Нет, что вы! Об этом не может быть и речи. Наше братство не занимается подобной благотворительностью. Но если вы хотите освоить достойную профессию — слесаря, повара, портного, — мы готовы оказать содействие. Не все профессии являются наследственными. Гильдия готова заплатить за обучение и, если вы проявите способности, даст займы, чтобы вступить в соответствующую гильдию.

Макс понимал, что следует с благодарностью принять предложение. Ему представилась возможность, которой был бы рад любой. Но ущемленное самолюбие, заставившее отказаться от оставленной Сэмом тушенки, и чувство обиды были слишком сильны.

— Я благодарен вам, сэр, — произнес он почти резко, — но не могу принять подачку.

Лицо верховного секретаря гильдии стало суровым.

— Как хотите, молодой человек. Ваше дело.

Он щелкнул пальцами, появился рассыльный — и Макс покинул здание гильдии астрогаторов.

Юноша остановился на мраморных ступенях гильдии, не зная, что делать дальше. Даже космические корабли на поле космодрома больше не привлекали его;

он боялся, что, взглянув на них, не сможет удержаться от слез. Макс отвернулся.

Неподалеку виднелась фигура молодого мужчины, небрежно прислонившегося спиной к мусорному ящику. Заметив, что Макс смотрит на него, мужчина выпрямился, отбросил в сторону окурок и направился к нему.

Юноша узнал Сэма.

— Сэм! — воскликнул он, не веря своим глазам. Да, это несомненно был тот самый бродяга, который ограбил его пару дней назад. Хорошо одетый, гладко выбритый — и тем не менее тот самый Сэм. Макс поспешил навстречу.

— Как поживаешь, Макс? — ничуть не смущаясь, улыбнулся Сэм.

— И ты еще можешь спрашивать? Да тебе место в полицейском участке!

— Ну-ну, не надо кричать. Ты привлекаешь внимание. Макс перевел дыхание и заговорил тише.

— Ты украл мои книги!

— Твои? Они не принадлежали тебе, а я вернул их законным владельцам. Ты хочешь, чтобы меня арестовали за это?

— Но ведь ты... Все-таки ты...

Внезапно за спиной Макса раздался строгий голос:

— Этот юноша пристаёт к вам, сэр?

Макс обернулся. Голос принадлежал полицейскому. Он открыл было рот и тут же прикусил язык — вопрос был адресован Сэму. Тот взял Макса под руку твердо и покровительственно.

— Нет, это мой приятель. Спасибо.

— Ах, так? Мне сообщили, что какая-то подозрительная личность ходит у здания гильдии астрогаторов.

— Уверяю вас, к нему это не относится. Мистер Джонс только что имел аудиенцию у верховного секретаря, а я ждал, когда он вернется.

— Ну что ж, очень хорошо. У нас немало неприятностей с бродягами. Их так и тянет в космопорт.

— Он не бродяга. Мой юный друг из деревни, и я боялся, что он оробеет в городе.

— Понятно, сэр.

— Мы очень благодарны вам, сержант, за проявленную заботу.

Полицейский повернулся и пошел прочь. Макс почувствовал, что Сэм ведет его в противоположную сторону. Оказавшись на безопасном от полицейского расстоянии, Сэм облегченно вздохнул:

— Да, едва не попались. Этот клоун мог запросто отвести нас в участок. А ты молодец, малыш, — понял, что лучше всего молчать.

Они свернули в ближайший переулочек, Сэм отпустил руку Макса.

— Ну, малыш?

— Мне следовало бы потребовать твоего ареста!

— В чем же дело? Полицейский стоял совсем рядом.

Макса раздирали противоречивые чувства. Он был зол на Сэма, но при виде знакомой физиономии его охватило ощущение, что в незнакомой толпе он наконец-то увидел друга. Сэм смотрел на него с добродушной улыбкой.

— Не теряй времени, малыш, — повторил он. — Полицейский еще не успел уйти далеко. Беги за ним и требуй моего ареста.

— Да ладно, забудем об этом, — пробормотал Макс.

— Так-то лучше. Спасибо тебе, малыш. Можешь быть уверен, что я не забуду твоей услуги.

— Сэм, зачем ты сделал это?

По лицу Сэма внезапно пробежала тень, и тотчас засияла привычная улыбка.

— У меня возникло искушение, малыш, — у каждого человека есть пределы. Когда-нибудь я расскажу тебе об этом. А теперь — ты не хочешь перекусить? Заодно и поговорим. Тут поблизости есть забегаловка — неплохо кормят и можно не беспокоиться, что из-за плеча будет высовываться чей-то любопытный нос.

— У меня нет аппетита.

— Ну перестань, Макс! Еда, конечно, не как в ресторане, но все-таки лучше, чем тушенка, разогретая на костре.

Макс намеревался произнести целую речь, полную упреков, и заявить, что согласен простить Сэма, но у него нет ни малейшего желания сидеть с ним за одним столом; однако упоминание о тушенке заставило его передумать. Макс подумал, что Сэм не интересовался

его моральными принципами, а просто поделился с ним едой.

— Пожалуй...

— Вот и хорошо, приятель!

Они пошли по улице. Район оказался самым обычным, мало отличающимся от тех, что находятся вблизи любого космопорта. Стоило отойти от шикарной авеню Планет — и все вокруг стало более шумным, оживленным и каким-то теплым и дружеским, несмотря на то что здесь приходилось неустанно заботиться о сохранности карманов. Крошечные магазины, мастерские, не слишком чистые закусочные, дешевые отели, бары, уличные торговцы, театры с кричащими рекламами, салоны астрологов, неизбежная миссия Армии Спасения — все это придавало району оживление, которого так не хватало у его более роскошных соседей. Здесь бродили марсиане в темных очках и респираторах, гуманоиды с бета Корви III, странные существа с экзоскелетами аллах знает откуда — и все они перемешивались с людьми самых разных цветов кожи.

Сэм остановился у магазина, на вывеске которого красовался старый как мир символ — три золотых шара, — и повернулся к Максу:

— Подожди меня здесь. Сейчас вернусь.

Макс стоял у входа и наблюдал за толпой. Скоро из дверей вышел Сэм, но уже без пиджака.

— Теперь можно и пообедать.

— Сэм, зачем ты заложил пиджак?

— А ты не догадываешься?

— Но... послушай, у тебя был вид преуспевающего человека. Забери пиджак обратно. Я заплачу за обед.

— Спасибо, малыш. Это очень любезно с твоей стороны. Впрочем, при такой погоде пиджак мне все равно не нужен. По правде говоря, я так оделся, чтобы произвести хорошее впечатление на... ну, тут у меня был маленький бизнес.

— Тогда откуда у тебя... — начал Макс и умолк.

Сэм усмехнулся.

— Ты хочешь сказать, не украл ли я эти тряпки? Нет. Просто встретил гражданина, готового заключить со мной дружеское пари и уверенного, что шансы на его стороне. Никогда не рассчитывай на случай, малыш; опыт куда надежнее. Вот мы и пришли.

Они остановились у входа в дешевый ресторан. Сэм провел юношу через бар, ресторан, кухню, несколько комнат, где шла оживленная игра в карты; наконец они вошли в небольшой зал. Сэм выбрал стол в углу. Тут же к ним подошел огромный самоанец, хромая на одну ногу.

— Привет, Перси, — кивнул Сэм и повернулся к Макс. — Хочешь что-нибудь выпить?

— Нет, спасибо.

— Молодец! Не прикасайся к спиртному. Принеси мне стаканчик ирландского, Перси, и все остальное, что у вас подают на обед.

Самоанец неподвижно замер у стола. Сэм пожал плечами и положил на стол деньги. Перси взял их и скрылся за дверью.

— Но ведь я собирался заплатить, — запротестовал Макс.

— Заплатишь в следующий раз. Все это заведение принадлежит Перси. Он невероятно богат, а заработал состояние потому, что никогда не доверял таким, как я. А теперь расскажи, как у тебя прошел день. Как ты добрался до космопорта? Добился чего-нибудь у астрогаторов?.. Короче говоря, рассказывай все. Они встретили тебя с распростертыми объятиями?

— Да не сказал бы, — покачал головой Макс.

Действительно, почему не рассказать Сэму о случившемся, тем более что ему хотелось поделиться своими впечатлениями. Юноша выложил все. Сэм внимательно слушал, не перебивая, и в конце кивнул.

— Я так и думал. Какие теперь у тебя планы?

— Никаких. Не знаю, что делать дальше.

— Гм... положение трудное. Ешь и дай мне подумать. — Сэм немного помолчал. — Макс, а кем тебе хочется стать?

— Ну... астрогатором...

— Это теперь исключено.

— Знаю.

— Скажи мне, малыш, тебе хочется стать астрогатором и никем другим или ты просто хочешь побывать в космосе?

— Я никогда не думал об этом.

— Тогда подумай.

Макс задумался.

— Мне хочется побывать в космосе. Если я не могу отправиться туда в качестве астрогатора, то готов стать кем угодно — лишь бы полететь на космическом корабле. Но я не представляю, как добиться этого. Гильдия астрогаторов была моей единственной надеждой.

— Есть и другие способы.

— Какие же? Ты имеешь в виду эмиграцию?

Сэм покачал головой.

— Ты никогда не накопишь денег, чтобы отправиться в одну из процветающих колоний, — а эмигрировать туда, куда дается бесплатный билет, я не пожелаю худшему врагу.

— Тогда о чем ты?

Сэм заколебался.

— Существуют способы добиться своей цели, — загадочно произнес он. — Только ты должен слушаться меня. У тебя был дядя-астронавт, верно?

— Да.

— Ты проводил с ним много времени?

— Конечно.

— Вы говорили о космосе?

— Постоянно. Только о нем мы и говорили.

— Значит, ты знаком со сленгом астронавтов?

Глава 5

«С ТВОИМИ ДЕНЬГАМИ И МОИМИ СВЯЗЯМИ...»

— Со сленгом астронавтов? — недоуменно переспросил Макс. — Мне кажется, я знаю все.

— Где на космолете «беспокойная дыра»?

— Это рубка управления, разумеется.

— Если «хитрецу» нужен «труп», где он найдет его? Макс рассмеялся.

— Слушай, дружище, это выражения из стереовизионных сериалов, в действительности никто так не говорит на борту корабля. Кок — это кок, и, если ему нужна говяжья туша, он идет за ней в холодильник.

— Как отличить «зверя» от «животного»?

— Господи, Сэм, «зверь» — это пассажир, тогда как животное — просто животное.

— Предположим, ты находишься в корабле, направляющемся к Марсу, и вдруг становится известно, что двигатель вышел из строя и корабль по спиральной траектории падает на Солнце? Что придет тебе в голову?

— Я сделаю вывод, что кто-то пытается меня напугать. Начнем с того, что ты находишься не «в» корабле, а «на» нем. Во-вторых, спиральная траектория не является одной из возможных орбит. И третье — если

корабль направляется к Марсу с Земли, он никак не может упасть на Солнце — их орбиты не совпадают.

— Допустим, ты член экипажа в незнакомом космопорту; у тебя появилось желание выйти из корабля и познакомиться с городом. Какова процедура обращения к капитану за разрешением?

— Никакой процедуры нет.

— Значит, ты просто уйдешь в самоволку?

— Позволь мне закончить. Если мне захочется выйти из корабля в незнакомом космопорту, я обращаюсь за разрешением к первому помощнику — капитан такими мелочами не занимается. Ну, а если это большой корабль, сначала нужно узнать мнение своего непосредственного начальника. — Макс выпрямился на стуле и посмотрел Сэму в глаза. — Сэм, я думаю, тебе приходится бывать в космосе. Верно?

— Почему ты так думаешь, малыш?

— В какой гильдии ты состоишь?

— Перестань, Макс. Не задавай вопросов, и я не подсуну тебе кота в мешке. Почему ты знаешь, может я выучил профессиональный жаргон космолетчиков так же, как и ты.

— Что-то не верится, — коротко бросил Макс.

На лице Сэма появилось обиженное выражение. Макс продолжал:

— В чем дело? Ты задаешь мне массу глупых вопросов — разумеется, я много слышал о космосе; всю жизнь читал об астронавтике, и дядя Чет часто рассказывал мне разные истории. Но зачем это тебе нужно?

— Макс, «Асгард» отправляется в полет в следующий четверг; ты хочешь лететь на нем? — тихо спросил Сэм.

Макс недоумевающе посмотрел на Сэма. Лететь к далеким звездам на легендарном «Асгарде», оказаться... Он тут же отбросил эту мысль.

— Перестань подзадоривать меня, Сэм. Ты знаешь, я готов душу дьяволу продать за это.

— Сколько у тебя денег?

— Почему ты спрашиваешь?

— Сколько?

— У меня не было времени пересчитать.

Макс начал вытаскивать из кармана пачку банкнотов, полученных в гильдии астрогаторов; Сэм поспешно остановил его.

— Спрячь деньги! — прошипел он. — Только не здесь. Ты что, хочешь обедать с перерезанным горлом?

Испуганный Макс последовал его совету и снова достал пачку только тогда, когда они вышли из закуской и нашли укромное место. Но юноша испугался еще больше, когда закончил считать: он знал, что ему вручили немалую сумму, но денег оказалось гораздо больше, чем он рассчитывал.

— Ну, сколько? — нетерпеливо спросил Сэм.

Макс сказал.

— Черт побери, — шепотом выругался Сэм, — будем надеяться, что этого хватит.

— Хватит на что?

— Увидишь. А пока спрячь и больше не доставай.

— Сэм, мне в голову не приходило, что эти книги такие ценные, — удивленно заметил Макс, с трудом засовывая в карман толстенную пачку.

— Они совсем не такие ценные.

— Тогда почему мне дали столько денег?

— Наводят тень на плетень. Многие гильдии так поступают. Им хочется продемонстрировать всем, что их профессиональные тайны исключительно ценны, поэтому они заставляют кандидатов оставлять в залог за справочники огромные суммы. Если бы книги продавались в магазинах, они стоили бы ничуть не дороже остальных.

— Но ведь они поступают правильно! Достопочтенный верховный секретарь гильдии объяснил мне, что в противном случае профессиональные секреты астрогаторов могут попасть в чужие руки.

Сэм фыркнул и плюнул на мостовую.

— Ну и что? Допустим, книги остались бы у тебя, — но сами по себе они ничего не значат.

— Но... — начал Макс и усмехнулся. — Впрочем, не имеет никакого значения, что у меня их забрали. Я все равно прочитал их и запомнил каждую цифру.

— Каждую цифру? Это ты хватил! Возможно, тебе удалось познакомиться с содержанием, даже разобраться в некоторых методах расчетов. Но в справочниках приводятся бесконечные колонки цифр, необходимые

астрогаторам для сложных вычислений, — а это именно то, о чем так беспокоится гильдия.

— Нет, Сэм, ты не понимаешь меня. Я ведь сказал тебе, что прочитал эти книги. — Макс наморщил лоб и, глядя куда-то вдаль, четко зарепортировал: — Страница 272. Рассчитанные решения дифференциального уравнения перемещений в пространстве по методу Рикардо... — и принялся называть семизначные цифры.

Сэм смотрел на юношу с растущим изумлением, наконец остановил его.

— Ты действительно помнишь все эти цифры, малыш? Не пытаешься меня обмануть?

— Нет, конечно! Я уже в который раз говорю, что прочитал все книги.

— Разрази меня гром! Послушай, а ты не относишься к тем, кто читает страницу за пару секунд?

— Нет, я действительно читаю довольно быстро, но все-таки не за две секунды. Зато я никогда не забываю прочитанное. Мне всегда казалось странным, что люди забывают то, что прочитали.

Сэм изумленно покачал головой.

— Я, слава Богу, умею забывать. — Он задумался на мгновение. — Может быть, попытаться использовать твой талант на Земле? Я могу кое-что придумать.

— Что ты имеешь в виду? Значит, мы не отправимся на «Асгарде»?

— Гм... нет, пожалуй, все-таки первое решение было правильным. Лучше покинуть Землю. А твоя фантастическая память может принести немалую пользу. Несмотря на то что ты хорошо знаком с профессиональным языком астронавтов, беспокойство не покидало меня. Но теперь я спокоен.

— Сэм, перестань говорить загадками. Что ты собираешься предпринять?

— Ну хорошо, малыш, я открою карты. — Он оглянулся вокруг, наклонился к Максиму и зашептал ему на ухо: — Я возьму деньги и кое-кого подмажу. Когда «Асгард» отправится в полет, мы будем на его борту, как члены экипажа.

— В качестве кого? Учеников? У нас не осталось времени даже для обучения на курсах. К тому же ты слишком взрослый для ученика.

— Пораскинь мозгами, Макс! У нас не хватит денег, чтобы заплатить за обучение на курсах даже одного из нас — да и «Асгарду» не требуются ученики. Мы превратимся в опытных астронавтов, членов одной из гильдий, с документами, подтверждающими это.

Когда слова Сэма проникли в сознание Макса, юноша был потрясен.

— Но ведь нас посадят за это в тюрьму!

— А где ты сейчас, малыш?

— По крайней мере не в тюрьме. И не собираюсь туда отправляться.

— Вся наша планета — большая тюрьма, к тому же переполненная. Какие у тебя надежды на будущее? Если ты не родился в богатой семье или в семье члена одной из гильдий, где членство передается по наследству, что тебе остается? Вступить в один из трудовых батальонов?

— Но ведь есть гильдии, где членство не является наследственным.

— А у тебя есть деньги на вступительный взнос? Тебе остался год, может быть, два, и ты окажешься слишком старым для обучения профессии. Если у тебя ловкие руки и ты умеешь обращаться с картами, то можешь выиграть необходимую сумму, — а как ее честно заработать? Да никак! Твой отец мог бы сберечь необходимую сумму для своего сына, — вместо этого он оставил тебе ферму. — Сэм замолчал и грустно посмотрел на Макса. — Слушай, малыш, я дам тебе хороший совет. Твой отец все-таки не оставил тебя без наследства. С деньгами, полученными от гильдии астрогогаторов, ты можешь вернуться домой, нанять хорошего адвоката и отнять у этого Монтгомери то, что он сумел получить за ферму, фактически принадлежавшую тебе. Тогда тебе удастся заплатить вступительный взнос в одну из гильдий. Давай, малыш, действуй. Я не буду стоять у тебя на пути.

Макс задумался. Всего час назад он отказался от великодушного предложения верховного секретаря гильдии приобрести профессию, и вот теперь Сэм делает ему аналогичное предложение. Может быть, стоит подумать?

— Нет, Сэм. Мне хочется в космос. Этот... этот твой план... Как ты собираешься осуществить его?..

Сэм договорился с Перси, что он с Максом снимет небольшую комнатку над рестораном. Он часто уходил куда-то, всякий раз захватывая с собой часть денег Макса. Когда юноша запротестовал, Сэм устало сказал:

— Ну что ты хочешь от меня, малыш? Чтобы я оставил тебе сердце в залог? Или ты хочешь сопровождать меня и испортить этим всю затею? Те, с кем я имею дело, тоже подвергаются риску. А может быть, ты сам хочешь взяться за это? Наши доли равны: твои деньги — мои связи.

В тот раз Макс смотрел ему вслед с немалыми сомнениями, но Сэм вернулся. Он привел с собой огромную толстую женщину, которая бесцеремонно устала на Макса, словно он был скотиной, выставленной на продажу. Сэм повернулся к ней и спросил:

— Ну как? Мне казалось, что усы сделают его старше.

Женщина взглянула на Макса с одной стороны, потом с другой.

— Нет, — решила она после некоторых колебаний, — усы придадут ему что-то театральное, он будет выглядеть, как участник самодеятельного спектакля.

Она протянула руку и коснулась головы Макса холодными влажными пальцами. Тот вздрогнул, и женщина укоризненно покачала головой.

— Не надо путаться, миленький. Тетя Бекки поработает с тобой. Нет, обойдемся без усов. Сдвинем назад линию волос у висков, разредем на макушке и устраним их юношеский блеск. Затем едва заметная татуировка вокруг глаз заменит морщины. Гм... пожалуй, этого хватит. Не надо заходить слишком далеко.

Когда толстая женщина, оказавшаяся незаурядным профессионалом, закончила работу, Макс выглядел лет на десять старше. Бекки спросила, оставить тусклый цвет волос навсегда, умертвив корни, или он хочет, чтобы через некоторое время блеск волос вернулся? Сэм попытался было настаивать, чтобы волосы остались тусклыми навсегда, но женщина отмахнулась от него.

— Я дам ему бутылку чудодейственного эликсира — бесплатно. Это обыкновенный спирт, и пусть он втирает его в волосы. Ну, как ты думаешь, красавчик? Ты слишком юный, чтобы преждевременно старить тебя навсегда.

Макс взял бутылку эликсира. «Гарантирует восстановление блеска, в противном случае вам вернут деньги».

Затем Сэм забрал удостоверение личности Макса, ушел и вернулся с другим, где были указаны его имя, но иной возраст; его номер социального страхования, но другая профессия, отпечаток большого пальца Макса и совершенно незнакомый адрес.

Юноша с любопытством посмотрел на документ.

— Выглядит настоящим.

— Еще бы. Тот, кто сделал его, занимается изготовлением настоящих, однако за этот документ он требует дополнительную плату.

Вечером Сэм принес Максу книгу под названием «Хозяйственное обеспечение на борту космического корабля» с печатью гильдии космических стюардов, поваров и интендантов.

— Постарайся прочитать за ночь и запомни как можно больше. Человек, которому Перси подлил наркотик в стакан бренди, не проспит больше десяти часов, так что справочник нужно вернуть как можно раньше. Дать тебе таблетку, чтобы не заснул?

— Не надо, пожалуй.

Макс перелистал книгу. Она была очень толстой и напечатана мелким убористым шрифтом. Юноше пришлось изрядно поднапрячься, но к пяти утра он закончил чтение. Макс разбудил Сэма, вручил ему книгу и лег спать. Сон его был неспокоен. В голове крутились сведения о размещении и закреплении груза, инерции особенно тяжелых контейнеров, расчеты их массы, техника гидропоники, грузовые манифесты, бланки таможен, меню, сохранение и приготовление пищи, ежедневные, недельные и месячные счета, а также методы избавления от крыс в корабельных помещениях, которые нельзя очистить от грузов. Совсем несложно, решил Макс — и с удивлением подумал, что такие простые вещи считаются доступными лишь посвященным.

На четвертый день пребывания Макса в комнате над рестораном Перси Сэм принес юноше одежду — отнюдь не новую, — которую ему предстояло носить на корабле, и вручил потрепанную личную книжку в обложке из пластикожи. На первой странице указывалось, что Максимилиан Джонс является членом гильдии

стюардов, поваров и интендантов и был принят в нее после успешного завершения обучения. Далее перечислялись его профессиональные качества и отмечалась регулярная уплата членских взносов за каждый квартал в течение семи лет. Над подписью верховного стюарда стояла собственная подпись Макса, и сверху красовалась рельефная печать гильдии. На последующих страницах перечислялись совершенные полеты, уровень квалификации и другие данные. Под каждой записью стояла подпись первого офицера и интенданта соответствующего космического корабля. Макс с интересом заметил, что во время пребывания на «Сигнисе» его оштрафовали за курение в неположенном месте, а однажды ему позволили в течение шести недель практиковаться в профессии вычислителя курсов, после того как он заплатил немалую сумму гильдии вычислителей и программистов за эту попытку.

— Тебе здесь ничего не кажется странным? — спросил Сэм.

— Да все не слишком понятно.

— Тогда слушай. Здесь, в твоей личной книжке, говорится, что ты летал на Луну. Но на Луне побывали почти все. Однако корабли, на которых ты служил, как правило, были устаревшими и теперь списаны, а интенданты, под начальством которых ты летал, сейчас находятся в разных концах Галактики. Единственный космический корабль, на борту которого тебе приходилось преодолевать гиперпространство, погиб уже во время следующего рейса, когда ты успел перейти на другой корабль. Теперь понимаешь?

— Да.

— Когда ты будешь беседовать с астронавтами — не имеет значения, на каком корабле служил тот или иной — всякий раз это будет тот, с кем тебе не приходилось летать вместе. Кроме того, свою личную книжку ты покажешь только интенданту и своему боссу.

— А вдруг они служили на одном из тех кораблей, что указаны в моей личной книжке?

— Нет. Мы провели самую тщательную проверку. А сейчас мы с тобой пойдем и гульнем как следует. Будешь пить только теплое молоко — ведь у тебя язва желудка — и не забудь устраивать скандал всякий раз, когда тебе его не подадут. Говори только о своей

болезни. С самого начала тебе придется создать репутацию неразговорчивого парня. Это лучше всего — трудно проболтаться, если ты все время молчишь. И следи за собой — тебя весь вечер будут окружать астронавты. Если что-нибудь напутаешь, я оставляю тебя на Земле и улечу один. Ну-ка пройдишь. Посмотрю, чему ты научился.

Макс встал и прошелся по комнате, имитируя походку астронавта.

— Как же так, малыш, — упрекнул его Сэм, — ты все еще ходишь как крестьянин. Старайся переставлять ноги так, чтобы не создавалось впечатления, что ты ступаешь по бороздам.

— Неужели все еще плохо?

— Ничего не поделаешь. А теперь хватай шапку, малыш. Будем ковать железо, пока горячо, и одолевать реки, когда подвернутся мосты. Пошли.

Глава 6

«АСТРОНАВТ» ДЖОНС

«Асгард» должен был взлететь на следующий день.

Макс проснулся рано и попытался разбудить Сэма, но это оказалось нелегко. Наконец он сел в кровати.

— О, моя голова! Который час?

— Скоро шесть.

— И ты разбудил меня? Только болезненное состояние удерживает меня от того, чтобы отправить тебя к предкам. Ложись спать!

— Но сегодня решающий день!

— Ну и что? «Асгард» отправляется в полдень. Мы явимся на корабль в последнюю минуту. Это не даст тебе возможности передумать.

— Сэм, но откуда ты знаешь, что нас возьмут?

— О Господи! Все организовано. А теперь заткнись. Иди вниз и позавтракай — только ни с кем не разговаривай. Если ты мне друг, то принеси кофейник с горячим кофе в десять часов.

— А завтрак?

— Не говори о еде в моем присутствии. Прояви элементарное уважение. — И Сэм накрылся одеялом с головой...

Была почти половина двенадцатого, когда они подошли к воротам космопорта; спустя десять минут автобус

остановился у корабля. Макс посмотрел на гигантские борта космолета, и тут раздался голос дежурного члена экипажа, стоявшего у дверей лифта со списком в руке:

— Фамилии?

— Андерсон.

— Джонс.

Он пометил их фамилии в списке.

— Заходите. Надлежало прибыть на корабль час назад.

Все трое забрались в клетку лифта; она оторвалась от земли и начала подниматься вверх, раскачиваясь, как ведро в колодце на длинной веревке.

Сэм посмотрел вниз и вздрогнул.

— Никогда не отправляйся в полет в хорошем настроении, — шепнул он Максусу. — Иначе тебе не захочется улетать.

Клетка лифта поднялась внутрь корабля; дверь шлюза захлопнулась, и они ступили на борт «Асгарда». Макс дрожал от волнения. Он ждал, что первый офицер представит их команде, как этого требовали правила, однако все оказалось намного проще. Встречавший их дежурный сказал, чтобы они следовали за ним, и повел в кабинет корабельного интенданта. Там главный клерк заставил их расписаться в журнале и оставить отпечатки пальцев. Во время этой процедуры он все время зевал и постукивал ручкой по выступающим вперед, как у кролика, зубам. Макс сдал свою личную книжку; ему казалось, что с первого взгляда на нее всем станет ясно, что она фальшивая. Однако мистер Кайперс небрежно смахнул ее в корзинку с остальными документами и подозрительно посмотрел на Макса и Сэма.

— Вы прибыли на корабль, где дисциплина поддерживается на высоком уровне, а вы начали с того, что едва не опоздали к взлету. Плохое начало, очень плохое.

Сэм промолчал, а Макс пробормотал:

— Да, сэр.

— Положите свои вещи, пообедайте и вернитесь сюда за дальнейшими указаниями, — продолжал главный клерк. Он повернулся и взглянул на схему, висящую на стене. — Один из вас будет спать в каюте Д-112, другому отводится Е-009.

Макс хотел спросить, как им найти свои каюты, но рука Сэма сильно сдавила ему локоть, и они вышли в

коридор. Очутившись за дверью каюты мистера Кайперса, Сэм сказал:

— Никогда не задавай вопросов, если это не вызывается крайней необходимостью. Сейчас мы находимся на палубе «Б» — это все, что нам нужно знать.

Они подошли к трапу и начали спускаться вниз. Внезапно Макс почувствовал какую-то тяжесть.

— Все, люки закрыты, — усмехнулся Сэм. — Скоро взлетаем.

Скоро они нашли каюту Д-112 — просторный кубрик с восемью койками, из которых семь было занято. Сэм показал юноше, как поставить замок на единственный свободный шкафчик, и в этот момент из громкоговорителя донеслась какая-то команда. Макс ощутил головокружение, ему показалось, будто его вес начинает меняться. В следующее мгновение все прекратилось.

— Что-то они не торопятся синхронизировать силовое поле, — заметил Сэм, — или у этого корыта плохо отрегулирован фазовый генератор. — Он хлопнул Макса по спине. — Все, малыш, полный успех. Мы в космосе.

Гигантский корабль мчался в космическом пространстве, набирая скорость.

Кубрик Е-009 был расположен на одну палубу ниже и на дальней стороне корабля. Оставив там вещи Сэма, друзья отправились на поиски столовой. Сэм остановил проходившего мимо помощника механика.

— Послушай, приятель, мы только что прибыли на борт. Где здесь кают-компания экипажа?

— По часовой стрелке примерно восемьдесят, на этой палубе. — Он окинул новичков взглядом. — Только что, а? Ну ничего, быстро привыкнете.

— Неужели так плохо?

— Хуже. Сумасшедший дом в квадрате. Если бы не семья, я остался бы на Земле. — Он повернулся и скрылся за поворотом коридора.

— Не обращай внимания, малыш, — посоветовал Сэм. — Все ветераны любят говорить, что служат на худшем корабле во всем космофлоте. Им хочется похвастаться.

Однако скоро они убедились, что помощник механика не преувеличивал — окошко камбуза закрылось ровно в полдень, сразу после взлета. Макс уже примирился с тем, что придется поголодать в ожидании ужина, но Сэм решительно открыл дверь камбуза — и скоро вышел с двумя полными подносами. Они сели за пустой стол и принялись за еду.

— Как тебе удалось добыть еду? — удивился Макс.

— Тебя накормит любой кок, если ты начнешь с того, что скажешь, какой ты кретин и почему он имеет право оставить тебя голодным.

Обед оказался превосходным — отличные говяжьи котлеты, овощи из гидропонных огородов корабля, пшеничный хлеб, пудинг и кофе. Макс быстро покончил со своей порцией и задумался, не попросить ли добавки. В конце концов он решил не рисковать. Вокруг сидели другие члены экипажа и разговаривали. Один раз Макс попал в опасное положение, когда какой-то программист поинтересовался, чем он занимался во время своего предыдущего полета. Сэм пришел на помощь.

— Экспедиция имперского флота, — коротко бросил он. — Глубокая разведка. Мы оба дали подписку о неразглашении.

Программист понимающе ухмыльнулся.

— В какой же тюрьме вы отбывали срок? Имперский совет не проводит секретных экспедиций уже несколько лет.

— Наша была настолько секретная, что они забыли тебя предупредить. Напиши им письмо и поинтересуйся подробностями. — Сэм встал. — Ты уже закончил, Макс?

По пути к каюте интенданта Макс гадал, какое задание будет ему поручено, перебирая в уме различные профессии. Как оказалось, он беспокоился напрасно. Мистер Кайперс, не обращая ни малейшего внимания на юридические тонкости, назначил Макса рабочим корабельного зверинца.

«Асгард» представлял собой грузопассажирский лайнер. На его борту находились племенные представители герефордской породы — два быка и две дюжины коров, а также самые разные животные, предназначенные для колоний: свиньи, куры, овцы, пара ангорских коз, а также несколько гуанако. Распространение зем-

ной фауны на других планетах противоречило имперской политике колонизации; считалось, что при ведении хозяйства колонисты должны обходиться местной флорой и фауной. Однако некоторые животные использовались человеком так долго, что заменить их экзотическими видами было непросто. На гамма Леонис VI(б) — Новом Марсе — гигантские ящерицы, известные местным жителям как «смешноголовые», сумели успешно заменить тяжеловозов-першеронов в качестве тягловых животных, причем оказались более сильными и требовали меньше ухода; но людям они почему-то не нравились. Между ящерами и людьми не было взаимного доверия, издавна существовавшего между лошадьми и людьми; представлялось наиболее вероятным, что если между ящерами и людьми не установится более тесный контакт и взаимная любовь, — а в это слабо верилось, — то в конце концов ящеры вымрут и их заменят лошадьми.

Среди других обитателей зверинца были английские воробьи. Макс так и не удалось выяснить, зачем и кому понадобились эти маленькие, неопрятные, шумные, питающиеся отбросами птицы, да и сложные математические уравнения, на основании которых было решено, что воробьи где-то необходимы, казались ему недоступными. Впрочем, Макс не слишком задумывался об этом. Он просто кормил их и старался содержать клетку в чистоте.

Кроме того, на «Асгарде» жили кошки. Большинство этих животных были свободными гражданами и членами экипажа; на них была возложена задача бороться с крысами и мышами, пробравшимися в космос вместе с людьми. Одной из обязанностей Макса было регулярно менять ящики с песком на каждой палубе и относить грязные ящики для переработки в отделение, где стояли окислительные аппараты. Несколько кошек принадлежали пассажирам и были несчастными обитателями зверинца. Жили здесь и собаки пассажиров: им не разрешалось бегать по кораблю.

Максу хотелось взглянуть на исчезающий диск Земли, но это была привилегия пассажиров. То короткое время, когда это еще было возможно, он провел, таская охапки зеленого сена тимофеевки из гидропонического огорода корабля, одновременно служащего источником

кислорода и поглощающего углекислый газ, и занимаясь чисткой зверинца. Нельзя сказать, что Максу нравилась порученная работа; он был к ней равнодушен. По чистой случайности юноша занимался тем, с чем был хорошо знаком с раннего детства.

Его непосредственным начальником был старший корабельный стюард мистер Джиордан. Хозяйственные заботы на борту корабля он делил с мистером Дюмоном, старшим пассажирским стюардом; граница между их участками проходила по палубе «В». Таким образом, в сферу деятельности мистера Дюмона попадали каюты пассажиров и офицеров, служебные помещения, службы связи и управления, тогда как Джиордан нес ответственность за все, находящееся ниже, ближе к корме, за исключением машинного отделения, — кубрики экипажа, столовая и камбуз, складские помещения, зверинец, палуба, где размещались гидропонические сады и огороды, а также грузовые трюмы. Оба старших клерка подчинялись корабельному интенданту, который в свою очередь исполнял распоряжения первого офицера.

Организация жизни на межзвездных лайнерах во многом походила на распорядок военных кораблей и океанских лайнеров далекого прошлого. В значительной степени, однако, на это влияли обстоятельства, возникшие во время межзвездных перелетов. Первый офицер руководил кораблем, и капитан — особенно опытный — не вмешивался в его деятельность. Капитан, являющийся по закону полноправным повелителем своего крохотного мира, устремлял свой взгляд за пределы корабля, тогда как первый офицер занимался внутренними делами. Пока все шло хорошо, капитан интересовался лишь управлением корабля и астрогацией, а первый офицер — всем остальным. Даже астрогаторы, связисты, вычислители и программисты подчинялись первому офицеру, хотя на практике они не имели к нему ни малейшего отношения, потому что на вахте в «беспокойной дыре» руководствовались указаниями капитана.

Старший инженер корабля тоже подчинялся первому офицеру, но на деле он тоже был почти независимым повелителем. На космическом корабле с отличной дисциплиной и отработанной системой командования его машинное отделение находилось в таком превосходном

состоянии, что первому офицеру не приходилось заботиться о нем. Старший инженер нес ответственность не только за исправность корабельного двигателя и импеллеров Хорста — Конрада, но и за функционирование всех вспомогательных систем независимо от их местонахождения — например, вентиляторов и насосов гидропонических устройств, несмотря на то что гидропоническими фермами и сбором урожая руководил корабельный интендант со своими старшими клерками.

Такой была обычная организация жизни на грузопассажирских лайнерах, совершавших рейсы между звездами. Она несколько отличалась от распорядка на военных кораблях и уж никак не походила на жесткую дисциплину мрачных транспортов, используемых для пересылки заключенных и нищих на отдаленные колонии — здесь интендантский отдел состоял из одного или максимум двух клерков, а всю остальную работу делали пассажиры — убрали, грузили контейнеры, готовили пищу и так далее. На борту «Асгарда» находились пассажиры, оплатившие свой проезд, причем состояние некоторых измерялось миллионами, поэтому они вправе были ожидать роскошного обслуживания, даже если бы пришлось провести в космосе несколько световых лет. Из трех главных отделов на «Асгарде» — астрогационного, механического и интендантского — последний был самым большим.

Первым офицером можно было стать, пройдя различные служебные ступени — старший механик или корабельный интендант, но занять должность капитана мог только человек, являющийся по профессии астрогатором. Все офицеры были главным образом математиками, менеджерами или физиками, тогда как капитан обязательно должен был обладать математическим талантом астрогатора. На «Асгарде» первый офицер Уолтер, как это обычно бывало, занимал раньше должность корабельного интенданта.

«Асгард» представлял собой маленький мир, крошечную двигающуюся планету. Ее королем был капитан, бесполезной знатю — пассажиры, у нее были правящий и технический классы, а также угнетенные, которые носили воду и рубили дрова. Экологический баланс поддерживался с помощью гидропонической флоры и находящейся на борту фауны, а в машинном отделении

сияло миниатюрное солнце. По расписанию кораблю предстояло находиться в пути всего несколько месяцев, но «Асгард» мог оставаться в космосе неограниченное время. У шеф-повара могли кончиться запасы икры, но корабль никогда не будет испытывать недостатка ни в пище или воде, ни в воздухе, тепле или свете.

Макс вскоре понял, как ему повезло, что он оказался под начальством мистера Джиордана, а не старшего клерка Кайперса. Мистер Кайперс следил за каждым шагом своих подчиненных, тогда как мистер Джи редко заставлял свое жирное тело покидать комфортную каюту, служившую ему и офисом. Он был добродушным боссом — при условии, разумеется, что все шло так, как ему хотелось. Ему было нелегко заставить себя спускаться в зверинец; как только мистер Джи убедился, что Макс заботится о животных должным образом и поддерживает в зверинце чистоту и порядок, он перестал проверять его и лишь требовал, чтобы Макс ежедневно докладывал ему о том, как идут дела. Таким образом у мистера Джиордана оказалось немало свободного времени, которое он посвящал своему главному занятию — гнал самогон в чулане своей каюты, пользуясь для этой цели материалами, выращиваемыми в гидропоническом огороде, тоже находящемся в его ведении. Получаемый продукт он продавал членам экипажа. Макс, хранивший полное молчание, но прислушивавшийся ко всем корабельным сплетням, скоро узнал, что тайное производство самогона является обычной прерогативой старшего стюарда корабля, на что закрывают глаза при условии, что старший стюард ведет себя достаточно осторожно и не превышает скромных масштабов производства. На корабле был, разумеется, винный погребок, но им пользовались только «звери» — членам экипажа доступ туда был закрыт.

— Однажды я летел на корабле, — рассказывал Сэм Макс, — где первый офицер оказался очень требовательным: разбил самогонный аппарат, разжаловал стюарда и заставил его мыть палубу, короче, попытался действовать строго по уставу. — Он замолчал, раскуривая сигару — подарок стюарда, ведающего прода-

жей газет и журналов. Они сидели в зверинце Макса, наслаждаясь отдыхом и болтая. — Ничего хорошего из этого не вышло.

— Почему?

— А ты пошевели мозгами. Необходимо соблюдать равновесие, малыш. Для каждого продукта, сбываемого на рынке, нужен поставщик. В этом все дело. Прошел всего месяц, и почти в каждом отделении корабля появился свой самогонный аппарат, так что команда просто не знала, куда обращаться за водкой, чтобы приобрести ее по нормальной цене. Более того, экипаж деморализовался так, что возникла серьезная опасность для корабля. Пришлось капитану откровенно побеседовать с первым офицером — и положение снова нормализовалось.

Макс задумался.

— Скажи, Сэм, ты и был этим корабельным стюардом?

— Я? Почему ты так подумал?

— Ну... тебе приходилось раньше бывать в космосе, ведь ты этого не скрываешь. Я просто подумал — ты никогда не говорил, в какой гильдии состоял, да и причину, по которой тебя списали на Землю, тоже скрывал. Наконец, почему иначе тебе пришлось подделывать документы, чтобы снова отправиться в космос? Впрочем, все это не мое дело.

Обычная для Сэма насмешливая улыбка исчезла, и его лицо стало грустным.

— Понимаешь, Макс, многое может случиться с человеком, когда он начинает думать, что весь мир у него в кармане. Вот у меня был друг, Робертс. Сержант имперской морской пехоты, отличный послужной список, совершил подлужины прыжков через гиперпространство, участвовал в сражениях и имел награды. Сообразительный парень, готовился стать мичманом. Но однажды опоздал к вылету корабля — провел слишком много времени за пределами Терры и решил отпраздновать возвращение. Ему бы явиться к начальству, покаяться, примириться с тем, что его разжалуют, и попытаться снова вскарабкаться наверх. Но у него в кармане все еще было немало денег. К тому времени, когда он протрезвел, было поздно. Прибыть в штаб и подвергнуться суду военного трибунала он побоялся. Что поделаешь, у каждого человека есть пределы мужества.

— Ты хочешь сказать, — произнес Макс, — что служил когда-то в морской пехоте?

— Ну что ты, дружище, ведь я рассказываю тебе об этом парне Робертсе, чтобы пояснить, что может случиться с человеком, который утратил бдительность. Впрочем, давай поговорим о более приятных вещах. Что ты собираешься предпринять дальше, малыш?

— Что ты имеешь в виду?

— Ну что ты будешь делать после того, как «Асгард» совершит прыжок через гиперпространство?

— А-а. Да ничего особенного, буду продолжать выполнять свои обязанности. Надеюсь стать старшим стюардом или старшим клерком — со временем.

Сэм укоризненно покачал головой.

— Подумай, о чем говоришь, приятель. Как ты думаешь, что произойдет, когда отчет о твоей службе на «Асгарде» будет послан в гильдию? А другой экземпляр попадет в департамент труда и гильдий?

— Что ты хочешь этим сказать?

— Сейчас объясню. Сначала, может быть, ничего не случится, возможно у тебя будет время, чтобы совершить еще один полет. Однако в конце концов бюрократические проволочки кончатся, чиновники сопоставят документы и увидят, что, хотя твой корабль характеризует тебя как опытного помощника стюарда, в архивах гильдии нет никакого Макса Джонса. Наступит день, когда ты прилетишь на Терру и у трапа корабля тебя будут ждать двое вооруженных клоунов, чтобы отвести в полицейский участок.

— А мне казалось, что все уладилось, Сэм!

— Успокойся, малыш, не надо волноваться. Посмотри на меня — я ведь сохраняю хладнокровие, несмотря на то что нахожусь точно в таком же положении. Даже в более худшем, потому что в прошлом у меня есть кое-что сомнительное. Что касается документов — так они в порядке, как я и обещал. Ведь ты на борту корабля, правда? Но вот что касается архивов, то нам понадобилось бы, дружище, заплатить в десять раз больше, чтобы подменить документы, хранящиеся в архивах гильдии; а уж если говорить о том, чтобы найти микрофильм в правительственных хранилищах в Нью-Вашингтоне — тот микрофильм, где хранится информация о тебе — и заменить его на другой, вот тут я

даже не знаю, с чего начать. Правда, если бы у нас было много денег, времени и необходимые связи, даже это возможно, хотя и крайне сложно.

Макс растерялся, как тогда, когда услышал от Монттомери, что ферма продана. Несмотря на то что на «Асгарде» он выполнял грязную физическую работу, юноше нравилось на корабле, и он не собирался покидать его. Макс нравился боссу, у него было немало друзей, и он впервые почувствовал себя как птица в родном гнезде. И вдруг гнездо распалось. Более того, он оказался в ловушке.

Макс побледнел. Сэм заметил это и успокаивающе положил руку ему на плечо.

— Перестань волноваться, малыш! Тебе ничто не угрожает.

— Меня посадят в тюрьму...

— Глупости! Какая еще тюрьма? Ты в полной безопасности до возвращения на Терру. Сойдешь на Землю с деньгами в кармане, и пройдут недели, может быть, даже месяцы, прежде чем кто-нибудь спохватится в штаб-квартире гильдии или в Нью-Вашингтоне. К этому времени ты сумеешь затеряться среди четырех миллиардов людей на Терре. Твое положение будет ничуть не хуже того, когда мы встретились, — помнишь, ведь ты хотел убежать от своих родственников, правда? — и к тому же ты совершишь полет к звездам. Будет о чем рассказать детям. А может статься, что тебя вообще никто не будет искать; какой-нибудь чиновник бросит отчет о твоей службе на «Асгарде» в мусорную корзину, чтобы не морочить себе голову. Есть еще выход — попытаться уговорить какого-нибудь клерка в службе мистера Кайперса потерять копии, вместо того чтобы отсылать их. Лучше всего поговорить с Нельсоном — у него жадный взгляд. — Сэм помолчал и добавил: — А то можешь последовать моему примеру.

Только часть сказанного Сэмом проникла в сознание Макса. Юноша задумался и понял, что его положение вовсе не так уж безнадежно. Совет Сэма относительно Нельсона представлялся ему разумным — Нельсон уже несколько раз намекал, что отметки о выполнении обязанностей помощниками стюарда иногда не соответствуют тем, что попадают в официальный отчет, — при определенных обстоятельствах, разумеется. Тогда юноша

отмахнулся, потому что сама идея фальсификации отчета ему не понравилась, да он и не умел давать взятки.

Наконец Макс отвлекся от своих мыслей и услышал последнее замечание Сэма.

— А что ты собираешься предпринять?

Сэм посмотрел на окурочек своей сигары.

— Я решил не возвращаться на Терру.

Чтобы понять это, не требовалось дополнительных разъяснений. Но по закону империи нарушение, о котором говорил Сэм, влекло за собой более серьезное наказание, чем подделка документов о членстве в гильдии. Дезертирство с корабля рассматривалось почти как государственная измена.

— А если точнее? — спросил Макс.

— Давай вспомним, где мы совершим посадки во время нашего полета. Планета Карсона — там города расположены под куполами, как на Луне и Марсе. В колонии, закрытой куполом, тебе придется подчиняться тому, что велят сильные мира сего — или перестать дышать. Можно попытаться спрятаться, изменить облик и стать другим человеком, но ты все равно будешь вынужден остаться под куполом. Не имеет смысла, даже на Терре больше свободы. Далее, ню Пегаси VI, Хальцион — там не так уж плохо, хоть и слишком холодно во время афелия. Но эти колонии все еще импортируют больше, чем экспортируют, так что имперские чиновники по-прежнему играют там главенствующую роль, и местные жители помогут в охоте за беглецом. Наконец, Новая Терра, бета Аквари X — вот это колонии, малыш, где можно легко найти убежище.

— Тебе уже приходилось бывать там?

— Один раз. Мне следовало бы остаться там. Представь себе, Макс, планету вроде Земли, только намного лучше. Более благоприятный климат, широкие плодородные степи... огромные леса, которые так и просятся, чтобы их спилили, дичь, прямо-таки прыгающая в котелок. Если тебе не нравится жить в поселении, то ты просто ищешь место, где нет соседей, сажаешь семена в почву — и поспешно отскакиваешь, потому что тут же появляются ростки. Никаких неприятных насекомых, практически отсутствуют земные болезни и нет местных заболеваний. Полноводные реки, спокойные моря. Поверь мне, малыш, там и нужно поселиться!

— Но разве оттуда нас не могут вернуть силой?

— Нет, для этого планеты слишком велики. Колонистам нужны еще поселенцы, и уж они никак не станут помогать имперским войскам. Имперский совет с трудом собирает с них налоги. А за пределами крупных городов они даже не будут пытаться арестовать дезертира. — Сэм ухмыльнулся. — И знаешь почему?

— Почему?

— Потому что командиры имперских войск понимают, что это обойдется им дороже. Ну представь, посылают солдата имперской пехоты в какой-нибудь медвежий угол, черт знает куда, с заданием арестовать дезертира. Пока он ищет беглеца, встречает белокурую дочь какого-нибудь колониста, которая строит ему глазки — на отдаленных планетах у колонистов как правило большие семьи, по восемь или девять детей, и среди них всегда есть красивые девушки, только и мечтающие о том, чтобы найти мужа. Не успеют в штабе и глазом моргнуть, как этот солдат уже отрастил бороду, сменил имя, женился и живет в самой глуши. Ведь солдат давно не был дома, к тому же холостяк, — а может быть, и женат где-то на Терре, но не хочет возвращаться. Как бы то ни было, имперский совет не может победить человеческую натуру.

— Я не собираюсь жениться.

— Это твое дело. Вся прелесть заключается в том, что на таких планетах чувствуешь себя свободным. Никаких налогов на недвижимое имущество — разве что в городах. Да никто и не будет платить налоги, — если уж припрет, то переселятся куда-нибудь подальше, а то и пристрелят налогового инспектора, если он слишком уж будет досаждать. Никаких гильдий — можешь пахать землю, пилить деревья или вырезать трубки, не спрашивая чьего-нибудь разрешения. Короче говоря, можешь делать все, что тебе на ум взбредет, и никому помешать. Никто не остановит тебя, не поинтересуется, состояли ли твои родственники в гильдии или нет, не скажет, что ты слишком молод или не заплатил вступительного взноса. Там столько работы, что не хватает рук, и колонисты не проявляют интереса к твоему прошлому.

Макс попытался представить себе такое и не смог; ему и в голову не приходило думать об этом.

— Но разве со стороны гильдий не поступает протестов?

— Каких гильдий? А, ты имеешь в виду правления, находящиеся на Земле? Ну как же, они пытались жаловаться, когда узнали о подобных нарушениях, но не получили поддержки даже со стороны имперского совета. Главари гильдий тоже не идиоты и понимают, что океан не вычерпать чайной ложкой.

— Значит, ты решил отправиться на одну из таких планет, — задумчиво произнес Макс. — Ну что ж, звучит великолепно.

— Да, решил. Там действительно здорово. У меня там была девушка — она вышла замуж: на далеких планетах рано заводят семьи, — но у нее есть сестры. Так вот, я принял решение и помогу тебе, если ты захочешь присоединиться ко мне. Как только мы совершим посадку, я свяжусь со знакомыми. Накануне вылета с планеты мне полагается увольнение, я выйду с корабля, проскочу через входную дверь космопорта и исчезну за горизонтом, так что даже следа не останется. К тому моменту, когда в журнале увольнений меня пометят как «опоздавшего на корабль», я буду находиться уже в сотнях миль от космопорта, на берегу журчащего ручья в девственной глуши, прислушиваясь к пению птиц, отращивая бороду и стараясь запомнить свое новое имя. Скажи, что готов последовать за мной, и ты будешь сидеть рядом, ловить рыбу и наслаждаться природой.

Макс беспокожно пошевелился. Картина, нарисованная Сэмом, пробудила в нем воспоминания детства на ферме, и он почувствовал такую тоску, какой давно не испытывал. И все-таки он не мог так легко отказаться от желания стать астронавтом.

— Дай мне время подумать, — пробормотал юноша.

— Конечно. У нас еще много времени — по крайней мере, несколько недель. — Сэм встал. — Пойду к себе, а то владыка Дюмон начнет искать меня. Скоро снова увидимся, малыш — и запомни, что сейчас нам в корму дует попутный ветер.

Глава 7

ЭЛДРЕТ

Исполняя свои обязанности, Макс не поднимался выше палубы «В», разве что в тех случаях, когда ему было нужно заменить ящики с песком для кошек, — он занимался этим еще до того, как встанут пассажиры, рано утром. Ему хотелось побывать в рубке управления, но такая возможность никак не представлялась, потому что рубка была расположена выше пассажирской палубы. Иногда хозяева семи собак и трех кошек, за которыми ухаживал Макс, навещали своих питомцев, и всякий раз юноша получал чаевые. Поначалу врожденная крестьянская гордость подсказывала, что ему следует отказаться от денег, но когда Сэм узнал об этом, то выругал его.

— Не будь дураком, малыш. Это богатые люди, и они могут позволить себе отблагодарить человека, ухаживающего за их любимцами. Какой смысл в твоём упрямстве?

— Но ведь я все равно прогуливаю их. Это моя работа, — ответил Макс.

Юноша, наверное, так и остался бы при своей точке зрения, но в конце первой недели мистер Джи поинтересовался, получает ли Макс чаевые, и даже назвал сумму, оказавшуюся близкой к действительной, — ста-

ло ясно, что он ожидает от подчиненного своей доли, как он сказал, для «благотворительного фонда».

Макс спросил о «фонде» у Сэма, и тот высмеял юношу.

— Очень любопытный вопрос. Есть еще похожие на этот?

— Нет, пожалуй, — пробормотал Макс.

— Слушай, малыш, ты мне нравишься. Ты еще не понял, что в Риме следует поступать по римским обычаям. У каждого племени свои традиции и то, что общепринято и даже поощряется в одном, запрещено в другом. В нашей Галактике существуют племена, где первый сыновний долг — умертвить своего отца, как только сын станет достаточно взрослым, чтобы взмахнуть дубинкой, и подать его мясо на праздничный стол. Учти, эти расы считаются цивилизованными и имперский совет поддерживает с ними дипломатические отношения. Как ты относишься к подобному обычаю?

Макс читал о таких расах — добрых Бнаторах, ненавидящих войны, или богатых гигантских амфибиях с Пальдрона, у которых было немало положительных черт, но доброта и милосердие к ним не относились. По-видимому, где-то в Галактике существовали и другие культуры. Макс решил, что не имеет права высказывать суждения о традициях рас, не принадлежащих к человеческой.

— Я был знаком со стюардами, по сравнению с которыми мистер Джи покажется филантропом. Посмотри на все с его точки зрения. Он рассматривает происходящее, как прерогативу своей должности, а вымогаемые деньги считает такой же справедливой частью дохода, как жалованье. Обычаи космофлота поддерживают его. Старшему стюарду понадобилось затратить много лет, чтобы достичь такой должности, и теперь он хочет получить вознаграждение.

Сэм, подумал Макс, может переубедить кого угодно.

И тем не менее юноша не мог признать доводы Сэма разумными; существовали правильные поступки и неправильные, причем это не зависит от того, где ты находишься. Он ощущал это с такой силой внутренней убежденности, что неунывающий Сэм со своим веселым цинизмом не сумел повлиять на него. Макса беспо-

коило, что он оказался на корабле обманным путем; он часто просыпался и думал об этом.

Но еще больше его беспокоило то, что мошенничество может быть раскрыто, и потому предложение Сэма не давало ему покоя.

Среди питомцев Макса в зверинце единственным существом инопланетного происхождения была молоденькая паукообразная обезьянка с планеты Геспера, напоминавшей Землю. Приступив к исполнению обязанностей на «Асгарде», юноша обнаружил обезьянку в клетке, предназначенной для кошек; на юношу смотрело маленькое, печальное личико.

— Привет, человек, — сказала обезьянка.

Макс знал, что некоторых паукообразных обезьян можно обучить примитивной человеческой речи, и тем не менее слова инопланетного существа застали его врасплох. Юноша отпрянул от клетки, но тут же взял себя в руки и повнимательнее взглянул на странное существо.

— Здравствуй, крошка, — ответил он. — Смотри-ка, да ты очень симпатичная обезьянка.

Инопланетное существо было покрыто густым мехом, который был темно-зеленым на спине, переходил в оранжевый на боках и становился кремовым на крошечном круглом брюшке.

— Хочу наружу! — заявила обезьянка.

— Извини, но я не имею права выпускать тебя. Кроме того, мне нужно работать, — объяснил Макс и прочитал табличку, прикрепленную к клетке: «Мистер Чипс. *Pseudocanis hexapoda hesperae*. Владелец — мисс Э. Кобурн, каюта А-092».

Далее следовали подробные указания о том, как ухаживать за маленьким существом и что оно ест. Юноша узнал, что Мистер Чипс ест личинок, запас которых находится в морозильнике Х-118, свежие фрукты и овощи и должен получать ежедневно капельку иода вместе с пищей, если в его рацион не входят водоросли или артишоки. Макс напряг память, вспомнил, что ему доводилось читать о маленьких обезьян-

ках, и пришел к заключению, что указания составлены верно.

— Пожалуйста, выпусти! — настаивал Мистер Чипс.

Против такой мольбы было трудно устоять. Никакая принцесса, молящая о спасении из каменной темницы, не смогла бы произнести эту фразу более трогательно. Отсек, где содержались кошки, был маленьким, и дверь запиралась. Может быть, Мистера Чипса и можно выпустить на прогулку, но попозже; сначала нужно убрать клетки других животных и задать корм скоту.

Когда Макс уходил из отсека, Мистер Чипс держался крохотными лапками за прутья клетки и плакал. Юноша оглянулся, и сердце его дрогнуло: на кончике смешной путовки носа висела капля. Действительно, оставить плачущую обезьянку было очень жалко. Макс уже накормил быков и коров, покончил с собаками и кошками. Теперь можно было поближе познакомиться с новым другом. Сначала юноша накормил Мистера Чипса — тот перестал плакать и снова принялся просить, чтобы его выпустили.

— Если я тебя выпущу, ты обещаешь сам вернуться в клетку? — спросил Макс.

Обезьянка задумалась. Поставленное условие, по-видимому, выходило за пределы семантического запаса крохотного мозга, потому что странное существо возобновило просьбы.

— Хочу наружу.

Макс решил рискнуть и открыл клетку.

Мистер Чипс тут же прыгнул ему на плечо и принялся обшаривать карманы.

— Конфетку! — протребовал Мистер Чипс. — Хочу конфетку!

Макс погладил обезьянку.

— Извини, приятель. Я не знал, что ты любишь конфеты.

— Конфетку!

— Нет конфетки.

Мистер Чипс лично убедился в этом, проверив все карманы, затем устроился на локте Макса, собираясь провести там по крайней мере неделю. Она ничуть не напоминает паука, подумал юноша, разве что шесть лап многовато для такого крохотного тельца. Пара верхних походила на маленькие руки, да и пользовалась ими

обезьянка как руками; средняя пара выполняла функции как рук, так и ног. Мистер Чипс действительно напоминал обезьянку, но вел себя совсем как кошка. Пах он довольно резко, но приятно, и казался очень чистым.

Макс попытался разговаривать с ним, но тут выяснилось, что интеллект Мистера Чипса крайне ограничен. Несомненно, он пользовался человеческими словами не механически, а вкладывал в них смысл, однако словарный запас был ничуть не больше, чем у ребенка, только начинающего ходить.

Когда Макс захотел вернуть его в клетку, наступило двадцать минут крайне оживленных упражнений, прерывающихся паузами, во время которых обе стороны выжидали и переводили дух. Мистер Чипс носился по клеткам, что вызывало истерику у нервных кошек. Когда наконец проказницу удалось поймать, она упиралась всеми лапами, цеплялась за юношу и рыдала. Макс стал расхаживать с ней, укачивая как ребенка, и в конце концов обезьянка уснула.

Тут юноша понял, что допустил ошибку. Теперь он уже не сможет выйти из помещения, не укачав обезьянку.

Интересно, подумал Макс, кто эта мисс Кобурн, значащаяся на табличке как хозяйка Мистера Чипса? Все хозяева собак и кошек навещали своих питомцев, только Мистер Чипс был исключением — к нему никто не приходил. Юноша представил себе сварливую старую деву, которой преподнесли обезьянку в подарок при расставании и которая не оценила очарования Мистера Чипса. По мере того как дружба с Мистером Чипсом становилась все более тесной, мнение Макса о мисс Кобурн падало все ниже и ниже.

«Асгард» находился в космосе уже более недели и всего несколько дней отделяло корабль от первого прыжка через гиперпространство, когда наконец представилась возможность сравнить воображаемую хозяйку Мистера Чипса с настоящей мисс Кобурн.

Макс занимался уборкой, Мистер Чипс сидел у него на плече и давал советы, когда из отсека, где находилась его клетка, донесся пронзительный крик:

— Мистер Чипс! Чипси! Где ты?

Маленькая обезьянка насторожилась и повернула голову. И тут в дверях появилась молодая девушка;

Мистер Чипс восторженно взвизгнул: «Эли!» — и прыгнул в ее объятия. Пока они обнимались, Макс смотрел на девушку. Шестнадцать, подумал он, или семнадцать. А может быть, даже восемнадцать лет, — как можно быть уверенным в возрасте женщин, когда они проводят столько времени перед зеркалом, занимаясь своей внешностью? И все-таки девушку нельзя было назвать красавицей, да и выражение ее лица ничуть не способствовало этому.

Девушка повернулась к Максу.

— Чем это вы занимаетесь с Чипси? Отвечайте!

Тон вопроса сразу не понравился юноше.

— Веду уборку помещения, — резко ответил он, — и прошу не мешать мне. — Макс наклонился и продолжал мести пол.

Девушка схватила его за руку и повернула к себе.

— Я вас спрашиваю! Отвечайте! Или... или я обо всем расскажу капитану!

Макс медленно сосчитал до десяти, затем, чтобы окончательно успокоиться, вспомнил первые десять семизначных логарифмов.

— Вы имеете на это полное право, мадам, — произнес он нарочито небрежно, — но сначала скажите, как вас зовут и что вы здесь делаете? Мне поручено следить за порядком в этих помещениях, и я несу ответственность за животных, являясь в данном случае представителем капитана. — Юноша правильно процитировал соответствующие статьи космического кодекса, хотя связь между ними была весьма натянутой.

На лице девушки появилось изумленное выражение.

— Я... я — Эдрет Кобурн! — выпалила она, словно это должно было быть известно каждому.

— И что вы здесь делаете?

— Пришла навестить Мистера Чипса, разумеется!

— Тогда все в порядке, мадам. Вы имеете право навещать своего питомца и оставаться с ним некоторое время. — Макс дословно цитировал отрывок из инструкции. — Затем запирайте его в клетке. Не беспокойте остальных животных и не давайте им никакой пищи. Таков приказ капитана.

Девушка открыла было рот и тут же прикусила губу. Обезьянка переводила взгляд с одного лица на другое и прислушивалась к разговору, смысл которого выходил

за пределы ее понимания, хотя она несомненно чувствовала неладное. Неожиданно Мистер Чипс протянул лапку и взял Макса за рукав.

— Макс, — трогательно произнесла обезьянка. — Макс!

И снова на лице девушки появилось изумление.

— Вас так зовут?

— Да, мадам. Макс Джонс. Думаю, что он пытается представить меня. Правда, дружище?

— Макс, — твердо заявил Мистер Чипс. — Элли.

Эддрет Кобурн опустила взгляд, затем посмотрела на Макса со смущенной улыбкой.

— Вы, по-видимому, успели подружиться. Пожалуй, я погорячилась. Это мой большой недостаток.

— Ничего страшного, мадам. Думаю, вы не хотели оскорбить меня.

Голос юноши звучал все еще непримиримо, и девушка поспешно продолжила:

— Нет, я знаю, что разговаривала с вами недопустимо грубо. Извините меня — я всегда прошу прощения слишком поздно. Дело в том, что я увидела открытую дверцу в клетке Мистера Чипса и страшно испугалась. Я подумала, что он убежал.

Макс нехотя улыбнулся.

— Понимаю, мадам, и ничуть не виню вас. Вы действительно очень испугались.

— Вот именно — очень. — Девушка посмотрела в лицо юноше. — Чипс зовет вас Максом. Можно и я буду так называть вас?

— А почему нет? Все так зовут меня — это мое имя.

— А вы называйте меня Эддрет, Макс. Или просто Элли.

Девушка играла со своей обезьянкой, а Макс заканчивал уборку зверинца. Наконец она неохотно произнесла:

— Пожалуй, мне пора идти, иначе меня хватятся.

— Вы будете приходить к нам?

— Ну конечно!

— Гм... мисс Эддрет...

— Элли!

— Можно задать вам вопрос? — спросил Макс. — Может быть, это не мое дело, но почему вы так долго

не приходили к Мистеру Чипсу? Обезьянка так скучала. Он думал, что вы бросили его.

— Не он, а она.

— Что?

— Мистер Чипс — девочка, — ласково сказала Элли. — Такую ошибку мог сделать кто угодно. Потом уже было поздно, потому что изменение имени запутало бы бедную обезьянку.

Крохотная обезьянка повернула веселое личико к мисс Кобурн и повторила:

— Мистер Чипс — девочка. Конфетку, Элли!

— В следующий раз, милая.

Макс в душе сомневался, что имя имеет какое-нибудь значение, потому что ближайшая паукообразная обезьянка находится в нескольких световых годах от корабля, но решил не поднимать этот вопрос.

— Вы не ответили мне, — напомнил он.

— А... Я была так рассержена, что готова была кусаться. Они не пускали меня.

— Кто «они»? Ваши родители?

— Нет. Капитан и миссис Дюмон.

Макс пришел к выводу, что получить от девушки вразумительный ответ ничуть не легче, чем от Мистера Чипса.

— Видите ли, меня доставили на борт корабля на носилках — какая-то лихорадка или пищевое отравление. Вряд ли это серьезно угрожало моему здоровью, потому что я крепкая. Но они заставили меня лежать в постели, а когда врач разрешил вставать, миссис Дюмон запретила спускаться ниже палубы «В». По ее мнению, это неприлично.

Макс мысленно согласился с этим; он уже убедился, что некоторые сослуживцы были грубыми и невоспитанными, хотя и сомневался, что они осмелятся побеспокоить юную девушку. Еще бы, капитан Блейн мог просто выбросить нарушителя за борт — и без космического скафандра к тому же.

— Так что мне пришлось улизнуть. Сейчас, наверное, меня уже ищут. Нужно возвращаться.

Это совсем не понравилось Мистеру Чипсу; обезьянка прижалась к девушке и отчаянно зарыдала, время от времени замолкая, чтобы вытереть слезы крохотными кулачками.

Макс посмотрел на Эддрет извиняющимся взглядом.

— Думаю, это я избаловал его. То есть ее.

И юноша объяснил, как возникла церемония укачивания обезьянки.

— Но мне действительно нужно возвращаться, — растерялась Эддрет. — Что же мне делать?

— Давайте посмотрим, может быть, он... она пойдет ко мне на руки.

Мистер Чипс радостно перепрыгнула из одних объятий в другие. Эддрет погладила обезьянку и убежала, а Максусу пришлось ходить с Мистером Чипсом дольше, чем обычно, пока она не уснула. Макс подумал, не поддаются ли паукообразные обезьяны гипнозу — ритуал укачивания Мистера Чипса становился чересчур монотонным.

Эддрет пришла на другой день в сопровождении дуэньи — миссис Дюмон, не сводившей с Макса недоверчивого взгляда. Юноша был с ней вежлив и, обращаясь к Эддрет, называл ее «мисс Кобурн». День спустя девушка пришла снова, на этот раз одна. Макс посмотрел на нее и с удивлением спросил:

— А где сопровождение?

— Мадам Дюмон поговорила с мужем, — хихикнула Эддрет, — а тот вызвал вашего босса-толстяка. Они посоветовались и пришли к выводу, что вы настоящий маленький джентльмен, совершенно неопасный. Как вам это нравится?

Макс задумался.

— Вообще-то я убийца и расчленяю свои жертвы топором, но сейчас у меня отпуск.

— Приятно слышать. А что это у вас?

Перед юношей стояли трехмерные шахматы. Макс играл в них со своим дядей, поскольку все астрогаторы увлекались этой пространственной игрой. Прибыв на «Асгард», Макс сразу увидел, что в трехмерные шахматы играют кое-кто из вычислителей и программистов. Поняв, что у него найдутся партнеры, юноша из своих чаевых купил в корабельной лавке дешевый комплект. У этих шахмат не было сигнальных лампочек или устройства для дистанционного управления. Они представляли собой всего лишь прозрачные плоскости и фигуры, штампованные, а не резные. Но и так можно было заниматься этой увлекательной игрой.

— Это геометрические шахматы. Видели когда-нибудь?

— Да. Но я не знала, что вы умеете в них играть.

— Почему? Играете в обычные шахматы — на одной плоскости?

— Доводилось.

— В принципе это одно и то же, только в пространственных шахматах больше фигур, и передвигаются они еще в одном измерении. Смотрите, как просто.

Девушка села перед Максом на палубу, скрестив ноги, и он стал объяснять:

— Вот грузовые роботы... пешки. Они могут превратиться в любую фигуру, как только достигнут края. Эти четыре — звездные корабли, лишь им разрешается делать необычные ходы; они похожи на коней в обычных шахматах. Звездным кораблям можно перемещаться из одного измерения в другое, переходя на другой уровень, причем переход должен быть связан вот с этим... и с этим. А вот имперский флагманский корабль; ему необходимо сделать мат, чтобы одержать победу. Далее...

Макс и Эддрет сыграли разок, чтобы потренироваться. Самое активное участие в игре принимала Мистер Чипс, которой нравилось передвигать фигуры, не обращая внимания на то, чей ход.

— У вас получается совсем неплохо, — заметил юноша.

— Спасибо.

— Правда, настоящие игроки пользуются четырехмерными шахматами.

— А вы?

— Знаете, нет. Однако надеюсь когда-нибудь научиться. Нужно только не забывать про еще одно пространственное измерение. Мой дядя играл совсем неплохо. Он даже собирался научить меня, но не успел.

И неожиданно для себя самого Макс рассказал о дяде, однако вовремя сумел удержаться и не пожаловался на то, как был разочарован.

Эддрет взяла одну из фигур — звездный корабль.

— Скажи, Макс, — девушка внимательно посмотрела на него, — мы ведь скоро совершим первый прыжок через гиперпространство, правда?

— Который теперь час?

— Сейчас посмотрю... Уже шестнадцать часов двадцать одна минута. Как быстро бежит время. Мне пора.

— Если верить расчетам вычислителей, осталось тридцать семь часов и семь минут.

— Гм... по-видимому, ты разбираешься в этом. Ты не мог бы сказать мне, что при этом произойдет? Я слышала, как астрогогатор за нашим столом говорил о прыжке, но ничего не поняла. Значит, мы вроде ныряем в космический водоворот, верно?

— Нет, не в космический водоворот. Это глупое выражение — космос не искривляется, если не считать те места, где математическое число «пи» не равняется 3,1415926535897932384624338327 и так далее, как будто внутри атомного ядра. Но мы летим по направлению к месту, где пространство по-настоящему плоское, а не слегка искривленное, как это случается рядом со звездой. Аномалии всегда плоские, иначе они не смогут совместиться, стать конгруэнтными.

На лице девушки появилось озадаченное выражение.

— Какими-какими?

— Послушай, Эддрет, как у тебя с математикой?

— У меня? Не сумела справиться с неправильными дробями. Мисс Мимси очень на меня сердилась.

— Что это за мисс Мимси?

— Это директор школы для молодых дам, так что я, как видишь, сохраняю полную объективность. — Девушка состроила забавную гримасу. — Но ведь и ты говорил мне, что учился всего лишь в сельской средней школе и даже не сумел закончить ее.

— Это верно, но я многому научился у своего дяди. Он был великим математиком. Его именем не названы теоремы, и все-таки он был великим математиком, по моему. — Макс сделал паузу. — Я не знаю, как это тебе объяснить; необходимо прибегнуть к уравнениям. А, придумал! Ты можешь дать мне этот шарф?

— Да, конечно, — Эддрет сняла с шеи шарф.

Он представлял собой тонкую ткань с напечатанным фотоспособом изображением Солнечной системы — сувенир празднования юбилея Солнечного Союза. В середине шарфа виднелось Солнце с расходящимися лучами, окруженное орбитами планет Солнечной системы, да еще с несколькими пролетающими кометами. Масштаб был очень приблизительным, и шарф был

совершенно бесполезен в качестве структурной модели, но ничего лучшего у Макса не было. Юноша расправил шарф и показал пальцем:

— Вот Марс.

— Ты прочитал название, — хихикнула Эддрет. — Пытаешься провести меня, да?

— Помолчи минуту. А вот Юпитер. Чтобы попасть с Марса на Юпитер, нужно пролететь отсюда сюда, правда?

— Разумеется.

— Но если я сложу шарф так, что Марс окажется прямо на Юпитере? Что помешает тебе просто шагнуть с одной планеты на другую?

— Да ничего, по-моему. Но то, что получается с шарфом, не выходит в действительности. Ты согласен?

— Да, особенно вблизи звезд. Но стоит удалиться от звезды на порядочное расстояние, принцип действует великолепно. Видишь ли, в этом и заключается аномалия, — когда пространство сложено и расстояние полностью исчезает.

— Значит, космос искривлен.

— Нет, я тебе говорю! Смотри, я всего лишь сложил твой шарф. Я не растянул его и не нарушил его форму, даже не смял. Вот и космическое пространство точно такое же — оно сжимается подобно комку ненужной бумаги — не искривляется, а просто сжимается. Разумеется, через дополнительные измерения.

— Не понимаю, почему «разумеется».

— Математика гиперпространства очень проста, но о ней трудно говорить, потому что ты не представляешь себе само пространство. Космос — наш космос — можно сжать до таких размеров, что он поместится в кофейной чашке, да-да, в кофейной чашке, все сотни тысяч световых лет. Конечно, речь идет не об обычной кофейной чашке, а четырехмерной.

Девушка вздохнула.

— Я не понимаю, как вместить в четырехмерную кофейную чашку обычный кофе, не говоря уж о целой Галактике.

— Это не составит никакого труда. Ведь ты можешь зафиксировать свой шарф в наперсток, верно? И здесь тот же принцип. Но позволь мне закончить. Принято считать, что невозможно превзойти скорость света, по

крайней мере не в нашем космическом пространстве. Это одновременно верно и неверно. Это...

— Как может принцип быть одновременно верным и неверным?

— В этом и заключается одна из аномалий Хорста. Невозможно двигаться со скоростью, превышающей скорость света в нашем космосе. Если такое произойдет, ты вылетишь за его пределы. Но, если превзойти скорость света там, где пространство сжато и конгруэнтно, ты снова появишься в нашем космосе, — но уже на огромном расстоянии от исходной точки. Насколько велико это расстояние, будет зависеть от того, как сложено пространство. А это в свою очередь зависит от массы в пространстве; они связаны между собой очень сложным образом, который нельзя объяснить словами, но можно рассчитать.

— Предположим, ты совершишь это в любом месте?

— Так произошло с первыми астронавтами, попытавшимися прибегнуть к такому способу перемещения в пространстве. Они не вернулись. Именно поэтому разведывательные полеты так опасны; исследовательские корабли сталкиваются с аномалиями, свойства которых были рассчитаны, но не испытаны на практике. Поэтому астронавтам и платят так много. Им приходится направлять корабль в место, которое они не видят, вести корабль со скоростью, едва уступающей скорости света, и делать это в совершенно точно рассчитанный момент. Стоит ошибиться на ничтожную величину или попытаться срезать путь, основываясь на неопределенности, — и произойдет катастрофа. Сейчас мы мчимся с ускорением в двадцать четыре «g» с того самого момента, как покинули пределы атмосферы, но не замечаем этого, потому что заключены в поле разрывности с искусственной силой тяготения в одно «g», то есть равной земной. Это тоже одна из аномалий. Но мы уже приближаемся к скорости света, к пределу Эйнштейна; очень скоро мы рванемся вперед подобно тому, как выпрыгивает арбузное семечко, сжатое между большим пальцем и указательным, и появившись из гиперпространства недалеко от тета Центавра на расстоянии в пятьдесят восемь световых лет. Все очень просто, если расчеты сделаны верно.

Эддрет вздрогнула.

— Ты хочешь сказать, если мы выйдем из гиперпространства.

— Ну что ж... можно выразить мою мысль и таким образом. Но прыжки через гиперпространство все-таки менее опасны, чем путешествия на вертолете. Ну рассуди сама; если бы не было аномалий, мы бы никогда не сумели достичь звезд — расстояния слишком велики. Но, оглядываясь назад, мы видим, что вся эта пустота не может быть реальной — аномалии не могли не существовать. Именно это любил говорить мой дядя.

— Надеюсь, он был прав, хотя я и не понимаю этого. — Девушка встала. — Но что я понимаю совершенно точно, так это то, что мне нужно мчаться галопом к себе в каюту, не то миссис Дюмон может передумать. — Она в последний раз приласкала Мистера Чипса и передала маленькую обезьянку Максу. — Будь другом, убаюкай ребенка.

Глава 8

ТРИ СПОСОБА ПРЕУСПЕТЬ

Макс хотел не спать во время первого прыжка, но все-таки заснул. Переход состоялся сразу после пяти утра по корабельному времени. Когда в шесть часов юношу разбудил сигнал подъема, все уже закончилось. Он поспешно оделся, проклиная себя за то, что проспал, и поспешил на верхние палубы. Пассажирские коридоры над палубой «В» были пустынные и тихи; даже те пассажиры, что вставали первыми, проснутся не раньше, чем через час. Макс вошел в гостиную и направился к смотровому иллюминатору, установленному здесь для пассажиров, любящих наблюдать открытый космос.

Звезды выглядели как обычно, однако знакомые с детства созвездия исчезли. Только Млечный путь, наша собственная Галактика, казалась неизменной — для этой гигантской звездной спирали диаметром в несколько сотен тысяч световых лет едва заметное перемещение меньше чем на шестьдесят световых лет было крайне незначительным.

Среди массы звезд выделялась одна исключительно яркая звезда бело-желтого цвета; Макс решил, что это и есть тета Центавра, солнце Планеты Карсона, их первая остановка. Опасаясь быть застигнутым на палубе для пассажиров, юноша ушел через несколько минут.

Ящики с песком, служащие поводом для прихода сюда, были заменены быстрее, чем обычно, и Макс успел вернуться в свой кубрик еще до сигнала на завтрак.

Перелет к Планете Карсона занял почти месяц, несмотря на мощную тягу двигателя Хорста — Конрада. Эддрет продолжала ежедневно навещать Мистера Чипса, беседовала с Максом, а также играла в трехмерные шахматы. Юноша узнал, что, хотя Эддрет родилась на Терре, в Окленде, ее домом была Геспера.

— Папа послал меня на Терру, чтобы там из меня сделали воспитанную леди, но из этого ничего не вышло.

— Что ты имеешь в виду?

Девушка усмехнулась.

— Я не поддаюсь воспитанию, именно поэтому меня и послали домой. Тебе шах, Макс. Чипси! Поставь фигуру на место. Мне кажется, что эта маленькая чертовка подыгрывает тебе.

Макс все лучше и лучше понимал, что представляет собой Эддрет. Школа мисс Мимси была третьей, из которой ее исключили. Ей не нравилась Земля, хотелось вернуться домой, и в каждой новой школе Эддрет терроризировала всех. Овдовевший отец девушки твердо решил дать ей «соответствующее» воспитание. Однако Эддрет занимала выигрышную стратегическую позицию, навязывала свою волю, и наконец адвокаты ее отца на Земле умыли руки и отправили ее домой.

Сэм опрометчиво попытался шутить над Максом относительно девушки.

— Ты уже успел назначить день?

— Какой день?

— Ну-ну, брось, малыш! Все на корабле знают об этом, — может быть, за исключением капитана. Зачем обманывать старого приятеля?

— Не понимаю, о чем ты говоришь.

— Учти, малыш, я не завидую, а восхищаюсь. Я никогда не осмеливался проложить подобную траекторию. Однако дедушка твердил мне, что есть три способа преуспеть: потом, старанием и талантом; родиться в богатой семье или, наконец, жениться на наследнице миллионера. Из всех трех способов последний самый простой — эй, сейчас же перестань! — Сэм поспешно отскочил на безопасное расстояние.

— Сейчас же возьми свои дурацкие слова назад!

— Забираю, Макс, забираю! Я ошибался. Но мои слова были вызваны только восхищением! Признаю, восхищение оказалось ошибочным. Я прошу прощения.

Несмотря на свой гнев, Макс улыбнулся. На Сэма было невозможно сердиться. Он, конечно, большой плут, наверное и дезертир, и уж точно порядочный циник, всегда ищущий собственную выгоду, но — что с ним поделаешь. Сэм был его другом.

— Я знал, что ты шутишь. Каким образом мог я рассчитывать жениться, когда мы с тобой собираемся...

— Говори тише, — прошептал Сэм. — Значит, ты уже принял решение?

— Да. Пожалуй, это единственный выход. Я не хочу возвращаться на Землю.

— Молодец! Ты не пожалеешь об этом. — Сэм задумался. — Нам понадобятся деньги.

— Ну что ж, у меня есть деньги. Я не получал жалованье и могу обратиться к интенданту.

— Не говори глупости. Если ты попытаешься взять денег больше, чем требуется на карманные расходы, тебя просто не пустят в увольнение и ты останешься на корабле. Но не беспокойся, копи чаевые, все, что оставляет тебе толстяк-стюард, да и я кое-что достану. Теперь моя очередь.

— Каким образом?

— Есть масса способов. Можешь не беспокоиться, я беру это на себя.

— Ну что ж... хорошо. Скажи, Сэм, что ты имел в виду, когда сказал, — ну, предположим, я действительно захочу жениться на Элли; разумеется, у меня нет таких планов, она просто хорошая девчонка, а я не стремлюсь к семейной жизни, — но предположим? Почему у всех такой интерес к этому?

На лице Сэма отразилось изумление.

— Ты что, вправду не знаешь?

— Чего не знаю? Тогда зачем мне спрашивать?

— Не знаешь, кто она такая?

— Элли? Ее зовут Эддрет Кобурн, и она возвращается домой на Гесперу, она колонистка. Ну и что?

— Бедняга! Значит, она не рассказывала тебе, что является единственной дочерью его верховного превосходительства генерала сэра Джона Фитцджеральда Кобурна, кавалера ордена Британской империи и многих

других орденов, имперского посла и постоянного полномочного представителя империи на Геспере.

— Неужели! Боже мой!

— Теперь понимаешь, малыш? Стоит тебе проявить хоть крохотную изворотливость — и ты станешь законным эмигрантом по крайней мере. Можешь выбрать любую планету, кроме Гесперы.

— Знаешь, Сэм, мне надоела эта болтовня!.. И все-таки она хорошая девушка.

— Это уж точно, — ухмыльнулся Сэм. — Как любил говорить мой дедушка, под лежащий камень вода не течет.

Эта новость расстроила Макса. Он знал, что Эддрет из зажиточной семьи — ведь она была пассажиркой, верно? Но огромное богатство не внушало юноше почтения, оставляло его равнодушным. Успех, которого сумел добиться его дядя, казался Максу куда более желанным. Однако мысль о том, что Эддрет принадлежит к самому высшему обществу и его, Максимилиана Джонса, считают охотником за ее состоянием, стремящимся занять место в высшем обществе, расстраивала юношу.

Он решил положить этому конец. Начал Макс с того, что специально долго возился в зверинце по утрам и потом мог честно сказать, что у него не осталось времени для игры в трехмерные шахматы. Тогда Элли стала помогать ему. Во время игры, от которой теперь он не мог отказаться, юноша попробовал поговорить с ней откровенно.

— Понимаешь, Элли, думаю, тебе не стоит приходить сюда и играть со мной в шахматы. Другие пассажиры тоже навещают своих питомцев и могут увидеть нас. Они будут распускать сплетни.

— Ну и пусть!

— Элли, я говорю совершенно серьезно. Мы с тобой знаем, что в этом нет ничего страшного, но как это выглядит со стороны?

Девушка упрямо сжала губы.

— Неужели у меня будут с тобой такие же неприязности, как с мисс Мимси?

— Никто не запрещает тебе навещать Чипси, но будет лучше, если ты станешь приходить сюда вместе с одним из владельцев кошек или собак.

Элли хотела резко ответить, но сдержалась и пожала плечами.

— Ну хорошо, здесь все равно играть не слишком удобно. Отныне мы будем играть в «Бифрост Лаундж» по вечерам, после того как ты закончишь работу.

Юноша запротестовал, утверждая, что мистер Джордан не отпустит его, но Элли перебила его:

— Пусть тебя не интересует мнение твоего босса. Я могу обернуть его вокруг своего мизинца, — и показала, как сделает это.

Представив себе огромного, толстого мистера Джордана в таком положении, Макс рассмеялся. Однако, собравшись с мыслями, он выдвинул другой аргумент: членам экипажа не разрешается пользоваться гостиной для пассажиров.

— Это почему же? Я не раз видела, как мистер Дюмон пил там кофе с капитаном Блейном.

— Элли, ты просто не понимаешь, мистер Дюмон практически принадлежит к офицерскому рангу, и, если капитан хочет пригласить его в качестве своего гостя, это право капитана.

— А ты будешь моим гостем.

— Нет, не буду. — Юноша попытался объяснить Элли, что существуют строгие правила, запрещающие членам экипажа общаться с пассажирами. — Капитан очень рассердится, если увидит нас вместе, — и рассердится не на тебя, а на меня. А уж если заметит помощника стюарда в гостиной, отведенной для пассажиров, то выбросит меня прямо на палубу «З».

— Этого не может быть.

— Но Элли... — Макс пожал плечами. — Хорошо, я приду в гостиную сегодня вечером. Капитан, разумеется, не будет лично заниматься мной — это ниже его достоинства. Он просто пошлет мистера Дюмона, тот передаст мне капитанский приказ немедленно убраться из гостиной и займется мной на следующее утро. Пусть меня оштрафуют на месячное жалованье, если это убедит тебя.

Наконец Элли поняла, что он говорит правду.

— Но ведь это отвратительно! У нас все равны. Все! Таков закон.

— Да, равны, но только одни равнее других, — огрызнулся юноша.

Тут девушка встала и вышла. Максу снова пришлось успокаивать Мистера Чипса, но кто успокоил бы его? И юноша решил, что, чем быстрее наступит тот день, когда они с Сэмом исчезнут на какой-нибудь далекой планете, тем лучше.

Элдрет пришла на другой день, но этот раз с миссис Мендозой, влюбленной в своего чау-чау, на которого она сама очень походила. Девушка разговаривала с Максом вежливым безразличным голосом, каким принято разговаривать со слугами. Но едва миссис Мендоза отошла со своим питомцем в дальний угол, Элли быстро зашептала:

— Макс!

— Чем могу быть полезен, мисс?

— Я вот сейчас покажу тебе «мисс»! Послушай, Макс, как звали твоего дядю? Не Честер Джонс?

— Да. Но почему это тебя...

— Потом.

Тут к ним подошла миссис Мендоза и разговор прервался.

...На следующее утро его окликнул кладовщик:

— Эй, Макс, тебя ищет Толстяк. Беги быстрее — мне кажется, он чем-то недоволен.

Макс поспешил к боссу, беспокояно пытаясь вспомнить, какую ошибку он мог допустить. Усилия оказались напрасными — ему казалось, что он справляется со своими обязанностями. И тут ему в голову пришла ужасная мысль: уж не связано ли это с Элли?

Выражение лица мистера Джордана говорило, что ему совсем не нравится происходящее, но он вынужден подчиниться.

— Мигом в кабинет корабельного интенданта. И побыстрее!

Интенданта в офисе не оказалось; Макса ждал мистер Кайперс, окинувший его холодным взглядом.

— Переоденьтесь в чистый комбинезон и немедленно в каюту капитана. Бегом!

Макс застыл на месте.

— Вы что, не слышали? — рявкнул мистер Кайперс. — Быстро!

— Сэр, — произнес Макс, запинаясь, — я не знаю, где находится каюта капитана.

— Что? Чтобы мне пропасть в космосе! Палуба «А», девяностый радиус, у наружного борта.

Макс повернулся и выбежал из кабинета.

Капитан был у себя в каюте. Вместе с ним сидели интендант мистер Самуэльс, первый офицер мистер Уолтер и астрогатор доктор Гендрикс. Юноша понял, что причина его вызова к начальству весьма серьезна. И все-таки он не забыл доложить:

— Помощник стюарда Джонс прибыл, сэр.

— Отлично, — поднял голову капитан Блейн. — Садитесь.

Макс нашел свободное кресло и сел на краешек. Капитан повернулся к первому офицеру.

— При создавшейся ситуации, — сказал он, — мне кажется, Голландец, что это лучший выход, хотя я признаю, что такое решение весьма необычно. Ты согласен, Хэл?

Корабельный интендант кивнул. Макс не понял, насколько необычным является принятое решение и сумеет ли он выжить в результате.

— Тогда занесем это в корабельный журнал как исключение при чрезвычайных обстоятельствах, доктор, а я напишу объяснение для последующего рассмотрения советом. В конце концов правила для того и созданы, чтобы их нарушать.

Максу стало казаться, что его решили выбросить за борт и потом объяснить причину такого поступка после возвращения на Терру.

Капитан повернулся к письменному столу, и юноша понял, что аудиенция закончена. Первый офицер кашлянул.

— Капитан... — произнес он и кивнул в сторону Макса.

Капитан Блейн поднял голову.

— Ах, да! Молодой человек, ваша фамилия Джонс?

— Так точно, сэр.

— Я недавно ознакомился с вашими документами. Там говорится, что вы однажды пробовали свои силы в качестве вычислителя курсов на «Тюле»?

— Гм... да, капитан.

— Вам не понравилось это занятие?

— Видите ли, сэр... — Макс попытался сообразить, как вел бы себя Сэм, окажись он в подобном положе-

нии. — Дело в том... откровенно говоря, я главным образом занимался тем, что чистил пепельницы в беспкойной... то есть, я хочу сказать, в рубке управления. — Юноша затаил дыхание.

На лице капитана промелькнула улыбка.

— Ну что ж, бывает и такое. А вы не хотели бы снова попробовать свои силы?

— Что? Конечно, сэр!

— Как твое мнение, Голландец?

— Капитан, обычно я придерживаюсь точки зрения, что нет смысла дважды испытывать способности человека. Но в данном случае существуют некоторые личные соображения.

— Да, ты совершенно прав. У тебя найдется для него замена, Хэл?

— Да, капитан. Этот молодой человек не играет решающей роли в моем подразделении. — Интендант усмехнулся. — Он поддерживает порядок в зверинце.

Снова улыбка пробежала по лицу капитана. Он взглянул на астрогатора.

— Как видите, доктор, никто не возражает. Правда, он не принадлежит к гильдии.

— Келли готов попробовать его в этой должности. Как вы знаете, у него не хватает людей.

— Ну что ж, тогда...

— Одну минуту, капитан. — Астрогатор повернулся к Максy. — Джонс, у вас в нашей гильдии был родственник?

— Совершенно верно, сэр. Честер Джонс.

— Я был знаком с ним. Служил под его руководством. Надеюсь, вы унаследовали хотя бы часть его способностей.

— Гм... я думаю, что он кое-чему научил меня.

— Посмотрим. А сейчас идите к старшему вычислителю Келли.

Максу удалось найти рубку управления, никого не спрашивая, где она находится, хотя он едва понимал, куда идет.

Глава 9

ВЫЧИСЛИТЕЛЬ ДЖОНС

Новая должность Макса изменила всю его жизнь на борту «Асгарда». Правда, нельзя сказать, чтобы его отношения с остальными членами экипажа улучшились. Те, кто работал в рубке управления, считали себя сливками общества. Эта точка зрения оспаривалась механиками и совсем не нравилась стюардам. Макс сразу понял, что гильдия, которую он покинул, быстро забыла о нем, тогда как та гильдия, в которую его могли принять, еще не признавала его своим членом.

Мистер Джи перестал обращать на юношу внимание; при встрече в коридоре он просто прокатился бы через него подобно дорожному катку, если бы Макс не успел отскочить в сторону. Казалось, он рассматривает временное выдвигание своего бывшего подчиненного как личное оскорбление.

Максу пришлось потратиться в корабельной лавке на форму для работы в рубке управления. Теперь, работая в таком престижном месте и проходя через палубы, отведенные для пассажиров, он больше не мог расхаживать в грязном комбинезоне. Поскольку юноша еще не заработал достаточно, чтобы расплатиться за покупки, мистер Кайперс разрешил открыть ему кредит. Более того, Максу пришлось также заплатить немалую

сумму за разрешение трудиться не в своей гильдии, причем перед ним была перспектива залезть в долг еще больше — чтобы заплатить обеим гильдиям, — если его вдруг примут окончательно.

В рубке управления «Асгарда» работали два офицера и пять служащих: астрогатор доктор Гендрикс, его помощник мистер Саймс, старший вычислитель Келли, вычислитель первого класса Ковак, а также вычислители второго класса Смит, Ногучи и Луиди. Здесь же было рабочее место связиста первого класса Беннетта по кличке «Спальный мешок», но он не входил в группу, которая управляла кораблем, хоть и находился в рубке управления; межзвездный корабль редко попадал в сферу действия радиосвязи, если не считать первой и последней планет каждой стадии перелета. Беннетт был, кроме того, секретарем и доверенным лицом капитана Блейна, а своей кличкой был обязан широко распространенному мнению, что все свободное время он проводил в койке.

Поскольку «Асгард» всегда находился в состоянии ускорения или торможения, в рубке управления круглые сутки несли вахту; те, кто управлял кораблем, могли только грустно вспоминать прежние спокойные путешествия на старых ракетных кораблях, когда вслед за десятью минутами ускорения и выбора курса наступали недели невесомости и лишь время от времени требовалась перемена траектории полета. Поскольку на «Асгарде» не было ученика астрогатора, вахту могли нести лишь два офицера (капитан Блейн был, разумеется, тоже астрогатором по профессии, но шкиперы не несут вахт); недостаток вахтенных офицеров компенсировал старший вычислитель Келли, также несший вахту. Остальные специалисты также несли вахты, причем разница между вычислителем первого и вычислителями второго класса была чисто формальной; в рубке управления доминировало «правило Келли»: если специалисту не хватало знаний, он быстро овладевал ими — в противном случае ему приходилось искать себе другой корабль.

Отдыха между вахтами хватало всем, кроме Макса; он нес вахту гораздо чаще остальных специалистов, что считалось полезным для более успешного овладения специальностью вычислителя. Так, он нес четырехчасо-

вую вахту, после которой следовало четыре свободных часа, во время которых ему надлежало поесть, помыться, отдохнуть и, — если хватит времени, — поспать.

Однако, несмотря ни на что, Макс у нравился такой распорядок. Он приходил на вахту раньше назначенного времени, и нередко его приходилось едва ли не силой выгонять из «беспокойной дыры». Лишь намного позже он узнал, что такой напряженный режим был придуман самим Келли, который пытался распознать его слабые места, утомить юношу и быстро избавиться от него, если он не справится со своими обязанностями.

Не все вахты были легкими. Во время первой вахтенным офицером оказался мистер Саймс. Макс вошел в рубку управления и огляделся по сторонам, полный изумления. Слева и справа, впереди и сзади находились четыре исключительно чувствительные паралактические камеры. Между двумя камерами в кресле главного вычислителя сидел Лунди; он обернулся, кивнул, но ничего не сказал. Мистер Саймс сидел перед контрольной консолью и смотрел в сторону люка; он не мог не видеть Макса, но сделал вид, что не заметил его.

Вдоль стен рубки стояло множество приборов, некоторые юноша узнал, потому что читал о них и видел фотографии, назначение других было ему неизвестно. Это были датчики и приборы из каждого отделения корабля, экран, на котором воспроизводился вид со стороны кормы или «снизу», микрофон и переключатели корабельной трансляции, верньерный стереограф, в котором снимки, сделанные паралактическими камерами, можно было сравнивать с картами, спектроствеллограф, доплероскоп, рекордер, записывающий температуру во множестве точек корабля, радарный ретранслятор, применяемый во время посадки, и множество других инструментов, понять функции которых сразу юноша не мог.

Над головой сквозь астрогационный купол виднелась Вселенная, усыпанная звездами. Макс уставился на нее и открыл рот от удивления. Раньше он находился внутри стальной оболочки и не видел звезд; куда чаще юноша наблюдал звездное небо дома на ферме.

— Эй, вы!

Макс повернул голову и увидел, что на него смотрит мистер Саймс.

— Подойдите сюда! — Юноша подчинился. Помощник астрогатора продолжал: — Вы разве не знаете, что должны доложить вахтенному офицеру о своей явке на вахту?

— Извините, сэр.

— К тому же вы опоздали.

Макс взглянул на хронометр, установленный на консоли; циферблат показывал, что до начала вахты оставалось еще пять минут.

— Очень печально, — продолжал Саймс, — когда подчиненные принимают вахту позже своего вахтенного офицера. Как ваша фамилия?

— Джонс, сэр.

Мистер Саймс шмыгнул носом. Он был сравнительно молодым человеком с багровым лицом и редкими морковно-рыжими волосами; судя по всему, он шмыгал носом в знак превосходства, по крайней мере по отношению к подчиненным.

— Приготовьте кофе.

— Слушаюсь, сэр.

Макс хотел спросить, как и где это сделать, но мистер Саймс уже снова принялся читать. Юноша беспомощно взглянул на Лунди, который глазами показал, куда идти. За сейфом с картами Макс обнаружил кофейник, чашки, блюда, сахар и банки со сливками.

Юноша обжег руку, прежде чем постиг своеобразие приготовления кофе в рубке. Мистер Саймс взял чашку кофе, не глядя на Макса. Не зная, что делать дальше, юноша решил предложить чашку Лунди. Вычислитель взял кофе и тихо поблагодарил. Затем Макс рискнул налить кофе себе, полагая, что таковой является общепринятая процедура. Он подошел с чашкой к компьютеру и поднес ее к губам.

— Что это такое? — слышался голос вахтенного офицера. — Чайная церемония? Джонс!

— Да, сэр?

— Наведите порядок в рубке. Может создаться впечатление, что здесь зверинец.

Помещение выглядело чистым, однако Максудалось найти несколько обрывков бумаги, которые он спустил в мусоропровод, затем он взял тряпку и протер и без того сверкающие металлические поверхности. После этого юноша принялся за повторную уборку, но

в этот момент его подозвал к себе Лунди. Макс помог ему сменить пластинки в параллактических камерах и следил, как он настраивал электронный таймер. Когда все было готово, мистер Саймс сам нажал кнопку. Юноше показалось, что это было единственным действием помощника астрогатора за всю вахту.

Лунди извлек из камер пластинки и вложил их в стереограф для сравнения с картами, снял данные и записал в вахтенный журнал. Стоя рядом на подхвате, Макс понял, как протекает процесс сравнения. Потом он еще раз протер металлические поверхности.

Вахта показалась ему очень длинной. И, улегшись на койку, он почувствовал, что остатки радостного ожидания улетучились.

Однако вахты с доктором Гендриксом и старшим вычислителем Келли оказались совсем другими. Когда на вахте был Келли, «беспокойная дыра» превращалась в место, полное веселья. Он правил рубкой как великодушный тиран, кричал, ругался, проклинал качество кофе, оскорблял подчиненных и слышал проклятия в ответ. При Келли Макс даже не притрагивался к тряпке и не занимался уборкой; он был занят не просто изучением приборов в рубке управления, а систематически овладевал профессией.

— Нам нечего делать, — кричал ему Келли, — пока не подлетим к Планете Карсона! Абсолютно нечего, просто летим вперед как по рельсам. Так что, мой милый юноша, ты сейчас будешь дико занят. Когда прибудем к месту назначения, ты должен знать эту проклятую «беспокойную дыру» лучше, чем твоя мать знала твоего отца, — или тебе придется сидеть здесь и осваивать оборудование, в то время как все остальные специалисты будут ходить в увольнение и напиваться до потери сознания. А ну, бери инструкцию по устройству главного компьютера, снимай заднюю крышку и с головой залезай в его внутренности. До конца вахты я не хочу видеть ничего, кроме твоей безобразной задницы.

Но уже через десять минут Келли стоял рядом с ним на коленях, помогая разобраться в сложнейших схемах вычислительного устройства. Макс быстро осваивал свои новые обязанности, причем в этом ему очень помогала феноменальная фотографическая память, а также основательные теоретические знания, получен-

ные от дяди Честера Джонса. Келли был очень доволен успехами юноши.

— Подозреваю, что ты немного преуменьшил знания, полученные на «Тюле».

— Если и приуменьшил, то не слишком.

— В то время главным в «беспокойной дыре» был Юхансен.

— По-моему, да, — уклончиво ответил Макс, отчаянно надеясь, что Келли не начнет расспрашивать о других специалистах.

— Я так и думал. Этот верблюд так упрям, что не скажет даже собственной матери, сколько ему лет.

Наконец пришло время, когда Келли доверил Максу рассчитать параметры пробного подхода к прыжку с помощью компьютера. Келли исполнял роль астрогатора, руководствуясь уже сделанными расчетами предыдущего прыжка, совершенного кораблем, а Ногучи следил по таблицам. Программирование производилось устно, как это обычно бывает, когда астрогатор работает в крайне напряженных условиях, основываясь на данных, полученных за несколько мгновений перед тем, как дать критически важный сигнал к прорыву через барьер скорости света.

Келли говорил медленно и внятно, а Ногучи заглядывал в таблицы и выкрикивал цифры, обращаясь к Макс. Тот сначала нервничал, пальцы так дрожали, что едва попадали на клавиши компьютера, — затем он успокоился и даже стал получать удовольствие, инстинктивно чувствуя, что он и машина рождены друг для друга.

Келли говорил: «...бинарный натуральный логарифм ноль запятая восемь семь ноль девять два», — и Макс слышал, как Ногучи сообщал данные, перелистывая страницы, но в сознании юноши четко вырисовывалась соответствующая страница задолго до того, как Ногучи успел открыть ее. Совершенно бессознательно от нажал клавиши компьютера.

— Прекратить! — рявкнул Келли. — Слушай, глупый, ты не должен вводить цифры в компьютер как вздумается; тебе нужно подождать, пока Ногги сообщит тебе сделанные расчеты. Сколько раз нужно повторять?

— Но ведь я... — начал Макс и запнулся. До сих пор он скрывал от всех на борту «Асгарда», что обладает удивительной и необычной памятью.

— Ведь ты что? — Келли протянул руку, чтобы удалить из компьютера цифры, введенные Максом, и вдруг заколебался. — Между прочим, каким образом ты считаешь возможным вводить цифры со многими десятичными знаками в этот механический мозг? Ну-ка, говори, что ты сделал?

Юноша знал, что прав, и ему не хотелось показать, что он не знает, как решается задача.

— Да я просто ввел в компьютер цифры, которые собирался сообщить мне Ногучи.

— Что-то я не понял тебя, — медленно произнес Келли. — Ты что, способен читать его мысли?

— Нет. Но я ввел правильные цифры.

— Гм... — Келли наклонился к экрану компьютера. — Ну-ка, Ногги, назови их.

Вычислитель выпалил длинную вереницу единиц и нулей, бинарный эквивалент названного Келли логарифма. Келли проверил введенные Максом цифры, наморщив лоб. Наконец он выпрямился.

— Однажды мне довелось видеть, как один парень выбросил при игре в кости семерку тринадцать раз подряд — и это были честные игральные кости. Скажи, Макс, это просто дурацкое везение?

— Нет.

— Вот как? Ногги, дай-ка мне справочник.

Келли взялся сразу за заключительную часть расчетов, причем выдавал Максу исходные данные и называл действия, которые тому надлежало исполнить, но не делал перевода цифр в бинарную систему счисления, необходимую для ввода в компьютер. Перелистывая страницы, он все время заглядывал Максу через плечо.

Юноше удалось побороть первоначальный испуг, и он принялся быстро нажимать клавиши, вводя цифры в компьютер. По его лицу текли струйки пота.

Наконец Келли произнес:

— Хорошо. А теперь дерни его за хвост.

Макс щелкнул переключателем, и компьютер взялся за решение введенной программы. Вскоре на экране высветился ответ.

Пользуясь инструкцией, Келли перевел светившиеся на экране огоньки в десятичную систему. Потом взглянул на заранее известный ответ, закрыл справочник и передал Ногучи.

— Пожалуй, пойду выпью чашку кофе, — пробормотал он и вышел из рубки.

Ногучи открыл вахтенный журнал, куда были занесены расчеты предыдущего перехода, посмотрел на цифры, светившиеся на экране компьютера, взглянул в инструкцию и медленно повернулся к Макс. На его лице появилось озадаченное выражение. Юноша заметил, что Келли, уже вернувшийся в рубку, тоже смотрит на него как-то странно. Макс протянул руку и, нажав кнопку, стер с экрана результаты вычислений. Экран погас. Потом он встал с кресла перед главным компьютером и отошел в сторону. В рубке царила полная тишина.

Следующую вахту ему пришлось нести с доктором Гендриком. Юноше нравились вахты с астрогатором ничуть не меньше, чем со старшим вычислителем Келли: доктор Гендрикс был спокойным и уравновешенным человеком и уделял обучению Макса не меньше внимания, чем Келли. Однако на этот раз Келли не спешил оставить рубку управления после сдачи вахты. Само по себе это ничего не значило, потому что старший вычислитель часто консультировался с астрогатором. Но сегодня, приняв вахту, доктор Гендрикс обратился к Макс:

— Келли сказал мне, что вы учитесь работать на компьютере, Джонс.

— Да, сэр.

— Отлично. Давайте-ка потренируемся.

Доктор Гендрикс достал старый астрогационный журнал и выбрал задачу, связанную с расчетом подготовки к переходу в гиперпространство, аналогичную той, которую Макс решал раньше. Келли взял справочник, приготовившись исполнять роль переводчика логарифмов в бинарную систему счисления, однако не называл результаты вслух. Макс выслушал первые данные и принялся считывать цифры со страницы, возникшей у него в памяти, и вводить результаты в компьютер.

Так продолжалось довольно долго. Келли молчал и только облизывал губы и проверял действия Макса

всякий раз, когда доктор Гендрикс называл новую часть задачи. Ковак сидел рядом и следил за происходящим, переводя взгляд с одного действующего лица на другое.

Наконец астрогатор закрыл журнал.

— Понятно, — кивнул он, словно ничего не произошло. — Джонс, у вас уникальные способности. Мне приходилось читать о чем-то похожем, но вы первый человек с таким талантом, которого я встретил. Вы слышали о Слепом Томе?

— Нет, сэр.

— Возможно, в корабельной библиотеке хранятся сведения о нем. — Астрогатор «Асгарда» сделал паузу. — Не хочу преуменьшать ваши способности, Джонс, но предупреждаю, чтобы вы не пользовались ими во время действительного маневра. Надеюсь, вы понимаете почему?

— Да, сэр. Мне кажется, что понимаю.

— Впрочем, я выразился не совсем точно. Вы не должны использовать свой талант, — если только не заметите, что совершена ошибка. В этом случае немедленно сообщите об этом. И все-таки будем продолжать полагаться на таблицы.

— Слушаюсь, сэр.

— Хорошо. Когда сменитесь с вахты, зайдите ко мне в каюту.

Макс сменился с вахты, когда по корабельным часам наступил день. У каюты астрогатора он вдруг столкнулся с Эли.

— Макс!

— Привет, Эли. — Юноша чувствовал себя очень неловко — ведь он не виделся с девушкой с тех пор, как его перевели в рубку управления.

— Он говорит мне «привет»! — Девушка подошла ближе. — Ты ужасно выглядишь — твои воспаленные глаза напоминают красную окантовку мундира. Где ты обретался все это время? Старые друзья теперь недостаточно хороши для тебя? Ты даже не зашел повидаться с Чипси!

Макс заходил к мистеру Чипсу — один раз, но с Эли там не встретился. Повторить посещение он не решился, потому что парень, сменивший его в должности служащего зверинца, почему-то считал, что именно Макс виноват в том, что ему поручили обслуживать

коров, быков, гуанако и прочих животных, что парню совсем не нравилось.

— Извини меня, Элли, — пробормотал юноша, — но у меня просто не было времени.

— Слабое оправдание. Знаешь, что ты сейчас сделаешь? Немедленно пойдешь в гостиную, и я покажу тебе где раки зимуют, — мне удалось найти способ выиграть в твоём любимом гамбите. У тебя глаза на лоб вылезут от удивления!

Макс открыл рот, закрыл его и снова открыл.

— Нет.

— Говори громче. Ты произнес слово, которое я не понимаю.

— Послушай, Элли, веди себя разумно. Я жду доктора Гендрикса и, как только он отпустит меня, собираюсь немного поспать. Я недоспал по крайней мере десять часов.

— Почему бы тебе не поспать в другое время?

— В другое время? Это не так просто, когда ты находишься на вахте четыре часа и потом четыре отдыхаешь. Приходится пользоваться каждой свободной минутой.

На лице девушки появилось недоумевающее выражение.

— Неужели тебя заставляют нести три вахты в сутки? Но это безобразие!

— Может быть, однако дело обстоит именно так.

— Я сейчас же займусь этим! Поговорю с капитаном.

— Элли, не смей!

— Почему? Капитан Блейн — приятный старичок. Не беспокойся, я все улажу.

Макс глубоко вздохнул и заговорил, стараясь, чтобы слова звучали как можно убедительнее:

— Элли, прошу тебя, ничего не говори капитану, ничего. Для меня это редкостная возможность, и я готов на любые жертвы. Если ты начнешь вмешиваться в дела, в которых не разбираешься, то все испортишь. Меня пошлют обратно в зверинец.

— Ну что ты, он так не поступит.

— Ты не понимаешь, Элли. Для тебя он приятный старичок, а для меня — капитан «Асгарда». Прощу тебя, не вмешивайся.

Элли надула губки.

— Я хотела помочь тебе.

— За это я тебе очень благодарен, но не надо. К тому же теперь я не могу заходить в гостиную — это запрещено специалистам.

— А мне казалось, что ты избегаешь меня. Занял важный пост и одеваешься в такой красивый мундир. Почему...

Их разговор был прерван появлением доктора Гендрикса.

— Доброе утро, Джонс. Доброе утро, мисс Кобурн. — Дверь каюты закрылась.

— Извини меня, Элли, мне нужно идти, — прошептал Макс в отчаянии.

Он повернулся и постучал в дверь каюты астрогатора.

Доктор Гендрикс сделал вид, что не видел юношу вместе с Элли.

— Садитесь, Джонс. Вы произвели на меня большое впечатление. Мне хотелось бы выяснить, как велик ваш талант. Он касается только цифр?

— По-моему, нет, сэр.

— Скажите, Джонс, вам приходится напрягаться, чтобы делать это?

— Нет, сэр.

— Гм... Тогда попробуем что-нибудь другое. Вы читали... что бы выбрать?... пьесы Шекспира?

— Да, мы проходили в школе «Гамлета» и «Как вам это понравится». Кроме того, я читал «Много шума из ничего». Эта пьеса мне не понравилась.

— В таком случае вы вряд ли перечитывали ее снова. Помните содержание?

— Конечно, сэр.

— Тогда... — Доктор Гендрикс снял с полки толстенный том. — Вот второй акт, сцена третья; Борачио говорит: «Представьте им улики, самые убедительные...»

Макс тут же продолжил:

— «...Они увидят меня под окном спальни Геро и услышат, как я буду называть Маргариту «Геро», а Маргарита меня — «Борачио». Покажите им это как раз...»

Юноша читал наизусть, пока астрогатор не остановил его.

— Достаточно. Мне эта пьеса тоже не слишком нравится. Даже у бессмертного Барда бывали неудач-

ные дни. Но каким образом вы прочитали книгу с таблицами расчетов? Шекспир все-таки интересен даже в тех случаях, когда его пьесы скучны. Я никогда не читал таблиц, по крайней мере в том смысле, что вы называете чтением.

— Видете ли, сэр, после того как дядя Чет ушел на пенсию, он хранил дома свои астрогационные книги в все время рассказывал мне о космосе. Вот я и решил прочитать их.

— Неужели вы сумели прочитать всю профессиональную библиотеку астрогатора?

Макс глубоко вздохнул.

— Да, сэр, я прочитал все книги дяди Чета.

Доктор Гендрикс взял книги по астрогации. Он не стал открывать бинарные таблицы, потому что Макс уже продемонстрировал, насколько хорошо их знает. Астрогатор перелистал несколько книг, задал Максу пару вопросов и принялся называть только номера страниц. Изумленно покачивая головой, доктор Гендрикс закрыл последнюю книгу.

— Во это да! — присвистнул он. — Правда, мне известно, что существует немало примеров таких способностей в истории психологии, но, когда лично встречаешься с таким человеком, это приводит в замешательство. — Он улыбнулся. — Интересно, что скажет об этом наш брат Уитерспун.

— А кто это, сэр?

— Наш верховный секретарь. Боюсь, что упоминание о ваших способностях потрясет его; у него консервативные взгляды относительно сохранения «секретов» нашей профессии.

— Вы считаете, сэр, что мне могут грозить неприятности? — обеспокоенно поинтересовался Макс. — Я не знал, что нельзя читать книги дяди Чета.

— Что? Чепуха! В астрогации нет никаких секретов. Вы пользуетесь этими книгами во время несения вахты; то же самое относится к остальным специалистам, работающим в «беспокойной дыре». Будь моя воля, я разрешил бы читать их всем пассажирам. Астрогация не является какой-то тайной, просто это сложная профессия. Мало кто обладает способностями, позволяющими точно следовать математическим расчетам, необходимым для, скажем, подготовки к переходу — или прыж-

ку, как многие говорят. Но это устраивает тех, кто занимается политикой и хочет, чтобы астрогация казалась чем-то вроде оккультной науки — ради престижа, понимаете. — Доктор Гендрикс помолчал и взглянул на юношу. — Джонс, я хочу, чтобы вы правильно поняли меня. Келли считает, что вы делаете успехи.

— Спасибо, сэр.

— Но пусть вам не кажется, что вы знаете больше его лишь потому, что наизусть помните содержание каждой страницы астрогационных книг.

— Что вы, сэр, мне это и в голову не приходило!

— Говоря по правде, ваш талант совсем не является необходимым в рубке управления кораблем. Там требуются качества, которыми обладает Келли, — четкое исполнение своих обязанностей, великолепное знание техники, внимание к самым незначительным — на первый взгляд — деталям, преданность работе, забота о подчиненных. Келли не нужна феноменальная память, вполне достаточна просто хорошая, наряду с высоким интеллектом и преданностью своей профессии, — именно эти качества нужны в рубке управления.

— Да, сэр.

Астрогатор поколебался.

— Не хочу обижать вас, Джонс, но необходимо, чтобы вы знали следующее. Необычные способности часто сопутствуют среднему, даже слабому умственному развитию — настолько часто, что психологи даже изобрели специальный термин «талантливый идиот». Не надо обижаться, это всего лишь медицинский термин. Совершенно очевидно, вы не являетесь идиотом, но в то же самое время вряд ли можно назвать вас и гением — это требуется еще доказать. Да-да, несмотря на то что вы в состоянии запомнить каждое слово в имперской энциклопедии. Я хочу сказать вот что: меня куда больше интересует ваш здравый смысл и внимание к исполнению своих обязанностей, чем феноменальная память.

— Я, э-э, приложу все силы, сэр...

— По моему мнению, вы можете стать хорошим вычислителем — со временем, разумеется. — Доктор Гендрикс жестом показал, что беседа закончена. Макс встал. — И вот что еще.

— Да, сэр?

— В соответствии с установленными правилами, которые направлены на повышение дисциплины и эффективности труда членов экипажа — я с ними полностью согласен — не следует поддерживать слишком дружеские отношения с пассажирами.

— Я знаю это, сэр, — пробормотал Макс.

— Так что ведите себя осторожно. Специалисты, находящиеся в моем подчинении, соблюдают это правило, хотя иногда это непросто.

Макс вышел из каюты доктора Гендрикса расстроенным. Он шел туда, надеясь, что его как-то отметят — может быть, дадут шанс попытаться стать астрогатором. Теперь он чувствовал, что его поставили на место.

Глава 10

ПЛАНЕТА КАРСОНА

На протяжении всех последующих недель Макс не встречал Сэма: напряжение бесконечных вахт не оставляло сил для общения с друзьями.

Подобно всем большим звездолетам «Асгард» имел свою полицию — несколько опытных членов экипажа исполняли распоряжения первого офицера, направленные на соблюдение корабельного распорядка и поддержание дисциплины. Сэм, со своим талантом политика и поддельным свидетельством помощника стюарда первого класса, сумел во время перетасовки, которая последовала после перевода Макса в рубку управления, стать старшиной корабельной полиции в службе интенданта. Там он проявил себя с лучшей стороны: старался никого не обижать, закрывал глаза на те нарушения, которые превратились в древние привилегии, и заставлял соблюдать чистоту, порядок и правила поведения, необходимые для отлично функционирующего корабля. Все это он делал сам, не обращаясь к первому офицеру с просьбами о наказании виновных, и это устраивало как мистера Уолтера, так и членов экипажа. Когда заведующий складом Магиннис слишком увлекся потреблением продукта, производимого мистером Джи, и упрямо «улаживал пением» слух своих товарищей по каюте,

Сэм всего лишь отвел его в камбуз и заставил выпить несколько кружек крепчайшего кофе, а на следующий день спустился с ним на палубу «З», снял значок полицейского и как следует отделал Магинниса, причем в соответствии с правилами науки. В результате на теле клерка не осталось никаких следов, зато дух его пострадал очень сильно, и на нем остались глубокие шрамы. В своем темном прошлом Сэм научился приемам драки без применения оружия — не обычной уличной драки и не утонченному искусству боксера, а боевому искусству, в котором человек превращается в смертельно опасную машину.

Сэм выбрал жертву после тщательного размышления. Если бы он доложил о нарушении дисциплины вышестоящему начальству, Магиннис счел бы его стукачом, стремящимся выслужиться, а строгое наказание могло бы подорвать дисциплину и даже нанести вред старшему стюарду Джордану. А так Магиннис превратился в верного сторонника Сэма, расхваливающего его добродетели, потому что тот заставил считать себя, сумевшего победить в схватке, кем-то совершенно особым, непобедимым драчуном, у которого в каждом кулаке внезапная смерть, и вообще настоящим парнем! С этим Сэмом лучше не связываться, понесли слухи, если хочешь, попробуй — и увидишь, чем это для тебя закончится.

Второго урока Сэму давать не пришлось.

Старший помощник механика был главой корабельной полиции и, следовательно, начальником Сэма. Они двое и составляли полицейское управление маленького города, мчавшегося в космическом пространстве. Когда старший помощник механика решил вернуться в машинное отделение вахтенным инженером и в полицию был взят третий помощник механика, Уолтер безо всяких колебаний назначил на должность старшины Сэма.

Сэм уже давно мечтал занять эту должность. У любого начальника полиции намного больше власти, чем предписано законом. Пока Сэм сохранял хорошие отношения с мистером Кайперсом, мистером Джорданом и — в меньшей степени — с мистером Дюмоном, а также избегал демонстрировать свою власть в машинном отделении или в «беспокойной дыре», он оставался самым могущественным человеком на корабле, а по

практическим вопросам даже более могущественным, чем сам первый офицер, потому что Сэм олицетворял его.

Именно такой была ситуация, когда «Асгард» совершил посадку на Планете Карсона.

На первый взгляд Планета Карсона кажется хламом, оставшимся при строительстве Вселенной. Сила тяготения на ней составляет одну с четвертью земной — слишком много для комфорта, потому что все время тебе кажется, что ты внезапно потолстел; планета холодна, как сердце ростовщика, и метановая атмосфера на ней непригодна для дыхания. В Галактике немало планет с намного лучшими условиями для проживания людей, и Планету Карсона всячески избегали бы, если бы не одно важное обстоятельство, — она была единственной промежуточной станцией на дальнейшем пути к звездам, без которой нельзя обойтись. Существует лишь одна конгруэнтность Хорста вблизи земного Солнца, и переход через нее позволяет оказаться вблизи тета Центавра, а из всех тринадцати планет этого солнца Планета Карсона все-таки выделяется тем, что естественные условия на ней менее неблагоприятны, чем на остальных.

Однако у тета Центавра уже есть поддюжины рассчитанных конгруэнтностей, что делает Планету Карсона неизбежным перекрестком для всех торговых путей Солнечного Союза.

Макс побывал в увольнении на планете только один раз, и этого оказалось вполне достаточно. Колония, окружавшая космический порт, частично расположенная на поверхности под куполами, а частично — под ней, очень напоминала лунные города и мало отличалась от нор, вырытых под всеми земными городами, но для Макса все это оказалось внове, потому что ему не приходилось бывать на Луне или в крупных городах на Terre за исключением космопорта.

Он пошел в увольнение вместе с Сэмом, одевшись в парадную форму и сгорая от любопытства. Надевать скафандр не потребовалось, потому что в космопорте каждый лайнер соединялся со зданием порта коридором, в котором поддерживалась атмосфера, пригодная для дыхания.

Оказавшись внутри здания, Сэм тут же направился вниз, на нижние уровни. Макс протестовал:

— Сэм, не спеши, давай осмотримся.

— Осмотримся? Да здесь ничего нет, кроме отеля, дорогих магазинов и ночных клубов для богачей. Ты что, хочешь заплатить месячное жалованье за бифштекс?

— Нет, всего лишь хочу осмотреться. Я оказался на незнакомой планете и пока не увидел на ней ничего. Когда мы совершали посадку, из рубки управления мне не удалось ничего рассмотреть, а теперь я вижу только стены коридоров и станции пересадки. — Он махнул в сторону голых стен.

— А здесь ничего и нет, кроме грязного, густого, желтого тумана, который никогда не рассеивается. Хуже, чем на Венере. Но поступай, как тебе нравится. У меня здесь дела, и, если не хочешь идти со мной, делай как знаешь. Я не собираюсь мешать тебе.

Но Макс все-таки решил идти с Сэмом. Они спустились все ниже и ниже и наконец оказались в широком, хорошо освещенном коридоре, похожем на ту улицу в земном космопорте, где располагался ресторан Перси, — только здесь над головой было не синее небо, а потолок. По сторонам виднелись такие же бары, те же самые кричащие названия, целью которых было убедить посетителей расстаться с деньгами. Им попался магазин, на витрине которого красовалась неизменная надпись: «РАСПРОДАЖА ПО СЛУЧАЮ ЗАКРЫТИЯ», не снимавшаяся, по-видимому, многие годы. Были здесь и другие магазины, и в коридоре было полно людей.

— Теперь найдем спокойное местечко, где можно выпить и поговорить, — оглянулся по сторонам Сэм.

— Как тебе нравится этот бар? — Макс указал на вывеску «Уютный уголок». — Смотри, какой чистый и привлекательный.

Сэм схватил юношу за локоть и быстро потащил вперед, мимо гостеприимно приоткрытой двери.

— Отличный бар, — согласился он на ходу, — но не для нас.

— Почему?

— Ты что, не заметил, кто его посетители? Имперские морские пехотинцы.

— Ну и что? Я ничего не имею против космической гвардии.

— Гм... пожалуй, верно, — заметил Сэм, не замедлив шага, — но эти парни любят ходить в компании, и

у них отвратительная привычка: им не нравится, если в бар, который они выбрали для себя, заходит штатский. Хочешь, чтобы тебе поломали ребра?

— За что? С какой стати им затевать драку, если я сижу тихо и мирно?

— Может быть, и так. Но они найдут повод. Предположим, официантка решит, что ты «хорошенький мальчик», — а один из этих парней в начищенных сапогах и парадном мундире, с которым она только что любезничала, почувствует себя оскорбленным? Ты хороший парень, Макс, а хорошие парни не пользуются популярностью. Чтобы не попасть в неприятности, нужно держаться от них подальше.

Они пробились через толпу, и ярдов через сто Сэм заметил:

— Вот мы и пришли, — если только Липпи все еще здесь распоряжается.

Вывеска гласила: «СЧАСТЛИВОЕ ПРИЗЕМЛЕНИЕ», и бар казался побольше, хотя и не выглядел таким ухоженным, как «Уютный уголок».

— Кто этот Липпи?

— Скорее всего, ты с ним не встретишься. — Сэм пошел вперед и выбрал столик.

Макс сел и оглянулся. Зал выглядел как в обычном третьеразрядном баре.

— У них можно заказать содовую с клубничным соком? Я страшно люблю ее — всегда по субботам заказывал стакан, когда бывал в Клайдс Корнерс.

— Попробуй — если у них нет содовой, тебя все равно не выгонят отсюда.

— Ладно. Сэм, ты когда-то говорил мне о своем приятеле в имперской морской пехоте, помнишь? Сержанте Робертсе?

— О ком?

— Или Ричардсе. Я не запомнил имя.

— Первый раз слышу.

— Но ведь ты...

— Никогда не слышал о нем. А вот и официант.

Гуманоид — официант с Сириуса — даже не подозревал о существовании содовой с клубничным соком. У него отсутствовали лицевые мышцы, а кожа на голове подергивалась от смущения, ведь ему впервые заказали напиток, о котором он никогда не слышал. Макс сми-

рился с неудачей и заказал пиво «Старый Гейдельберг», хотя это пиво не приближалось, по всей вероятности, к Германии на расстояние ближе пятидесяти световых лет. На вкус оно напоминало мыльную пену, но, поскольку платил Сэм, юноша сделал вид, что напиток ему нравится, и даже время от времени подносил кружку к губам.

Немного посидев, Сэм вскочил.

— Побудь здесь, малыш, — бросил он через плечо. — Скоро вернусь.

Он поговорил с барменом и скрылся за задней дверью. И тут же к столику Макса подошла молодая женщина.

— Не чувствуешь себя одиноким, астронавт?

— Не так чтобы очень.

— А я вот чувствую себя очень одинокой. Не возражаешь? — Она опустилась в кресло, которое только что освободил Сэм.

— Пожалуйста. Но мой друг скоро вернется.

Женщина не ответила и повернулась к официанту, стоявшему рядом.

— Коричневый коктейль, Гиггз.

— Нет! — громко воскликнул Макс.

— В чем дело, милый?

— Послушайте, — покраснел Макс, — может быть, я выгляжу совсем зеленым — может быть, я действительно зелен. Но покупать подкрашенную воду по этим ценам не собираюсь. У меня мало денег.

Женщина посмотрела на юношу обиженным взглядом.

— Но ты должен заказать мне что-то, иначе я не могу сидеть за твоим столом.

— Ну что ж... — Макс взглянул на меню. — Если уж действительно это необходимо, я справлюсь с бутербродом, на это денег хватит.

— Не надо коричневого коктейля, Гиггз. Принеси сандвич с сыром и побольше горчицы. — Женщина повернулась к Макс. — Как тебя звать, красавчик?

— Макс.

— А меня — Долорес. Ты откуда?

— С холмов Озарка. Это на Земле.

— Какое удивительное совпадение! А я родилась в Виннипеге — да мы прямо соседи!

Макс подумал, что они действительно соседи в некотором роде, если не обращать внимание на расстояние. Однако, слушая болтовню Долорес, Макс понял, что

она не имеет представления о том, где находится Озарк или Виннипег, да и вообще вряд ли бывала на Терре.

Она уже доедала бутерброд, когда вернулся Сэм.

— Сколько она вытянула из тебя? — Сэм подозрительно взглянул на женщину.

— Ты не имеешь права так со мной разговаривать! — возмущенно заметила Долорес. — Мистер Липски не допускает...

— Перестань, крошка, — мягко прервал ее Сэм. — Мой приятель — гость Липпи. Понятно? Никаких коктейлей или денег — понятно? Ты напрасно тратишь время. Итак, сколько?

— Все в порядке, Сэм, — поспешно вмешался Макс. — Я всего лишь купил ей бутерброд.

— Ну что ж... ладно. А пока можешь идти, сестренка. Может быть, встретимся попозже.

Она пожала плечами и встала.

— Спасибо, Макс.

— На здоровье, Долорес. Я передам привет твоей семье в Виннипеге.

— Буду тебе очень благодарна.

На этот раз Сэм не стал садиться.

— Мне нужно уйти на некоторое время, малыш.

— Хорошо, — произнес Макс и начал вставать из-за стола, но Сэм жестом велел ему остаться на месте.

— Нет-нет. Этим я должен заняться сам. Подожди здесь, ладно? Тебя никто не будет беспокоить — если что случится, позови Липпи.

— Не думаю, что у меня будут какие-то неприятности.

— Надеюсь. — На лице Сэма появилось обеспокоенное выражение. — Не знаю почему, но в тебе есть что-то, возбуждающее у меня материнские чувства. Может быть, виноваты твои большие голубые глаза.

— Что? Брось говорить глупости, Сэм. К тому же глаза у меня карие.

— Я имел в виду глаза твоей розовой души, покрытой капельками росы. Короче говоря, не разговаривай с незнакомцами во время моего отсутствия.

В ответ Макс произнес выражение, услышанное им от мистера Джордана. Сэм ухмыльнулся и ушел.

Однако приказ Сэма, вероятно, не относился к мистеру Саймсу. Юноша увидел помощника астрогатора,

когда тот появился в дверях бара. Глаза мистера Саймса были какими-то странными, а лицо казалось краснее обычного. Помощник астрогатора окинул взглядом зал, причем его тело поворачивалось вместе со взглядом. Наконец он увидел Макса, и на его лице появилась зловещая усмешка.

— Ну и ну! — произнес он, подходя к Макс. — Да это наш корабельный гений!

— Добрый вечер, мистер Саймс, — приветствовал его Макс.

— Ага, значит «добрый вечер, мистер Саймс». А что вы произнесли про себя?

— Ничего, сэр.

— Неужели? Не надо обманывать, я все равно догадываюсь. Впрочем, у меня о вас такое же мнение, даже хуже. — Макс промолчал, и Саймс продолжал. — Ну что же вы не пригласите меня сесть?

— Садитесь, сэр, — произнес Макс бесстрастным голосом.

— Вот как, какая доброта! Корабельный гений приглашает меня сесть рядом с ним. — Он сел, подозвал официанта, сделал заказ и снова повернулся к Макс. — А знаете ли, мистер Гений, почему я сел за ваш стол?

— Нет, сэр.

— Заронить вам в голову мысль, вот почему. С того самого момента, как вам удалось выкинуть этот фокус с компьютером, вы стали любимчи... бюлимчи... нет, любим-чи-ком Келли, — наконец выговорил Саймс. — Но для меня это не имеет никакого значения. Попробуйте только подлизаться к астрогатору, как подлизывается это ничтожество Келли, и я выгоню вас из рубки управления. Понятно?

Макс почувствовал, как теряет самообладание.

— Что вы имели в виду, говоря про «фокус с компьютером», мистер Саймс?

— А вы сами не знаете? Наверно, сумели запомнить поддюжины последних переходов, а теперь Келли и профессор думают, что вы знаете наизусть всю книгу. Подумать только, гений среди нас! Так вот, для меня вы...

К счастью для Макса их прервали: юноша почувствовал, как ему на плечо легла твердая рука и спокойный голос Сэма произнес:

— Добрый вечер, мистер Саймс.

Саймс озадаченно посмотрел на Сэма, затем узнал его и улыбнулся.

— Да это же наш полицейский! Садитесь, констебль. Выпейте стаканчик.

— С удовольствием, мистер Саймс. — Сэм подвинул к столу еще одно кресло.

— Вы знакомы с нашим гением? Вот с этим парнем?

— Приходилось встречаться.

— Ага! Тогда не сводите с него глаз. Считайте это приказом. Он слишком умен — да-да, слишком. Попросите его назвать цифру — любую цифру от одного до десяти.

— Семь.

Мистер Саймс радостно постучал кулаком по столу.

— Что я говорил? Он запомнил цифру еще до того, как вы подошли к нам. Наступит время — он запомнит число, и его напишут крупными цифрами на груди нашего гения. Знаете что, констебль? Я не люблю гениев. Не доверяю им. Они слишком умны.

Невозмутимость Сэма успокоила Макса, и юноша замолчал. Тут к столу подошел Гиглаз; Макс увидел, что Сэм написал несколько слов на обратной стороне меню и передал его вместе с деньгами гуманоиду. А мистер Саймс был слишком увлечен своим монологом и ничего не заметил. Сэм дал ему возможность поговорить несколько минут и вдруг прервал его:

— Мне кажется, что у вас здесь друг.

— Какой друг? Где?

Сэм указал пальцем на Долорес. Девушка стояла у стойки бара, улыбалась и манила к себе помощника астрогатора. Саймс ухмыльнулся и радостно воскликнул:

— Да ведь это моя тетя Сэди!

Он встал и, покачиваясь, направился к Долорес.

Сэм удовлетворенно потер руки.

— Все, с этим покончено. Он здорово надоед тебе, малыш?

— Изрядно. Спасибо, Сэм. Мне только не нравится, что теперь его жертвой станет Долорес. Она кажется мне хорошей девушкой.

— Не беспокойся о ней. Она выманит у него все деньги — да и все остальное тоже. А он только утром поймет, что с ним произошло. — Внезапно его взгляд стал жестким и пристальным. — Мне нравятся офице-

ры, которые ведут себя как офицеры. Если ему хочется напиться, пусть напивается в своей части города. Ну ладно. — Сэм улыбнулся. — Ну что, малыш, кое-что изменилось в нашей жизни, а? Она стала совсем другой, после того как «Асгард» покинул Терру.

— Да уж точно.

— Тебе нравится работать с парнями в «беспокойной дыре»?

— Еще никогда в жизни я не получал такого удовольствия, Сэм. К тому же я быстро овладеваю новой профессией — по крайней мере так говорит мистер Келли. Вообще там парни что надо — за исключением вот этого. — Юноша кивнул в сторону Саймса.

— Не стоит переживать. Даже в самом вкусном супе обязательно плавают дохлая муха. Смотри, чтобы он не собрал на тебя компромат.

— Постараюсь.

Сэм внимательно посмотрел на юношу, затем тихо спросил:

— Ну, ты готов к решительному шагу?

— Какому?

— Я собираю деньги для нас обоих. Теперь все в порядке.

Максу было трудно ответить. Он понимал, что его перевод в рубку управления ничего не изменил; опасность разоблачения по-прежнему угрожала ему. Но юноше так нравилась атмосфера напряженной увлекательной работы, он так уставал после вахты, падая на койку и мгновенно засыпая, что забыл о замысле Сэма. Теперь он вспомнил об их разговоре и принялся водить пальцем по мокрой клеенке, пытаясь собраться с мыслями.

— Мне так хочется, — задумчиво произнес он, — чтобы нам удалось найти способ скрыть свои следы.

— Я ведь уже сказал тебе, что такой способ есть. Твои документы должны затеряться.

Макс поднял голову.

— Ну и что будет дальше? Допустим, мне удастся совершить еще один полет. Но я хочу работать в космосе постоянно. — Он взглянул на поверхность стола и аккуратно начертил на ней гиперболоид. — Думаю, лучше всего будет отправиться с тобой. Если я вернусь на Терру, мне грозят трудовые батальоны — это при условии, что я сумею избежать тюрьмы.

— Чепуха.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Слушай внимательно, малыш. Мне бы хотелось взять тебя с собой в качестве компаньона. Надежный товарищ рядом — это гарантия успеха. Но ты можешь остаться в космосе и стать астронавтом, причем твое досье будет совершенно идеальным.

— Каким образом?

— Потому что ты переходишь из одной гильдии в другую. Теперь необходимо, чтобы потерялся всего один документ — досье о твоей деятельности с поварами, стюардами и клерками. И их гильдия никогда не заметит этого, потому что ты уже не будешь числиться в их списках. Ты начнешь свою трудовую деятельность заново, в компании вычислителей и компьютеров, причем твои документы будут полностью законными.

Макс замер. Искушение быть таким сильным.

— А как быть с докладом в департамент гильдий и труда?

— То же самое. Разные бланки поступают в разные отделы. Я проверил. Один отчет исчезает, в гильдию поступает другое досье, и в результате помощник стюарда Джонс исчезает, тогда как ученик вычислителя Джонс начинает карьеру с новыми документами.

— Сэм, но почему ты не поступишь так же? С твоим влиянием ты запросто можешь перейти... ну, скажем...

— Куда? — Сэм печально покачал головой. — Нет, малыш, мне переходить некуда. К тому же есть причины, по которым мне лучше всего спрятаться как можно дальше. — Вдруг его лицо просияло. — Знаешь, мне только что пришла в голову отличная мысль. Перед тем как уйти с корабля, я придумаю себе новое имя. Когда-нибудь, через пару лет, а может быть, через десять или двадцать, ты совершишь посадку на Новой Терре и разыщешь меня. Мы разопьем бутылочку и поговорим о времени, когда мы были молодыми и веселыми, а?

Макс улыбнулся, хотя на сердце было тяжело.

— Обязательно, Сэм, обязательно. — Он нахмурился. — Но, Сэм, я не буду знать, как поступить, — и тебя не будет рядом.

— Перед тем как уйти, я позабочусь обо всем. Нельсон бегаёт сейчас за мной как ручная собачонка. Устроим так: заплатим наличными половину теперь, а

вторую половину после успешного завершения дела. Кроме того, я сделаю так, что ты сможешь воздействовать на него — как, скажу потом, когда понадобится. После посадки в земном космопорту он попросит тебя отправить почтой отчеты, потому что ты идешь в увольнение, а ему нужно закончить работу. Ты проверишь, есть ли среди бумаг два нужных тебе отчета и тут же заплатишь ему. Вот и все.

— Пожалуй, так лучше всего, — медленно произнес Макс.

— И перестань нервничать. У каждого в прошлом таится что-то неприятное; задача заключается в том, чтобы сохранить эту тайну. — Сэм отодвинул в сторону пустой стакан. — Ты не будешь возражать, малыш, если сейчас мы вернемся на корабль? Или ты собирался еще погулять?

— Нет, не буду.

Радость юноши при выходе на первую незнакомую твердь исчезла — он был вынужден признаться, что Планета Карсона была печальным образцом Галактики.

— Тогда пошли. Мне нужно кое-что прихватить с собой, и может понадобится твоя помощь.

Оказалось, что помощь действительно нужна — у Сэма было четыре сравнительно больших свертка, которые он держал в автоматических камерах хранения.

— Что в них? — спросил Макс с любопытством.

— Стеганные чехлы для чайников. Несколько тысяч. Я собираюсь продать их лысым жителям Порциона под видом шапочек.

Обидевшись, юноша замолчал.

Все, приносимое на борт корабля, должно было подвергаться досмотру, но дежурный корабельной полиции у воздушного шлюза не настаивал на осмотре вещей, принадлежавших старшине полиции — скорее он рискнул бы обыскать офицера. Макс помог Сэму отнести свертки в кладовую, находившуюся под полным контролем начальника корабельной полиции.

Глава 11

ЧЕРЕЗ ГРУЗОВОЙ ЛЮК

На путь от Планеты Карсона в обход ню Пегаси к Хальциону требуется три перехода через гиперпространство, — соответственно в 105, 487 и 19 световых лет, — в то время как по прямой — менее 250 световых лет. Однако ни расстояние по прямой, ни псевдодистанция перехода не являются важными; «Асгард» пролетел от исходной точки пути до конечной меньше одного светового года. Термин «по линии полета вороны» имеет значение только для ворон.

Первый переход осуществился через месяц после вылета с Планеты Карсона. После взлета Келли перевел Макса на новый вахтенный график: через две вахты на третью, причем юноша нес вахту вместе с самим Келли. В результате Максу удавалось спать намного больше. Помимо этого старший вычислитель старался уделять как можно больше времени обучению юноши (поскольку ценность вахты Саймса для пополнения знаний Макса была равна нулю) и вообще старался держать его подальше от помощника астрогатора, к огромной радости Макса. Догадался Келли о трениях между Максом и мистером Саймсом, или причина была иной — юноша так и не узнал, а спросить не осмелился.

Вахта Макса по-прежнему оставалась тренировочной: он никого не подменял, и никто не подменял его. У него вошло в привычку не уходить из рубки управления раньше Келли, если только старший вычислитель сам не приказывал уйти. Это привело к тому, что Макс часто виделся с доктором Гендриксом, потому что Келли обычно оставался после дежурства и беседовал с астрогатором... и нередко астрогатор проявлял интерес к учебе Макса.

Бывало, что на вахту доктора Гендрикса приходил капитан. Однажды астрогатор воспользовался таким случаем и попросил Макса продемонстрировать капитану Блейну и первому офицеру Уолтеру свой необычный талант. Юноша подчинился — и не допустил ни единой ошибки, хотя был взволнован присутствием капитана. Тот следил за ответами Макса с немалым изумлением. Уходя, он сказал:

— Спасибо, молодой человек. У вас поразительные способности. Позвольте, — а как ваша фамилия?

— Джонс, сэр.

— Ну конечно, Джонс, — как это я забыл? — Старик несколько раз мигнул. — Должно быть, ужасно быть не в состоянии забыть что-то — особенно по ночам. Следите за тем, молодой человек, чтобы совесть у вас всегда была чиста.

На следующий день доктор Гендрикс сказал юноше:

— Не уходите, Джонс. Вы мне понадобятся.

— Хорошо, сэр.

Астрогатор несколько минут побеседовал с Келли и снова обратился к Джонсу:

— Ваш цирковой номер произвел на капитана большое впечатление, Джонс. У него возник вопрос, а не можете ли вы производить мгновенные математические расчеты.

— Гм... нет, сэр. Это выше моих возможностей. Однажды я был на представлении, где выступал такой артист. Он проделывал вещи, которые мне не по силам.

Гендрикс отмахнулся.

— Это ерунда. Но, насколько я помню, вы говорили мне, что дядя учил вас математической теории?

— Не всей теории, сэр. Лишь той части, которая касается астрогации.

— А вы думаете, о чем я говорю? Вы знаете, как рассчитать переход через гиперпространство?

— Думаю, что да, сэр.

— Откровенно говоря, я в этом сомневаюсь, несмотря на то что вас учил достопочтенный брат Джонс. Но все-таки попытаемся.

— Прямо сейчас, сэр?

— Да. Попробуйте. Представьте, что вы — вахтенный офицер. Келли будет помогать, а я — наблюдать. Вычислите маневр приближения, на который мы выйдем. Я понимаю, что мы еще слишком далеко от перехода, но вы должны исходить из того, что от ваших действий может зависеть безопасность корабля.

Макс глубоко вздохнул.

— Слушаюсь, сэр, — произнес он и полез за новыми пластинками для камер.

— Стоп! — резко остановил его Гендрикс.

— Почему, сэр? — недоуменно спросил Макс.

— Если вы — вахтенный офицер, то где обслуживающий персонал? Ногучи, помогите ему.

— Слушаюсь, сэр. — Ногучи улыбнулся и подошел к юноше. Склонившись над паралактической камерой, Ногучи прошептал ему: — Не обращай внимания на окрики и не нервничай, дружище. Давай поработаем как следует. Келли поможет тебе в трудный момент.

Но Келли и не думал помогать; он взял на себя роль рядового вычислителя и ничего больше. На его бесстрастном лице полностью отсутствовало всякое выражение, и Макс не мог понять, правильны его действия или он совершает грубую ошибку. После того как Макс провел пеленгацию и получил сравнительные данные с пластинок и звездных карт, он не стал вводить информацию в компьютер, а предоставил это Ногучи, причем Келли перевел данные из десятичной системы в бинарную. Через некоторое время на экране засветились цифры, и Максиму оставалось надеяться, что это правильный ответ.

Доктор Гендрикс молча поднес пластинки к стереографу и начал снова решать эту же задачу, Келли и Ногучи помогали теперь ему. Скоро на экране высветились цифры. Астрогатор взял у Келли таблицы и сам сделал перевод из одной системы в другую.

— Наши результаты расходятся в девятом десятичном знаке, — заметил доктор Гендрикс. — Неплохо.

— Значит, я совершил ошибку в девятой цифре, сэр?

— Я не говорил этого. Возможно, ошибку совершили не вы, а я.

На лице Макса появилась широкая улыбка и тут же исчезла: астрогатор был чем-то недоволен.

— Почему вы не воспользовались для проверки доплеровскими спектрами?

Макс похолодел.

— Я совсем забыл, сэр.

— Мне казалось, что вы из тех, кто ничего не забывает?

Инстинктивно — и правильно — Макс подумал, что существует два типа памяти. Один — это когда человек забывает шляпу в раздевалке ресторана; это может случиться с кем угодно. Другой — неспособность вовремя вспомнить то, что когда-то знал.

— Вахтенный офицер не должен забывать вещи, от которых зависит безопасность корабля, — продолжал Гендрикс. — И все-таки вы отлично справились с поставленной задачей — за исключением одного: вы работали слишком медленно. Если бы вы мчались, все время приближаясь к скорости света и готовясь в любую секунду совершить переход в гиперпространство, ваш корабль оказался бы в царстве теней и рухнул в реку Стикс еще до того, как вы успели бы закончить расчеты. Но для первого раза — отлично.

Астрогатор отвернулся. Келли кивнул в сторону люка, и Макс вышел из рубки.

Уже засыпая, Макс задумался о том, что доктор Гендрикс мог бы назначить его... нет! Юноша отбросил эту мысль. В конце концов, Келли тоже мог делать ту же работу. Макс много раз наблюдал, как старший вычислитель делал расчеты ранних подходов и намного быстрее. Может быть, и Ногучи справился бы с заданием.

Ну конечно, Ногучи справился бы. В конце концов, в астрогации не существует тайн.

Когда «Асгард» приблизился к первой аномалии, легкие вахты, когда офицеры заступали на каждую

третью, а специалисты — на каждую четвертую, кончились. Теперь все несли вахту через раз, причем в каждой смене были астрогатор, помощник астрогатора, вычислитель и прокладыватель курсов. Наконец-то Макс доверили настоящее дежурство. Главным был доктор Гендрикс, а помогал ему вычислитель первого класса Ковак, Макс прокладывал курс на картах и выполнял вспомогательные обязанности, а Ногучи работал за компьютером. Во второй смене были мистер Саймс как вахтенный офицер, ему помогал старший вычислитель Келли, Смит занимался картами, а у компьютера сидел Лунди. Макс обратил внимание на то, что доктор Гендрикс отдал своих лучших специалистов Саймсу, а себе взял других. Причины юноша не понимал, но был очень рад, что не попал в одну смену с Саймсом.

Наконец Максу стало ясно, почему рубку управления называют «беспокойной дырой». Доктор Гендрикс превратился в робота с застывшим лицом; он вводил в машину одно измерение за другим и требовал, чтобы его снабжали точными данными, причем быстро, и при этом соблюдали полную тишину. На протяжении последних двадцати часов перед началом маневра астрогатор не выходил из рубки управления; так же работали и все остальные специалисты, прерываясь лишь на короткое время.

Саймс заступил на свою обычную вахту, но доктор Гендрикс не отходил от него и, склонясь через плечо, проверял расчеты, которые тот производил. Два раза он требовал, чтобы помощник заново провел вычисления, а один раз, раздраженно оттолкнув его в сторону, сам рассчитал часть задачи. Когда это произошло впервые, Макс непонимающе уставился на астрогатора и его помощника — и тут заметил, что все остальные в рубке управления делают вид, что не обращают внимания на отношения доктора Гендрикса и Саймса.

По мере приближения критического момента напряжение в рубке нарастало. Подход к аномальному интрапространственному переходу вряд ли можно сравнить с любой другой формой пилотирования корабля, осуществляемого людьми. Это было что-то вроде слепого полета на самолете, летящем со скоростью в тысячу миль в час и на огромном расстоянии нацелившемся в узкий туннель, который даже не виден. Конгруэнтность

Хорста невозможно увидеть, ее необходимо рассчитать с помощью сложнейших математических способов, основанных на воздействии массы на пространство. «Туннель» в данном случае — это всего лишь некое пустое пространство в колоссальной пустоте. Приближаясь к планете, астрогатор находит свою цель визуально или с помощью радиолокатора, а скорость корабля составляет всего несколько миль в секунду. Однако, приближаясь к переходу сквозь «ворота» в конгруэнтности Хорста, корабль мчится со скоростью, едва уступающей скорости света, а в решающий момент достигает ее. Ближайшие ориентиры находятся на расстоянии в миллиарды миль, к тому же передвигаются со звездными скоростями, причем создается впечатление, что они концентрируются вместе в видимо преувеличенном эффекте параллакса, который возможен лишь в том случае, если наблюдатель сам летит почти так же быстро, как и его путеводная нить, ведущая к цели, и скорости — фронтальные части волн электромагнитного спектра.

Все это напоминает полуночные поиски в темном погребке черного кота, которого там нет.

Приближалось время перехода через гиперпространство, и Келли сам сел в кресло перед компьютером, а Лунди расположился рядом. Смит и Ковак прокладывали курс на картах, тут же сообщали данные доктору Гендриксу, который диктовал текст программы вычислителям у компьютера, высчитывая в уме параметры задач и обращаясь за их решением к электронному мозгу почти одновременно. Теперь машинное отделение было под его начальством; его руки лежали на переключателях, расположенных на консоли управления — один удерживал «Асгард» на скорости, чуть уступающей скорости света, а другой должен был дать кораблю окончательный толчок в решающий момент и прорвать невидимый барьер стены Эйнштейна.

Макса оттеснили в сторону, сейчас не было работы, в которой другие специалисты не имели бы больше опыта. Казалось, и Саймс не знал, чем заняться; в этот критический момент в рубке было место лишь для одного астрогатора.

Из всех находящихся в «беспокойной дыре» один капитан Блейн сохранял полное спокойствие. Он сидел в капитанском кресле, курил и наблюдал за действиями

астрогатора. Лицо доктора Гендрикса было серым от усталости, грязным и потным. Мундир был расстегнут. Казалось, что астрогатор спал, не раздеваясь, хотя последние сутки он не сомкнул глаз. Макс смотрел на него и задавал себе вопрос, почему он так стремился стать астрогатором, взвалить на себя огромное бремя ответственности, которое ни с кем нельзя было разделить.

Однако четкий и громкий голос доктора звучал как всегда, в нем не было ни малейших признаков усталости. Бесконечные цифры произносились без малейших колебаний, четко и понятно всем, причем Гендрикс говорил так ясно, что не могло возникнуть сомнений и не было необходимости повторять; «девять» всегда звучало в два слога, а «пять» — в один. Макс слушал, запоминал и изумлялся.

Он поднял голову и посмотрел сквозь прозрачный купол в космическое пространство, искаженное колоссальной скоростью, с которой мчался корабль. Звезды впереди и над головой за последнее время подвинулись друг к другу — сильнейший параллактический эффект смещал их, и казалось, что они исчезают в том же секторе неба, к которому приближался «Асгард». Сейчас за ними следили с помощью инфракрасного излучения, вторгавшегося в приближающиеся фронты волн с такой быстротой, что доплеровский эффект превращал тепловые волны в свет, видимый невооруженным глазом.

Поток цифр внезапно прекратился. Макс посмотрел вниз, и снова поспешно взглянул в небо, услышав возглас доктора Гендрикса: «Приготовиться!»

Звезды собрались вместе, затем мгновенно исчезли, и в то же самое мгновение возникла другая, совершенно новая вселенная, усыпанная другими звездами.

Гендрикс выпрямился, устало вздохнул и посмотрел сквозь прозрачный купол.

— Вот Памятник Альберта, — тихо произнес он. — А это — Шестиугольник. Ну что ж, капитан, по-видимому, на этот раз все прошло благополучно. — Он повернулся к Саймсу. — Принимайтесь за исполнение своих обязанностей, мистер.

Гендрикс посторонился у выхода, уступая дорогу капитану, и вышел вслед за ним.

Снова потянулись неторопливые вахты; до следующего перехода оставалось много дней. Макс исполнял обязанности старшего вычислителя вместо Ковака, который временно заменил доктора Гендрикса, потому что астрогатор получил недельный отдых. Работы было немного, и исключительные способности доктора не требовались. Макс с огромным удовольствием исполнял свои новые обязанности и с особой гордостью расписывался в журнале: «М. Джонс, вахтенный вычислитель». Ему казалось, что он наконец занял приличествующее ему место, несмотря на то что Саймс постоянно к нему придирался, а Келли продолжал обучать его профессии специалиста рубки управления.

Однажды, когда Макс был свободен от вахты, ему сообщили, что его вызывает астрогатор. Юноша немного удивился, но не испугался. Он надел форму, причесался и поднялся выше палубы «В».

— Ученик вычислителя Джонс прибыл, сэр.

В каюте сидел Келли и пил с астрогатором кофе. Доктор Гендрикс кивнул в ответ на приветствие Макса, но не предложил ему сесть.

— Здравствуйте, Джонс. — Астрогатор повернулся к Келли. — Может быть, ты сообщишь ему эту новость?

— Если вы так считаете, сэр. — Келли явно был не в своей тарелке. — Видите ли, Джонс, дело обстоит следующим образом: в нашей гильдии вам делать нечего.

Макс был так потрясен, что не знал, как ответить. Он хотел что-то сказать, но не смог вымолвить ни единого слова. Келли продолжал:

— Вам лучше попытаться стать астрогатором. Мы с доктором уже обсудили это.

У Макса закружилась голова. Он не сразу услышал, как доктор Гендрикс произнес несколько раз:

— Ну что, Джонс? Хотите попробовать? Или не хотите?

— Да, сэр, — наконец пробормотал юноша. — Очень хочу.

— Превосходно. Мы с Келли наблюдали за вами. Как он, так и я, придерживаемся мнения, что у вас может оказаться скрытый талант в этой области, — если удастся, разумеется, его развить и вы сумеете овладеть необходимой скоростью расчетов. Вопрос в следующем: как вы сами считаете?

— Пожалуй... да, сэр, я надеюсь, что сумею!

— Я тоже, — сухо ответил Гендрикс. — Ну, увидим. Если ваша попытка окажется неудачной, вы вернетесь в свою гильдию и, таким образом, все останется, как раньше. Нет, не как раньше, — вы станете более квалифицированным вычислителем. — Астрогатор повернулся к Келли. — Я хочу поговорить с ним с глазу на глаз. Потом мы примем окончательное решение.

— Хорошо, сэр. — Келли встал.

После того как старший вычислитель покинул каюту, Гендрикс взял с письменного стола личное дело члена команды «Асгарда».

— Это ваше? — спросил он Макса резким тоном.

Юноша посмотрел на досье и с трудом выдавил:

— Да, сэр.

Доктор Гендрикс не сводил взгляда с лица Макса.

— Итак, что вы думаете о своей карьере до настоящего времени? Хотите сказать что-нибудь?

Наступила пауза, продолжавшаяся, может быть, несколько секунд, но Максу она показалась бесконечной. Затем в душе у юноши словно прорвалась плотина, и он услышал свой ответ, доносившийся издалека:

— Создавшееся обо мне впечатление неверно, сэр. Моя карьера фальшива с начала до конца.

Произнося эти слова, юноша подумал, зачем он это говорит? Макс чувствовал, что собственными ногами растоптал единственную надежду добиться исполнения мечты. И все-таки вместо разочарования он испытал какое-то облегчение.

Гендрикс положил личное дело Макса на стол.

— Хорошо, — кивнул он. — Очень хорошо. Если бы вы ответили мне по-другому, я выгнал бы вас из рубки управления. Мне не надо обманщиков. А теперь расскажите мне все. Садитесь.

Юноша опустилсся в кресло и рассказал астрогатору все. Он умолчал только о Сэме и скрыл подробности, по которым его можно было бы узнать. Доктор Гендрикс заметил это и спросил Макса о приятеле.

— Я не могу ответить, сэр.

— Превосходно, — кивнул Гендрикс. — Я не буду пытаться найти этого вашего друга, если он находится на «Асгарде».

— Спасибо, сэр.

Наступила продолжительная пауза. Наконец доктор Гендрикс произнес:

— Скажи, сынок, почему ты решился на такой глупый обман? Неужели ты не понимал, что его рано или поздно раскроют?

Макс задумался.

— Пожалуй, я догадывался об этом, сэр. Но мне хотелось отправиться в космос, и другого способа у меня не было.

Видя, что астрогатор молчит, юноша продолжал рассказ. Почувствовав облегчение, он наконец-то выложил всю правду, больше ничего не надо было скрывать. Макс чувствовал себя неловко, ему хотелось оправдаться. К тому же он был немного раздражен тем, что доктор Гендрикс не понимал, что Макс поступил так лишь потому, что другого выхода действительно не было и ему пришлось — да-да, пришлось! — пойти на невольный обман. По крайней мере так казалось Максу.

— А как бы поступили вы на моем месте, сэр?

— Я? Да разве можно ответить на такой вопрос? По сути дела вы спрашиваете меня, считаю ли я вас виновным, а ваш поступок незаконным?

— Пожалуй, сэр, именно это мне и хотелось узнать от вас.

— Скажите, юноша, разве можно обманывать, подделывать документы и давать взятки? Это хуже чем плохо, это недостойно! — Астрогатор пожевал губами и продолжал: — Впрочем, эта точка зрения походит на мнение фарисеев и выражает мою собственную слабость. Не думаю, чтобы молодой бродяга без единого пенса в кармане мог позволить себе поступать достойно. Что касается остального, человеческая личность — вещь очень сложная, и я не могу судить вас. Адмирал лорд Нельсон был лжецом, развратником и не обладал внутренней дисциплиной. Президент Авраам Линкольн был необразованным, вульгарным человеком, и с психикой у него не все было в порядке. Список великих людей, не являвшихся человеческим идеалом, бесконечен. Нет, Джонс, я не могу быть вашим судьей; лишь вы один в состоянии вынести себе приговор. Соответствующие органы примут решение относительно вашей вины в рамках своей юрисдикции, меня же интересует

лишь одно: обладаете ли вы качествами, которые мне требуются.

Макс снова затрепетал. Он уже примирился с мыслью, что утратил все шансы стать учеником астрогатора.

— Вы хотите сказать, сэр...

— Поймите меня правильно, молодой человек. — Доктор Гендрикс постучал пальцем по фальшивому досье Макса. — Мне совсем не нравится ваш поступок. Он вызывает у меня отвращение. Но нельзя исключить вероятность того, что вы сумеете исправить допущенную ошибку. А мне очень нужен еще один вахтенный офицер; если вы сможете проявить себя должным образом, то займете эту должность. Не буду скрывать, что мои чувства основываются отчасти и на личных отношениях, — ваш дядя учил меня искусству астрогатора, а я попытаюсь обучить вас.

— Приложу все усилия, сэр. Спасибо.

— Не надо благодарить меня. В настоящий момент, признаться, я даже не испытываю по отношению к вам особенно теплых чувств. Не разговаривайте об этом ни с кем. Я попрошу капитана созвать собрание гильдии, на котором он, мистер Саймс и я проголосуем по вашему вопросу. Мы сделаем вас учеником астрогатора, что позволит капитану назначить вас временно на должность кадета торгового космического флота. Юридические особенности этого дела несколько отличаются от обычных, как вы, несомненно, знаете.

Макс не имел ни малейшего представления о юридической стороне дела, хотя ему было известно, что офицерами иногда становятся «через грузовой люк», но тут ему в голову пришла другая мысль.

— Вы упомянули мистера Саймса, сэр.

— Конечно. В соответствии с установленной процедурой ваше назначение должны утвердить все астрогаторы, с которыми вы работаете.

— И решение должно быть единогласным, сэр?

— Да.

— В таком случае, сэр, лучше даже не пробовать. Я благодарен за то, что вы выразили желание, но... — Юноша замолчал.

На лице доктора Гендрикса появилась холодная улыбка.

— Может быть, молодой человек, вы позволите мне самому заняться этой проблемой?

— Извините меня, сэр.

— Когда решение будет занесено в журнал, я сообщу вам.

— Понятно, сэр. — Макс встал. — Вы позволите, сэр, задать вам пару вопросов?

Гендрикс уже повернулся к своему столу.

— Да? — ответил он нетерпеливо.

— Вы не будете сердиться на меня, сэр, — просто интереса ради, — как вы узнали, что мои документы поддельные?

— Вот вы о чем. Не сомневаюсь, что об этом догадались несколько человек. Уверен, об этом знает Келли, судя по тому, что он избегал некоторых вопросов. Например, я слышал один раз, как Лунди упомянул в разговоре с вами отель «Киферс Риц» на Луне. Из вашего ответа, хотя и уклончивого, стало ясно, что вы не имеете представления об этом притоне, тогда как все астронавты знакомы с ним, потому что вход в него находится рядом с восточным шлюзом космопорта.

— А-а...

— Но все стало мне окончательно ясно в связи вот с этим. — Доктор Гендрикс кивнул на личное дело Макса, лежащее на столе. — Джонс, я привык обращаться с цифрами и даже бессознательно я не могу отказаться от этой привычки, — как не могу прекратить дышать. Из вашего досье ясно, что вы впервые совершили космический полет за год до того, как ваш дядя ушел на пенсию, — я хорошо помню, когда это произошло. Но вы сами сказали мне, что дядя занимался с вами дома, и, судя по вашей подготовке, это соответствует истине. Таким образом передо мной возникли два факта, противоречащие друг другу; стоит ли говорить о том, какому из них я поверил больше?

— Действительно, сэр, я не продумал все до конца.

— Совершенно верно, не продумали. Видите ли, Джонс, цифры — вещь очень упрямая. С ними нельзя играть без риска обжечься. Что еще вы хотите спросить?

— Меня интересует, сэр, что будет со мной дальше?

— Вот вы о чем, — равнодушно пожал плечами астрогатор. — Это будет решать гильдия стюардов и

клерков. Моя гильдия не принимает решения относительно проступка, совершенного в другой гильдии. Если, разумеется, члены гильдии астрогаторов не признают ваше поведение аморальным и тогда будут вынуждены принять меры.

Макс вышел из каюты доктора Гендрикса немного успокоенным. За время пребывания в космосе он впервые почувствовал облегчение. Перспектива наказания казалась не такой ужасной, как угроза, постоянно висевшая над головой. Наконец он совсем выкинул это из головы и предался восторгу по поводу того, что ему предоставится возможность — наконец! — попытаться стать астрогатором.

Как ему хотелось рассказать об этом Сэму... или Эми.

Глава 12

ХАЛЬЦИОН

Временное назначение было отмечено в корабельном журнале вечером того же дня. Капитан вызвал Макса к себе, заставил произнести клятву, затем поздравил с назначением и обратился к нему как к «мистеру Джонсу». Церемония оказалась очень простой, на ней не было зрителей кроме Гендрикса и секретаря капитана.

Но Макса гораздо больше удивило не само назначение, а то, что последовало за ним. Перемены начались немедленно.

— Можете потратить остаток дня, чтобы освоиться с новыми условиями, мистер Джонс, — заметил капитан, неуверенно моргнув несколько раз. — Вы не возражаете, доктор?

— Да, сэр, конечно.

— Хорошо. Беннетт, пригласите ко мне Дюмона.

Старший стюард, занимающийся размещением пассажиров, не проявил ни малейшего удивления по поводу того, что помощник стюарда третьего класса внезапно стал офицером. На вопрос капитана он ответил:

— Я собирался разместить мистера Джонса в каюте Б-014, сэр. Это вас устроит, сэр?

— Конечно, конечно.

— Тогда я поручу своим ребятам сейчас же перенести его багаж в новую каюту.

— Отлично. А вы отправляйтесь с Дюмоном, мистер Джонс. Впрочем, подождите минутку. Нужно найти для вас фуражку. — Капитан подошел к своему шкафу и начал копаться в нем. — Где-то у меня лежала фуражка, которая должна вам подойти...

Гендрикс стоял, заложив руки за спину.

— Я принес фуражку, капитан. Мне показалось, что мы с мистером Джонсом носим головные уборы одного размера.

— Отлично. А что если он уже чувствует себя таким важным, что у него размер увеличился?

На лице астрогатора появилась холодная улыбка.

— Если это так, я живо уменьшу его до булавочной головки.

Он вручил юноше фуражку. Астрогатор снял с кокарды широкую золотую полосу и солнце с расходящимися лучами; вместо них были узкая полоска и крошечное сияющее солнце, окруженное кольцом, — знак ученика астрогатора. Макс подумал, что это, должно быть, старая кокарда, сохраненная доктором Гендриксом как память о молодости. Запинаясь, юноша пробормотал слова благодарности и вышел вслед за Дюмоном из капитанской каюты, споткнувшись у порога.

Выйдя в коридор, Дюмон остановился.

— Вы можете не спускаться в кубрик, сэр. Продиктуйте мне комбинацию замка на вашем шкафчике, и мы все сделаем сами.

— Ну что вы, мистер Дюмон! У меня совсем мало вещей. Я принесу их сам.

Лицо Дюмона выглядело бесстрастным, как у дворецкого.

— Если позволите высказать предложение, сэр, может быть, вы пожелаете взглянуть на свою новую каюту, пока я займусь остальными проблемами. — Это не было вопросом; Макс совершенно правильно понял его содержание. — Перестань валять дурака, глупыш. Я знаю, как нужно сделать все это, а ты — нет. Поступай, как тебе говорят, пока не совершил какую-то грубую ошибку.

Юноша кивнул и послушно исполнил советы старшего стюарда. Не так просто продвинуться на одном

корабле от рядового члена команды до самой престижной должности офицера. Дюмон понимал это, тогда как Макс еще не сумел осознать изменившуюся ситуацию. Неизвестно, чем были продиктованы действия Дюмона — отеческой заботой или желанием следовать протоколу, а может быть, и тем и другим, однако Дюмон не собирался разрешать новоиспеченному офицеру спускаться ниже палубы «В» до тех пор, пока тот не научится достойно вести себя в этом новом для себя качестве.

На широкой койке, покрытой покрывалом, лежал настоящий матрас из пенопласта. В углу каюты находился умывальник с водопроводным краном и зеркалом. Над койкой висела полка для книг, а с другой стороны располагался шкаф для белья и форменной офицерской одежды. В каюте был даже откидной стол, прикрепленный к переборке. На стене висел телефон, а рядом с ним звонок, которым можно было вызвать дежурного стюарда! Рядом с койкой стояло его собственное кресло, корзина для мусора и — да-да! — на полу лежал крошечный коврик. Но самое главное — в каюте была дверь с замком.

То обстоятельство, что площадь каюты соответствовала по размерам примерно ящику для рояля, Макса ничуть не беспокоило.

Он выдвигал ящики и заглядывал во все уголки своего нового владения, когда вернулся Дюмон. Сам старший стюард не опустился до переноски скромного багажа Макса; эту задачу он доверил одному из подчиненных, обслуживавших верхние палубы. Помощник стюарда вошел в каюту и спросил:

— Куда поставить ваши вещи, сэр?

Макс смутился: молодой человек, который принес вещи, в течение нескольких месяцев сидел напротив Макса за обеденным столом в кают-компании обслуживающего персонала.

— А, это ты, Джим. Привет. Кинь их на койку. Большое спасибо.

— Пожалуйста, сэр. И примите мои поздравления.

— Спасибо, Джим.

Они обменялись рукопожатием. Дюмон позволил церемонии длиться минимальное время, затем сухо произнес:

— Можете идти, Грегори. Займитесь делами в кают-компании. — Он повернулся к Макс. — Есть еще пожелания, сэр?

— Нет. Все очень хорошо.

— Если позволите, мне хотелось бы заметить, что вряд ли вы сумеете сами пришить знаки отличия на китель. Не исключаю, конечно, что вы умеете обращаться с иглой и ниткой лучше меня, — усмехнулся Дюмон, и в его смехе прозвучала нотка должного почтения.

— Это верно. Иглой я владею не слишком хорошо.

— Миссис Дюмон сделает это гораздо лучше, сэр. У нее большая практика, ведь она помогает всем пассажирам. Можно, я заберу его с собой? Тогда ваш мундир будет готов и выглажен еще до ужина.

Макс с удовольствием отдал китель Дюмону. Внезапно ему пришла в голову пугающая мысль — ведь отныне ему придется сидеть за столом в «Бифрост Лаундж»!

Но до ужина произошли и другие неожиданности. Макс заканчивал несложную работу: раскладывал по ящикам шкафа свои скромные пожитки, когда раздался стук в дверь, и тут же, не ожидая ответа, кто-то вошел в каюту. Макс выпрямился — перед ним стоял Саймс.

Помощник астрогатора взглянул на фуражку юноши и расхохотался.

— Снимите ее побыстрее, иначе ваши уши могут не выдержать тяжести.

Макс не последовал его совету.

— Вы хотели поговорить со мной, сэр?

— Да. Хочу всего лишь дать вам совет, мистер Гений.

— Слушаю.

— Он заключается в следующем. На этом корабле только один помощник астрогатора — это я. — Саймс ткнул пальцем себя в грудь. — Запомните это. И я буду помощником астрогатора еще долго после того, как вас снова переведут в зверинец убирать навоз за коровами. Там вам и место.

Юноша почувствовал, что краснеет.

— Тогда почему вы не возразили против моего назначения? — спросил он.

Саймс снова рассмеялся.

— Вы что, принимаете меня за полного идиота? Капитан голосует за вас, астрогатор — тоже. И вы хотите, чтобы я рисковал своей карьерой? Гораздо проще подождать, пока вы наделаете ошибок, что неминуемо случится. К вам я зашел, чтобы сказать, что это тоненькая золотая полоска на кокарде ничего не значит. Вы по-прежнему будете подчиняться мне — да-да, подчиняться. Не забывайте этого.

Макс стиснул зубы и промолчал.

— Ну, что скажете?

— А что я должен сказать?

— Разве вы не слышали мой приказ?

— А-а, вот вы о чем. Слушаюсь, мистер Саймс. Не забуду. Никогда не забуду.

Саймс подозрительно посмотрел на него.

— Постарайтесь не забыть, — бросил он, повернулся и вышел из каюты.

Макс все еще смотрел на дверь, сжав кулаки, когда в дверь постучал Грегори.

— Ужин, сэр. Через пять минут.

Макс старался остаться в каюте как можно дольше, думая о том, как было бы хорошо убежать на свою прежнюю палубу и занять привычное место в теплом, шумном, уютном комфорте кают-компания младшего обслуживающего персонала.

Подойдя наконец к двери гостиной, он замер, парализованный страхом. Восхитительно убранный зал сиял огнями и выглядел как-то странно; действительно, юноша бывал здесь только рано утром, чтобы сменить ящик с песком, стоявший в коридоре камбуза, а тогда здесь горели только ночные лампочки.

Еще несколько секунд, и Макс опоздал бы — некоторые дамы уже сели, но капитан все еще стоял. Юноша понял, что ему следует стоять у своего кресла и опуститься в него только тогда, когда сядет капитан, — но куда идти? Он все еще колебался, когда услышал возглас:

— Макс! — К нему подбежала Элли и обняла за шею. — Я только что узнала об этом. Это великолепно! — Девушка посмотрела на него сияющими глазами и расцеловала в обе щеки.

Юноша почувствовал, как его лицо залила краска смущения. Ему казалось, что взгляды всех присутству-

ющих устремлены на него, и был совершенно прав. Смущение Макса стало еще больше, когда он заметил, что Элли одета в модное на Геспере вечернее платье, которое делало ее еще женственнее, старше и потрясло его пуританское воображение.

Когда Элли отпустила его, Макс почувствовал небольшое облегчение, но коленки его еще дрожали. Она начала что-то болтать — Макс не понимал смысла — и в это мгновение у ее локтя появился старший стюард Дюмон.

— Капитан ждет, мисс, — еле слышно, но твердо произнес он.

— Подождет! Ну, ладно... увидимся после ужина, Макс. — И Элли направилась к капитанскому столу.

Дюмон коснулся руки Макса и прошептал:

— Сюда, пожалуйста, сэр.

Место Макса оказалось за столом главного механика. Юноша знал мистера Компаньона в лицо, но еще никогда не разговаривал с ним. Шеф поднял голову, взглянул на Макса и сказал:

— Добрый вечер, мистер Джонс. Рад вас видеть. Дамы и господа, это наш новый офицер-астрогатор, мистер Джонс. Справа от вас, мистер Джонс, сидит миссис Дайглер. Далее мистер Дайглер, затем... — и главный механик представил ему всех сидящих за столом: доктор и миссис Вебербаур, а также их дочь Ребекка, мистер и миссис Скотт, мистер Артур, сеньор и сеньора Варпас.

Миссис Дайглер считала, что новое назначение Макса просто восхитительно и прелестно. Так радостно видеть за столом молодые лица. Она была гораздо старше Макса, но достаточно молода, чтобы выглядеть привлекательной, и сознавала это. Миссис Дайглер носила больше драгоценных камней, чем Максусу приходилось когда-либо видеть, а прическа была уложена в лакированную пирамиду высотой не меньше фута и украшена множеством жемчужин. Она выглядела такой же идеальной и дорогой, как прецизионный станок, и Макс чувствовал себя неловко рядом с ней.

Он мог бы сконфузиться сильнее, но ему помогла соседка. Она извлекла из глубокого декольте крошечный платок, лизнула его языком и повернулась к Максусу:

— Не двигайтесь, мистер Джонс. — И принялась вытирать его щеки. Макс снова покраснел, но послушно поворачивал голову. — Ну вот, теперь все в порядке, — объявила миссис Дайглер. — Мама все привела в порядок. — После этого она повернулась и посмотрела на главного механика. — Вам не кажется, мистер Компаньон, что в наш век стремительного развития науки можно было бы создать губную помаду, не оставляющую следов на щеках?

— Прекрати, Мэгги, — вмешался ее муж. — Не обращайтесь, мистер Джонс. — Она любит такие садистские выходки не в меньшей степени, чем нарядные платья.

— Я расквитаюсь с тобой за это, Джордж. Итак, каково ваше мнение, шеф?

Главный механик вытер губы салфеткой.

— Думаю, такая губная помада была изобретена давным-давно, но не нашла спроса. Женщины любят ставить свое клеймо на мужчинах, даже ненадолго.

— Так уж и любят!

— Мы живем в мире, которым правят женщины, мадам.

— Правда, мистер Джонс, Эддрет такая миленькая? — обратилась миссис Дайглер к Макссу. — Вы, наверно, были знакомы еще на Земле?

— Нет, мадам.

— Тогда как вы подружились? Все-таки на борту корабля не так много возможностей. Или я ошибаюсь?

— Мэгги, перестань приставать к молодому человеку. Дай ему поужинать.

Миссис Вебербаур, сидевшая с другой стороны, вела себя по отношению к Макссу спокойно и по-матерински, что резко контрастировало с вызывающим кокетством миссис Дайглер. Под ее доброжелательным взглядом Макс успокоился и начал есть. Тут он заметил, что держит вилку не так, как все остальные, попытался взять ее по-другому и уронил, обратил внимание на то, что у него грязные, плохо подрезанные ногти — и с трудом поборол желание залезть под стол. Ему удалось съесть примерно триста калорий, но это был главным образом хлеб с маслом.

В конце ужина миссис Дайглер снова привлекла внимание к Макссу, обратившись к главному механику:

— Мистер Компаньон, а ведь существует обычай отмечать новое назначение, подняв бокал в честь виновника торжества?

— Это верно, — согласился шеф, — только вновь назначенный офицер должен заплатить за шампанское. Таково правило.

Макс подписал счет, поданный ему Дюмоном. Взглянув на цену, он не поверил своим глазам, — его первый полет в космос, может быть, и оказался успешным с профессиональной точки зрения, однако с финансовой предвещал быстрое разорение. Тут же на столе появилась бутылка шампанского, охлажденного, в серебряном ведерке, и Дюмон извлек пробку с ловкостью, достигнутой длительной практикой.

Главный механик встал.

— Дамы и господа! Позвольте от вашего имени поздравить астрогатора Джонса. Пусть он никогда не ошибается в своих десятичных дробях!

— Поздравляем!..

— Браво!

— Ответное выступление!

Макс с трудом заставил себя встать и пробормотал:

— Спасибо.

Его первая вахта началась в восемь утра на следующий день. Макс завтракал в одиночку и с удовольствием думал о том, что, как вахтенный офицер, может есть или до пассажиров, или после. Он появился в рубке управления на добрых двадцать минут раньше срока.

Услышав шаги, Келли обернулся и произнес:

— Доброе утро, сэр.

— Доброе утро... э-э... шеф, — пробормотал Макс.

Он заметил, что Смит, сидевший у компьютера, улыбнулся, и поспешно повернул голову в сторону.

— У нас приготовлен свежий кофе, мистер Джонс. Хотите чашечку?

Макс взял чашку, которую ему протянул Келли. Пока пили кофе, Келли неторопливо сообщил своему сменщику о деталях предыдущей вахты — программа ускорения и положения корабля и вектор, действующие двигатели, взятые пеленги, отсутствие каких-то

особых распоряжений и тому подобное. Смита сменил Ногучи, а за несколько минут до начала смены в рубку вошел доктор Гендрикс.

— Доброе утро, сэр.

— Доброе утро, доктор.

— Здравствуйте. — Гендрикс взял чашку кофе и взглянул на Макса. — Вы уже приняли вахту у своего сменщика?

— Гм... нет, сэр.

— Так чего вы ждете? До смены осталось меньше минуты.

Макс повернулся к Келли и отдал ему честь.

— Вахту принял, сэр.

— Вахту сдал, сэр.

Келли тут же вышел из рубки. Доктор Гендрикс опустился в кресло, достал книгу и принялся читать. Макса начало охватывать чувство ужаса. Он понял, что наступил момент испытания, — его бросили в воду, и только от него самого зависит, выплывет он или утонет. Юноша сделал глубокий вдох и подошел к Ногучи.

— Ногги, давай подготовим пластинки для пеленгации.

— Как прикажете, сэр. — Ногучи взглянул на хронометр.

— Впрочем... еще рановато, пожалуй. Сделаем несколько доплеровских измерений.

— Слушаюсь, сэр. — Ногучи встал с кресла.

— Послушай, Ногги, не обязательно обращаться ко мне «сэр», — шепотом произнес Макс.

— Келли это не понравится, — прошептал в ответ Ногучи. — Пусть лучше все будет в соответствии с корабельными правилами.

— Ты так считаешь? Скажи, а как теперь ко мне относятся остальные ребята «беспокойной дыры»?

— Да они все болеют за тебя, надеются, что тебе удастся добиться успеха, — честно ответил Ногучи.

— Ты уверен?

— Конечно. Если только ты не станешь высокомерным и будешь относиться к нам, как к людям, — не то что некоторые. Правда, вычислитель Ковак более сдержан, — признался Ногучи. — Ты ведь знаешь, раньше он исполнял обязанности вахтенного офицера.

— Он что, обижается на меня?

— Вроде нет. Он все равно не рассчитывал долго продержаться на этой должности, особенно теперь, когда приближается момент перехода. Он не будет ставить тебе палки в колеса, это уж точно. Ковак — мужик справедливый и честный.

Макс решил, что надо постараться привлечь Ковака на свою сторону. Друзья замолчали и занялись доплероскопом, сняли показания звезд, расположенных впереди вектора, проверили полученные данные на спектроствеллографе и сравнили их с контрольными пластинками, хранящимися в сейфе. Сначала Макс у то и дело приходилось напоминать себе, что именно он руководит работой; но вскоре он так увлекся измерениями, что перестал испытывать стеснительность. Наконец Ногучи коснулся его рукава.

— Скоро десять часов, сэр. Мне пора приниматься за дело.

— Что? Да, конечно, действуйте.

Он напомнил себе, что не должен помогать Ногги — у вычислителя тоже были свои prerogatives. Но юноша все-таки проверил ход расчетов, как это делал доктор Гендрикс и чего почти никогда не делал Саймс; Келли иногда проверял расчеты, иногда — нет, в зависимости от того, кто их вел.

После того как были получены новые данные, Макс произвел программирование на бумаге — на этот раз у него было много времени, — затем продиктовал Ногучи полученные результаты для ввода в компьютер. Юноше пришлось самому перелистывать таблицы, потому что ему никто не помогал в переводе данных из одной системы в другую. Он уже знал ответ, но послушно исполнял указания Гендрикса и не полагался на память.

Полученный результат вызвал у Макса беспокойство. Судя по произведенным расчетам, корабль отклонился от курса. Расхождение было небольшим, но заметным. Макс перепроверил расчеты, дал указание Ногучи заново провести их через компьютер, пользуясь уже другим методом программирования. Итог оказался тем же.

Глубоко вздохнув, Макс рассчитал необходимые поправки и хотел уже обратиться к доктору Гендриксу за разрешением. Однако астрогатор все еще не обращал

на него никакого внимания; он сидел у контрольной консоли, читая роман, взятый в библиотеке корабля.

Юноша принял решение. Он подошел к консоли и сказал:

— Извините меня, сэр. Мне нужно заняться здесь работой.

Гендрикс молча встал и перешел в другое место. Макс опустился в освободившееся кресло и вызвал машинное отделение:

— Говорит вахтенный офицер из рубки управления. В одиннадцать часов увеличьте тягу. Сверим время.

Доктор Гендрикс несомненно слышал все, но не подавал вида. Макс ввел поправки и установил контрольный хронометр, чтобы ровно в одиннадцать двигатель заработал с большей мощностью.

За несколько минут до полудня в рубку вошел Саймс. Макс уже заполнил свою графу вахтенного журнала, приняв во внимание записи Ногучи, и подписался: «М. Джонс». Поколебался и добавил: «Вахтенный офицер». Саймс подошел к доктору Гендриксу, отковырял и произнес:

— Готов сменить вас, сэр.

Гендрикс заговорил в первый раз с восьми утра:

— Вот он — вахтенный офицер, — и указал на Макса.

На лице Саймса появилось озадаченное выражение, и он нехотя подошел к Максусу.

— Сменяю вас, — коротко бросил помощник астрогатора.

Пока Саймс читал вахтенный журнал и книгу приказов, Макс изложил ситуацию. Он продолжал перечислять технические данные, но Саймс прервал его:

— Я сменяю вас. А теперь вон из моей рубки управления, мистер.

Макс вышел из рубки. Доктора Гендрикса нигде не было видно.

Ногучи стоял у нижних ступенек лестницы. При виде Макса он поднял руку, соединил большой и указательный пальцы в знаке «о'кей» и кивнул, широко улыбнувшись. Макс ухмыльнулся и хотел было задать вопрос; ему не терпелось узнать, не было ли расхождение в курсах ловушкой, подстроенной для него Келли. Но тут

он решил, что делать этого не следует; лучше спросить самого Келли или разобраться в записях.

— Спасибо, Ногги.

Первая вахта оказалась типичной, потому что доктор Гендрикс продолжал считать Макса вахтенным офицером. Но теперь он не сидел молча в углу, наблюдая за действиями юноши, а часами безжалостно гонял его, заставляя осуществлять пеленгацию гораздо чаще, чем требовалось, непрерывно решать задачи, как будто «Асгард» вот-вот совершит переход через гиперпространство. Он не разрешал Максусу программировать на бумаге, словно для этого не хватало времени и данные должны были немедленно поступить в компьютер. Макс потел от напряжения, держа руки на кнопках дистанционного контроля, а доктор Гендрикс сам переводил для него цифры из десятичной системы счисления в бинарную. Астрогатор заставлял его работать все быстрее и быстрее, но не за счет точности, поскольку любая ошибка была непростительна и могла привести к роковому исходу. И все же главной целью была скорость.

— Если вы позволите мне, сэр, вводить данные прямо в компьютер, можно сэкономить много времени, — сказал однажды Макс.

— Когда у вас будет своя рубка управления, будете поступать именно так, — если сочтете это разумным, — резко бросил в ответ астрогатор. — А сейчас извольте делать то, что от вас требуют.

Время от времени Келли заменял Гендрикса в качестве контролера. Старший вычислитель вел себя официально, пользуясь такими фразами, как: «Если позволите высказать предложение, сэр...» или «Я думаю, что следует поступить вот так, сэр...» Но однажды он не выдержал и рявкнул:

— Черт побери, Макс! Нельзя выкидывать такие глупые фокусы!

— Спасибо, шеф, — улыбнулся Макс. — На мгновение я почувствовал себя как дома.

— Наверно, я устал, — смутился Келли. — Сейчас было бы неплохо выпить чашку горячего какао и покурить.

Как-то раз во время перерыва, заметив, что Лунди далеко и не может слышать разговора, Макс обратился к Келли:

— Скажите, шеф, вы ведь знаете больше, чем я когда-либо сумею узнать. Почему вы не пробовали стать астрогатором? Неужели у вас не было такой возможности?

На лице Келли появилась печальная улыбка.

— Однажды я попробовал, — тихо пробормотал он. — И теперь знаю, что это мне не по плечу.

Макс, сконфузившись, замолчал. Келли снова стал звать его по имени, когда им случалось быть наедине.

Макс не видел Сэма больше недели, после того как перебрался на палубу «Б». Их встреча оказалась случайной: юноша столкнулся с Сэмом у двери интендантской каюты.

— Привет, Сэм!

— Доброе утро, сэр! — Сэм выпрямился и молодежато козырнул. Широкая улыбка расплылась по его лицу.

— Ты что? Еще сэром меня называет! Ну как дела, Сэм?

— Вы не собираетесь ответить на мое приветствие? Мне поручено следить за соблюдением дисциплины на борту корабля, и я могу доложить об этом нарушении. Знаете, капитан очень строго относится к корабельному этикету.

Макс громко фыркнул.

— Можешь стоять с рукой, приложенной к фуражке, пока не превратишься в статую, клоун.

— Я собирался зайти и поздравить тебя с назначением, малыш, — опустил руку Сэм, — но всякий раз, когда я пытался встретиться с тобой, выяснялось, что ты на вахте. Не иначе как ты решил переселиться в «беспокойную дыру»?

— Очень близко к истине. Слушай, я свободен сегодня вечером до полуночи. Не будешь возражать, если я навещу тебя, Сэм?

— Я буду занят, — покачал головой Сэм.

— Занят? Почему? Что, ожидается побег из тюрьмы? Или массовые беспорядки?

— Пойми меня правильно, малыш, — рассудительно ответил Сэм. — Будет куда лучше, если ты оста-

нешься в своей части корабля, а я — в своей. Нет-нет, не перебивай и выслушай меня. Я так горжусь твоим успехом, словно изобрел тебя сам. Но поддерживать дружеские отношения с кем-то из команды тебе не разрешат, даже если твой друг — старшина полиции.

— Кто узнает об этом? И почему это должно интересовать кого-то?

— Ты не можешь не знать, что Джиордан с радостью сообщит Кайперсу о твоём поведении и о том, что ты не умеешь вести себя, как подобает офицеру, а уж старина Кайперс обязательно передаст это интенданту. Прошу тебя, послушайся меня. Разве я тебя обманывал когда-нибудь?

Макс согласился, хотя ему до смерти хотелось поговорить с Сэмом. Ему было необходимо сообщить приятелю, что поддельные документы уже больше не являются секретом, и посоветоваться относительно возможных последствий.

Разумеется, думал юноша, возвращаясь в свою каюту, ничто не удерживает меня от исполнения давнего намерения покинуть корабль вместе с Сэмом на Новой Терре, если не считать того, что теперь даже вообразить подобное было невозможно. Он стал офицером.

Корабль приближался к переходу в середине пути; специалисты рубки управления снова перешли на жесткий вахтенный график. Однако доктор Гендрикс по-прежнему не дежурил; вахтенными офицерами были Саймс и Джонс, сменявшие друг друга. Астрогатор присутствовал на каждой вахте Джонса, но требовал, чтобы юноша самостоятельно делал расчеты и брал на себя всю ответственность. Макс напряженно работал и не сдавался; он уже понял, что учебные задачи, равно как и теория, кардинально отличаются от практической ситуации, когда у него не было ни возможности, ни времени проверить свои вычисления. Теперь было необходимо решать все задачи правильно с первого раза, — но сомнения всегда оставались.

Когда наступили последние двадцать четыре часа и специалисты «беспокойной дыры» перешли на непрерывную вахту, Макс был уверен, что доктор Гендрикс

сменит его и примется за работу сам. Но астрогатор не сделал этого. Саймс был отстранен от несения вахты, кресло астрогатора занял Макс, и Гендрикс, наклонившись через его плечо, следил за расчетами, проверял их, но не вмешивался.

«Милосердное небо, — думал Макс, — неужели он прикажет мне осуществить переход? Ведь я еще не готов к этому. Я не справлюсь с волнением».

Однако данные поступали слишком быстро, чтобы Макс забеспокоился по-настоящему: ему нужно было обрабатывать их, получать ответы и принимать решения. И только за двадцать минут до начала перехода доктор Гендрикс молча оттолкнул его в сторону и взял на себя управление «Асгардом». Макс не успел прийти в себя, как они вырвались в новое пространство.

Последний этап приближения и переход перед Хальционом ничем не отличались от предыдущих. Прошло две недели спокойных вахт, которые несли Саймс, Джонс и Ковак, пока Келли и Гендрикс отдыхали. Максу нравились эти дни. Неся вахту, он продолжал практиковаться, пытаясь достигнуть нечеловеческой скорости доктора Гендрикса. Сменившись, юноша спал или развлекался. Гостиная «Бифрост Лаундж» больше не пугала его. Теперь он играл там в трехмерные шахматы с Элли, а Чипси сидела у него на плече и давала советы. Девушка сумела убедить капитана Блейна, что такое чисто плотное и послушное животное, как Мистер Чипс, и такое воспитанное — обезьянка говорила «доброе утро, капитан!» всякий раз, когда встречалась с ним — не должно жить в клетке.

Макс даже научился обмениваться остротами с миссис Дайглер — хотя, признаться, его попытки все еще были робкими. Он придумывал ответы и выжидал удобного момента. Элли грозилась научить юношу танцевать, правда, ему удавалось всякий раз откладывать ужасный момент до тех пор, пока возобновление постоянных вахт сделало это невозможным.

И снова он оказался в кресле астрогатора, с головой погружившись в напряженную работу, вычисляя параметры последнего этапа сближения с точкой перехода

в гиперпространство. На этот раз доктор Гендрикс заменил его лишь за десять минут до момента прорыва.

Приближение к Хальциону было спокойным, и решительность Элли победила: Макс научился танцевать и понял, что ему это нравится. У него было природное чувство ритма, он следовал всем указаниям, и ему было приятно держать в объятьях благоухающее мягкое тело девушки.

— Я научила тебя всему, что знаю, — заявила она наконец. — Ты самый лучший партнер, с которым мне пришлось встречаться, из тех, у кого две левые ноги, разумеется.

Элли настояла, чтобы он танцевал с Ребеккой Вебербаур и миссис Дайглер. Последняя оказалась неплохой партнершей — пока молчала, — а Ребекка была прелестна. Юноша уже предвкушал развлечения на Хальционе. Именно по этой причине Элли учила его танцевать — она говорила, что выбрала его своим компаньоном для прогулок по тамошней столице.

За все время сближения с Хальционом лишь одно нарушало счастливое настроение Макса — у Сэма были неприятности. Макс узнал об этом уже после того, как разразилась буря.

Однажды утром он встал очень рано, чтобы заступить на вахту, и наткнулся на Сэма, мывшего пол в тихих пассажирских коридорах. На нем был грязный комбинезон, и значок старшины корабельной полиции исчез.

— В чем дело, Сэм?

— А, привет, малыш. Не так громко — разбудишь пассажиров.

— Но что ты здесь делаешь, Сэм?

— Разве не видишь? Навожу марафет.

— Почему?

Сэм выпрямился и оперся на швабру.

— Видишь ли, малыш, произошло следующее: мы с капитаном разошлись во мнениях, и он одержал верх.

— Тебя что, разжаловали?

— Твоя догадливость поразительна.

— Что случилось?

— Макс, чем меньше ты будешь знать о случившемся, тем лучше. Не надо вмешиваться. *Sic transit gloria mundi* * — а по вторникам все бывает еще хуже.

— Послушай, Сэм, мне нужно побыстрее позавтракать и бежать на вахту. После нее мы встретимся и поговорим.

— Нет, не надо.

В конце концов Макс узнал о происшедшем от Ногучи. Сэм организовал казино в помещении запасного склада. Все бы ничего, если бы играли только в карты и кости, и «хозяин» получал бы свою обычную долю с оборота — в данном случае хозяином казино был старшина корабельной полиции, — но Сэм добавил к обычным развлечениям любителей азартных игр рулетку, и это привело к катастрофе. Джиордан заподозрил, что рулетка дает меньший процент выигрышей, а игра ведется не так честно, как в лучших казино Галактики. Он поделился сомнениями со старшим стюардом Кайперсом, после чего остановить развитие событий стало невозможно.

— Когда он установил рулетку?

— Сразу после того, как мы покинули Планету Карсона.

Макс тут же вспомнил о «стеганных чехлах для чайников», которые он с Сэмом пронес на борт «Асгарда».

— А вы разве не знали об этом, сэр? — поинтересовался Ногучи. — Мне казалось, что он был вашим близким другом — до того, как вы получили каюту на верхней палубе.

Макс что-то невразумительно пробормотал в ответ и принялся читать вахтенный журнал. Запись о случившемся была в графе Саймса — Беннетт сделал приписку. Сэму запретили покидать корабль до конца полета, окончательное наказание будет вынесено после возвращения на Терру. Последняя фраза означала, по-видимому, что капитан Блейн намеревался предоставить Сэму возможность загладить свою вину хорошим поведением, перед тем как передать материалы гильдиям для принятия окончательного решения, — капитан был неплохим стариком. Но что значит «запретили покидать

---

* Так проходит земная слава (лат.).

корабль»? В этом случае Сэм будет лишен возможности скрыться от преследований, которые ему угрожали еще на Земле.

Сменившись с вахты, Макс разыскал Сэма и вызвал его из кубрика в коридор.

— Но ведь я предупреждал тебя, чтобы ты не пытался встретиться со мной, — мрачно проворчал Сэм.

— Не валяй дурака, Сэм! Меня беспокоит положение, в котором ты оказался. «Запрещено покидать корабль» — это значит, что ты не сможешь...

— Замолчи! — Сэм произнес это слово шепотом, но таким свирепым, что Макс тут же умолк. — Послушай, малыш, — продолжал Сэм, — не вмешивайся в мои дела. Я имею теперь достаточно денег, а это самое главное.

— Но...

— Неужели ты думаешь, что им удастся удержать меня, если я захочу уйти с корабля? И не приходи сюда больше. Начальство тебя любит, и я хочу, чтобы так и было. Не хватало, чтобы тебе принялись читать лекции о плохой компании, с которой ты связался...

— Я просто хочу помочь тебе, Сэм.

— Тогда отправляйся к себе на верхнюю палубу и не вмешивайся.

На этом этапе Макс больше не встречался с Сэмом и перестал беспокоиться о его судьбе.

Гендрикс поручил юноше рассчитать заключительную траекторию полета к планете — это была детская игра по сравнению с переходом через гиперпространство, — затем доверил Макс у управление кораблем во время посадки. Это поручение было ответственным чисто формально, поскольку посадка была рассчитана заранее и производилась автоматически под контролем радиолокаторов. Макс сидел у контрольной панели, готовый в любую минуту взять управление в свои руки и совершить посадку самостоятельно, — а доктор Гендрикс стоял за его спиной, готовый принять управление на себя. Впрочем, такой необходимости не возникло; «Асгард» плавно опустился по рассчитанной траектории и мягко, как снежинка, коснулся грунта. Тут же включились силовые лучи, поддерживающие корабль в равновесии, и Макс доложил:

— Посадка совершена по расписанию, сэр.

— Объявить об изменении режима.

Макс включил корабельную трансляцию.

— Выключить главный двигатель! Все полетные группы могут покинуть вахту. Переходим на посадочный режим.

Из четырех дней на Хальционе первые три Макс провел, занимаясь руководством, а фактически обучаясь под руководством Ковака, как проводить плановый осмотр и текущий ремонт всех приборов рубки управления, которые необходимо было делать каждые три месяца. Элли была этим очень недовольна, поскольку у нее были другие планы. Однако в последний день пребывания на планете юноша отправился с ней осматривать достопримечательности Хальциона в сопровождении мистера и миссис Мендоза.

День прошел великолепно. По сравнению с Террой, Хальцион — невеселое место, а главный город — Бонапарт — даже не слишком похож на город. Тем не менее Хальцион являлся планетой земного типа с обычным воздухом, пригодным для человеческого дыхания, а пассажиры и команда «Асгарда» не выходили из корабля несколько месяцев, с момента взлета из земного космопорта, оставшегося позади в неслучайном количестве световых лет. Была середина местного лета, афелий уже прошел, и ню Пегаси сияла на голубом небе, заливая все вокруг теплыми и яркими лучами.

Мистер Мендоза нанял экипаж, и они покатали за город по дороге между зелеными невысокими холмами. Четыре маленьких, но крепких местных пони везли коляску, фыркая и мотая головами. Туристы посетили туземный пуэбло — огромное глиняное строение, состоявшее из бесчисленного множества усеченных конусов, и приобрели сувениры, причем при более тщательном осмотре на двух обнаружили надпись «Сделано в Японии».

Их кучер, герр Эйзенберг, играл одновременно роль переводчика. Туземец, продававший сувениры, то и дело поворачивал глаза один за другим в сторону миссис Мендозы. Наконец он прошептал что-то герру Эйзенбергу, и тот расхохотался.

— Что он сказал? — поинтересовалась миссис Мендоза.

— Это был комплимент, адресованный вам.

— Комплимент? О чем?

— Гм... он высказал точку зрения, что вас лучше всего жарить на углях и можно обойтись без приправ — у вас нежное мясо, и кушанье будет восхитительным. Между прочим, он так и поступил бы, — добавил герр Эйзенберг, — если бы вы остались здесь после захода солнца.

Миссис Мендоза взвизгнула.

— Вы не предупредили нас, что они — каннибалы. Джози, сейчас же отвези нас обратно!

Герр Эйзенберг посмотрел на нее с нескрываемым возмущением.

— Каннибалы? Ну что вы, мадам! Они не едят друг друга, только нас, да и то лишь тогда, когда выпадает случай. Уверяю вас, за последние двадцать лет не было ни единого инцидента!

— Но это еще хуже!

— Ничуть, мадам. Встаньте на их точку зрения. Они — цивилизованное племя. Этот старик никогда не нарушит туземных законов. Но мы для них всего лишь первосортная говядина, которая попадает к ним на стол, к сожалению, очень редко.

— Поехали немедленно обратно! Вы только посмотрите, их сотни, а нас всего пятеро.

— Не сотни, мадам, а тысячи. Но вам не угрожает никакая опасность, пока сияет Гнери на небе. — Он показал на ню Пегаси. — Убивать дичь при свете дня категорически запрещено, и ни один из них не рискнет нарушить табу. В противном случае виновника будут преследовать злые духи.

Несмотря на все его заверения, туристы все-таки решили ехать обратно. Макс обратил внимание, что Эддрет ничуть не испугалась. Сам он не мог понять, что помешало туземцам задержать их в деревне до захода солнца.

Обедали они в «Жозефине», лучшем и единственном ресторане Бонапарта. Здесь был настоящий оркестр из трех музыкантов, площадка для танцев и еда, которая, хоть и не отличалась выдающимися вкусовыми качествами, но по крайней мере не походила на ту, что подавали на «Асгарде», в «Бифрост Лаундже». В зале присутствовали почти все пассажиры и несколько офицеров; в общем, компания была веселой. Элли танцева-

ла с Максом в перерывах между блюдами. Юноша даже осмелился пригласить миссис Дайглер, когда та подошла к их столу.

Во время следующего перерыва Элли вывела Макса на балкон и мрачно посмотрела на него.

— Оставь в покое эту суку Дайглер, слышишь?

— Что? Но я не сделал ничего плохого.

Внезапно на ее лице появилась теплая улыбка.

— Разумеется, нет, милый ты мой дурачок. Но Элли должна позаботиться о тебе.

Она повернулась и оперлась на перила балкона. На Хальционе наступили сумерки, и три его луны появились на небе друг за другом. Высыпали звезды, причем в таком количестве, что небо Терры никак не могло бы соперничать с небом Хальциона. Макс увидел незнакомые созвездия и обнаружил направление, по которому они вылетят завтра, чтобы совершить переход через гиперпространство и достигнуть Новой Терры.

Пока юноша познакомился только с четырьмя новыми небесами, причем не хуже, чем с тем, что висело над его головой в холмах Озарка, — и узнает много других. Он уже изучал по картам небеса, которые ему предстояло увидеть во время полета.

— О Макс, посмотри, как прекрасно!

— Да, конечно. Смотри-ка, да это метеор! Они встречаются здесь редко, очень редко.

— Загадай желание, Макс! Загадай поскорее!

— О'кей.

Юноша загадал, чтобы легко отделаться после того, как его обман будет раскрыт на Земле. Затем решил, что это несправедливо; лучше пожелать, чтобы Сэм выпутался из своих неприятностей. Правда, Макс не верил ни в первое, ни во второе.

Элли повернулась и посмотрела ему в лицо.

— Ну, что ты загадал?

— Что? — Внезапно юноша смутился. — Это нельзя говорить, иначе не сбудется.

— Ладно. Но я уверена, что твое желание исполнится, — произнесла девушка с нежной улыбкой.

На мгновение ему показалось, что можно поцеловать Элли, и она не будет против — не надо только спешить. Однако момент прошел, и через несколько секунд они вернулись в зал ресторана.

Чувство блаженства не оставляло его, когда они возвращались на корабль. Видимо, он живет в хорошем мире, хоть в жизни и случаются трудные моменты. Вот он, уже по сути дела младший астрогатор во время своего первого космического путешествия, — а ведь прошло всего несколько недель, как он брал на несколько дней у Макалистера мулов, чтобы вспахать поле, и ходил босиком, чтобы не износить ботинки.

И вот он уже в форме офицера, едет рядом с самой богатой наследницей на четырех планетах.

Он погладил знаки отличия на груди. Теперь, когда он стал офицером, женитьба на Элли не представлялась ему такой уж безумной идеей. Если, разумеется, он захочет жениться. Ее отец, по-видимому, не будет считать офицера космофлота — к тому же астрогатора — нежелательной партией для своей дочери. Элли хорошая девушка; у нее твердый характер; к тому же она умеет играть в трехмерные шахматы, тогда как большинство девушек не в силах даже запомнить правила игры.

Макс все еще испытывал чувство блаженства, когда они подъехали к кораблю и поднялись на лифте к шлюзу.

У входа его ждал Келли.

— Мистер Джонс, капитан хочет поговорить с вами.

— Что? О, конечно. До свидания, Элли, — мне нужно бежать.

Он повернулся и поспешил следом за Келли.

— Что случилось?

— Доктор Гендрикс умер.

Глава 13

ПЕРЕХОД

Пока они шли, почти бежали, к каюте капитана, Макс попытался выяснить у Келли подробности случившегося.

— Не знаю, Макс, честное слово, не знаю. — Келли едва не плакал. — Я видел его перед ужином — доктор Гендрикс зашел в «беспокойную дыру» проверить, чем вы занимались с Коваком. Он выглядел здоровым. Однако вечером интендант нашел его мертвым в кровати. — Келли прибавил испуганным голосом: — Не знаю, что будет дальше.

— Что вы хотите сказать, шеф?

— Ну... если бы я был на месте капитана, я остался бы здесь и послал заявку на нового астрогатора. Трудно сказать, что теперь произойдет.

Лишь теперь Макс понял, что после смерти доктора Гендрикса астрогатором станет мистер Саймс.

— Сколько времени потребуется на то, чтобы дождаться смены?

— Рассчитайте сами. «Дракон» летит примерно в трех месяцах от нас; он забирает нашу почту. Замена прибудет примерно через год.

Макс знал, что вопреки распространенным представлениям сами звездные корабли являлись быстрей-

шим способом связи; радиограмма — если кому-нибудь пришла бы в голову глупая мысль послать ее — прибудет на Землю больше чем через двести лет и столько же времени потребуется, чтобы получить ответ.

Дверь капитанской каюты была открыта, и внутри толпились офицеры корабля, молча стоявшие перед столом капитана с торжественно-траурным выражением на лицах. Макс незаметно проскользнул между ними и постарался казаться незаметным. Келли стоял в коридоре и в каюту не вошел. Капитан Блейн сидел, склонив голову. После Макса появилось еще несколько человек, принимавших участие в праздничном обеде в ресторане «Жозефина». Первый офицер Уолтер пересчитал прибывших, убедился, что пришли все, и тихо сообщил капитану:

— Все корабельные офицеры собрались, сэр.

Капитан Блейн поднял голову, и Макс был потрясен, увидев, как постарело его лицо.

— Господа, — произнес он едва слышно, — вы уже знаете о происшедшей трагедии. Доктора Гендрикса нашли мертвым в каюте сегодня вечером. Причина смерти — сердечный приступ. Врач сообщил мне, что доктор Гендрикс скончался за два часа до того, как это обнаружили, и что его смерть была, скорее всего, совершенно безболезненной. — У него сорвался голос, но капитан справился с собой и продолжал: — Брат Гендрикс отправится на свою последнюю орбиту завтра через два часа после того, как мы взлетим с Хальциона. Таково было его желание, поскольку Галактика являлась его домом. Он не жалел сил и здоровья ради того, чтобы люди могли спокойно, не подвергаясь опасности, летать от одной звезды к другой.

Капитан замолчал, и пауза длилась так долго, что Макс показалось, что старик забыл о присутствующих. Но когда он снова заговорил, его голос был уже более твердым:

— Это все, господа. Астрогаторов прошу остаться.

Макс не был уверен, что ему следует считать себя астрогатором, но капитан сказал «астрогаторов», и это убедило его. Первый офицер направился было к выходу, но Блейн остановил его и попросил остаться.

Когда в каюте осталось всего четыре человека, капитан обратился к Саймсу:

— Мистер Саймс, вы немедленно примете на себя обязанности главы рубки управления. Мистер... — Взгляд капитана остановился на Максе.

— Джонс, сэр.

— Мистер Джонс будет, разумеется, исполнять свои обычные обязанности. В результате этой трагедии у нас не хватает астрогаторов, поэтому до окончания полета я буду нести вахту вместе с вами.

— В этом нет необходимости, капитан, — заметил Саймс. — Мы справимся.

— Может быть. Но я так хочу.

— Слушаюсь, сэр.

— Приготовьтесь к взлету по расписанию. Есть вопросы?

— Нет, сэр.

— Можете идти, господа. Голландец, прошу остаться на минуту.

Выйдя в коридор, Саймс отвернулся. Макс обратился к нему:

— Мистер Саймс.

— В чем дело?

— Какие будут указания?

Саймс смерил его взглядом.

— Исполняйте свои обязанности, мистер. Я займусь всем остальным.

На следующее утро Макс обнаружил на своем столе черную траурную повязку и уведомление от первого офицера, что траур продлится одну неделю. «Асгард» взлетел с Хальциона точно по расписанию, причем капитан молча сидел в своем кресле, а Саймс — у контрольной консоли. Макс стоял рядом с капитаном, хотя ничем не занимался. Если не считать отсутствия Гендрикса, все было как раньше, разве что Келли был в плохом настроении. Саймс действовал энергично и со знанием дела; правда, процедура и траектория взлета были заранее рассчитаны и введены в компьютер, поэтому взлетом мог руководить кто угодно. Черт побери, подумал Макс, да на месте Саймса вполне могла сидеть Элли, и ничего бы не изменилось; да что Элли, Чипси тоже справилась бы.

Первую вахту нес Макс. Саймс ушел из рубки управления, дав строгое указание не нарушать установленной процедуры, не позвонив предварительно ему. Час спустя Ковак временно сменил Макса, и юноша поспешил к воздушному шлюзу, предназначенному для пассажиров. Там в почетном карауле стояли капитан, Уолтер и Келли. Макс присоединился к ним. Позади почетного караула, заполнив коридоры, застыли офицеры и почти вся команда «Асгарда». Пассажиров не было.

Внутренняя дверь шлюза была открыта; два помощника стюарда внесли тело Гендрикса и положили у наружной двери. Макс с облегчением увидел, что труп астрогатора был завернут в саван с ног до головы. Затем помощники стюарда закрыли внутреннюю дверь воздушного шлюза и повернули защелки.

Капитан стоял лицом к внутренней двери; с одной стороны от него замерли Саймс и первый офицер, с другой — Келли и Макс. Капитан бросил через плечо, не поворачивая головы:

— Давление!

Рядом стоял Беннетт с портативным телефоном в руке; он тут же передал распоряжение капитана в машинное отделение. Индикатор давления над дверью показывал раньше одну атмосферу; теперь давление начало расти. Капитан достал из кармана небольшую книгу и стал читать молитву за упокой. Чувствуя, что не выдержит, если будет вслушиваться в слова молитвы, Макс стал наблюдать, как растет давление воздуха в камере шлюза. Юноша понял, что корабль уже набрал скорость, позволяющую ему покинуть систему ню Пегаси; теперь тело доктора Гендрикса окажется в открытом космосе.

Индикатор давления показывал десять атмосфер. Капитан Блейн закрыл молитвенник.

— Предупредите пассажиров, — обратился он к Беннетту.

И тут же их громкоговорителей раздалось:

— Внимание всех членов экипажа и всех пассажиров! В течение тридцати секунд корабль будет находиться в состоянии невесомости. Возьмитесь за закрепленные предметы и не двигайтесь.

Макс протянул руку назад, схватился за поручень, который огибал помещение перед воздушным шлюзом, и потянул свое тело вниз так, чтобы ноги не отрывались от палубы. Заревела сирена, предупреждая о выключении искусственного аномального поля тяготения и тяги главных двигателей.

Он услышал, как капитан громко и отчетливо произнес:

— Пепел к пеплу, прах к праху. Отправить тело покойного в космос, как он того желал.

Внезапно индикатор давления стремительно опустился до нуля, и доктор Гендрикс был выброшен мощной воздушной струей в космическое пространство, где и будет находиться вечно, плавая среди звезд.

Макс снова почувствовал силу притяжения: возобновилась тяга главных двигателей. Индикатор давления начал медленно карабкаться вверх. Присутствующие стали расходиться, шепотом переговариваясь между собой. Макс отправился обратно на вахту.

...На следующее утро Саймс занял каюту покойного астрогатора. Возникли неприятности со старшим офицером, который считал такую поспешность мистера Саймса неприличной — до Макса дошли только слухи, — но капитан поддержал Саймса, и тот остался в каюте астрогатора. В «беспокойной дыре» возобновилась рутинная работа, мало отличающаяся от той, что велась раньше, если не считать того, что теперь повсюду присутствовала личность Саймса. Никогда раньше не производилось письменное назначение на вахту; Келли всегда назначал вычислителей, а доктор Гендрикс просто сообщал офицерам, кто и с кем будет нести вахту. Теперь появился список:

Первая вахта: Рэндольф Саймс, астрогатор.

Вторая вахта: капитан Блейн (М. Джонс, исполняющий обязанности ученика астрогатора, действующий в соответствии с полученными указаниями).

Третья вахта: Келли, старший вычислитель.

Подлинно. Подписал Рэндольф Саймс, астрогатор.

Ниже следовал перечень остальных специалистов, расписанных по вахтам, тоже подписанный Саймсом.

Макс посмотрел на приказ новоиспеченного астрогатора, пожал плечами и отвернулся. Было совершенно очевидно, что Саймс теперь расквитается с ним за все,

хотя юноша не мог понять, за что именно. Так же очевидно было и то, что Саймс больше не разрешит ему заниматься астрогационными расчетами, теперь шансы на то, чтобы стать полноправным членом гильдии, со смертью доктора Гендрикса исчезли у Макса полностью. Если только в дело не вмешается капитан Блейн, который может написать положительный отчет о деятельности юноши вопреки возражениям Саймса. Впрочем, это было исключительно маловероятно. Макс снова начал подумывать, не остаться ли вместе с Сэмом на Новой Терре.

А пока он будет нести обязанности на вахте и постарается не попадать в неприятности, вот и все.

Через три недели после старта с Хальциона к Новой Терре предстояло осуществить только один переход, последний прыжок через гиперпространство протяженностью в девяносто семь световых лет при мощности тяги в семнадцать нормальных ускорений земной силы тяжести — мощность тяги всегда зависела от расстояния между звездой и местом входа в гиперпространство, поскольку корабль должен был лететь к точке перехода со скоростью, чуть уступающей скорости света. На протяжении первых двух недель офицеры «беспокойной дыры» несли вахту через две смены на третью, а остальные специалисты — через четыре смены на пятую. Капитан Блейн присутствовал на каждой своей вахте, но не возражал, чтобы Макс исполнял несложные обязанности вахтенного офицера на протяжении этого этапа перелета. Он мало чему учил юношу, да и когда давал указания, тут же начинал рассказывать анекдоты, забавные, но приносящие мало пользы.

Макс попытался продолжать работу как при докторе Гендриксе, производя вычисления в середине вахты со скоростью, которая была необходима за несколько минут до начала перехода. Капитан Блейн понаблюдал за ним, затем спокойно заметил:

— Ни к чему так стараться, сынок. Всегда программируй — если это возможно — на бумаге. И оставляй время для проверки. Поспешность ведет к ошибкам.

Макс ничего не ответил, думая о докторе Гендриксе, но исполнил приказ капитана.

В конце своей первой вахты под руководством капитана Макс подписал вахтенный журнал как всегда. Когда четыре часа спустя на вахту заступил Саймс, Макса подняли с постели и передали приказ астрогатора немедленно явиться в рубку управления.

Когда юноша вошел в рубку, Саймс ткнул пальцем в журнал:

— Что это за фокусы, мистер?

— Какие фокусы, сэр?

— Почему вы подписали вахтенный журнал? Его должен был подписать вахтенный офицер.

— Видите ли, сэр, у меня создалось впечатление, что капитан ожидает этого от меня. В прошлом я много раз подписывался, и капитан всегда одобрял это.

— Гм... я поговорю с капитаном. Вы свободны.

В конце следующей вахты Макс заполнил журнал и принес его капитану.

— Вы подпишите журнал, сэр, или это сделать мне?

— Что? — Блейн недоуменно поднял голову. — Ах, да. Пожалуй, я подпишу его. Всегда придерживался точки зрения, что начальник подразделения должен поступать так, как считает нужным. Учтите это, сынок, когда будете шкипером. — И капитан расписался под записями Макса.

Так продолжалось до тех пор, пока капитан не начал отсутствовать на вахте, сначала на короткое время, затем все дольше и дольше. Наконец однажды к концу вахты его не оказалось в рубке управления. Макс позвонил Саймсу:

— Сэр, капитана нет в рубке. Как мне поступить?

— Нет — ну и что? Он имеет полное право выходить из рубки управления.

— Но Келли готов сменить меня, а вахтенный журнал не подписан. Мне подписать самому или позвонить капитану?

— Позвонить капитану? Да вы с ума сошли!

— Тогда что вы мне прикажете?

Саймс помолчал, затем неохотно произнес:

— Напишите его имя печатными буквами и распишитесь внизу, указав, что работали под его руководством. В дальнейшем руководствуйтесь здравым смыслом.

До перехода осталась одна неделя, и теперь отдых между вахтами продолжался всего четыре часа. Макс

продолжал нести вахту под руководством капитана Блейна, а Келли помогал Саймсу. По мере приближения момента перехода Блейн снова строго стал соблюдать правила распорядка в рубке, и когда Макс начал первые вычисления, мягко отстранил его.

— Отныне вычисления буду делать я, молодой человек. Мы приближаемся к решающему моменту.

Макс стал помогать капитану и вскоре с ужасом увидел, что капитан теперь совсем не тот человек, каким был раньше. Блейн отлично разбирался в теории астрогации и был знаком со всеми практическими методами, но никак не мог сосредоточиться на решении возникающих задач. При решении одного уравнения Максу пришлось дважды дипломатично напомнить ему о стоящей задаче. Но старик, казалось, не замечал этого и сохранял отличное настроение.

Так продолжалось и дальше. И Макс стал страстно желать, чтобы капитан доверил новому астрогатору осуществить прыжок через гиперпространство, несмотря на то что презирал Саймса все больше и больше. Ему хотелось обсудить свои опасения с Келли, потому что кроме старшего вычислителя ему некому было довериться, но Келли находился в составе другой вахты и работал у Саймса. И Максу ничего не оставалось, как сгорать от беспокойства.

Когда наступил последний день, оказалось, что капитан Блейн не собирался сам осуществлять переход, однако не хотел доверить это и Саймсу. У него была своя собственная система. Когда все специалисты собрались в «беспокойной дыре», капитан сказал:

— Я хочу показать вам метод, с помощью которого удастся избежать излишнего напряжения при астрогации. Не хочу бросать тень на нашего дорогого брата доктора Гендрикса, великого астрогатора, но он работал слишком напряженно. Существует, однако, метод, которому научил меня мой капитан. Келли, установите, пожалуйста, кнопки дистанционного управления.

Капитан усадил всех полукругом — он сам, Саймс и Макс вокруг кресла перед компьютером, за которым сидел Келли. У каждого были вычислительные таблицы, а капитан Блейн положил на колени пульт с кнопками дистанционного управления главными двигателями.

— Этот метод заключается в том, что каждый из нас будет рассчитывать по очереди один пеленг — сначала я, затем мистер Саймс и далее мистер Джонс. Таким образом данные будут поступать постоянно и без лишнего напряжения. За работу, молодые люди, начинаем. Всем занять места, как подобает при вычислении перехода.

Были проведены пробные расчеты, затем капитан встал.

— Мистер Саймс, вызовите меня за два часа до входа в гиперпространство. Полагаю, что вам и мистеру Джонсу этот метод покажется достаточно простым.

— Слушаюсь, капитан. Но, сэр, мне хотелось бы высказать предложение.

— Предложение? Конечно, сэр.

— Ваша система отлична. Мне бы хотелось, однако, чтобы в группу астрогаторов вместо Джонса включили Келли. У Джонса недостаточно опыта. Тогда мы посадим Ковака перед компьютером, а Лунди будет проверять по справочнику перевод из системы в систему.

Капитан Блейн отрицательно покачал головой.

— Нет. Сейчас прежде всего нужна точность, сэр, поэтому перед компьютером должен сидеть наш лучший вычислитель. Что касается мистера Джонса, именно так он сможет приобрести необходимый опыт. А если он начнет беспокоиться и нервничать, мы с вами сможем заменить его, — Капитан встал и направился к выходу, остановился и прибавил: — До моего возвращения Ковак и Келли могут подменять друг друга. Не надо излишне утомляться, потому что усталый человек склонен совершать ошибки.

— Слушаюсь, сэр.

Больше Саймс не говорил с Максом. Они принялись снимать пленки попеременно, пользуясь программами на отпечатанных бланках. Пленки поступали с двадцатиминутными промежутками; таким образом, каждый из них имел сорок минут на решение задачи. Макс подумал, что у нового метода капитана Блейна немало достоинств. Похоже, доктор Гендрикс действительно загонял себя до смерти во время подготовки к прорыву — корабли не устают, а вот люди изнемогают от беспрерывного напряжения.

У Макса оставалось достаточно времени, чтобы решить не только свои задачи, но и Саймса. Данные поступали устно, и ничто не мешало юноше программировать пеленги Саймса в уме и сверять полученные результаты с теми, что поступали в компьютер. Пока у Саймса все шло хорошо, хотя, по правде говоря, до решающего момента оставалось немало времени.

Они выпили кофе и съели бутерброды, оставляя свои рабочие места по очереди всего на пять минут. Капитан Блейн появился в рубке управления на двадцать минут раньше, чем его ожидали.

— Ну что, все готовы к работе? — улыбнулся он, — и никто еще не чувствует себя усталым? Теперь мы займемся расчетами всерьез. Но сначала выпью чашку кофе.

Через несколько минут капитан опустил в свое кресло и взял пульт дистанционного управления у Саймса. Теперь пеленги поступали через каждые десять минут, но все равно времени было достаточно. Макс продолжал решать все задачи, свою на бумаге и две чужие в уме. Ему всегда удавалось вовремя закончить расчеты, чтобы запомнить данные следующего пеленга, сделать в уме программирование и проверить перевод результатов из системы в систему, пока Лунди перелистывал справочник. Таким образом, у юноши создавалось полное представление о правильности курса и скорости корабля и о том, какие поправки понадобятся внести по мере приближения к невидимой цели. Ему казалось, что Саймс вносил слишком большие поправки, тогда как капитан проявлял излишний оптимизм, и его поправки всякий раз были недостаточными. Тем не менее пока никакая опасность кораблю не угрожала.

«Может быть, я ошибался относительно капитана, — подумал Макс, — кажется, старик может держать себя в руках, когда необходимо».

Поправки, сделанные Максом, капитан вводил без колебаний, и это радовало его.

Через час, когда до момента перехода осталось сорок пять минут, капитан Блейн поднял голову.

— Ну, парни, теперь мы близки к прорыву. Давайте нам данные с максимальной быстротой.

Смит и Ковак, которым помогали Ногучи и Беннетт, резко ускорили пеленгирование; теперь данные поступали почти непрерывно. Макс продолжал рассчитывать каждый пеленг, программируя данные в уме и называя полученные результаты быстрее, чем успевал записать их на бумаге. Он заметил, что Саймс начал потеть, время от времени стирая вычисления и делая их снова. Однако его результаты совпадали с теми, которые Макс успевал вычислить мысленно. Капитан Блейн вел себя спокойно, хотя и не ускорил темпа своих расчетов, а иногда еще не успевал ввести свои данные в компьютер, когда уже наступала очередь Макса диктовать цифры.

Наступил момент, когда Саймс произнес результаты вычислений слишком быстро и неясно. Лунди тут же попросил:

— Повторите, сэр!

— Черт побери! Прочистите уши! — прошипел Саймс, однако повторил сказанное.

Капитан поднял голову и снова склонился над своими вычислениями. Как только компьютер освободился, капитан начал диктовать свои данные. Макс успел рассчитать пеленг капитана в уме и машинально прислушивался к этим цифрам, наблюдая за Саймсом.

Внезапно его охватила тревога.

— Капитан! Мои данные не совпадают с вашими!

Капитан Блейн замолчал.

— Что?

— Ваша программа неверна, сэр.

Капитан, казалось, не рассердился. Он передал блокнот со своей программой Саймсу.

— Проверьте меня, сэр.

Саймс быстро взглянул на цифры, написанные в капитанском блокноте.

— Ваши данные верны, сэр.

— Вы нам больше не нужны, Джонс, — произнес капитан. — Мы с мистером Саймсом закончим работу.

— Но...

— Я сказал, что мы обойдемся без вас, мистер!

Макс встал и отошел в сторону, кипя от негодования. Проверка, которую якобы произвел Саймс, ничего не значила, если только астрогатор не прислушивался и не запомнил подобно Максy продиктованные капитану

данные. В свои вычисления Блейн поменял местами пятую и шестую цифры за запятой в десятичной дроби — восьмерку и тройку. На первый взгляд данные будут выглядеть верными, — если не знаешь точного результата. Жаль, горько подумал юноша, что Саймсу не пришло в голову действительно проверить расчеты капитана.

Однако Макс не мог удержаться, чтобы не слышать произносимые вслух пеленги и не производить расчеты в уме. Следующий пеленг Саймса неизбежно выявит ошибку, сделанную капитаном, и его поправка откорректирует ошибку. Но поправка будет весьма значительной, понимал Макс; корабль, мчавшийся почти со скоростью света, пролетал миллион миль меньше чем за шесть секунд.

Макс заметил, что Саймс заколебался, когда на экране компьютера вспыхнули цифры и Лунди перевел их в другую систему счисления. На лице астрогатора появилось испуганное выражение. Поправка, которую необходимо теперь ввести, сделает скорость корабля близкой к критической. Саймс на мгновение задумался и ввел поправку, но она была вдвое меньше необходимой.

Блейн, не задумываясь, передал введенную Саймсом поправку в машинное отделение и занялся решением следующей задачи. Когда на экране появился результат, ошибка, во много раз увеличенная прошедшим временем и немыслимой скоростью, казалась еще более очевидной. Капитан с изумлением взглянул на Саймса и быстро ввел свою корректировку. Макс не видел, какой была эта поправка, потому что капитан не произнес ее вслух и просто нажал на кнопки пульта.

Саймс облизнул сухие губы.

— Капитан!

— У нас еще есть время для одного пеленга, — заметил Блейн. — Я сделаю это сам, мистер Саймс.

Полученные данные передали капитану, и он начал вычисления на бланке. Макс увидел, что капитан написал что-то, затем зачеркнул и поднял голову; юноша машинально проследил за его взглядом. Заранее установленный на хронометре момент приближался с неумолимой быстротой.

— Приготовиться! — слышался голос капитана.

Макс посмотрел вверх, на небо, через прозрачный иллюминатор в потолке рубки. Звезды стремительно сближались друг с другом — это означало, что истекали последние мгновения перед переходом. Капитан Блейн, должно быть, уже нажал вторую кнопку, ту, которая бросает корабль вперед со скоростью, превосходящей скорость света, через гиперпространство, потому что звезды внезапно мигнули, исчезли и вместо них появился новый небесный свод, усыпанный звездами и казавшийся на первый взгляд совершенно обычным.

Капитан откинулся на спинку кресла.

— Ну вот, — произнес он со счастливой улыбкой, — мы снова добились успеха. — Он встал и направился к люку, бросив через плечо: — Мистер Саймс, сообщите мне, когда корабль ляжет на выбранный курс и наберет соответствующую скорость. — С этими словами Блейн скрылся в коридоре.

Макс посмотрел вверх, пытаясь вспомнить карты, которые изучал раньше, чтобы установить, какой новый участок неба находится над ним. Он заметил, что Келли тоже смотрит вверх.

— Это точно, мы снова сумели прорваться через гиперпространство, — юноша слышал, как старший вычислитель бормочет себе под нос, — вот только куда?

И Саймс не сводил взгляда с неба. Услышав слова Келли, он обернулся к нему.

— Что вы имеете в виду? — рявкнул он.

— Только то, что сказал, — пожал плечами Келли. — Еще никогда мне не доводилось видеть такого неба.

— Чепуха! Вы просто не успели сориентироваться. Всякому известно, что участок звездного неба кажется незнакомым, когда вы смотрите на него сразу после перехода. Достаньте плоскостные карты этого района; мы быстро найдем ориентиры.

— Они разложены на штурманском столике, сэр. Ногути!

Понадобилось всего несколько минут, чтобы все в рубке управления убедились, что Келли прав, и чуть больше, чтобы убедить Саймса. Наконец он поднял голову. Его лицо было зеленовато-бледным.

— Никому ни единого слова, — прошептал он. — Это приказ; нарушивший его будет немедленно разжалован. Келли, замените меня на вахте.

— Слушаюсь, сэр.

— Я буду в каюте капитана.

Саймс встал и вышел из рубки управления, чтобы сообщить капитану Блейну, что «Асгард» вынырнул из гиперпространства в неизвестном участке Вселенной, то есть заблудился среди мириад звезд и бесчисленных световых лет.

Глава 14

ЗАТЕРЯННЫЕ В КОСМОСЕ

Два часа спустя Макс устало вошел через люк в «беспокойную дыру». Он только что провел неприятные тридцать минут, рассказывая то, что, по его мнению, было правдой. Капитан Блейн во всем случившемся винил только себя и выглядел потрясенным и озадаченным. Поведение Саймса было вызывающим и неприятным. Согласно его логике, поскольку в катастрофе нельзя обвинить его самого, а винить капитана просто немыслимо, во всем виноват Макс. Саймс высказал мнение, что раз юношу освободили от участия в расчетах за несколько минут до момента прорыва, Макс стал причиной случившегося, поскольку отвлек специалистов, работавших в рубке управления, от исполнения своих обязанностей в критически важный момент, — если так можно выразиться, подтолкнул их под локоть.

При разборе происшествия присутствовал мистер Уолтер, как молчаливый судья. Астрогаторы обсуждали вопросы, выходившие за пределы его профессии; первый офицер, казалось, изучал их лица. Макс упрямо настаивал на своей версии происшедшего.

В рубке управления вахту по-прежнему нес Келли. Ковак и Смит снимали спектрограммы; Ногучи и Лунди просматривали бумаги.

— Может быть, подменить вас? — спросил Макс у Келли.

На лице старшего вычислителя появилось виноватое выражение.

— Извините, но вы не можете нести вахту.

— Это почему?

— Пока вы поднимались сюда из каюты капитана, позвонил мистер Саймс. Он приказал не допускать вас к несению вахты до дальнейших распоряжений.

— Вот как? Ну что ж, это ничуть меня не удивляет.

— Кроме того, он запретил пускать вас в рубку управления.

К своему удивлению юноша витиевато выругался, упомянув предков Саймса.

— Ладно, я не обижаюсь, — добавил он. — Работать с вами мне было приятно. До свиданья.

Он повернулся было к выходу, но голос Келли остановил его.

— Не спеши, Макс. Он не скоро появится в рубке. Я хочу выяснить, что произошло. Сидя за компьютером, я не сумел разобраться в случившемся.

Макс подробно рассказал о последних минутах перед прорывом, пользуясь своей феноменальной памятью, из которой извлекал точные цифры. Наконец Келли понимающе кивнул.

— Это подтверждает все, что мне удалось выяснить. Капитан допустил ошибку в десятичной дроби, перепутав цифры, — такое может случиться с каждым. После этого у Саймса не хватило смелости ввести значительную поправку, когда он обнаружил ошибку. Но произошло еще кое-что, о чем ты не знаешь, Макс. Да и они не знают об этом — пока.

— Что именно?

— Это явствует из записей автоматического рекордера в машинном отделении. Там нес вахту Гюнтер, и он сообщил мне об этом по телефону. Нет, я ничего не сказал ему о происшедшей катастрофе, просто попросил продиктовать записи с рекордера в течение последних минут; такое бывает часто, и он ничего не заподозрил. Между прочим, там, внизу, не происходит ничего необычного? Никаких взволнованных пассажиров?

— Нет, я ничего не заметил.

— Это пока. Скоро начнется такое... Ведь нельзя молчать о случившемся вечно. Итак, вернемся к моему рассказу — ситуация была уже почти безвыходной, но у капитана оставался последний шанс. Он ввел поправку — прямо-таки огромную, — но с противоположным знаком!

В подобном случае самые крепкие слова недостаточно выразительны. Макс всего лишь прошептал:

— Боже мой!

— Вот именно. А что теперь будет?

— Так и не удалось выяснить, где мы находимся?

Келли сделал жест в сторону Ковака и Смита, работавших на спектростеллографе.

— Они пытаются что-то узнать, но пока безуспешно. Начали с самых ярких звезд, потом типов «Б» и «О». Ничего похожего с плоскостными изображениями на картах во всех каталогах.

Ногучи и Лунди работали с ручной камерой.

— А чем это они занимаются? — недоуменно спросил Макс.

— Фотографируют все материалы, связанные с последним переходом. Записи программирования, данные, названные вычислителем — все.

— И чем это нам поможет?

— Скорее всего, ничем. Однако бывали случаи, когда материалы просто исчезали. А иногда в них появлялись таинственные исправления. На этот раз этого не произойдет. У меня будет полный комплект всех документов.

Макс едва начал постигать ужасный смысл слов Келли, как Ногучи повернулся и сказал:

— Мы закончили, босс.

— Отлично. — Келли посмотрел в лицо Макс. — А теперь я хочу обратиться к тебе за помощью. Положи эти пленки в карман и заberi с собой. Спрячь их как можно лучше. Нужно, чтобы они исчезли из рубки управления. Потом я заберу их.

— Ну что ж... хорошо.

Пока Ногучи извлекал последнюю катушку из камеры, Макс спросил у Келли:

— Как вы думаете, сколько времени понадобится нам проверять спектры звезд, чтобы выяснить, где мы находимся?

Старший вычислитель нахмурился.

— Ты думаешь, что нам вообще удастся узнать, где мы находимся?

— Не понимаю.

— А вдруг все, что находится там... — Келли сделал жест в сторону неба, — ...не совпадает с картами, имеющимися в нашем распоряжении?

— Вы хотите сказать, — тихим голосом произнес юноша, — что мы можем оказаться далеко за пределами нашей Галактики? В какой-нибудь другой, вроде туманности Андромеды?

— Может быть. Но и это не самое страшное. Видишь ли, Макс, я слабо разбираюсь в теоретической физике, но мне все-таки хорошо известно, что в соответствии с ней после превышения скорости света мы должны оказаться где-то в другом месте, за пределами того участка, в котором находились раньше. Мы теряем контакт с нашим окружением, и оно перестает удерживать нас. А вот куда мы летим, если только не сумели рассчитать курс в точном соответствии с конгруэнтностью Хорста, никто не знает. В теоретической физике об этом нет ни единого слова. Как ты считаешь?

— Не имею представления. — Голова Макса вдруг нестерпимо заболела.

— И я тоже. Но поскольку мы — как стало очевидно — не были готовы вернуться в свою собственную Галактику в другой ее точке, сейчас мы можем находиться где угодно. Мы затерялись в безбрежных просторах космоса. Скажем, оказались в другом космическом измерении, никак не связанном с нашим. — Келли поднял голову и взглянул на незнакомые созвездия.

Макс вышел из рубки управления и спустился в каюту, чувствуя себя совсем плохо. По пути он встретил Саймса; астрогатор бросил на него злобный взгляд, но промолчал и прошел мимо.

Придя в каюту, Макс положил катушки с пленкой в ящик стола, затем подумал, вытащил их оттуда и сунул в потайное место позади выдвинутого ящика.

Юноша сидел в каюте и раздумывал о случившемся. Ему не нравилось, что его не пускали в рубку управле-

ния; хотелось взглянуть на небо и попытаться найти там знакомые звезды. Конечно, звезды классов «Б» и «О» могут дать ключ к разгадке тайны, но существует еще немало способов. Например, сферические созвездия — их будет несложно узнать; стоит отыскать четыре таких созвездия — и узнать, где находится корабль в данную минуту, будет так же легко, как прочесть название улицы на стене дома. После этого понадобится всего лишь провести необходимые вычисления, потому что будет ясно, что искать и где. Далее летим к ближайшей конгруэнтности, отмеченной на карте, — неважно, неделя на это потребуется или год. Ведь не может быть, чтобы корабль действительно безнадежно затерялся.

А вдруг они на самом деле находятся в другой галактике?

Эта мысль беспокоила его. Если дело обстоит именно так, им никогда не удастся вернуться домой — человеческая жизнь слишком коротка. Потом явилась другая мысль: скажем, подозрения Келли оправданны, и они находятся в совершенно иной вселенной, иной системе пространства и времени? Что тогда? Юноша читал достаточно философских эссе, чтобы понимать, что с теоретической точки зрения такое совсем не является невозможным. Создатель мог сотворить бесконечное количество вселенных, возможно, очень похожих друг на друга, а может быть, отличающихся одна от другой как сыр от среды. Миллионы, миллиарды вселенных, находящихся рядом друг с другом, только в различных измерениях.

У другой вселенной могут оказаться иные законы, иная скорость света, другие гравитационные баллистические траектории, другое исчисление времени. Не исключено, что когда-нибудь «Асгард» вернется обратно и выяснится, что прошло сто миллионов лет и Земля превратилась в тусклый обгоревший шар!

Однако свет над столом Макса горел, как и раньше, сердце работало в привычном ритме, повинуюсь законам гидравлики, масса тела давила на кресло с той же тяжестью, как и всегда, — если они оказались в другой вселенной, различия не так уж и заметны. Вдобавок, если это действительно другая вселенная, все равно они бессильны что-нибудь предпринять.

В дверь постучали. Макс встал, впустил Келли, усадил его на стул, а сам устроился на кровати.

— Какие новости?

— Никаких. Господи, как я устал. Ну, давай пленки.

Юноша выдвинул ящик, вытащил кассеты с пленкой и передал старшему вычислителю.

— Послушайте, шеф, у меня возникла идея.

— Ну, выкладывай.

— Предположим, мы находимся в прежней Галактике, потому что...

— Потому что, если это не так, нечего и стараться, правда?

— Да. Итак, предположим, что мы по-прежнему на Млечном пути. Давайте оглянемся вокруг, быстренько рассчитаем количество звезд на определенном участке, оценим расстояние до центра и направление. Затем постараемся опознать спектры звезд в этом направлении и вычислим их величины для получения класса каждой. Это даст нам возможность...

— ...сберечь массу времени, — устало закончил за юношу Келли. — Не учи своего дедушку делать яичницу. Как ты думаешь, чем я сейчас занимаюсь?

— Прошу прощения.

— Не стоит. По крайней мере ты предложил что-то конкретное в отличие от нашего уважаемого босса. Пока я пытался сделать что-то, он бегал по рубке, вопил не своим голосом, искал виноватых и хотел, чтобы я подтвердил, что все его поступки были совершенно правильными, — короче говоря, беспокоился о себе, вместо того чтобы беспокоиться о корабле. Между прочим, как я и говорил, он тут же забрал все материалы, связанные с последними минутами накануне перехода, — как он сказал, «чтобы показать капитану». Капитану, видите ли, они потребовались. — Келли встал. — Ну, мне пора идти.

— Не спешите. Я попрошу, чтобы нам принесли кофе.

— Этот проклятый кофе уже течет у меня из ушей. — Келли достал из кармана кассеты с пленкой и с сомнением взглянул на них. — Я заставил Ногги изготовить два комплекта пленок; это — второй комплект. У тебя здесь хорошее местечко. Может быть, оставим их у тебя, и пусть полежат, а?

— Господи, Келли, неужели из-за этих материалов могут возникнуть неприятности? Мне кажется, что теперь, когда мы заблудились в космическом пространстве, неприятностей и так достаточно.

— Что? Послушай, Макс, когда-нибудь ты станешь хорошим офицером, а пока ты наивный простака. Посмотри на меня — я пользуюсь и подтяжками, и поясом, чтобы не потерять штаны. Я не хочу рисковать. Доктор Гендрикс — упокой Господи его душу! — научил меня этому. — Келли подождал, пока Макс спрячет пакет с кассетами в укромное место, пошел к выходу, но остановился.

— Я забыл сказать тебе кое о чем, Макс. Сейчас мы находимся недалеко от звезды типа нашего Солнца.

— Вот как? — Юноша задумался. — А вы не сумели узнать эту звезду?

— Нет, конечно, я сказал бы об этом. Оценка еще не готова окончательно, но при обычной тяге, которой мы пользуемся во время перелетов от одного перехода к другому, сможем приблизиться к этой звезде не раньше, чем через четыре недели и не позже, чем через год. Я решил, что тебе это будет интересно.

— Ну, спасибо. Вот только мне непонятно, почему это должно меня интересовать.

— Почему? Разве тебе не кажется, Макс, что будет очень неплохо, если мы окажемся недалеко от звезды вроде нашего Солнца, вокруг которого вращаются планеты, похожие на Землю?

— Ну что ж...

— А вот мне это кажется очень важным. Раз уж нам предстоит вести существование вроде Адама и Евы, лучше подготовиться сразу, потому что такая жизнь совсем не сахар, и нельзя исключить, что она может длиться достаточно долго.

Произнеся эту многозначительную фразу, Келли ушел.

На этот раз помощник стюарда не пришел предупредить Макса, что пора ужинать. Увидев, который час, юноша встал и пошел в гостиную. Большинство пассажиров уже сидели за столами, хотя несколько человек еще стояли и разговаривали. Трудно было заметить, что в зале царила атмосфера беспокойства и тревоги. Макс обратил внимание, что капитана не было за своим столом, равно как и первого офицера. Юноша направил-

ся к своему обычному месту, и мистер Хорнсби попытался схватить его за руку. Макс увернулся.

— Извините, сэр. Я спешу.

— Одну минуту! Я всего лишь хочу спросить...

— Извините.

Макс подошел к столу и сел. За столом не было старшего механика Компаньона, однако пассажиры уже заняли места.

— Добрый вечер, — произнес Макс и взялся за ложку, чтобы не сидеть без дела.

Однако воспользоваться ею он не мог, потому что на столе не было тарелок с супом; отсутствовали также булочки и масло, хотя прошло уже десять минут после часа, назначенного для начала ужина. Странно, подумал юноша. Подобное никогда не случается там, где распоряжается старший стюард Дюмон. Впрочем, Дюмон тоже отсутствовал.

Миссис Дайглер положила ладонь на руку Макса.

— Макс, миленький, скажите мне, что это за глупый слух, который распространился по кораблю?

Юноша попытался сохранить бесстрастное выражение лица.

— Какой слух, мадам?

— Но вы слышали его, должно быть. В конце концов, вы занимаетесь астрогацией. Говорят, что капитан повернул корабль не в ту сторону или что-то вроде этого и теперь мы падаем на какую-то звезду.

Макс постарался засмеяться как можно убедительнее.

— Кто вам сказал такую глупость? Не сомневаюсь, что те, кто распускает подобные слухи, не сумеют отличить звезду от собственного локтя.

— Это правда? Вы не хотите обмануть добрую тетю Мэгги?

— Могу заверить вас, мадам, что «Асгард» не падает ни на какую звезду, даже на самую маленькую. — Он повернулся и взглянул в сторону кухни. — Но что-то несомненно упало на наш камбуз. Ужин ужасно запаздывает.

Макс уставился на дверь кухни, надеясь, что больше ему не будут задавать вопросов. Но уловка оказалась напрасной.

— Мистер Джонс! — резким голосом окликнул его мистер Артур.

— Да? — был вынужден повернуться Макс.

— Зачем обманывать нас? Мне сказали, причем очень убедительно, что наш корабль потерялся в космосе.

Юноша попытался выглядеть озадаченным.

— Не понимаю, сэр. Как это потерялся? Мне кажется, мы по-прежнему находимся в космосе.

— Вы отлично понимаете, что я имею в виду, — фыркнул мистер Артур. — Что-то не получилось с этой, как вы ее называете, астрогацией. В результате переход оказался неточным. Мы заблудились.

С миной учителя начальной школы Макс принялся отвечать, загибая пальцы.

— Уверяю вас, мистер Артур, что кораблю не угрожает никакая опасность. Что касается того, что мы якобы заблудились, хочу заверить вас с не меньшей твердостью, что, если это правда, то капитан забыл сообщить об этом. Во время перехода через гиперпространство я находился в рубке управления, и он был полностью удовлетворен ходом операции. Вы не могли бы сказать мне, кто именно распространяет эти слухи? Это серьезное дело, которое начинается со слухов. Бывали случаи, когда в результате начинались беспорядки и паника.

— Это... это один из членов экипажа. Я не знаю его имени.

Юноша кивнул.

— Я так и предполагал. На основании своего опыта космических полетов... — Макс цитировал слова дяди, — ...могу с полной ответственностью заявить, что единственное, способное распространяться со скоростью, превышающей скорость света, — это слухи внутри корабля. Неважно, основываются они на чем-то или нет, все равно слухи распространяются с молниеносной быстротой. — Он снова посмотрел в сторону кухни. — Интересно, что произошло с нашим ужином? Мне не хотелось бы заступать на вахту голодным.

— Значит, нам ничто не угрожает, Макси? — спокойно спросила миссис Вебербаур.

— Да, мадам, с нами все в порядке.

Миссис Дайглер наклонилась к юноше.

— Тогда почему ты так потеешь, Макс? — прошептала она.

Юношу спасло появление помощника стюарда, который подбежал к столу и принялся быстро расставлять тарелки с супом. Когда он подошел к Макс, юноша остановил его и негромко спросил:

— Джим, а где Дюмон?

— Готовит ужин, — прошептал официант.

— Вот как? А где шеф-повар?

Помощник стюарда склонился к Макс.

— Френчи напился как свинья, — шепнул он. — Думаю, он просто не выдержал. Вы понимаете, о чем я говорю, сэр.

Макс понял, что больше ничего от официанта не добьется, и отпустил его.

— Что он вам сказал? — тут же спросил мистер Артур.

— Я попытался выяснить, что произошло на камбузе, — ответил Макс. — Похоже, что повар заболел и не смог приготовить ужин. — Он зачерпнул ложку и поднес ко рту. На его лице появилась гримаса. — Судя по всему, он обварил свой большой палец в так называемом супе. Ужасный вкус, правда?

От дальнейших уверток Макса спасло появление первого офицера. Мистер Уолтер подошел к столу капитана и постучал ложкой по бокалу. Наступила тишина.

— По поручению капитана хочу сделать объявление. Те из вас, кто знаком с теорией астрогации, знают, что космическое пространство непрерывно меняется из-за перемещения звезд, так что не бывает, чтобы два полета точно походили один на другой. Иногда возникает необходимость по этой причине внести определенные изменения в маршрут корабля. Подобная необходимость появилась и во время нашего перелета. Вынужден сообщить, что «Асгард» прибудет в пункт назначения с некоторым опозданием. Мы сожалеем об этом, но не в наших силах изменить законы природы. Мы надеемся, что вы отнесетесь к этому обстоятельству, как к незначительной неприятности, если хотите, это можно рассматривать как дополнительные каникулы в комфортабельной и дружеской атмосфере нашего корабля. Прошу также учесть, что вы все застрахованы от ущерба, нанесенного вам опозданием в конечный пункт путешествия.

Первый офицер спрятал лист бумаги в карман; Макс показалось, что мистер Уолтер не читал текст, а произносил его наизусть.

— Это все, что просил передать вам наш капитан, но мне хотелось бы добавить кое-что от себя. Мне стало известно, что кем-то распространяются глупые слухи относительно этого незначительного изменения в нашем маршруте. Мне жаль, что подобные слухи кого-то из вас встревожили, и поэтому хочу вас заверить, что приму самые решительные меры против тех, кто эти слухи распространяет. — На лице первого офицера появилась уверенная улыбка. — Но вам известно, насколько трудно отыскать источник слухов. Как бы то ни было, еще раз хочу заверить вас, что «Асгарду» ничто не угрожает. Этот старичок летал в космосе еще до того, как родился любой из нас, и он будет совершать космические рейсы после того, как все мы умрем от старости — благослови Господь его крепкие кости!

Мистер Уолтер тут же повернулся и вышел из гостиной.

Макс выслушал заявление первого офицера, открыв рот от восхищения. Он был родом из страны, где обман считается разновидностью устного творчества, достойного всяческого уважения, и ему еще никогда не приходилось слышать, чтобы кто-нибудь лгал более убедительно, перемежая ложь с правдой так умело. Никто не смог бы заявить, что слова первого офицера не соответствовали действительности, а в целом из выступления мистера Уолтера следовало, что «Асгард» отнюдь не затерялся в космическом пространстве. Юноше еще не приходилось слышать такого обмана. Он повернулся к своим соседям по столу.

— Прошу вас, передайте мне масло, пожалуйста.

Мистер Артур взглянул ему в лицо.

— А ведь вы утверждали, что с нами ничего не случилось, — недовольно заметил он.

— Оставьте его в покое, Артур, — проворчал мистер Дайглер. — Макс отлично исполнил свой долг, принимая во внимание все обстоятельства.

На лице миссис Вебербаур появилось озадаченное выражение.

— Но ведь мистер Уолтер только что заявил, что все в полном порядке!

Дайглер взглянул на нее с жалостью.

— У нас крупные неприятности, мама Вебербаур. Уж это совершенно очевидно. Но нам нужно сохранять спокойствие и положиться на офицеров «Астарда». Правильно, Макс?

— Вы абсолютно правы, сэр.

Глава 15

«ЭТО НЕ ПИКНИК...»

Весь вечер Макс провел у себя в каюте. Не выходил из нее он и на следующий день, не желая отвечать на вопросы пассажиров или выслушивать соболезнования по поводу своего отстранения от службы. В результате он не присутствовал при возникших беспорядках, потому что просто спал. В первый раз он узнал о них, когда помощник стюарда, занимавшийся уборкой его каюты, пришел с огромным синяком под глазом.

— Кто это так врезал тебе, Гарсия?

— Не знаю, сэр. Это произошло во время драки вчера вечером.

— Драки? Какой драки?

— Вы что, ничего не знаете?

— Первый раз слышу об этом. Так что же случилось?

Гарсия Лопес уставился на потолок.

— Мне не хотелось бы говорить об этом слишком много. Вы меня понимаете — кому хочется катить бочку на приятеля?

— Тебя никто об этом и не просит. Можешь не называть имена — расскажи, что произошло?

— Видите ли, сэр, у некоторых членов экипажа не хватает здравого смысла.

Понемногу Макс узнал, что волнения в команде были более значительными, чем среди пассажиров, возможно, потому что члены экипажа лучше пассажиров понимали опасность создавшегося положения. Некоторые посоветовались с водкой бедняков из запасов Джиордана и в результате решили всей командой отправиться к капитану и потребовать объяснения. Когда старшина корабельной полиции попытался остановить их при входе на палубу «В», началась свалка.

— Кто-нибудь пострадал?

— Не то чтобы серьезно... порезались... мне вот синяк посадили... — Гарсия осторожно прикоснулся к подбитому глазу. — Был слишком любопытным и протиснулся слишком близко. Ковак сломал лодыжку.

— Ковак? А он-то как там оказался? — Макс не мог понять, почему специалист из «беспокойной дыры» принял участие в какой-то дурацкой драке.

— По-моему, он спускался по трапу, только что сменившись с вахты. Ваш друг Сэм Андерсон — вот он уж точно принял самое активное участие.

Опять Сэм! Макс почувствовал, как у него упало сердце — Сэм снова замешан в чем-то дурном.

— Ты уверен?

— Да я ведь был там.

— Надеюсь, это не он оказался зачинщиком?

— Нет, мистер... мистер Джонс, вы не так меня поняли. Он навел порядок. Схватит пару драчунов — и хлоп! — стучает их лбами друг о друга, затем хватает следующую пару.

Макс решил выйти из своего убежища и сделать две вещи: заглянуть к Коваку, узнать, как его здоровье, и выяснить, требуется ли ему какая-нибудь помощь; затем отправиться к Сэму. Но не успел он одеться, как явился Смит со списком специалистов, назначенных на вахту. Юноша увидел, что он назначен вахтенным офицером, а другую вахту возглавит Саймс. Макс отправился в рубку управления, пытаясь понять, почему это Саймс смягчился.

В рубке сидел Келли; Макс оглянулся по сторонам, но Саймса нигде не было.

— Вы сейчас на вахте, шеф? — спросил он.

— До тех пор, пока вы не смените меня, сэр. Это моя последняя вахта.

— Почему? Неужели теперь вы стали его козлом отпущения?

— Можно считать и так. Но не совсем. Он составил список вахт, где он и я должны были сменять друг друга. Я вежливо напомнил ему о существовании правил своей гильдии и что мне не платят за то, чтобы я нес ответственность за вахту в качестве вахтенного офицера.

— Вот это да! Ну и что он ответил?

— А что он мог ответить? Саймс мог отдать мне письменный приказ, причем мои возражения будут записаны в вахтенном журнале, и тогда ему грозят крупные неприятности. Таким образом, перед ним был выбор: или поручить вам нести вахту, просить капитана разделить с ним ответственность и взять на себя одну из вахт, или сменять самого себя на протяжении нескольких недель. Поскольку Ковак сломал лодыжку, выбора у Саймса не было. Слышали, что случилось с Коваком?

— Да. А что это было? — Макс посмотрел на Ногу-чи, сидевшего у компьютера, и прошептал: — Мятаж? Келли удивленно посмотрел на юношу.

— Ну что вы, сэр. Насколько я понимаю, Ковак подскользнулся на трапе и упал.

— Ах, вот как. Понятно.

— Именно так записано в вахтенном журнале.

— Гм... ну что ж, полагаю, мне пора сменить вас. Что произошло во время вашей вахты?

Корабль продолжал полет по траектории в направлении к ближайшей звезде типа земного Солнца; тяга была высока, но пассажиры и экипаж, заключенные в сферу действия силового поля, не чувствовали дискомфорта. Распоряжения, касающиеся полета корабля, были внесены в вахтенный журнал — почерком Саймса, но внизу расписался капитан. Макс показалось, подпись капитана была какой-то необычной, словно у него дрожала рука. Келли уже перевел корабль на требуемую траекторию.

— Мы что, уже больше не пытаемся выяснить, где находимся? — спросил Макс.

— Нет. В соответствии с приказом, мы тратим на это время, которое остается от выполнения повседневных работ. Но я готов биться об заклад, что мы ничего не

обнаружим. Дело в том, Макс, что мы находимся в совершенно другой вселенной.

— Я не собираюсь сдаваться. Откуда вам это известно?

— Инстинкт.

Тем не менее Макс действительно сделал все, что мог, но безуспешно. Спектрограммы, снятые и обработанные, являются для звезд тем же, чем являются отпечатки пальцев для людей; они подвергаются классификации и затем сравниваются с образцами, собранными заранее, которые почти идентичны им. Хотя Максудалось найти много спектрограмм, напоминавших уже известные образцы, они все-таки не походили на них.

Когда до конца вахты осталось пятнадцать минут, юноша закончил работу и приготовился к смене. Ожидая нового вахтенного офицера, Макс подумал о фокусе, который выкинул Келли, чтобы восстановить его на прежней должности. Какой он все-таки молодец, этот Келли! Макс был достаточно хорошо знаком с ним, чтобы понять, что благодарить его за это не следует; подобная попытка создаст впечатление, будто старший вычислитель сделал что-то предосудительное. Лучше всего просто подмигнуть Келли при случае и запомнить его великодушный поступок.

Саймс вошел в рубку с опозданием на пять минут. Он молча открыл вахтенный журнал, прочитал записи, сделанные Максом, и проверил его наблюдения. Юноша подождал еще несколько минут, испытывая все растущее раздражение.

— Вы готовы сменить меня, сэр? — спросил он наконец.

— Сменю, когда наступит время. Сначала я хочу убедиться в том, что на этот раз вы не натворили ничего серьезного.

Макс промолчал. Саймс указал на страницу журнала, где юноша расписался «Вахтенный офицер М. Джонс».

— Начать с того, что здесь стоит неправильная подпись. Допишите: «работавший под наблюдением».

Макс сделал глубокий вдох.

— Позвольте поинтересоваться, под чьим наблюдением, сэр?

— Моим, разумеется.

Макс колебался всего мгновение.

— Нет, сэр. Такое я написать не могу. Я мог работать под вашим наблюдением только в том случае, если бы вы все время находились в рубке.

— Вы отказываетесь выполнить мой приказ?

— Нет, сэр. Я готов изменить подпись... если вы занесете свой приказ в вахтенный журнал.

Саймс захлопнул журнал и смерил юношу презрительным взглядом с головы до ног.

— Мистер, если бы не критическое положение и нехватка специалистов, вас никогда не допустили бы на вахту. Вы к ней просто не готовы, и по моему мнению, никогда не будете готовы.

— Если у вас такая точка зрения, сэр, я с радостью вернусь к исполнению обязанностей вычислителя. Или помощника стюарда.

— Там вам и место! — Саймс с трудом удерживался от крика.

Ногучи, которого сменил Лунди, еще не ушел из рубки; оба повернулись к астрогаторам, взглянули на них и поспешно отвернулись.

Макс даже не пытался говорить тихо.

— Очень хорошо, сэр. Теперь вы смените меня? Мне нужно сообщить первому офицеру, что я отказываюсь от временного назначения в рубку управления и возвращаюсь к исполнению своих постоянных обязанностей.

Юноша ожидал, что сейчас произойдет взрыв. Саймс, однако, с видимым напряжением сумел сдержаться и произнес почти спокойным тоном:

— Видите, Джонс, вы недостаточно хорошо обдумали, как вам следует поступить.

«А что я могу потерять в результате?» — подумал Макс и заметил вслух:

— Боюсь, сэр, что это вы недостаточно хорошо обдумали свои поступки.

— То есть как?

— Вы начали преследовать меня с того самого момента, когда меня перевели в «беспокойную дыру». Вы не потратили ни одной минуты на то, чтобы научить меня чему-то, и придирались к каждому моему шагу. А после того, как я был временно назначен на должность вахтенного офицера, положение стало еще хуже. Вы пришли ко мне в каюту и объявили, что настроены против моего назначения, что не допустите...

— Вы не сможете доказать этого!

— Я и не собираюсь. Теперь вы заявляете, что я не способен нести вахту, на которую сами меня назначили. Вы заявили — четко и недвусмысленно, — что никогда не поддержите мою кандидатуру в качестве астрогатора, поэтому я, по-вашему, напрасно трачу здесь время. Уж лучше мне вернуться в ведомство интенданта и спокойно исполнять там свои обязанности. Итак, вы готовы принять от меня вахту, сэр?

— Вы отказываетесь подчиняться?

— Нет, сэр, это неправда. Я говорил с вами, проявляя должное уважение, и всего лишь изложил факты. Я попросил сменить меня — моя вахта закончилась добрых полчаса назад — для того, чтобы получить возможность явиться к первому офицеру и вернуться к исполнению тех обязанностей, которые были поручены мне перед вылетом. Это, между прочим, подтверждается правилами обеих гильдий, — закончил Макс.

— Я не отпускаю вас.

— Но это мое желание, сэр. У вас нет выбора.

По лицу Саймса было видно, что у него действительно нет выбора. Он помолчал и произнес более спокойно:

— Забудьте о случившемся. Я сменяю вас. Ваша вахта начинается в восемь часов.

— Не надо спешить, сэр. Вы заявили в присутствии свидетелей, что я не готов к несению вахты, поэтому я не могу принять на себя такую ответственность.

— Черт побери! Что вы пытаетесь делать? Шантажируете меня?

Юноша подумал про себя, что именно это и является его целью, но ответил вслух:

— Я бы не сказал этого, сэр. Вы пытаетесь совместить несовместимое.

— Пожалуй... пожалуй, вы можете нести вахту в настоящее время, когда ничего серьезного не происходит.

— Хорошо, сэр. Прошу занести ваше решение в вахтенный журнал.

— Что?

— Принимая во внимание обстоятельства, сэр, я настаиваю на соблюдении буквы закона и прошу вас занести высказанное вами мнение в вахтенный журнал.

Саймс выругался про себя, схватил ручку и принялся быстро писать, затем показал журнал Максу:

— Вот!

Макс прочитал: «М. Джонс обладает достаточной квалификацией для исполнения обязанностей вахтенного офицера во время полета в космическом пространстве, за исключением аномальных ситуаций. Подписал Р. Саймс, астрогатор».

Юноша обратил, разумеется, внимание на сделанную Саймсом оговорку, что не давало ему возможности стать постоянным астрогатором. Тем не менее Саймс не нарушил закона. «К тому же, — подумал Макс, — мне не хочется уходить из группы специалистов, работающих в «беспокойной дыре». Единственным утешением было то, что, поскольку «Асгард» все равно потерялся в космическом пространстве, рекомендации Саймса не будут иметь никакого значения.

— Все в порядке, сэр.

Саймс придвинул к себе журнал.

— Теперь отправляйтесь. Не забудьте прийти на смену вовремя.

— Слушаюсь, сэр. — Макс не удержался от того, чтобы напоследок не уколоть Саймса: одержанная победа опьянила его. — Позвольте задать вам вопрос, сэр: вы сами собираетесь в будущем приходить на вахту в положенное время?

— Что?

— В соответствии с законом запрещается работать больше четырех часов из каждых восьми, за исключением экстремальных ситуаций, запись о которых делается в вахтенном журнале.

— Идите отдыхать!

Макс отправился к себе в каюту, чувствуя себя одновременно счастливым и безмерно усталым. Он не любил ссор; после них у него оставалось неприятное впечатление.

Юноша распахнул дверь — и едва не упал, наткнувшись на Сэма.

— Ты, Сэм?

— Я, конечно. Что случилось с тобой, малыш? Можно подумать, что за тобой гонятся черти.

Макс рухнул на койку и вздохнул.

— И мне так кажется.

Он рассказал Сэму о ссоре с Саймсом.

Сэм кивнул, не скрывая одобрения.

— Только так и можно разговаривать с подобными крестинами — нападать на него до тех пор, пока он не извинится. Давай всякий раз ему отпор, и он начнет испытывать к тебе уважение.

Макс грустно покачал головой.

— Сегодня мне это удалось, и было даже приятно, но он все равно найдет способ отыграться. Ничего не поделаешь.

— Напрасно так думаешь, приятель. Сохраняй спокойствие и жди своего шанса. Если он глуп и у него плохой характер, — а Саймс именно таков, я понял это уже давно, — а ты умен и умеешь держать себя в руках, рано или поздно он допустит ошибку, и вот тут-то ты его и прихлопнешь. Таков закон природы.

— Может быть. — Макс повернулся и сел. — Сэм! У тебя снова знак старшины корабельной полиции!

— А ты раньше не заметил?

— Я слишком увлекся своими проблемами. Расскажи, как ты сумел этого добиться. Неужели первый офицер решил забыть о прошлом и простить тебя?

— Не совсем так. Тебе уже известно о происшествии вчера вечером?

— Ну известно. Но мне сообщили, что официально ничего не случилось.

— Совершенно верно. Мистер Уолтер знает, когда лучше сделать вид, что он ничего не видел.

— И все-таки — что произошло? Мне сказали, что ты постучал по чьим-то головам.

— Явное преувеличение. Если и постучал, то лишь для виду. Мне приходилось служить на кораблях, где подобные потасовки считались хорошим упражнением, способствующим перевариванию ужина. Дело было так, Макс: несколько парней очень перепутались, услышав о том, что корабль потерялся в космическом пространстве, и напились огненной воды. Затем парочка болтунов с длинными языками и почти без мозгов заявили, что их осенило: нужно пойти и поговорить с капитаном, это, дескать, их право. А поскольку большинство людей — бараны, то решили идти все вместе, стадом. Попадись им офицер, он запросто отправил бы их спать по кубрикам, и никаких неприятностей не

было бы. Однако мой предшественник столкнулся с ними и приказал разойтись. С этого и началось — они отказались. Боюсь, мой предшественник не обладает талантом дипломатии. Тогда он завопил: «Это мятеж! На помощь!» — после чего разразилась буря.

— Ну а ты, Сэм? Попытался помочь полиции?

— Что ты, малыш. Я стоял в стороне, на безопасном расстоянии и наслаждался веселым зрелищем. И тут заметил, что по трапу спускаются комнатные шлепанцы мистера Уолтера. Я немедленно вмешался в драку и сыграл решающую роль в наведении порядка. Запомни, Макс, лучший способ отличиться заключается в том, чтобы сначала удостовериться, что за развитием событий наблюдает генерал, и действовать после этого.

— Откровенно говоря, я не считал тебя кандидатом на роль героя, — усмехнулся Макс.

— Какой из меня герой! Короче говоря, все утихомирилось. Мистер Уолтер послал за мной, выругал меня, сказал, что я негодяй, мошенник и вор, — затем предложил мне вернуться на пост старшины корабельной полиции, если я гарантирую дисциплину и порядок среди членов команды. Я посмотрел ему в глаза — самым искренним взглядом — и ответил, что приложу все усилия. Таким образом, я снова шеф полиции.

— Я очень рад за тебя, Сэм.

— Спасибо. Затем мистер Уолтер окинул меня испытующим взглядом и сообщил, что, по его мнению, — будто он не знал этого! — где-то на корабле тайно работает самогонный аппарат. Он приказал найти его, а также уничтожить все запасы уже готового самогона.

— Вот как? Ну и что сказал мистер Джи?

— Мы с Толстяком разобрали аппарат, отнесли на склад составные части и спрятали сотни бутылок с огненной водой. Я попросил Джиордана не пускать их в оборот до тех пор, пока корабль не выберется из теперешнего положения. И напоследок убедительно заявил, что если Толстяк нарушит данное мне слово, я переломлю ему руки и ноги.

— Как здорово, Сэм, что ты снова завоевал расположение начальства, — улыбнулся Макс. — Хорошо, что ты нашел время сообщить мне об этом. — Он широко зевнул. — Извини. Я столько не спал.

— Исчезаю. Но к тебе я пришел не для того, чтобы рассказать о своем успехе, а задать вопрос.

— Спрашивай.

— Когда ты в последний раз видел капитана?

Макс задумался.

— В день перехода. А почему ты спрашиваешь об этом?

— Верно, и больше никто не видел его с тех пор. Я думал, что он проводит все время в «беспокойной дыре».

— Нет, в рубке он не появлялся. Между прочим, его не было и за столом — по крайней мере тогда, когда я бывал в кают-компании.

— Еду ему приносят в каюту. — Сэм встал. — Это очень, очень интересно... Гм... думаю, не стоит никому говорить об этом, Макс.

...Когда юноша пришел на вахту сменить Саймса, они обменялись всего несколькими словами. В дальнейшем Саймс вел себя так, словно Макса не существовало, если не считать пары коротких слов при смене. Капитан так и не появился в рубке. Макс хотел спросить об этом Келли, но всякий раз что-то удерживало его. Однако по кораблю поползли слухи: капитан болен, капитан без сознания, первый офицер и корабельный врач освободили его от исполнения обязанностей шкипера, и даже о том, что капитан проводит все время за расчетами, стараясь изобрести новый и удивительный метод возвращения корабля в свою Галактику.

Вскоре все уже знали, что корабль потерялся в бесконечных просторах вселенной, но как-то привыкли к этому, и истерических выходов больше не было; пассажиры и экипаж успокоились и пришли к выводу, что решение вывести корабль на орбиту вокруг звезды типа земного Солнца, к которой летел корабль, было единственно разумным. «Асгард» уже настолько приблизился к этой звездной системе, что стало ясно — у звезды есть планеты. Действительно, еще ни разу не удавалось обнаружить подобную звезду без окружения планет, но все-таки, увидев их на стереопластинке, все вздохнули с облегчением. Оставалось только сделать выбор между планетами номер три и номер четыре.

Болометрические замеры показали, что поверхностная температура звезды чуть превышает 6000 градусов по Кельвину, что подтверждалось ее спектрограммой;

она была ненамного больше температуры Солнца. Расчеты поверхностных температур третьей и четвертой планет указывали на то, что третья планета может иметь слишком высокую температуру, делавшую проживание людей невозможным, тогда как четвертая, возможно, скована холодом. И на той и на другой была атмосфера.

Быстрый облет планет по гиперболической траектории решил вопрос. Болометр показал, что третья планета слишком горяча и даже четвертая обладает тропическим климатом. У последней была луна, тогда как у третьей планеты луны не было, — еще одно немаловажное преимущество номера четыре, которое делало возможным вычисление массы четвертой планеты с помощью наблюдения периода обращения луны. На основе известной теперь массы и видимого диаметра по формуле Ньютона рассчитали силу тяжести на четвертой планете... девяносто три процента земного тяготения — приятная и даже слишком малая сила тяжести, если принять во внимание диаметр планеты, составлявший более десяти тысяч миль. Спектры поглощения показали присутствие в ее атмосфере кислорода и нескольких инертных газов.

Саймс с помощью Келли перевел «Асгард» на полярную орбиту, для того чтобы облегчить осмотр планеты, — на Макса, как всегда, астрогатор не обращал ни малейшего внимания.

Капитан не пришел в рубку управления даже просто присутствовать при осуществлении этого маневра.

Корабль носился по орбите, пока возможное место высадки изучали из рубки управления, и множество глаз смотрели на поверхность планеты из гостиной «Асгарда». Именно здесь Элли наконец нашла Макса.

Во время подлета к планете они не встречались, потому что Макс был очень занят на вахтах, следовавших одна за другой с короткими перерывами, смертельно уставал и не хотел, чтобы ему досаждали расспросами. Однако после того как орбита была вычислена и корабль вышел на нее, в соответствии с правилами, установленными Саймсом, дежурство в рубке было поручено рядовым специалистам, и Максу снова запретили появляться здесь. Корабль описывал виток за витком с выключенным двигателем, и нужды в астрогаторе в общем-то не было.

Макс не мог удержаться от соблазна взглянуть на незнакомую планету и вместе с пассажирами оказался в гостиной. Он стоял позади всех и смотрел поверх голов, когда Элли схватила его за руку.

— Ты где был?

— На вахте. — Юноша протянул руку и погладил Чипси; обезьянка тут же перепрыгнула ему на плечо и принялась обыскивать карманы в поисках лакомства.

— Вот как? Ты ведь не несешь вахту непрерывно; тебе известно, что на прошлой неделе я послала девять — да-да, девять! — записок к тебе в каюту?

Макс знал об этом; он сохранил все девять, но не ответил на них.

— Извини меня, Элли.

— Теперь он хочет, чтобы его извинили. Ну ладно — прошу тебя, Макс, расскажи мне обо всем. — Она повернулась и посмотрела в огромный иллюминатор на пронсящуюся под кораблем поверхность планеты. — Как мы ее назовем? На ней есть жизнь? Где мы совершим посадку? Скажи, Макс, разве ты не взволнован?

— Не так быстро, Элли. Ей еще не подобрали названия — пока мы называем ее «планета» или «номер четыре». Келли предлагает присвоить ей имя Гендрикса. Саймс молчит; думаю, что надеется, что ее назовут в его честь. Насколько мне известно, капитан еще не принял решение.

— Ее следует назвать «Истина», или «Надежда», или что-то в этом роде. А где сейчас капитан, Макс? Я не видела милого старичка так долго!

— Он работает. Сама понимаешь, это для него нелегкое время. — Макс подумал, что его уловка может быть недалеко от правды. — Что касается твоих остальных вопросов, мы еще не видели никаких признаков цивилизации — городов, например.

— Неужели под понятием «цивилизация» ты имеешь в виду огромные грязные города?

Макс почесал затылок и усмехнулся.

— Ты попала в самую точку. С другой стороны, я не могу представить себе цивилизацию без городов.

— Почему не можешь представить? У муравьев есть города, есть они и у пчел, но их нельзя назвать цивилизованными существами. Мне представляется прелест-

ная цивилизация, когда все просто сидят на деревьях, поют и размышляют о прекрасных вещах.

— Значит, именно так тебе хочется жить?

— Нет, это слишком скучно. Но ведь можно помечтать, правда? Ты не знаешь, когда мы совершим посадку?

— Нет. Думаю, после того как будет принято решение, что это безопасно.

— Жаль, что они не торопятся. Это так интересно! Мы будем вроде Робинзона Крузо или швейцарской семьи Робинсонов — я никак не могу понять, чем они отличаются друг от друга. Или станем как первые люди на Венере.

— Они погибли.

— Это верно. Но мы-то не погибнем в таком прекрасном мире. — Девушка махнула рукой в сторону красивого зеленого, голубого и туманно-белого шара. — Я собираюсь назвать эту планету «Чэрити» — «милосердие», потому что она очень соответствует такому названию.

— Элли, неужели ты не понимаешь, в каком серьезном положении мы оказались? — спросил Макс тихим голосом, чтобы не встревожить остальных пассажиров. — Это совсем не пикник. Если планета не годится для проживания, мы окажемся в ужасном положении.

— Но почему?

— Послушай, Элли, — только не рассказывай никому. Я сомневаюсь, что кому-нибудь из нас удастся вернуться домой.

По лицу девушки пробежала тень, затем она пожала плечами и улыбнулась.

— Тебе не удастся меня напугать. Да, конечно, мне хотелось бы вернуться домой, — но если ничего из этого не выйдет, ну что ж, мне будет хорошо и здесь, на Чэрити. Я знаю.

Макс промолчал.

Глава 16

«БОЛЕЕ СОТНИ ЛЕТ...»

«Асгард» совершил посадку на следующий день. Эддрет сумела убедить всех в правильности выбора названия планеты с помощью нехитрого приема: она то и дело называла ее «Чэрити», делая вид, что это название присвоено ей официально, причем старалась повторять его как можно чаще.

Когда разнесся слух, что посадка произойдет в полдень по корабельному времени, Макс отправился в рубку управления, придя к выводу, что присутствовать при таком маневре — его право. Саймс мрачно взглянул на него, но промолчал, и юноше стало ясно почему — в рубке находился капитан Блейн.

Его внешний вид потряс Макса. Казалось, что после неудачного перехода капитан постарел на десять или даже пятнадцать лет. Вместо обычной приветливости на лице капитана был отпечаток чего-то, что юноша никак не мог определить и лишь после нескольких минут мучительных раздумий вспомнил, что подобное выражение он видел у лошадей, которые были слишком старыми для напряженной работы, но продолжали трудиться — склоненная голова, помутневшие глаза, ощущение примирения с судьбой одновременно невыносимой и неизбежной. Кожа на лице старика висела

складками, словно он не ел несколько дней или даже недель. Казалось, он не замечает того, что происходит вокруг.

Во время маневра он заговорил лишь однажды. Перед тем как стрелка хронометра остановилась на полудне, Саймс выпрямился у консоли и посмотрел на шкипера. Блейн поднял голову и хриплым шепотом произнес:

— Производите посадку, мистер.

Имперский военный корабль, совершающий посадку на незнакомой планете, обычно посылает на поверхность автоматическую станцию, которая начинает затем посылать радиолокационные сигналы, и корабль заходит на посадку по ее лучу. «Асгард», однако, был грузопассажирским лайнером; он совершал посадки лишь в космопортах, оборудованных лучами, посадочными огнями и другими приспособлениями. Соответственно на этот раз посадка осуществлялась вслепую по заранее вычисленной посадочной траектории и контролировалась радиолокаторами. После тщательного изучения фотографий было выбрано место в открытой долине. Поскольку планета почти всюду была покрыта густыми лесами, выбор места для посадки оказался весьма ограниченным.

Саймс выглядел воплощением умения и опыта пилота; его руки покоились на контрольной панели, глаза не отрывались от экрана радиолокатора, где вырисовывалась картина участка, куда опускался корабль, а над экраном висели в ряд фотографии для сравнения, как радиолокационные, так и в видимом спектре.

Спуск корабля прошел без неожиданностей; черное небо, усыпанное звездами, уступило место темно-пурпурному, затем голубому. Посадка была настолько плавной, что никто не заметил момента касания — силовое поле Хорста предохраняло людей от толчков и резких перемен в силе тяжести. Макс понял, что корабль коснулся грунта, после того, как Саймс включил лучи поддержки, призванные сохранять корабль в вертикальном положении.

Саймс наклонился к микрофону:

— Машинное отделение, включить вспомогательные двигатели и привести механизмы в нейтральное состояние! Экипажу выполнять обязанности по обычному

расписанию после посадки, первой вахте приступить к дежурству! — Он повернулся к капитану. — Корабль на поверхности, главный двигатель выключен, задействованы вспомогательные механизмы, сэр.

— Хорошо, сэр, — произнес Блейн, с трудом шевеля губами.

Он встал и, шаркая ногами, вышел из рубки. Когда за капитаном захлопнулся люк, Саймс громко произнес:

— Лунди, будете на вахте! Остальным покинуть рубку управления.

Макс спустился вниз вместе с Келли. На палубе «А» юноша неохотно произнес:

— Вынужден признать, посадка произведена отлично.

— Спасибо, — кивнул Келли.

Макс с удивлением взглянул на него.

— Так это вы произвели все расчеты?

— Я не говорил этого. Просто сказал «спасибо».

— Вот как. Ну что ж, сделано превосходно. — Вдруг юноша почувствовал, что стал как будто легче. — Выключено силовое поле, — заметил он. — Вот теперь мы действительно на поверхности планеты.

Он только собрался пригласить Келли в каюту и выпить традиционную чашку кофе, как из громкоговорителей донеслось:

— Внимание всех членов экипажа и пассажиров! Немедленно собраться в «Бифрост Лаундж» для важного сообщения. Те, кто находится на вахте, слушайте трансляцию.

— В чем дело? — удивился Макс.

— Зачем гадать? Пойдем и узнаем.

Гостиная была переполнена пассажирами и членами экипажа. Первый офицер Уолтер стоял рядом со столом капитана, взглядом пересчитывая присутствующих. Макс заметил, как он повернулся к Беннетту, который кивнул и поспешно вышел. На другой стороне гостиной находился огромный иллюминатор; юноша вытянул шею и встал на цыпочки, пытаясь увидеть поверхность планеты, — однако он увидел только вершины холмов и голубое небо.

Шум голосов начал стихать; Макс обернулся — в гостиную вошел Беннетт, за ним следовал капитан Блейн.

Капитан подошел к своему столу и сел; первый офицер взглянул на него и громко откашлялся.

— Прошу соблюдать тишину, — произнес он, помедлил и продолжил: — Мы собрались здесь потому, что капитан Блейн изъявил желание обратиться к вам.

Он замолчал и сделал шаг назад, склонив голову в знак уважения.

Капитан Блейн медленно встал и неуверенно оглянулся вокруг. Макс увидел, как старик попытался выпрямиться и расправить усталые плечи.

— Члены экипажа, — начал он, и его голос неожиданно зазвучал громко и уверенно, — мои гости и друзья... — голос стал затихать. В гостиной наступила мертвая тишина, и было слышно лишь тяжелое дыхание капитана. Он снова попытался взять себя в руки и продолжал: — Я сделал все, что мог... все, что мог...

Голос капитана стал совсем тихим. Он замолчал и устремил взгляд измученных глаз на собравшихся в гостиной. Его губы дрожали. Казалось, он не сможет больше говорить. В гостиной зашептались. Но капитан сумел собраться с силами, и снова наступила тишина.

— Я хочу сказать еще кое-что, — произнес он и замолчал опять. На этот раз пауза была более продолжительной, и когда он снова прервал тишину, его голос превратился в шепот. — Простите меня. Да благословит вас Господь.

Старик повернулся и направился к выходу. Беннетт обогнал его и пошел впереди. Макс слышал, как он громко и внятно произнес:

— Освободите дорогу! Дорогу капитану!

В гостиной по-прежнему царил молчание. Женщина рядом с Максом всхлипнула.

И тут прозвучал уверенный голос первого офицера:

— Прошу всех остаться! У меня есть для вас дополнительные объявления. — Судя по поведению, мистер Уолтер сохранял уверенность, несмотря на упадок сил у капитана. — Наступило время подвести итоги происшедшему. Как вы убедились, эта планета почти ничем не отличается от нашей родной Земли. Разумеется, будет произведена проверка состава атмосферы, чтобы узнать, можно ли ею дышать, и другие тесты; корабельный врач и старший механик сейчас занимаются этим. Но представляется очевидным, что планета пригодна

для обитания, может быть, даже лучше Земли. До сих пор нам не удалось обнаружить следов цивилизации. Впрочем, может быть, это и к лучшему. Теперь относительно наших ресурсов: на борту «Асгарда» находится немалое количество домашних животных, которых следует сохранить для последующего размножения. Кроме того, у нас еще большее разнообразие полезных растений, как в корабельных гидропонических ваннах, так и в виде семян. Что касается инструментов, мы располагаем ограниченным, но достаточным запасом. Самое главное, однако, состоит в том, что в нашей библиотеке хранится огромный запас знаний, связанных с культурой человеческой расы, а мы сами располагаем соответствующими традициями и навыками...

— У меня есть вопрос, мистер Уолтер.

— Пожалуйста, мистер Хорнсби.

— Означает ли сказанное вами, что вы собираетесь бросить нас на этой планете?

Уолтер холодно посмотрел на говорившего.

— Нет, не означает. Мы не собираемся никого, как вы говорите, бросать. Вы можете остаться на борту корабля, не покидать его, и с вами будут обращаться, как с гостем, до тех пор, пока вы живы и «Асгард» в состоянии обеспечить пассажиров всем необходимым. Или до тех пор, пока корабль не достигнет пункта назначения, указанного в вашем билете, — если это осуществимо. Я поднял этот вопрос только потому, что теперь уже всем известно: мы потерялись в космическом пространстве.

Будто бесшумный вздох пронесся по гостинной. Все, разумеется, знали об этом, но прямое и недвусмысленное заявление первого офицера прозвучало как приговор суда.

— Позвольте мне объяснить юридические аспекты создавшегося положения, — продолжал мистер Уолтер. — Пока корабль был в космосе, все находящиеся на его борту, как пассажиры, так и члены команды, полностью подчинялись капитану — таков закон. Но теперь мы совершили посадку. Перед вами стоит выбор — вы можете оставить корабль... или остаться на нем. С юридической точки зрения, это незапланированная остановка; если корабль взлетит и отправится дальше, вы можете вернуться и продолжать путешествие в

качестве пассажиров. Такова моя обязанность перед вами, и она будет исполнена до конца. Но я заявляю честно и откровенно: в настоящее время у меня нет никакой надежды на то, что мы когда-нибудь достигнем пункта назначения; именно поэтому я и говорю о перспективе создания колонии на этой планете. Мы заблудились в безграничном космосе.

Из угла гостиной послышался истерический женский крик; смысл его было трудно разобрать.

— Домой! Хочу домой! Отправьте меня...

Голос Уолтера прозвучал, как удар хлыста.

— Дюмон! Фланнигэн! Отведите ее к врачу.

Старший офицер продолжал, будто ничего не произошло:

— Команда корабля окажет вам всяческое содействие, при условии, что это не будет противоречить моей установленной законом обязанности поддерживать корабль в состоянии, готовом к эксплуатации. Мы поможем каждому из вас, изъявившему желание поселиться в колонии. Лично я считаю...

Его прервал чей-то резкий голос:

— О каком законе вы говорите? Здесь нет никакого закона!

Уолтер продолжал, не повышая голоса:

— Ошибаетесь, закон есть. Пока корабль не прибыл на свой конечный пункт, будут существовать законы, независимо от того, на расстоянии скольких световых лет находится он от космопорта приписки. Далее, хотя и не имею права командовать теми из вас, кто примет решение покинуть корабль, настоятельно советую вам сразу после высадки провести общее собрание, выбрать руководителей и создать комитет по управлению колонией. В противном случае вы вряд ли сумеете выжить.

— Мистер Уолтер!

— Да, мистер Дейглер?

— Сейчас, очевидно, не время для взаимных обвинений...

— Да, конечно.

— Хорошо, не буду увлекаться, хотя мог бы предъявить целый список. Дело в том, что я неплохо разбираюсь в организации колоний — это связано с моей профессией.

— Очень хорошо! Ваши знания нам пригодятся.

— Разрешите мне закончить. Главный принцип поддержания жизнеспособности колоний, не способных находится в постоянной связи с базой, заключается в их размерах. Это — чисто статистическая проблема; слишком маленькая колония может погибнуть, столкнувшись даже с небольшими проблемами. Эта ситуация похожа на попытку участия в карточной игре с недостаточным количеством денег: всего два или три проигрыша — и вы выходите из игры. Оглядываясь вокруг, я вижу, что мы имеем именно такую ситуацию: количество будущих колонистов намного меньше оптимального. Более того...

— Ничего не поделаешь, мистер Дайглер. Это все, что у нас есть.

— Я отлично это понимаю. Не принимайте меня за мечтателя. Но у меня возник вопрос: можем ли мы рассчитывать на экипаж корабля?

Мистер Уолтер отрицательно покачал головой.

— Наш корабль будет находиться в эксплуатационном состоянии до тех пор, пока остаются люди, способные управлять им и следить за механизмами. У нас всегда будет надежда, какой бы крошечной она ни являлась, что мы сможем вернуться домой. Не исключено даже, что нас обнаружит имперский разведывательный корабль. Извините, но вынужден огорчить вас — нет, не можете.

— Я задал вам несколько иной вопрос, мистер Уолтер. Не считайте меня недоумком — я догадывался, что вы не разрешите команде поселиться в колонии. Но можем ли мы рассчитывать на помощь экипажа? У нас всего шесть женщин — плюс или минус одна, — способных к продолжению человеческого рода. Это значит, что следующее поколение нашего нового народа станет еще меньше. Такая колония вымрет — это статистически неизбежно, — если только каждый мужчина не будет работать десять часов в сутки каждый день на протяжении всей жизни лишь для того, чтобы у наших детей был шанс выжить. Я не против этого, если только мы все приложим усилия. Но для того чтобы молодежь, которая еще не родилась, сумела через тридцать лет остаться в живых и рассчитывать на нор-

мальную жизнь, потребуются общие усилия. Поможет ли нам команда?

— Думаю, вы можете рассчитывать на нашу помощь, — тихо ответил мистер Уолтер.

— Это все, что я хотел узнать.

Тут в разговор вмешался маленький краснолицый мужчина, имя которого Макс не мог вспомнить.

— Как все? Нет, далеко не все. Я подам на компанию в суд, я подам в суд на каждого офицера в отдельности. Я подниму такой шум, что...

Макс увидел, что через толпу к мужчине пробрался Сэм и тот внезапно замолчал.

— Отведите его к врачу, — устало произнес мистер Уолтер. — Подать на нас в суд он успеет и завтра. Собрание закончено.

Макс направился к себе в каюту. Эддрет догнала его.

— Макс! Мне нужно поговорить с тобой.

— Хорошо. — Юноша повернул обратно в гостиную.

— Нет, это должен быть разговор с глазу на глаз. Пошли к тебе в каюту.

— Что? Да миссис Дюмон лопнет от негодования и все расскажет мистеру Уолтеру.

— Ну и черт с ними! Эти глупые правила уже не действуют. Разве ты не слышал, что говорили на собрании?

— Это ты не слышала.

Юноша взял Элли под руку, и они направились в гостиную. По дороге они наткнулись на мистера Дайглера и его жену.

— Макс, ты сейчас занят? — спросил мистер Дайглер.

— Да, мы заняты, — ответила девушка.

— Нет, — произнес Макс.

— Гм... придется вам двоим прибегнуть к голосованию. Мне хотелось бы задать несколько вопросов Макс-у. Против вашего присутствия, Эддрет, я не возражаю, если вы извините мою назойливость.

— Ну что ж, может быть, вы сумеете убедить его, — пожала плечами девушка. — Я не смогла.

Все четверо направились в каюту Дайглеров, которая была больше и намного роскошнее каюты Макса. В ней было даже два стула. Женщины устроились на кровати, мужчины — на стульях.

— Макс, вы произвели на меня впечатление молодого человека, который предпочитает не уклоняться от ответов и говорить откровенно. Мне нужно кое-что узнать, и я не хотел задавать вопросов на собрании при всех. Может быть, вы сможете ответить мне.

— Постараюсь. — если смогу.

— Отлично. Я попытался поговорить с мистером Саймсом, однако он уклонился от разговора с высокомерно вежливой миной на лице. Добраться до капитана мне не удалось, к тому же после того, что мы видели сегодня, в этом нет смысла. Итак, объясните мне, какова вероятность нашего возвращения домой? Является ли наш шанс одним из трех или одним из тысячи?

— Знаете, такой ответ мне очень трудно вам дать.

— Тогда дайте такой ответ, какой вас больше устраивает.

— Скажем, так. Хотя мы не знаем, где сейчас находимся, нам известно, где мы не находимся, причем совершенно точно. Нас нет в пределах, ну, скажем, сотни световых лет от любой исследованной части Галактики.

— Откуда вы это знаете? Мне кажется, что названное вами пространство — это огромная сфера, которую вам вряд ли удалось исследовать за те несколько недель, которые мы провели, сбившись с курса.

— Действительно, это огромное пространство. Оно представляет собой сферу диаметром в двенадцать тысяч триллионов миль. Но нам не нужно исследовать всю сферу.

— Тогда откуда у вас эти сведения?

— Видите ли, сэр, мы изучили спектры всех видимых звезд первой величины — и не только их. Ни одной из этих звезд нет в наших каталогах. Некоторые из них являются гигантами, которые находились бы в классе звезд первой величины на расстоянии ста световых лет от них, — если бы разведывательные корабли смогли подойти к ним на такое расстояние. Таким образом, мы абсолютно уверены, что находимся очень, очень далеко от тех мест, куда удавалось проникнуть людям. Более того, я даю очень осторожную оценку. Представьте себе сферу в два или даже в восемь раз больше диаметром, и все еще оценка

будет достаточно осторожной. Мы действительно за-
теряны в космосе.

— Гм... Я очень рад, что не задал эти вопросы в
гостиной. Если ли вероятность, что мы когда-нибудь
узнаем, где находимся?

— Разумеется! Нужно изучить еще тысячи звезд.
Старший вычислитель Келли в настоящий момент на-
верняка занимается их спектрограммами.

— Ну что ж, тогда какова вероятность, что мы в
конце концов узнаем, где находимся?

— Я бы сказал, что вероятность этого очень вели-
ка — не позже, чем через год или два. Если не
удастся определить по отдельным звездам, то мы
сделаем это по сферическим созвездиям. Надеюсь, вы
понимаете, что наша Галактика протянулась на сто
тысяч световых лет и мы видим лишь те звезды,
которые расположены относительно близко от нас.
Однако сферические созвездия являются превосход-
ными ориентирами.

«Если, конечно, мы не находимся в совершенно
другой галактике», — добавил мысленно Макс, но не
произнес этого вслух. Зачем запутывать их этой воз-
можностью.

Успокоившись, Дайглер откинулся на спинку стула и
закурил сигару.

— Это последняя того сорта, который я курю, но
сейчас я рискну. Итак, Мэгги, теперь, думаю, тебе не
придется овладевать искусством изготовления мыла из
древесного пепла и свиного сала. Неважно, потратим
мы на это один год или пять, мы все-таки сумеем
продержаться и вернемся домой.

— Я очень этому рада. — Она поправила свою за-
мысловатую прическу нежными руками с идеальным
маникюром. — Боюсь, это не для меня.

— Но вы не поняли меня, мистер Дайглер!

— Что вы имеете в виду, Макс?

— Я совсем не хотел сказать, что мы вернемся
домой. Смысл моих объяснений заключался в том, что
мы рано или поздно сумеем выяснить, где находимся.

— А какая разница? Узнаем, где находимся, и отпра-
вимся домой.

— Огромная разница, мистер Дайглер, — ведь мы сейчас не меньше чем в сотне световых лет от границы исследованного пространства.

— Не вижу в этом ничего страшного. Наш корабль может пролететь сотню световых лет за ничтожную долю секунды. Какова длина самого продолжительного прыжка, совершенного нами во время этого путешествия? Почти пятьсот световых лет, не так ли?

— Да, но... — Юноша повернулся к Эддрет. — Ты понимаешь, что я имею в виду?

— Мне кажется, что понимаю. Это сложенный шарф, который ты показывал.

— Вот именно. Видите ли, мистер Дайглер, «Асгард» может перепрыгнуть через пятьсот световых лет в одно мгновение, но только от одной точно рассчитанной и известной конгруэнтности к другой. Нам неизвестно расположение ни одной из них на расстоянии по крайней мере в сто световых лет... и нам не удастся узнать, где находятся эти конгруэнтности даже в том случае, если станет ясно, где мы сейчас, потому что нам известно, где нас нет. Понимаете? Это значит, что кораблю придется лететь с предельной скоростью в течение сотни лет или даже дольше, только для того, чтобы покрыть первый этап путешествия.

Мистер Дайглер задумчиво посмотрел на сигару, достал перочинный нож и аккуратно отрезал ее тлеющий конец.

— Оставляю на черный день. Так вот, Мэгги, тебе все-таки придется учиться готовить домашнее мыло. Спасибо, Макс. Мой отец был фермером, мне будет нетрудно работать на земле.

— Я буду только рад помочь вам, сэр, — воскликнул Макс.

— Ах да, конечно, ведь вы говорили нам, что работали на ферме. У вас-то все получится. — Мистер Дайглер повернулся к Эддрет. — Знаете, как бы я поступил на вашем месте, молодежь? Сейчас же отправился бы к капитану, чтобы он поженит вас. Вот тогда вы будете готовы по-настоящему взяться за жизнь колонистов.

Макс покраснел до самого воротника, не решаясь взглянуть в сторону Элли.

— Боюсь, что это невозможно. Ведь я член экипажа и не могу стать колонистом.

Мистер Дайглер посмотрел на него с любопытством.

— Подумать только, какая преданность своему долгу! — пробормотал он. — Впрочем, Элли без труда выберет себе спутника жизни среди молодых пассажиров.

Элдрет разгладила юбку с притворной застенчивостью.

— Да, я тоже так думаю, — заметила она.

— Пошли, Мэгги. Ты идешь с нами, Элдрет?

Глава 17

ЧЭРИТИ

Не прошло и недели, как в поселке Чэритивиль закипела жизнь. У него появился мэр — мистер Дайглер, а также главная улица — Гендрикс авеню. Наконец, была сыграна первая свадьба, и мэр поселка совершил обряд бракосочетания — мистер Артур и юная Бекки Вебербаур стали мужем и женой. Первый коттедж, который строили все вместе, предназначался новобрачным. Он представлял собой бревенчатую хижину и выглядел очень неряшливо; хотя среди пассажиров оказалось немало тех, кто видел фотографии бревенчатых хижин или даже побывал когда-то внутри, ни один из них не принимал участия в строительстве подобных домов.

Повсюду витал дух надежды, смелости, даже веселья. Жители поселка мечтали о будущем, о новой жизни. Они все еще спали в своих каютах на корабле, завтракали в кают-компании, затем брали с собой обед сухим пайком и напряженно трудились, как мужчины, так и женщины, на протяжении короткого местного дня, потому что Чэрити оборачивалась вокруг своей оси всего за двадцать один земной час. Незадолго до наступления темноты будущие колонисты возвращались

на корабль, и у них еще хватало сил потанцевать, перед тем как отправиться спать по каютам.

Чэрити, казалось, воплощала все качества, заключающиеся в названии планеты. Дни были теплыми, насыщенными запахами цветов, ночи — прохладными, а сама планета — прекрасной, настолько прекрасной, что у нее не было соперниц в исследованной Галактике. Ее звезда — колонисты называли ее просто Солнцем — была окружена огромным количеством комет, гораздо большим, чем все известные звезды человеческой Галактики. Одна гигантская комета с широким хвостом, протянувшимся от зенита до западного горизонта, устремлялась прямо к Солнцу. Другая, не такая огромная, но настолько впечатляющая, что на Земле наблюдатели до конца света собирались бы на вершинах холмов полюбоваться ею, надвигалась с севера, и еще две украшали южное небо кружевами ледяного пламени.

Как обычно, кометам сопутствовало изобилие метеоров. Каждую ночь по небу проносился дождь падающих звезд, и каждый день заканчивался фейерверком, напоминавшим празднование годовщины Солнечного Союза.

Судя по всему, на планете не было опасных животных — по крайней мере до сих пор людям они не попадались. Некоторые говорили, что видели существ, похожих на кентавров, размером с шотландского пони, но эти существа казались робкими и убегали, едва попав в поле зрения людей. Основной частью фауны были сумчатые млекопитающие всевозможных форм и размеров. На планете не было птиц, но их заменяли другие летающие существа, не встречавшиеся людям больше нигде — медузообразные существа длиной в четыре или пять футов с висящими щупальцами, нечто вроде живых воздушных шаров. Казалось, что эти летающие медузы были способны управлять своими раздувшимися телами с помощью мышц, потому что могли подниматься и опускаться, и даже каким-то странным способом передвигались против не слишком сильного встречного ветра; если ветер оказывался очень уж сильным, странные существа цеплялись за вершины деревьев или позволяли ветру нести себя.

Летающие медузы проявляли какой-то интерес к Чэритивиллю и обычно висели над строительной пло-

щадкой, медленно поворачиваясь, словно для того, чтобы увидеть как можно больше. Однако они никогда не приближались к людям. Некоторые колонисты хотели подстрелить одну из них, чтобы изучить строение по-внимательнее, но мэр поселка Дайглер не разрешил.

Кроме того, на планете существовал еще один вид животных — или, как показалось колонистам, мог существовать. Их прозвали «любопытными», потому что ни одному колонисту не удалось рассмотреть этих существ — стоило человеку заметить их присутствие, как «любопытные» мгновенно исчезали за деревом или выступом скалы. Наблюдая едва ли не воображаемых «любопытных» и постоянно присутствующих летающих медуз, колонисты пришли к выводу, что их новые соседи проявляют к человеческой деятельности глубокий и отнюдь не враждебный интерес.

Мэгги Дайглер — теперь все звали ее «Мэгги» — спрятала свои драгоценности, выбрала рабочий комбинезон из числа тех, что хранились в корабельных кладовых, и отрезала волосы. Теперь ее ногти стали короткими и обычно были черны от грязи. Однако она выглядела гораздо моложе и казалась очень счастливой.

Говоря по правде, счастливыми чувствовали себя все — кроме Макса.

Элли избегала его. Юноша проклинал свой длинный язык и днем и ночью. Это верно, Дайглер проявил совершенно ненужную инициативу, но почему Максу понадобилось открыть свой большой рот и сунуть туда ногу? Разумеется, он не собирался жениться на Элли, — но вдруг, черт побери, им придется остаться на Чэрити до самой смерти? Со временем запрет на переселение в колонию будет снят — тогда зачем ему понадобилось ссориться с единственной незамужней на планете девушкой?

Астрогатор должен быть холостяком, однако фермеру необходима жена. Как приятно, работая в поле, знать, что кто-то дома готовит суп и жарит цыпленка. Уж ему-то это известно — мама обычно старалась увильнуть от выполнения своих обязанностей. Но Элли не будет похожа на нее. Девушка была практичной, крепкой и после хорошего обучения легко справится с работой по дому.

К тому же Макс у не приходилось встречать более прелестной девушки, если присмотреться как следует...

Когда мистер и миссис Дюмон получили специальное разрешение и переселились в колонию, юноша решил действовать. Правда, у стюарда и стюардессы не было работы на борту корабля, после того как пассажиры покинули его и решили жить в Чэритивилле, и потому никто не мог возражать против подобного решения. У Макса положение было иным, но он отважился поговорить с первым офицером.

— Ученик астрогатора Джонс, проходящий испытательный срок, просит разрешения обратиться, сэр.

Уолтер поднял голову.

— Мне кажется, следовало бы сказать: «помощник астрогатора Джонс». Ну, ближе к делу. Заходите.

— Именно об этом я и хотел поговорить с вами, сэр.

— Вот как?

— Прошу разрешить мне вернуться на свою постоянную должность.

— Почему? Вам что, больше нравится быть вычислителем, чем астрогатором? Да и какая теперь разница?

— Нет, сэр. Я решил занять свою первоначальную должность — помощника стюарда третьего класса.

На лице Уолтера появилось изумленное выражение.

— Здесь что-то не то. Объясните подробнее.

Сначала нерешительно и заикаясь, затем более уверенно юноша рассказал о своих неприятностях с Саймсом. Он старался быть справедливым и, когда закончил рассказ, почувствовал, что его доводы звучат по-ребячески.

— Вы действительно уверены в этом? — спросил первый офицер. — Мистер Саймс ничего не говорил мне о вас.

— Ну конечно. С какой стати он станет беседовать с вами о своей неприязни ко мне. Тем не менее это правда. Поговорите с Келли.

Уолтер задумался.

— Мистер Джонс, я бы не придавал этому такое значение. В вашем возрасте подобные конфликты часто кажутся более серьезными, чем на самом деле. Советую вам забыть о происшедшем и продолжать работу. Во всяком случае я поговорю с мистером Саймсом относительно запрета находиться в рубке управления.

Это противоречит закону и признаюсь, что я очень удивлен подобным решением астрогатора.

— Нет, сэр.

— Что значит «нет, сэр»?

— Я хочу стать помощником стюарда.

— Но почему? Я не понимаю вашего желания.

— Потому что, сэр, мне хочется переселиться в колонию. Как старший стюард Дюмон.

— Вот как... Теперь ситуация начинает проясняться. — Уолтер хлопнул ладонью по столу. — Ни в коем случае! Я не могу разрешить этого ни при каких обстоятельствах.

— Почему, сэр?

— Прошу вас понять меня, мистер Джонс. Мой отказ совсем не значит, что я подвергаю вас дискриминации. Если бы вы были помощником стюарда и никем больше, я согласился бы рассмотреть вашу просьбу, — принимая во внимание особые обстоятельства, которые, как мне кажется, применимы в данном случае. Но вы астрогатор. Вы знакомы с ситуацией на борту корабля. Доктор Гендрикс умер. Капитан Блейн — впрочем, вы сами видели. Правда, он может выздороветь, но на это нельзя твердо рассчитывать. Поэтому, мистер Джонс, пока остается самая крохотная надежда, что наш корабль снова отправится в полет, пока на нем остается команда, ни один астрогатор или вычислитель не будет освобожден от исполнения своих обязанностей ни при каких обстоятельствах. Надеюсь, вы понимаете меня?

— Думаю, что понимаю. Так точно, сэр, понимаю.

— Превосходно. Между прочим — но прошу держать это в тайне, — как только станет ясно, что колония в состоянии хотя бы временно обойтись без нашей помощи, я хочу, чтобы корабль взлетел с планеты и вышел на парковочную орбиту; это необходимо, чтобы наши специалисты могли продолжить поиски ориентиров среди звезд. Ведь вести такую работу через плотную атмосферу не слишком удобно, правда?

— Да, сэр. Наши инструменты рассчитаны на то, чтобы вести наблюдения в космическом пространстве.

— Таким образом, мы должны принять меры, чтобы ваша работа протекала в нормальных условиях. — Первый офицер сделал паузу, затем продолжил: — Мистер Джонс, можно, я буду звать вас просто Макс? Мне

хотелось бы поговорить с вами как мужчина с женщиной.

— Конечно, сэр.

— Так вот... Я понимаю, Макс, что не должен вмешиваться в вашу личную жизнь, но прошу вас рассматривать это как отеческий совет. Если у вас возникла возможность — и желание — жениться, то совсем не обязательно для этого переселяться в колонию. Предположим, мы останемся на планете; тогда не будет иметь значения, являетесь вы колонистом или членом экипажа. Но в случае, если мы снова отправимся в космос, ваша жена последует вместе с вами.

Макс чувствовал, как пылают его уши. Он не знал, что ответить.

— Разумеется, это гипотетический вопрос. Зато я предложил вам практическое решение проблемы. — Уолтер встал. — А пока, почему бы вам не отдохнуть денек? Прогуляйтесь по планете, подышите свежим воздухом. А я поговорю с мистером Саймсом.

Макс решил разыскать Сэма, не нашел его на корабле и выяснил, что тот ушел в поселок колонистов. Юноша отправился следом и, пройдя полмили, оказался в Чэритивилле.

Подходя к строению, которое сооружали колонисты, Макс увидел в стороне одинокую фигуру — это была Эддрет. Она повернулась к нему — невысокая крепкая девушка в грязном комбинезоне. Эддрет поставила ноги и уперлась руками в бока.

— Это ты, Элли? Привет!

— Опять взялся за свои старые штучки? Пытаешься избегать меня. А ну-ка, объясни свое поведение.

Несправедливость этого заявления задела юношу.

— Но... послушай, Элли, все совсем по-другому. Это ты...

— Неужели? Кто тебе поверит? Ты пытаешься оправдаться, как Чипси, застигнутая с лапкой в сахарнице. Я всего лишь хотела сказать тебе, ты, неподдающийся Дон Жуан, что тебе не о чем беспокоиться. В этом году я не собираюсь ни за кого выходить замуж, так что можешь вернуться к своей скучной работе.

— Но, Элли... — В голосе Макса звучало отчаяние.

— Хочешь, чтобы я дала тебе письменное обязательство? Или внесла денежный заклад? — Эддрет по-

смотрела на юношу свирепым взглядом и тут же рас-
смеялась, наморщив нос. — Боже мой, Макс, ты похож
на большого ребенка и пробуждаешь во мне материн-
ский инстинкт. Когда ты расстраиваешься, твое лицо
вытягивается, как у мула. Давай забудем об этом.

— Но Элли... Хорошо, давай забудем.

— И останемся друзьями?

— Да.

Девушка глубоко вздохнула.

— Я чувствую, что мне стало как-то спокойнее на
душе. Не знаю почему, но мне не хочется ссориться с
тобой. Куда ты собрался?

— Так, просто гуляю.

— Отлично! Я пойду с тобой. Вот только позову
Чипси. — Элли повернулась и крикнула: — Мистер
Чипс! Чипси!

— Я не вижу ее.

— Сейчас найду.

Девушка куда-то убежала и тут же вернулась с
обезьянкой на плече и пакетом в руках.

— Решила забрать сухой паек вместо обеда. Мы
разделим его пополам.

— Вряд ли прогулка продлится так долго. Привет,
Чипси, бэби.

— Привет, Макс. Есть конфетка для Чипси?

Юноша сунул руку в карман, нащупал кусок сахара,
который хранился здесь именно для этой цели, и протя-
нул Чипси. Обезьянка с достоинством взяла лакомство
и поблагодарила Макса.

— Нет, продлится, и потому нам захочется переку-
сить. Дело в том, — заметила Элли, — что несколько
колонистов видели стадо кентавров на той стороне
хребта. Чтобы добраться туда, потребуется немало вре-
мени.

— Мне кажется, нам не следует уходить так далеко
от поселка. — В голосе Макса звучало сомнение. — А
вдруг нас хватятся?

— Я уже выполнила свою дневную норму. Смотри,
какие у меня мозоли! — Девушка вытянула грязную
руку. — Кроме того, я сообщила мистеру Хорнсби, что
мне внезапно стало нехорошо и ему придется найти
себе другого помощника, способного держать доску,
пока он забивает гвозди.

Юноша не без удовольствия сдался. Они отправились в путь и начали подниматься вверх по склону. Им пришлось пересечь овраг, за которым оказались густые заросли деревьев, похожих на хвойные. Мистер Чипс прыгнула с плеча Элли и взобралась на дерево.

Макс остановился.

— Может быть, лучше поймать ее? — спросил он.

— Ты слишком беспокоишься. Чипси не убежит. Одиночество путает ее до смерти. Чипси! Эй, Чипси!

Обезьянка пробежала по ветке и уронила шишку прямо на голову Макса.

— Видишь? Ей просто хочется поиграть.

Хребет был высоким, и Макс скоро обнаружил, что за время полета среди звезд в значительной мере утратил выносливость, присущую жителям гор. Тропа, по которой они шли, поднималась, извиваясь, к вершине. Макс сохранил еще достаточно деревенских привычек и внимательно оглядывался вокруг, замечая ориентиры и стараясь не потерять направление, по которому они шли. Наконец, усталые и запыхавшиеся, Макс и Элли добрались до вершины хребта. Элли остановилась и посмотрела вниз.

— Наверно, они уже убежали, — разочарованно произнесла девушка, глядя на склон, расстилающийся перед ними. — Нет! Смотри, вот они! Две дюжины маленьких черных точек.

— Вижу.

— Подойдем поближе. Мне хочется рассмотреть их как следует.

— Ты считаешь, нам следует так рисковать? Мы далеко от корабля, и у меня нет оружия.

— Ну и что, они совершенно безобидные животные.

— Но кроме них в лесу могут оказаться и другие обитатели.

— Однако мы с тобой уже давно в лесу и встретили одни воздушные шары.

Элли имела в виду двух летающих медуз, которые поднимались вслед за ними по тропинке на вершину. Люди уже так привыкли к ним, что перестали обращать на них внимание.

— Элли, нам пора возвращаться.

— Нет.

— Я несу за тебя ответственность, Элли. Ты уже видела своих кентавров.

— Макс Джонс, я свободный человек. Если хочешь, можешь отправляться назад; мне же хочется поближе рассмотреть этих низеньких телят.

Элдрет стала спускаться по склону.

— Погоди... погоди минуту, дай мне сориентироваться.

Юноша оглянулся вокруг, навсегда запечатлев в памяти окружающий пейзаж, и последовал за ней. Если говорить откровенно, Макссу не хотелось перечить девушке; ему казалось, что сейчас можно было бы объяснить Элдрет, почему он сказал мистеру Дайглеру то, что сказал. Может быть, после этого удастся перейти к обсуждению вопроса об их будущем. Юноша не собирался заходить слишком далеко и говорить о женитьбе — разве что в абстрактной форме, если сумеет придумать подходящую формулировку.

Но как ее придумать? Ведь нельзя сказать: «Смотри, вот летят воздушные медузы, давай поженимся!»

Элли остановилась.

— Смотри, вот летят воздушные медузы. Похоже, они направляются прямо к стаду.

Макс нахмурился.

— А ведь правда. Может быть, они переговариваются с кентаврами?

Девушка засмеялась.

— Эти летающие шары? — Она внимательно посмотрела на него. — Макси, знаешь, я поняла, почему ты мне нравишься.

— Почему? — Юноша как раз собирался подвести разговор к этой теме.

— Потому что ты напоминаешь мне Путси. У тебя такое же недоуменное выражение лица, как у него.

— Путси? Кто это Путси?

— Путси — это тот самый молодой человек, из-за которого отец послал меня на Землю. Понимаешь, чтобы я была подальше от него. Именно по этой причине меня исключили из трех школ, мне так хотелось вернуться на Гесперу. Впрочем, папа, возможно, и его отправил куда-нибудь. Он у меня очень хитрый. Иди сюда, Чипси, не уходи слишком далеко! Тебе понравит-

ся Путси, — продолжала девушка. — Он такой хороший. Сейчас же перестань, Чипси!

Макс уже испытывал к нему глубокую ненависть.

— Мне не хочется расстраивать тебя, — заметил он, — но до Гесперы очень далеко.

— Я знаю. Давай не будем напрашиваться на неприятности. — Элли смерила его взглядом. — Может быть, я буду держать тебя в запасе — вот только ты такой пугливый.

Не успел юноша придумать достойный ответ, как девушка снова стала спускаться.

Кентавры — это название подходило им больше всего, хотя их нижняя часть не слишком напоминала лошадь, тогда как верхняя едва походила на человека, — собрались толпой у подножья холма, недалеко от деревьев. Они не паслись; было трудно сказать, чем они занимались. Две летающие медузы парили над ними, будто проявляя интерес, как к людям. Элли настояла, чтобы подойти к самой поляне и рассмотреть кентавров получше.

Максу казалось, что кентавры напоминают клоунов, переодетых лошадьми. На их мордах застыли глупые, задумчивые выражения; наверное для мозга в их черепных коробках не было места. Судя по всему, эти животные были сумчатыми, причем сумки походили на короткие фартуки. Собравшиеся здесь или были поголовно самками, или у самцов тоже имелись сумки. Несколько маленьких кентаврят носились взад и вперед под ногами у взрослых.

Один из детенышей заметил людей и затрусил к ним, забавно поводя носом и мыча. Вслед за ним из стада вышел самый большой кентавр, внимательно наблюдая за детенышем. Кентавренок подпрыгнул и остановился.

— Какой миленький! — воскликнула Элли, пробежала несколько шагов и опустилась на колено. — Иди сюда, малыш. Иди к маме.

Макс бросился к ней.

— Элли! Сейчас же вернись!

Большой кентавр сунул в сумку лапу, достал оттуда что-то вроде веревки и крутанул над головой подобно ковбою, бросающему лассо.

— Элли!

Макс успел подбежать к ней в тот самый момент, когда кентавр сделал бросок. Веревка обвила их и прижала друг к другу. Элли испуганно закричала, Макс попытался освободиться, но путы стиснули их еще сильнее.

В воздухе мелькнула еще одна веревка, затем другая.

Мистер Чипс бросилась бежать; по ее физиономии текли слезы. На краю поляны она остановилась и пронзительно закричала:

— Макс! Элли! Вернитесь! Пожалуйста, вернитесь!

Глава 18

ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Элли не потеряла сознания и не впала в истерику. Наоборот, она казалась почти спокойной.

— Извини меня, Макс. Это я виновата.

Девушка говорили прямо в его ухо — так тесно их связали.

— Ничего, постараемся освободиться, — ответил юноша, пытаясь разорвать стягивающие их веревки.

— Не напрягайся так, — прошептала Элли, — ты только затягиваешь их. Надо попытаться убедить кентавров отпустить нас.

Элли была права: чем больше Макс старался, тем туже затягивались веревки, обвившие их подобно питонам.

— Прошу тебя, Макс, перестань, — повторила девушка умоляющим голосом. — Мне больно.

Макс прекратил бесплодные попытки освободиться.

Большой кентавр подошел поближе и стал рассматривать пленников. Вблизи его широкое добродушное лицо казалось еще смешнее, а в огромных карих глазах было выражение какого-то изумления. Детеныш подкрадся с другой стороны, с любопытством обнюхал людей и пронзительно заблеял. В ответ взрослый кентавр протрубил как лось — детеныш отпрянул в сторо-

ну, поскакал к стаду и спрятался среди остальных кентавров.

— Будем сохранять полное спокойствие, — прошептала Элли. — Думаю, они испугались, что мы обидим маленького. Может быть, они осмотрят нас и отпустят.

— Может быть. Жаль, что я не могу дотянуться до ножа.

— А вот я рада этому. В подобной ситуации требуется дипломатия.

Постепенно к ним приблизилось все стадо, расхаживая вокруг, рассматривая и обнюхивая, обмениваясь звуками, похожими то на мычание, то на рев, а иногда на кашель и фыркание. Макс внимательно прислушивался.

— Это, несомненно, язык.

— Да, конечно. Как жаль, что я не проявила должного прилежания в школе мисс Мимси.

Большой кентавр наклонился над ними и погладил веревки, которые тут же стали свободнее и перестали стягивать, но держали достаточно надежно.

— Мне кажется, что они собираются освободить нас, — быстро произнес юноша. — Приготовься бежать в лес.

— Слушаюсь, босс.

Подожел другой кентавр, сунул лапу в набрюшную сумку и достал еще одну веревку. Конец ее изогнулся, охватил лодыжку Макса, образовав петлю, похожую на беседочный узел, и юноша почувствовал, что его ноги крепко связаны; то же самое проделали с Элли. Затем большой кентавр провел лапами по другим веревкам, те тут же упали на землю и стали медленно извиваться. Кентавр подобрал их и сунул в сумку.

Кентавр, стреноживший Макса и Элли, соединил концы веревок, и те мгновенно превратились в сплошное кольцо. Обменявшись с главным кентавром несколькими трубными звуками, он похлопал лапами по веревкам... те тотчас же вытянулись и стали совсем тонкими. Макс передал Элли нож.

— Попытайся разрезать веревки, — прошептал он. — Если это тебе удастся, беги в лес. Я отвлеку их внимание.

— Нет, Макс!

— Делай, что тебе говорят! Перестань капризничать! Ты и так уже натворила черт знает что.

— Хорошо, Макс.

Элли взяла нож и попыталась разрезать странные веревки, связывающие лодыжки. Кентавры не делали попыток остановить ее и продолжали наблюдать с тем же выражением изумления. Казалось, они никогда не видели ножа и не имели представления, для чего он предназначен. Наконец девушка прекратила бесплодные попытки.

— Я напрасно стараюсь, Макс. Это все равно что пробовать разрезать дюропластик.

— Ну что ты — этот нож у меня острый как бритва. Дай-ка мне.

Но и у Макса ничего не получилось.

Тут стадо заволновалось и пришло в движение. Вережки натянулись и потащили пленников вперед. Прыгая на одной ноге, юноше удалось защелкнуть нож и спрятать в карман. Сначала стадо шло медленно, потом кентавры побежали.

Элли сразу споткнулась, упала, и ее потащили вперед. Макс ухватился за веревки обеими руками и закричал:

— Эй, остановитесь!

Кентавр, тащивший их, обернулся и посмотрел на них, будто извиняясь.

— Послушай, глупыш, — обратился к нему Макс. — Мы не угонимся за вами, ведь мы не лошади. — Он повернулся к Элли и помог ей встать. — Ты не пострадала, малышка?

— Нет, по-моему. — Элли вытерла слезы. — Если мне удастся добраться до этого дурака, вот он обязательно пострадает — это точно!

— У тебя оцарапана рука.

— Это не смертельно. Попроси его не бежать так быстро, а?

Увидев, что люди поднялись на ноги, огромный кентавр тут же снова помчался вперед. Элли и Макс опять упали. На этот раз к ним подбежал вожак и заговорил с тем, кто тащил людей. Макс принял посильное участие в переговорах, отчаянно жестикулируя.

Вероятно, это возымело действие: кентавр пошел шагом, тогда как все остальные умчались вперед. Еще

один монстр шел сзади. Летающая медуза, до этого висевшая над стадом, медленно отстала от него и повисла над головами людей.

Кентавры двигались не слишком быстро, чтобы люди поспевали за ними. Они шли по открытому плоскому дну долины, по колено в траве. В густой траве было не так больно падать — кентавр-стражник, видимо, полагал, что одно или два падения каждые четыре-пять сотен ярдов являются оптимальным вариантом. Он не проявлял нетерпения, останавливался и ждал, пока люди встанут, но шел так быстро, что Элли и Макс вскоре выдохлись. Они уже не разговаривали между собой: от усталости у них ужасно пересохло в горле.

По дну долины протекал маленький ручеек, и кентавр легко перепрыгнул через него. Людям, однако, пришлось пересечь его вброд. Элли остановилась на середине ручья, наклонилась и стала пить.

— Элли, не смей! Ведь мы не знаем, можно ли пить эту воду.

— Мне хотелось бы, чтобы она оказалась ядовитой, тогда я могла бы лечь и умереть. Макс, я устала, и мне трудно идти.

— Возьми себя в руки, малышка. Мы найдем выход. Я запомнил путь, которым нас вели.

Юноша подумал — и тоже напился из ручья: жажда оказалась сильнее страха. Кентавр терпеливо разрешил им напиться и потащил дальше.

Вскоре они достигли склона на другом берегу ручья и начали подниматься вверх. Казалось, люди вымотались до предела, однако выяснилось, что они еще в состоянии карабкаться вверх. Кентавр был проворен и быстр, как горный козел и, по-видимому, не понимал, почему людям трудно идти. Наконец Элли упала и уже не смогла встать; кентавр подошел к ней и пнул копытом.

Макс ударил его обоими кулаками. Кентавр даже не попытался уклониться от удара или дать сдачи; он просто посмотрел на юношу с глупым удивлением. Тот, что замыкал шествие, подошел к товарищу, и они оживленно заговорили между собой.

Макс сел рядом с Элли и обеспокоенно спросил:

— Тебе лучше?

— Молчи, дай отдохнуть.

Минут через десять один из кентавров подошел к пленникам и оттолкнул Макса в сторону, а второй потянул за веревку, привязанную к Элли. Веревка быстро укоротилась, и девушке пришлось встать.

Еще дважды кентавры давали им возможность отдохнуть. Наконец, когда людям уже стало казаться, что переходу не будет конца, они вышли к лесу. Еще с милю они брели между деревьями и наконец достигли цели пути.

Это была поляна, густо усыпанная еловыми иголками. Кентавр, который шел сзади, взял конец веревки, привязанной к ногам Макса, и бросил к стволу ближайшего дерева. Веревка мгновенно обвилась вокруг него. Другой кентавр проделал то же самое с веревкой Элли, только закрепил ее на другом дереве на расстоянии около сорока футов. Потом кентавры подогнали Макса и Элли поближе друг к другу, время от времени поглаживая веревки, которые все удлинялись и удлинялись до тех пор, пока не стали совсем тонкими. Теперь юноша и девушка могли стоять — или сидеть — рядом.

Это, однако, не понравилось кентаврам. Один из них поднял Макса и потянул за его веревку, которая тут же снова сократилась, так что юноша оказался в нескольких футах от Элли.

— Что это они придумали? — забеспокоилась девушка.

— Похоже, им не хочется, чтобы мы объединили силы, — пожал плечами Макс.

После этого кентавры повернулись и исчезли в лесу. Элли посмотрела им вслед. Вдруг по ее чумазому лицу потекли слезы — и девушка разрыдалась.

— Перестань, Элли! — приказал юноша. — Слезами делу не поможешь.

— Я ничего не могу с собой поделать — всхлипывала девушка. — Я старалась быть храброй весь день — пыталась изо всех сил. Но я...

Элли уткнулась лицом в траву. Ее тело содрогалось от рыданий.

Макс лег, протянул к ней руки и погладил девушку по голове.

— Успокойся, малышка, — прошептал он. — Мы что-нибудь обязательно придумаем.

— Посмотри, Макси! Они привязали нас, как собак!

— Сейчас посмотрим. — Он сел и стал разглядывать свои узы.

Привязь не походила на обычную веревку. У нее была гладкая блестящая поверхность, напоминавшая змеиную кожу. На той части, которая обвивала лодыжку Макса, не было никаких узлов; она просто стягивала ногу и сливалась сама с собой.

Юноша взял ее в руки и почувствовал внутри какую-то пульсацию. Он начал поглаживать ее, как это делали кентавры, и пульсация стала заметнее, хотя трос не удлинялся, не укорачивался и продолжал туго стягивать лодыжку.

— Элли, — сказал Макс, — эта штука живая.

Девушка подняла заплаканное лицо.

— Какая штука?

— Ну веревка.

— Ах, эта! Разумеется.

— По крайней мере, — продолжал юноша, — это не обычная веревка. — Он снова попытался разрезать ее и опять безуспешно. — Готов поспорить, что, если бы у меня были спички, мне удалось бы заставить ее просить о помощи. У тебя нет спичек, Элли?

— Я не курю.

— Я тоже. Может быть, нам удастся разжечь огонь каким-нибудь другим способом. Палки потереть или еще как-нибудь.

— А ты умеешь?

— Нет.

Макс продолжал поглаживать живую веревку, но, по-видимому, ему не удавалось делать это должным образом — узы по-прежнему стягивали его ноги. Юноша продолжал свои бесплодные попытки и вдруг услышал:

— Макс! Элли!

Девушка села.

— Чипси! Смотри, Макс, она шла за нами! Ну иди сюда, крошка.

Обезьянка сидела на вершине дерева. Она осторожно оглянулась вокруг, ловко побежала вниз по стволу и прыгнула прямо в объятия Элли. Девушка прижала обезьянку к себе и стала шептать ей ласковые слова, потом выпрямилась и посмотрела на Макса сияющим взглядом.

— Макс, я чувствую себя гораздо лучше!

— Я тоже, — кивнул юноша, — хотя и не знаю почему.

Обезьянка посмотрела на Макса и гордо заявила:

— Чипси шла за вами.

Юноша протянул руку и погладил крошечное создание.

— Совершенно верно, Чипси нас не бросила. Чипси — хорошая девочка.

Элли снова прижала к себе обезьянку.

— Теперь я больше не чувствую себя брошенной, Макс. Может быть, все еще будет хорошо.

— Конечно, Элли, наше положение не так уж безнадежно. А вдруг мне удастся найти способ правильно погладить эти веревки, или змеи, или, черт знает, что это такое. Если удастся, мы тут же убежим, — как только стемнеет.

— А мы не заблудимся?

— Не беспокойся. Я запоминал каждый шаг нашего пути, каждый поворот, каждый ориентир.

— А в темноте?

— В темноте мне ориентироваться еще легче. Ведь я хорошо знаком со звездами в небе Чэрити. Знаешь, сколько времени мы наблюдали за ними? Но, даже если нам не удастся освободиться, все равно не все потеряно.

— Почему ты так думаешь? Мне совсем не хочется провести всю жизнь на привязи.

— Не думай об этом. Мне кажется, что эти существа просто заинтересовались нами. Уж съесть-то нас точно не съедят, ведь они питаются, наверное, травой. А вдруг мы им надоедим, и нас отпустят? Если же не отпустят, им придется плохо.

— Почему?

— А мистер Уолтер и Джордж Дайтлер? А Сэм — Сэм Андерсон? Они уж наверняка разыскивают нас. Мы отошли от корабля меньше чем на десять миль — даже

пять, если по прямой. Нас найдут. И тогда эти глупые кентавры узнают, что такое современное оружие. Что они смогут ему противопоставить? Свои веревки?

— Но нас трудно отыскать, Макс. На это может потребоваться много времени, ведь никто не знает, куда мы пошли.

— Да, ты права, — согласился Макс. — Ах, если бы у меня была карманная рация... Если бы можно было как-нибудь дать сигнал — скажем, развести костер. Но у нас ничего нет.

— Я и представить себе такого не могла — ведь мы собирались всего лишь прогуляться... Как в парке...

Макс вспомнил, что пытался предостеречь девушку. Даже на Земле небезопасно бродить ночью в холмах недалеко от дома, — если не быть настороже... можно натолкнуться на рысь и даже на медведя. У Элдрет не хватает жизненного опыта, чтобы руководствоваться здравым смыслом, вот в чем ее недостаток. Впрочем, надо было признаться, что и сам он тоже не видел ничего опасного в этих забавных созданиях, похожих на кентавров. Как бы то ни было, по выражению Сэма, нет смысла плакать из-за пролитого молока, потому что лошадь все равно украли.

— Элли!

— Да, Макс.

— Как ты думаешь, Чипси сумеет найти дорогу к поселку?

— Не знаю.

— Если бы она смогла вернуться домой, то передала бы сообщение о том, где мы находимся.

Чипси подняла головку.

— Домой? — спросила она. — Пошли домой. Идем обратно.

Девушка задумалась.

— Боюсь, Чипси не способна внятно объяснить это. Она будет икать и сбиваться.

— Я имел в виду другое. Мне известно, что Чипси далеко не гигант мысли. Я...

— Чипси умная!

— Ничуть в этом не сомневаюсь. Но я хотел бы послать с ней записку и карту местности. — Макс достал ручку. — У тебя нет бумаги?

— Сейчас посмотрю. — Элли пошарила в кармане и вытащила сложенный вчетверо лист бумаги. — Что я наделала! Ведь меня просили передать это мистеру Джиордану. Теперь мистер Хорнсби рассердится на меня.

— А что это?

— Заявка на моток проволоки.

— Теперь это уже не имеет значения.

Макс взял листок, написал на нем несколько слов и принялся рисовать карту местности, то и дело останавливаясь, припоминая ориентиры, направление на местное солнце, расстояние и прочие подробности.

— Послушай, Макс.

— Одну минуту, Элли. — Юноша набросал схему и приписал: «Срочно! Первому офицеру Уолтеру. Эддрет Кобурн и я захвачены кентаврами. Будьте осторожны, остерегайтесь их веревок, которые они бросают. С уважением, М. Джонс». Он передал листок девушке. — Думаю, этого достаточно. Как прикрепить записку к Чипси? Мне бы не хотелось, чтобы она потеряла ее.

— Гм... дай подумать. Отвернись, Макс.

— Зачем?

— Прошу тебя. Отвернись.

Юноша повернулся к ней спиной, через несколько мгновений Элли сказала:

— Все, можешь поворачиваться, — и протянула ему ленточку.

— Отлично!

Они привязали записку к тельцу обезьянки. Это оказалось не так просто, потому что Чипси решила, что с ней играют; к тому же выяснилось, что она очень боится щекотки.

— Вот так! Перестань дергаться, Чипси, и слушай. Элли хочет, чтобы ты пошла домой.

— Домой?

— Да, домой. Отправляйся обратно на корабль.

— Элли идет домой?

— Нет, Элли не может идти домой.

— Нет.

— Милая, ты должна вернуться на корабль.

— Нет.

— Послушай, Чипси. Найди Мэгги и скажи ей, что Элли просит дать тебе сладости. Передай Мэгги вот это. — И девушка показала на привязанную записку.

— Сладости?

— Иди домой, найди Мэгги — она даст тебе сладости.

— Элли, пойдем домой.

— Пожалуйста, Чипси.

— Элли, — вдруг сказал Макс, — сюда кто-то идет. Девушка обернулась и увидела приближавшегося кентавра.

— Смотри, Чипси! — показала пальцем Элли. — К нам идут! Сейчас поймают Чипси! Домой, Чипси! Беги.

Обезьянка вскрикнула от страха и опрометью бросилась к деревьям. Взобравшись на ветку, она оглянулась и захныкала.

— Домой, Чипси! — крикнула Элли. — Найди Мэгги!

Мистер Чипс с ужасом взглянула на приближавшегося кентавра и исчезла в ветвях. Макс и Элли облегченно вздохнули.

Кентавр подошел к пленникам поближе, внимательно взглянул на них и прошествовал мимо. Однако Макс и Элли, затаив дыхание, смотрели не на него, а на тех, кто шел следом.

Элли едва удержалась от крика.

— Макс, смотри! Они поймали всех наших!

— Нет, Элли, — сказал юноша дрогнувшим голосом, — посмотри как следует.

В сумерках ему, как и девушке, показалось, что за кентавром, понурив головы, шли, стреноженные, все люди с «Асгарда». Однако, приглядевшись, Макс понял, что ошибся.

Существа, гуськом шедшие за кентавром, были гуманоидами, они выглядели совсем как люди, но что-то неприятное было в их облике.

Шаркая ногами, они спешили за своим проводником, как животные. Некоторые из них посмотрели на Элли и Макса, но взгляды их были мутными и равнодушными. За взрослыми бежали детеныши. Макс с изумлением заметил, как из сумки на животе одного из существ выглянуло крошечное сморщенное личико — эти странные «люди» тоже были сумчатыми, как

кентавры. Когда процессия исчезла в темноте, юноша вздрогнул.

— Боже мой!

— Макс, — слышался хриплый голос девушки, — тебе не кажется, что мы умерли и попали в чистилище?

— Что? Не говори глупости. И без того тошно.

— Я совсем не шучу. Эта сцена словно из дантовского «Ада».

У Макса пересохло в горле, он все еще не мог опомниться.

— Послушай, ты можешь притворяться, что умерла, если хочешь. Что касается меня, то я жив и намереваюсь остаться живым. Эти существа — не люди. Их сходство с людьми не должно так расстраивать тебя.

— Но это были настоящие люди — мужчины, женщины и дети.

— Нет, ты ошибаешься. То, что они внешне походят на нас, еще ничего не значит. Человек — это совершенно иное существо. — Юноша нахмурился. — Вероятно, на этой планете людьми являются кентавры.

— О нет...

— Не спеши. Судя по всему, именно они заправляют здесь всем.

Дискуссия прекратилась — на поляне появились пришельцы. Первым шел кентавр, за ним следовали трое — Макс не хотел называть их людьми, но другого названия он не успел придумать. Они не были связаны: все трое что-то несли. Кентавр что-то крикнул, и «люди» опустили свою ношу на траву.

Один из них поставил между Максом и Элли большую глиняную чашу, наполненную водой. Это было первое изделие, увиденное юношей на Чэрити, и оно не свидетельствовало о высоком уровне материальной культуры. Сделанная из сырой глины, необожженная, неправильной грубой формы, чаша была предназначена для воды — и только. Второй носильщик высыпал рядом с чашей кучу маленьких фруктов; два упали в чашу, но он даже не подумал достать их оттуда.

Макс не сразу понял, что принес третий раб. Он держал в руках какие-то большие овальные предметы, связанные веревками. Присмотревшись, Макс догадался, что это животные размером с опоссума; раб держал

их за хвосты. Он обошел поляну, время от времени останавливаясь и вешая одно из животных на ветку. Когда он закончил обход, Макса и Элли окружали шесть животных, висевших на хвостах. За рабом следовал кентавр, который поглаживал каждое животное и нажимал на его шею. И тело животного начинало светиться мягким серебряным светом, как светлячок.

Поляну залил мягкий свет, достаточно яркий, чтобы читать книгу с крупным шрифтом. Из-за деревьев медленно вылетела одна из воздушных медуз и зацепилась за вершину дерева футах в тридцати над поляной; казалось, она намеревалась остаться здесь на всю ночь.

Кентавр подошел к Максy и толкнул его копытом; при этом он издал какой-то вопросительный звук. Макс внимательно прислушался и повторил звук. Кентавр снова что-то сказал, и Макс опять воспроизвел его «слова». Эта бессмысленная беседа продолжалась несколько минут, наконец, кентавр сдался и скрылся в лесу вместе со своей свитой.

— Наконец-то! — послышался дрожащий голос девушки. — Хорошо, что они ушли. Я уже могу переносить присутствие кентавров, но эти «люди»...

Макс был согласен; вблизи человекообразные меньше походили на людей. Волосы начинались у них прямо от бровей; головы были настолько плоскими, что уши выступали над макушками. Однако больше всего Макса потрясло другое. Когда кентавр заговорил с ним, юноша увидел его зубы. Такие зубы — это Макс понял сразу — не были предназначены для того, чтобы жевать траву; они больше походили на клыки тигра — или акулы.

Юноша решил не говорить о своем открытии Элли.

— Тебе не кажется, что этот кентавр — вожак стада?

— Не знаю. Все они одинаковы.

— Ну что ты, Элли! Ведь нет двух совершенно похожих друг на друга лошадей.

— Лошади тоже выглядят одинаково.

— Но... — Макс замолчал, озадаченный мнением городского жителя. Ясно, что дальнейшее обсуждение этого вопроса было бессмысленно. — По-моему, это тот самый.

- Не понимаю, какое это имеет значение.
- А вот имеет. Я попробую научиться их языку.
- Да, я слышала, как ты старался проглотить свой язык. Как ты это делал?
- Запомнил звук и попробовал воспроизвести его. — Макс закинул голову и издал жалобный стон.
- Это что такое?
- Поросенок, застрявший в изгороди. У меня был такой бродяга по имени Абнер.
- Звучит прямо-таки трагически.
- Так оно и было, пока я не освободил его. Знаешь, Элли, мне кажется, что они оставили нас на всю ночь. — Юноша указал на чашу и кучку фруктов. — Нас кормят, как свиней.
- Не говори так. Это местное гостиничное обслуживание. Официанты и свет настольных ламп. Десерт и напитки. — Элли взяла один из фруктов. Размерами и формой он напоминал огурец. — Как по-твоему, он съедобен?
- Думаю, лучше не рисковать. Мне кажется, Элли, не надо ничего здесь ни есть, ни пить, пока нас не спасут.
- Без пищи мы, может, и обойдемся, но вот без воды — никак. Через день-другой умрем от жажды.
- Но нас могут спасти еще до утра.
- Может быть. — Девушка очистила незнакомый фрукт. — Пахнет хорошо. Вроде банана.
- Макс последовал ее примеру и принялся.
- Нет, скорее папайя.
- Ну что, рискнем?
- Гм... давай сделаем вот что. Я съем один. Если через полчаса со мной ничего не случится, можешь есть.
- Слушаюсь, сэр. — И она тут же откусила кусочек. — Много косточек.
- Элли, ты просто малолетняя преступница.
- Девушка наморщила нос и улыбнулась.
- Спасибо, Макс. Иногда ты говоришь такие приятные вещи! Постараюсь поддержать свою репутацию.
- Юноша тоже откусил от «огурца». Не так уже плохо — хуже папайи, но вкусно. Несколько минут спустя он заметил:
- Может быть, оставить остальное на завтрак?

— Хорошо. К тому же я уже сыта. — Элли наклонилась и отпила из чаши. С молчаливого обоюдного согласия они пришли к выводу — после сытной пищи можно рискнуть напиться воды. — Ну вот, теперь я чувствую себя куда лучше. По крайней мере, мы умрем не от голода. Как по-твоему, Макс, можно поспать? Я смертельно устала.

— Думаю, до утра нами не заинтересуются. Ты спи, а я буду сторожить.

— Нет, не надо. Какой смысл караулить? Все равно мы не можем убежать.

— Пожалуй... вот, возьми мой нож. Будешь спать с ним.

— Хорошо. — Элли протянула руку и взяла нож. — Спокойной ночи, Макс. Начинаю считать овец.

— Спокойной ночи.

Юноша вытянулся, попробовал улечься поудобнее, поворочался, достал из-под спины еловую шишку и отбросил ее в сторону, затем закрыл глаза. Усталость и сытый желудок давали о себе знать: его потянуло на сон, однако тревога мешала уснуть. К тому же Макс не мог выбросить из головы летающую медузу, висящую где-то в темноте над ними. Может быть, она следила за пленниками — и уж точно не ради их безопасности.

— Макс, ты еще не уснул?

— Нет.

— Подержи меня за руку. Мне страшно.

— Я не могу дотянуться до тебя.

— Постарайся.

Юноша вытянул руку над головой и коснулся руки Элли.

— Спасибо, Макс. Еще раз спокойной ночи.

Он лежал на спине и смотрел в небо. Несмотря на то что поляна была освещена люминесцентными животными, Макс видел звезды и светящиеся хвосты многочисленных комет. Он принялся считать их. Глаза его закрылись, — и он уснул.

Макса разбудил яркий свет солнца, пробивавшийся сквозь листву. Он поднял голову.

— А я жду, когда ты наконец проснешься, — услышал он голос Элли. — Смотри, кто пришел.

Морщась от боли в занемевшем теле, Макс сел и огляделся. На животе девушки сидела Мистер Чипс и чистила один из фруктов.

— Здравствуй, Макси.

— Привет, Чипси, — ответил Макс и тут увидел, что записка все еще привязана к тельцу обезьянки.

— Ты плохая девочка, Чипси!

Мистер Чипс повернулась к Элли, ища утешения. По мордочке потекли слезы.

— Нет-нет, — поспешно сказала Элли. — Она хорошая девочка, обещала найти Мэгги, как только позавтракает. Правда, обещала?

— Найти Мэгги, — согласилась обезьянка.

— Не ругай ее, Макс. Эти обезьянки у себя дома — дневные животные и ночью спят. Она взобралась на дерево, подождала, пока мы уснем, и вернулась обратно. Когда я проснулась, она спала рядом.

Обезьянка закончила есть, и смешно зачерпывая маленькой лапкой воду, напилась из чаши. Макс решил, что не стоит ее за это бранить; ведь он не знал, что делали с водой до того, как чашу принесли им. И тут же вспомнил о главном.

— Найти Мэгги! — торжественно объявила Мистер Чипс.

— Да, милая. Отправляйся прямо на корабль — как можно быстрее — и найди Мэгги. Ну, беги.

— Найти Мэгги. Быстрее. Пока, Макс. — Обезьянка вскарабкалась на дерево и исчезла в ветвях.

— Ты думаешь, она отыщет корабль? — спросил юноша.

— Отыщет, наверное. Ведь ее предки умели находить дорогу в лесу. Чипси знает, что это очень важно. Мы с ней долго разговаривали.

— И ты уверена, что она все понимает?

— Уверена, что выполнит мое желание. Этого достаточно. Как ты считаешь. Макс, они сумеют найти нас сегодня? Мне не хочется провести в лесу еще ночь.

— Мне тоже. Если Чипси бежит быстрее нас...

— В этом можешь не сомневаться!

— ...тогда найдут. Только бы они побыстрее отправились в путь.

— Будем надеяться. Завтракать будешь?

— А Чипси что-нибудь нам оставила?

— Каждому по три штуки. Я свои съела. Вот твоя порция.

— Ты не обманываешь? Когда мы уснули вчера, оставалось всего пять.

Девушка сконфуженно улыбнулась и молча взяла протянутые ей фрукты. Они принялись за еду — и тут Макс заметил, что на поляне произошли перемены.

— А куда делись вчерашние «лампочки»?

— А, ты обратил внимание. На рассвете пришел один из этих ужасных «людей» и собрал их. Я чуть не закричала, но он не подходил близко, и я решила не будить тебя.

— Спасибо. Кроме того, я вижу, что наш спутник по-прежнему на месте.

Летучая медуза висела над головами, зацепившись за вершину дерева.

— Да, и вдобавок все утро за нами подглядывали «любопытные».

— Тебе удалось разглядеть их?

— Нет, конечно. — Девушка встала и потянулась. — Теперь будем ждать, какие приятные сюрпризы принесет нам сей радостный день. — Элли поморщилась. — Мне хотелось бы сидеть здесь и не видеть никого до того момента, когда Джордж Дайглер выйдет из леса в сопровождении дюжины вооруженных людей. Я тут же расцелую его. И всех остальных.

— Я тоже.

До полудня не случилось никаких происшествий. Время от времени слышались трубные возгласы и фыркание кентавров, но ни один из них не показывался. Макс и Элли болтали о пустяках, дремали под солнечными лучами, и вдруг на поляне появился кентавр.

Макс подумал, что это вожак стада или тот, кто приносил им пищу и воду. Кентавр не стал тратить времени даром — толчками и пинками он дал пленнику понять, что следует встать и идти за ним.

Их все еще не освобождали от живых веревок. Макс подумал, а не попытаться ли напасть на кентавра, — может быть, прыгнуть ему на спину и перерезать горло. Но тут же отказался от этого намерения — вряд ли удастся сделать это совершенно беззвучно; одного

крика будет достаточно, чтобы все стадо примчалось на поляну. К тому же юноша понимал, что он не сможет освободиться от уз даже если убьет кентавра. Лучше подождать, ведь они отправили посланца с просьбой о помощи.

...Они шли, падали, вставали, иногда их тащили. Тропинка превратилась в извилистую дорогу, по которой взад и вперед сновали кентавры. Не было заметно ни зданий, ни других признаков жилья, но чувствовалась какая-то организованность, стабильность, устоявшаяся жизнь. Под ногами шныряли детеныши, и взрослые кентавры резкими криками отгоняли их в сторону. По обеим сторонам дороги шла какая-то активная деятельность: нелепые «люди»-рабы, не уступавшие числом кентаврам, переносили грузы, делали какую-то странную работу, некоторые из них тоже были связаны живыми веревками. Рассмотреть происходившее повнимательнее было трудно, потому что приходилось идти быстрым шагом и стараться не упасть.

На обочине дороги Макс заметил нечто, пробудившее его любопытство. Он не стал привлекать внимание Эли, и не только потому, что разговаривать было трудно, — ему не хотелось пугать ее. Это нечто напоминало придорожную мясную лавку. Висевшие там туши не были похожи на туши кентавров.

Наконец они вышли на большую поляну, где было много кентавров. Вожак погладил веревки, те сократились, и пленники оказались рядом. После этого он занял место в длинной очереди, тянувшейся через всю поляну.

Большой, седой и, по-видимому, очень старый кентавр вершил суд. Полный достоинства, он стоял на возвышении, и к нему по очереди подходили кентавры — по одному или группами. Макс следил за происходившим с таким интересом, что даже забыл о страхе. В каждом случае шла длительная дискуссия, затем старейшина выносил приговор, и все заканчивалось. Спорившие спокойно уходили. Было ясно, что решались

вопросы, связанные с законом или обычаем, а старый кентавр играл роль арбитра.

На поляне не было странных «людей», зато под ногами шныряло множество каких-то животных, похो-дивших на расплюснутых свиней. У них были короткие ноги, напоминавшие гусеницы трактора. Казалось, животные состоят из пасти, зубов и хрюкающего рыла, и, если им попадалось что-то не похожее на ноги кентавров, они тут же это пожирали. Наблюдая за ними, Макс понял, почему огромная поляна, на которой находилось столько существ, была такой чистой: эти животные, питавшиеся отбросами, играли роль мусорщиков.

Кентавр, державший Макса и Элли, постепенно продвигался вперед. Перед ними оставался один кентавр. Было очевидно, что он болен. Кентавр был старым и тощим, кости проступали сквозь кожу. Один глаз у него покрывало белое бельмо, другой был воспаленным и слезился.

Судья, мэр или старейшина племени обсудил вопрос с двумя молодыми кентаврами, сопровождавшими больного, как медицинские сестры. Затем старейшина спустился со своего пьедестала и обошел больного, осматривая его со всех сторон. Наконец он заговорил с ним.

Старик еле слышно что-то бормотал, это был один звук, похожий на стон. Старейшина снова что-то спросил и вновь получил тот же ответ. После чего он вернулся на пьедестал, сел и неожиданно издал странный жалобный крик.

Со всех сторон у пьедестала начали собираться свиноподобные животные. Они окружили больного старика сплошным кольцом — несколько десятков свиней, хрюкающих и пыхтящих. Старейшина издал трубный звук; один из кентавров, сопровождавших больного, сунул лапу в сумку, достал какое-то существо, свернувшееся в клубок, погладил его — и оно развернулось. Макс увидел, что оно напоминает утря.

Кентавр поднес утря к старику. Тот не пытался уклониться и терпеливо ждал, глядя единственным глазом. Голова утря внезапно коснулась шеи больного кентавра; тот изогнулся, словно пораженный электрическим током, и упал.

Старейшина громко крикнул — свиньи стремительно бросились вперед и закрыли своими телами труп лежавшего кентавра. Когда они отползли в сторону, хрюкая и фыркая, от мертвого тела не осталось ничего, даже костей.

— Держи себя в руках, Эли! — тихо произнес юноша.

— Хорошо, Макс, — еле слышно прошептала девушка.

Глава 19

ДРУГ В БЕДЕ

Первым делом их освободили от уз. Кентавр погладил живые веревки, стягивавшие Макса и Элли, и те упали на землю.

— Если хочешь, беги, — прошептал Макс. — Я задержу их.

Элли покачала головой.

— Нет. Не успею я пробежать и пятидесяти футов, как меня поймают. К тому же я не знаю дороги.

Макс молча кивнул, понимая, что девушка права. Он спросил ее просто из чувства долга. В это мгновение они приблизились к старейшине племени. Старый кентавр окинул их взглядом, обменялся трубными возгласами с проводником. Некоторое время кентавры переговаривались, затем пришли к какому-то заключению. Макс достал нож. У него не было плана действий, но он решил, что, если кто-то приблизится к ним с угрем или чем-то подобным, он будет сопротивляться.

Однако такой необходимости не возникло. Кентавр снова набросил на ноги Элли и Макса веревки и увел прочь. Спустя минут пятнадцать пленники оказались на той же поляне, где провели ночь. После того как кентавр ушел, Элли оглянулась вокруг и вздохнула:

— Знаешь, Макс, я испытываю какое-то облегчение, что мы снова здесь.

— Я тоже.

Потянулись монотонные часы ничегонеделанья, единственным разнообразием были исчезающая надежда и растущее отчаяние. Нельзя сказать, чтобы с ними обращались плохо; по-видимому, на них смотрели как на домашних животных, кормили, поили — и не обращали на них никакого внимания. Раз в день им приносили воду и много фруктов, похожих на папайю. Лишь в первую ночь в их честь было устроено освещение; больше светящихся опоссумов на поляну не приносили, да и летучая медуза уже не висела над головами. Однако убежать было по-прежнему невозможно, разве что отрезать ступню и ползти до корабля на четвереньках.

В течение двух или трех дней они взволнованно обсуждали проблему своего спасения, затем эта тема как-то отошла на второй план, и пленники перестали об этом говорить. Теперь Элли почти не улыбалась и прекратила шутить. Казалось, она поняла, что случилось с Эддрет Кобурн, единственной дочерью богатого и все-мощного комиссара Кобурна: она превратилась в домашнее животное чудовищ, место которым было в зверинце.

Макс воспринимал случившееся более философски. Он никогда не был богат и всемогущ, потому и не ожидал от жизни чего-то сверхъестественного. Однако свои худшие опасения юноша от Элли скрыл. Девушка называла себя и своего спутника домашними животными, обитателями зоопарка: большинство посетителей были маленькими кентаврами, разглядывавшими их со страхом и нескрываемым изумлением. Макс делал вид, что согласен с мнением Элли; он считал их положение гораздо худшим — их просто откармливали.

Однажды Элли отказалась завтракать, все утро молчала и на вопросы Макса отвечала односложно. В отчаянии юноша сказал:

— Я выиграю у тебя в трехмерные шахматы, причем дам фору в два звездных корабля.

Элли оживилась.

— Ты выиграешь у меня? — презрительно сказала она. — С форой в два звездолета? А как мы будем играть?

— В уме. Будто с завязанными глазами.

Элли отрицательно покачала головой.

— Ничего не выйдет. Ты заявишь, что у тебя память лучше, и я не смогу доказать свою правоту.

— Избалованная девчонка!

На лице Элли появилась улыбка.

— Вот это куда лучше. Последнее время ты слишком заботился обо мне, и это угнетало меня. Знаешь, Макс, можно сделать доску и фигуры.

— Каким образом?

— Вот из этого. — Девушка подняла еловую шишку. — Большая шишка — флагманский корабль. Наберем шишек разных размеров и отломим у них вот здесь и здесь.

За все время неволи оба как-то ожили. Чашу с водой отодвинули подальше, расчистили кусочек земли и начертили шахматные доски. Создаваемое пространство пришлось вообразить; так часто поступали игроки с хорошим пространственным воображением, когда приходилось играть в трехмерные шахматы без применения автоматически создаваемого пространства.

Камешки стали роботами; нитки, выдернутые из одежды и привязанные к шишкам, обозначили цвет сторон. К середине дня все было готово. Но не успели они закончить первую партию, как стемнело и пришлось прервать игру. Когда улеглись спать, Макс сказал:

— На этот раз я не смогу держать тебя за руку, Элли. Боюсь сдвинуть фигуры.

— Я не засну, если ты не протянешь руку, и буду беспокоиться. К тому же эта горилла все равно смешала фигуры, когда приносила чашу с водой.

— Это не имеет значения. Я запомнил расстановку.

— Тогда тебе не составит труда вспомнить, где они стояли. Дай мне руку.

Макс протянул руку и нащупал пальцы девушки.

— Спокойной ночи, Макс. Сладких снов.

— Спокойной ночи, Элли.

...На следующий день они играли с рассвета до темноты. Пришел их хозяин, в течение часа следил за игрой и скрылся с лесу без единого звука. Наконец Элли удалось добиться ничьей, и Макс похвалил ее:

— Знаешь, Элли, ты играешь в трехмерные шахматы удивительно хорошо — для девушки.

— Большое тебе спасибо — я невероятно польщена.

— Нет, серьезно. Мне кажется, девушки не глупее мужчин, но большинство ведут себя так, что об этом трудно догадаться. Думаю, потому, что от них никто этого не требует. Если девушка красива, ей не нужно думать. Разумеется, когда красоты недостаточно, тогда... Вот ты, например. Если...

— Вот как! Значит, я еще и безобразная, мистер Джонс!

— погоди, не сердись. Я не говорил этого. Предположим, что ты самая красивая женщина в мире и превосходишь красотой Прекрасную Елену из Трои. В этом случае ты...

Тут Макс заметил, что Элли повернулась к нему спиной, обняла руками колени и не обращает на него никакого внимания. Он протянул руку и коснулся плеча девушки.

— Элли.

Она стряхнула его руку.

— Не смей притрагиваться ко мне! От тебя пахнет, как от старого козла!

— Но и ты тоже не роза, — рассудительно заметил Макс. — Как и я, последнее время не мылась.

— Да знаю! — огрызнулась девушка и вдруг расплакалась. — Как противно чувствовать себя грязной! Как противно! И выгляжу я ужасно.

— Неправда. По крайней мере, мне так не кажется.

Элли повернула к нему заплаканное и очень грязное лицо.

— Обманщик!

— Вода и мыло — и ты снова красавица.

— Если бы только я могла... — Девушка посмотрела на Макса. — И вы не в лучшем виде, мистер Джонс. Вам нужно постричься, да и борода растет какими-то отвратительными клочьями.

Макс провел рукой по небритому подбородку.

— Ничего не поделаешь.

— Ничего не поделаешь. — Элли вздохнула. — Расставляй фигуры.

И выиграла три раза подряд, один раз поставив юноше позорный детский мат.

Когда закончилась последняя партия, Макс грустно посмотрел на фигуры.

— Значит, ты та самая девушка, которая не сумела овладеть неправильными дробями? — уныло спросил он.

— Мистер Джонс, вам не приходило в голову, что в современном мире женщины иногда просто не хотят казаться слишком умными? — Пока Макс обдумывал эту мысль, Элли добавила: — Я научилась играть в раннем детстве, на коленях отца, еще до того, как научилась читать. Перед тем как меня увезли с Гесперы, я стала чемпионкой планеты среди юниоров. Если когда-нибудь будешь у нас, я покажу тебе свои кубки.

— Честное слово? Не врешь?

— Мне так нравится играть, что иногда забываю про еду — разумеется, если противник достойный. Но ты уже многому научился. Придет время, и ты станешь серьезным противником.

— Видно, я не понимаю женщин.

— Мягко говоря, это явное преуменьшение, мистер Джонс.

...Ночью Макс долго не мог уснуть. Элли уже еле слышно похрапывала, а он все еще смотрел на сверкающий хвост огромной кометы, следил за падающими метеорами и думал. Его мысли были мрачными.

Положение безнадежно. Даже если Чипси не принесла записку, — а он с самого начала не возлагал на нее особых надежд, — поисковые группы уже давно нашли бы их. Теперь надежд на спасение не было.

И Элли уже не скрывала своего презрения к нему. Макс опять обидел ее — и снова из-за своей неловкости. Ему следовало бы сказать, что она — самая прелестная девушка в мире, всячески оберегать ее гордость, ведь ей приходилось труднее, чем ему.

Макс понял, что положение пленника он переносил относительно спокойно только из-за нее, — а теперь Элли с непоколебимым упорством будет доказывать, что девушки ничуть не глупее мужчин и даже наоборот. И в конце концов оба окажутся на обеденном столе у существ, которым вообще не следовало бы появляться на белый свет.

Если бы доктор Гендрикс не умер!

Если бы Макс проявил твердость, когда речь зашла о прогулке по незнакомой планете.

Наконец — и это было едва ли не самым худшим — Макс чувствовал: если он съест еще одну папайю, то его стошнит.

Его разбудило прикосновение к плечу и тихий шепот:

— Макс!

— Кто это?

— Тише! Ни звука!

Над ним склонился Сэм — его друг Сэм!

Юноша сел. Остатки сна мгновенно исчезли. Сэм беззвучно приблизился к спящей Элли, присел рядом и прикоснулся к ее плечу.

— Мисс Эддрет, — еле слышно позвал он.

Глаза девушки широко открылись. Она открыла рот, и Макс с ужасом подумал: вот сейчас раздастся крик. Сэм поспешно приложил палец к губам. Элли посмотрела на него и кивнула. Сэм наклонился над ней, что-то разглядывая в лунном свете, затем достал лучевой пистолет. Сверкнуло несколько крошечных вспышек, и девушка встала — ее путы исчезли. Сэм вернулся к Максусу.

— Не двигайся, — прошептал он. — Иначе я обожгу тебя.

Он наклонился к ноге юноши, той, что была привязана к дереву. Мелькнула вспышка, и Макс почувствовал, что его лодыжку сильно сжало, но лишь на миг. Затем живая веревка сползла с ноги и, судорожно дергаясь, исчезла в темноте. Макс тоже встал.

— Каким образом...

— Полное молчание, Макс. За мной!

Сэм скользнул в сторону кустов. За ним последовали Макс и Элли. Не успели они пройти и двадцати ярдов, как раздался тихий всхлипывающий голос:

— Элли! — и обезьянка спрыгнула с ветки в объятия девушки.

Сэм обернулся.

— Скажи ей, чтобы молчала, — велел он. — Речь идет о нашей жизни.

Элли кивнула и стала ласково поглаживать крохотную обезьянку, что-то нашептывая ей.

Они прошли еще немного, двигаясь так тихо, как только могут двигаться три человека, понимающих, что от этого зависит их судьба. Элли спрятала Мистера Чипса под куртку и всякий раз, когда обезьянка пыталась заговорить, успокаивала ее. Наконец Сэм остановился.

— Дальше идти опасно, — тихо произнес он. — Я плохо ориентируюсь в темноте и боюсь заблудиться. Однако мы отошли достаточно далеко. Как только начнет светать, пойдем дальше.

— Как же ты сумел найти нас в темноте, Сэм?

— Мы с Чипси прятались в густом кустарнике еще с полудня, всего в пятидесяти футах от вас.

— Вот как? — Макс посмотрел на звездное небо. — Я умею ориентироваться в темноте даже лучше, чем днем.

— Неужели? Вот здорово! Насколько мне известно, ночью эти звери спят как убитые.

— Тогда пусти меня вперед, а сам иди за Элли.

Потребовалось больше часа, чтобы достичь края плато. Путаясь в высокой траве, друзья шли медленно. Макс то и дело оглядывался по сторонам. Несмотря на свою фотографическую память, он все-таки плохо ориентировался в темноте. Вниз они спускались еще медленнее.

Когда они вышли на опушку леса, где начиналась равнина, поросшая травой, Сэм остановился и окинул взглядом пространство, залитое лунным светом.

— Теперь нужно быть крайне осторожными, — прошептал он. — Среди деревьев они бросают своих змей не очень точно, а вот на равнине следует остерегаться.

— Вам известно, что они умеют бросать живые веревки?

— Конечно.

— Сэм, — прошептала Элли. — Мистер Андерсон, почему...

— Тсс! Объяснения позже. Сейчас бежим — и как можно быстрее. Мисс Эддрет, вы задаете темп. Макс, указывай дорогу. Будем бежать рядом. Готовы?

— Одну минуту. — Макс взял у Элли обезьянку, сунул ее себе под куртку и застегнул молнию. Мистер Чипс даже не проснулась, только что-то пробурчала во сне. — Вперед!

Они бежали, потом шли, переводя дыхание, снова бежали — более получаса, не тратя сил на разговоры, стараясь как можно дальше уйти от страшного места. Высокая трава хлестала по ногам и мешала бежать. Уже совсем близко была долина, и Макс старался рассмотреть знакомый ручей, когда Сэм скомандовал:

— Лечь! Быстро!

Макс упал, опираясь на локти, чтобы не придавить Чипси; Элли шлепнулась рядом. Юноша осторожно повернул голову и спросил:

— Кентавры?

— Нет. Молчи.

Летающая медуза, двигающаяся, к удивлению Макса, ночью, плавно скользила по воздуху на высоте около сотни футов. Она проплыла мимо, ярдах в ста, но вдруг повернулась и полетела в их сторону.

Она снизилась и повисла прямо над головами людей. Сэм тщательно прицелился, держа пистолет обеими руками. В следующее мгновение едва заметный фиолетовый луч поразил медузу; та вспыхнула и упала так близко от Макса, что он почувствовал запах горелой плоти. Сэм сунул пистолет в кобуру и встал.

— Одним шпионом меньше, — с удовлетворением произнес он. — Бежим дальше, ребята.

— Ты думаешь, они шпионят за нами?

— Думаю? Нет, знаю совершенно точно. Эти лошади здорово все здесь организовали. А теперь замолчи — и бежим.

Элли обнаружила ручей первой, — она свалилась прямо в воду. Макс поднял девушку и повел ее дальше, остановившись на миг, чтобы напиться. Когда они вышли на противоположный берег, Сэм спросил:

— Где ваша левая туфля, мисс Эддрет?

— Соскользнула в воде.

Сэм вернулся к ручью и попробовал найти ее, но попытка оказалась бесполезной: в темноте вода казалась черной как чернила.

— Ничего не поделаешь, — вздохнул он. — Иначе придется потратить на поиски всю ночь. Мне очень жаль, мисс Эддрет, но вашим ногам придется пострадать. Может быть, стоит выбросить и вторую туфлю.

Потеря туфли не помешала им достичь подножья холма, за которым находились Чэритивиль и корабль.

Элли все-таки порезала ногу об острый камень. Она стиснула зубы и не жаловалась, но бежала все медленнее. К тому времени, когда беглецы поднялись на холм, начало светать. Макс повел их по тропинке, по которой они поднимались столько дней — лет! — назад. Вдруг Сэм остановил его.

— Подожди. Здесь мы выйдем к кораблю?

— Нет, корабль находится севернее. — Макс воссоздал в памяти картину местности — как она выглядела с корабля — и сравнил ее с фотокартой, сделанной после посадки. — Вообще-то, чтобы выйти к кораблю, надо повернуть на север.

— Я так и думал. Чипси вела меня этой дорогой, но мне хотелось бы скрываться под деревьями как можно дольше. К тому времени, когда мы спустимся, будет совсем светло.

— А разве это имеет значение? На равнине, где стоит корабль, никогда не появлялись кентавры.

— Ты хочешь сказать, что не видел их. Слишком долго отсутствовал, старина. Теперь нам угрожает опасность — и опасность эта возрастает по мере приближения к кораблю. А теперь — ни слова, и веди нас к кораблю. Если тебе это удастся.

Макс не сомневался в этом, хотя им пришлось идти по незнакомой местности, и он ориентировался только по мелкомасштабной карте. Они переходили какие-то канавы, иногда упирались в высокие отвесные скалы, по которым невозможно было подняться, и приходилось возвращаться. Становилось все светлее, Сэм начал нервничать и торопил, несмотря на то что Элли совсем выбилась из сил.

— Мне очень жаль, — прошептал Сэм, после того как она споткнулась и съехала вниз по крутой осыпи, пытаясь затормозить голыми окровавленными пятками, — но лучше вернуться на корабль на культяпках, чем снова попасть им в лапы.

— Я знаю.

Девушке было очень больно, но она даже не застонала.

Когда беглецы увидели корабль, было уже совсем светло. Макс показал в сторону корабля, находящегося от них примерно в полумиле.

— Будем спускаться? — прошептал он Сэму.

— Нет.

— Почему?

— Ребята, по мнению дяди Сэма, сейчас лучше всего спрятаться вон в тех кустах, не шевелиться, и пусть комары кусают нас. Нужно дождаться темноты.

Макс смерил взглядом расстояние в тысячу ярдов, отделявшее их от корабля.

— Можно попробовать добежать до него.

— А четыре ноги двигаются быстрее, чем две. Мы недавно об этом узнали.

Кусты, выбранные Сэмом, росли неподалеку. Отсюда вся долина была видна как на ладони. Сразу за кустами начинался крутой склон. Корабль находился прямо перед ними; левее и чуть ближе был расположен Чэритивиль.

— Располагайтесь поудобнее, — распорядился Сэм, — и будем нести вахту посменно. Если можете, поспите. Ждать придется долго.

Макс постарался улежся так, чтобы не придавить Мистера Чипса. Из-под куртки высунулась маленькая головка.

— Доброе утро, — слышался серьезный голосок. — Завтрак?

— Нет завтрака, милая, — ответила Элли. — Сэм, можно ее выпустить?

— Можно, пожалуй. Только пусть не шумит.

Сэм не отрывал взгляда от равнины. Макс тоже уставился на нее.

— Скажи, Сэм, почему бы нам не попытаться добраться до деревни. Она ближе.

— Там никого нет. Нам пришлось оставить ее.

— Как оставить? Послушай, Сэм, ты не мог бы рассказать, что все-таки произошло?

Сэм смотрел на равнину пристальным взглядом.

— Хорошо. Что тебя интересует? Только говори шепотом.

Это был трудный вопрос — Макс хотел знать все.

— Что случилось с деревней?

— Оставаться там стало слишком опасно.

— Вот как? Кентавры захватили кого-нибудь?

— Это им не удалось. У Дайглера был пистолет. Однако потом дело стало гораздо серьезнее. Мы дума-

ли, что у них только эти живые веревки, которые они ловко бросают, и остерегались их. Но у них оказалось много всякой чертовщины. Например, существа, способные пробираться под землей. Вот мы и оставили деревню.

— Кто-нибудь пострадал?

— Видишь ли... новобрачные уже переселились в свой коттедж. Так что Бекки Вебербаур стала вдовой.

Эли всхлипнула. Макс помолчал.

— Но я не понимаю, Сэм, почему, получив мою записку, вы не...

— Какую записку?

Юноша объяснил, что они послали с Мистером Чипсом записку с просьбой о помощи. Сэм покачал головой.

— Обезьянка благополучно добралась до корабля. К этому времени мы уже знали, что вы пропали, и искали вас. Но никакой записки у обезьянки не было.

— Так как же ты нашел нас?

— Я ведь уже сказал — меня привел к вам Чипс. Кто-то посадил обезьянку в клетку, там я и нашел ее вчера. Остановился, чтобы погладить, потому что знал — ты и мисс Эддрет исчезли. Тогда-то я и заметил, что крошка вне себя от беспокойства. Мне пришлось в голову, что она может знать, где вы находитесь. Вот и все. — Сэм пожал плечами.

— Но почему ты отправился на поиски один? Ты ведь знал, какому риску подвергаешься. Вам уже было известно, что они очень опасны. Нужно было собрать всех мужчин, хорошо вооружиться...

Сэм покачал головой.

— И все погибли бы. Вас можно было обрадовать — и не более. А вас необходимо было вернуть на корабль.

— Спасибо. Не знаю, как и благодарить тебя, Сэм.

— Я тоже очень благодарна, — слышался голос Эли. — И перестань называть меня «мисс Эддрет». Для друзей я просто Эли.

— Хорошо, Эли. Как у тебя с ногами?

— Переживу.

— Отлично. — Сэм повернулся к Макс. — Но я не говорил, что мы хотели спасти вас — мы должны были это сделать. Если уж говорить прямо, нам необходимо ты, Макс. Извини, Эли, я не хотел обидеть тебя.

— Но почему именно я?

— Видишь ли... — Сэм явно колебался. — Подробности узнаешь после возвращения на корабль. Но ты нужен, судя по всему, потому, что без тебя нельзя взлететь. Ты — единственный астрогатор в команде.

— А что с Саймсом?

— Тише! Он погиб.

— Господи!

Макс подумал, что какие бы чувства к Саймсу он ни испытывал, смерть от рук этих тварей просто ужасна. Он так и сказал Сэму.

— Нет, Макс, все было совсем не так. Видишь ли, после смерти капитана Блейна...

— Как? И капитан умер?

— Да.

— Я знал, что он болен, но не подозревал, что так серьезно.

— Можно назвать его болезнь разрывом сердца. Или почетным харакири. А может быть, просто случайность. Когда я помогал упаковывать его вещи, то нашел пустую коробочку от снотворного. Или он сам принял его, или твой друг Саймс подсунул ему в чай. Заключение врача — смерть от естественной причины. Так и записали в корабельный журнал. Разве существует более естественная причина для смерти, когда человек просто не в состоянии жить?

— Он был хорошим человеком, — тихо произнесла Эли.

— Да, — согласился Сэм. — Может быть, даже слишком хорошим.

— А что произошло с Саймсом?

— Видишь ли, тут причина совершенно другая. По-видимому, он вообразил, что унаследовал власть на корабле, но первый офицер придерживался иной точки зрения. Что-то там с пленками у старшего вычислителя. Как бы то ни было, он попытался взять власть в свои руки и устранить Уолтера, а я вроде бы сломал ему шею. У меня не было выбора, — поспешно добавил Сэм. — Саймс хотел стрелять.

— Боже мой, Сэм! Неужели у тебя снова неприятности?

— Да так, самую малость. Если мы... Тише, ребята! Не двигайтесь! — Сэм выглянул из кустов. — Ни еди-

ного звука, ни движения, — прошептал он. — Может быть, она не заметит нас.

С севера, вдоль высокого берега оврага, словно ведя разведку, медленно плыла летающая медуза.

— Может, нам лучше отползти назад? — прошептал Макс в ухо Сэму.

— Поздно. Не двигайся.

Медуза, похожая на воздушный шар, остановилась и двинулась в их сторону. Сэм вытащил лучевой пистолет. Он не поднимал его до того момента, пока медуза не замерла прямо над ними. Фиолетовая вспышка опалила ветки кустов, и медуза рухнула вниз.

— Сэм! Смотри, еще одна!

— Где?

Сэм взглянул, куда указывал Макс. Вторая медуза, по-видимому, сопровождала первую; она летела выше и чуть в стороне. Заметив людей, она остановилась и начала набирать высоту.

— Сбей ее, Сэм!

Сэм встал.

— Поздно. Слишком далеко и слишком поздно. Ну что ж, ребята, у нас нет выхода. Нужно отправляться. Больше нет необходимости прятаться. Садись на землю и сползай вниз, Элли, а мы за тобой.

Они съехали вниз по склону, разбрасывая камни и разрывая одежду. Рядом радостно прыгала мистер Чипс. Съехав, они остановились.

— За сколько минут ты можешь пробежать полмили, Макс? — спросил Сэм.

— Не знаю. Минуты за три.

— Постарайся сделать это побыстрее. Беги. Я помогу Элли.

— Нет!

— Беги к кораблю! Ты нужен там.

— Нет.

— Всегда мне попадают герои, — тяжело вздохнул Сэм. — Возьми ее за руку.

Они пробежали яров двести, почти неся Элли, когда она вырвалась из их рук.

— Без вашей помощи я побегу быстрее, — произнесла она, задыхаясь.

— О'кей, не теряй времени! — прошептал Сэм.

Девушка сказала правду. Не обращая внимания на израненные ступни, она помчалась так, что Макс с трудом поспевал за ней. Корабль становился все ближе. Юноша заметил, что клетка лифта находится наверху, и подумал, что ее еще нужно опустить.

Они пробежали половину расстояния, когда Сэм крикнул:

— Вот и кавалерия! Бегите быстрее!

Макс взглянул через плечо. Стадо кентавров — десятка два, а может быть, и больше — мчалось к ним со стороны холмов, явно намереваясь отрезать их от корабля. Элли тоже заметила их и прибавила ходу, да так, что Макс сразу отстал.

До корабля оставалось несколько сотен ярдов, когда клетка лифта, вздрогнула и пошла вниз. Макс уже хотел восторженно крикнуть, что они успеют спастись, как топот копыт послышался за спиной.

— Скорее, ребята! — завопил Сэм. — В корабль! — Он остановился.

Макс тоже остановился, успев крикнуть:

— Беги, Элли!

— Да спасайся же ты! — прорычал Сэм. — Чем ты можешь помочь мне — без оружия?

Макс заколебался, не зная, что предпринять. Он увидел, что и Элли остановилась. Сэм оглянулся и с размаху ударил юношу по лицу.

— Беги, тебе говорят! Спасай девушку!

Макс схватил Элли за руку и бросился к кораблю. Позади них Сэм Андерсон повернулся к приближающейся смерти... опустил на колено и положил пистолет на предплечье левой руки, в точности, как предписано уставом.

Глава 20

«КОРАБЛЬ — ЭТО НЕ ТОЛЬКО СТАЛЬНАЯ ОБОЛОЧКА...»

Клетка лифта коснулась земли, из нее выскочили четверо мужчин. Макс вбежал внутрь и втащил за собой Элли, которая в изнеможении упала на пол. Дверь закрылась, Мистер Чипс едва успела проскользнуть внутрь лифта. Обезьянка подбежала к Элли, схватила ее за руку и зарыдала. Девушка попыталась сесть.

— Ну как ты? — спросил Макс.

— В порядке. Но... — Она замолчала.

Макс обернулся и попытался открыть дверь. Она не поддавалась. Клетка лифта отделилась от земли и медленно пошла вверх. Макс нажал на кнопку «СТОП». Но лифт продолжал подниматься. На высоте десяти футов он остановился. Макс посмотрел через решетку дверцы и крикнул:

— Эй, в шлюзе! Опустите нас!

Никто не обратил на него внимания. Он снова попытался открыть дверь — совершенно напрасно, потому что система безопасности не позволяла открыть ее после того, как лифт приходил в движение. В отчаянии юноша схватился за решетку и посмотрел вниз. Сэма не было видно. Кентавры топтались в двух сотнях ярдов от корабля. Вдруг один из них упал, затем еще один и еще.

Только теперь Макс увидел четырех мужчин, убежавших из лифта. Они лежали на траве недалеко от корабля, каждый с винтовкой у плеча, и вели стрельбу. Расстояние, отделяющее их от кентавров, было небольшим — двести, может быть, триста ярдов; промахнуться они не могли. После каждой беззвучной фиолетовой вспышки очередной монстр падал.

Макс насчитал семь убитых кентавров — затем чудовища бросились бежать, пытаясь скрыться за холмами. Стрельба продолжалась, и кентавры падали до тех пор, пока расстояние не стало слишком большим для прицельного огня.

— Прекратить стрельбу! — слышалась чья-то команда.

Один из мужчин тут же вскочил и побежал туда, где происходила схватка. Остальные последовали за ним.

Возвращаясь на корабль, они несли что-то похожее на сверток одежды. Клетка лифта опустилась вниз, дверь открылась, они вошли внутрь и бережно положили свою ношу на пол. Один взглянул на Элли, снял куртку и накрыл окровавленное лицо Сэма. Макс увидел, что это был мистер Уолтер.

Остальные трое были мистер Дайглер, механик, которого Макс знал только в лицо, и старший стюард Джордан. Толстяк плакал, не стыдясь слез.

— Мерзкие твари! — Его огромное тело сотрясало в рыданиях. — Не оставили ему даже надежды на спасение. Сбили с ног и растоптали. — Он задохнулся, потом добавил: — И все-таки он успел убить по крайней мере пятерых. — Он посмотрел в лицо Максу, но как будто не узнал его. — Он дорого отдал свою жизнь.

— Сэм мертв? — тихо спросила Эддрет.

— Что? Да, конечно. Не говорите глупостей. — Стюард отвернулся.

Лифт остановился. Уолтер взглянул на площадку.

— Уберите всех зрителей! — воскликнул он с негодованием. — Это что, цирк? — Уолтер окинул взглядом мужчин в лифте. — Помогите мне вынести его.

Наклонившись к мертвому телу Сэма, Макс заметил, что миссис Дюмон увела Элли. Мужчины осторожно вынесли Сэма на палубу, где уже ждал корабельный врач. Уолтер выпрямился и только сейчас заметил Макса.

— Мистер Джонс? Вы не могли бы срочно зайти ко мне в каюту?

— Слушаюсь, сэр. Но... — Макс взглянул на тело друга. — Мне бы хотелось...

— Вы уже ничем ему не поможете, — оборвал его Уолтер. — Идите. — И добавил более мягким голосом: — Я жду вас через пятнадцать минут, так что успеете умыться и переодеться.

В назначенное время Макс вошел в каюту первого офицера. Он успел принять душ, переодеться и даже побриться — правда, Макс пришел без головного убора. Его фуражка осталась где-то далеко в овраге; он потерял ее, когда на них напали кентавры. В каюте первого офицера находились старший механик Компаньон, интендант мистер Самуэльс и сам мистер Уолтер. Они сидели вокруг стола и пили кофе.

— Заходите, мистер Джонс, — пригласил его Уолтер. — Садитесь. Хотите кофе?

— С удовольствием, сэр.

Лишь сейчас Макс понял, что ужасно проголодался. Он насыпал в свою чашку сахар и налил молоко.

Пока Макс пил кофе и приходил в себя, остальные разговаривали о мелочах и ждали. Наконец мистер Уолтер повернулся к Максу.

— Как вы чувствуете себя, мистер Джонс?

— Спасибо, сэр, хорошо. Немного устал.

— У вас есть для этого все основания. Мне очень жаль беспокоить вас именно сейчас. Вы знакомы с положением, которое создалось на корабле?

— Отчасти, сэр. Сэм кое-что рассказал мне... Сэм Андерсон... — Голос Макса прервался.

— Нам очень жаль Андерсона, — тихо произнес мистер Уолтер. — Во многих отношениях он был лучшим членом экипажа, с кем мне приходилось служить. Впрочем, продолжайте.

Макс повторил, что успел рассказать ему Сэм, однако историю смерти капитана Блейна и Саймса сократил до одной фразы, сказав, что, по словам Сэма, они умерли. Уолтер кивнул.

— Тогда вы понимаете, что от вас требуется?

— Думаю, что понимаю, сэр. Вы хотите, чтобы я занимался астрогацией во время полета. — Юноша колебался. — Наверное, я справлюсь.

- Гм... пожалуй. Но это не все.
- Вот как?
- Вы должны принять на себя обязанности капитана.

Три пары глаз, не отрываясь, смотрели на лицо Макса. Юноша почувствовал головокружение и на мгновение задумался, что происходит. Лица присутствующих, казалось, приблизились к нему и тут же удалились. Макс вспомнил, что в течение многих часов почти ничего не ел и не спал, поддерживая себя нервным напряжением — да, конечно, в этом-то и причина. Откуда-то издали он услышал голос Уолтера:

— ...Совершенно необходимо немедленно оставить эту планету. Теперь юридические аспекты проблемы ясны. Командовать кораблем в космосе имеет право только астрогатор. Вас просят принять на себя ответственность за всех нас, несмотря на вашу молодость, потому что вы единственный человек, обладающий необходимой квалификацией. Вот почему вы должны согласиться.

Макс взял себя в руки — расплывающиеся фигуры снова стали четкими.

— Мистер Уолтер!

— Да.

— Но ведь я не астрогатор. Я всего лишь ученик астрогатора, временно назначенный на эту должность.

— Келли утверждает, что вы — астрогатор, — слышался хриплый бас старшего механика.

— Он разбирается в астрогации лучше меня!

Компаньон покачал головой.

— Вы не можете сами судить о своих возможностях, — сказал он. Самуэльс кивнул.

— Давайте закончим с этой проблемой, — добавил Уолтер. — Не может быть и речи о том, чтобы старший вычислитель стал капитаном. Совсем не имеет значения ваше место в гильдии. Должность капитана может занимать только астрогатор. Вы являетесь старшим на корабле в этой профессии, кем бы вы себя ни считали. В настоящее время главным на корабле являюсь я — до тех пор, пока не передам команду кому-нибудь другому. Но я не могу управлять кораблем в космосе. Если вы

откажетесь... ну тогда я не знаю, что нам делать. Не знаю.

— Понимаете, сэр, — запинаясь произнес Макс, — я не отказываюсь от исполнения порученных мне обязанностей. Я согласен вести корабль в космосе — разумеется, учитывая создавшиеся обстоятельства, меня можно считать астрогатором. Но разве мне обязательно нужно быть капитаном? Мне кажется, лучше всего поступить следующим образом: я буду управлять кораблем, а вы останетесь старшим на нем. Так будет лучше всего. Господи, да я не знаю, как должен вести себя капитан!

— С юридической точки зрения это невозможно, — покачал головой Уолтер.

— А вот меня юридические аспекты мало интересуют, — добавил старший механик. — Зато мне известно, что нельзя возлагать ответственность на двух лиц. Если уж быть откровенным, молодой человек, я предпочел бы Голландца на посту капитана вместо вас — вот только он не может решать проблемы астрогации. Вот если бы с нами был доктор Гендрикс, — но он умер. Да что говорить, я сам готов взвалить на себя бремя ответственности, но я всего лишь физик и достаточно хорошо знаком с астрогационной математикой, чтобы понять, что мне за всю жизнь не овладеть той скоростью, с какой должен решать математические задачи астрогатор. Келли говорит, что вы уже овладели этим искусством. Мне довелось летать с ним много лет, и я верю ему. Так что у вас нет другого выхода, сынок, — вам придется вести корабль и одновременно взять на себя связанную с этим ответственность. Голландец поможет вам — да мы все готовы прийти на помощь, — но вы не можете, не имеете права отказаться.

— Я не согласен со старшим механиком относительно маловажности юридических аспектов этой проблемы, — тихо произнес мистер Самуэльс. — Большинство законов имеет под собой разумное основание. Но во всем остальном мы единодушны. Мистер Джонс, корабль — это не только стальная оболочка, но и хрупкая общественная структура. Нельзя изменить ее законы и обычаи, не опасаясь серьезных потрясений. Куда проще поддерживать на корабле дисциплину и высокий мо-

ральный дух при молодом капитане, вокруг которого сплотились все офицеры, чем дать основание экипажу и пассажирам подозревать, что человек, принимающий критически важные решения, решающий вопросы, от которых зависит жизнь всех людей, находящихся на корабле, этот всемогущий человек тем не менее не способен управлять кораблем. Нет, сэр, перспектива подобной ситуации путает меня; при ней возможно возникновение беспорядков.

Макс чувствовал, как бьется сердце и нестерпимо болит голова. Уолтер посмотрел на него исподлобья.

— Итак, что вы ответите нам? — спросил он.

— Я согласен, — прошептал юноша. — Разве можно ждать от меня иного ответа?

Уолтер встал.

— Жду ваших указаний, капитан.

Макс замер, изо всех сил стараясь успокоиться. Он прижал пальцы к вискам, пульсирующим болью. Лицо выражало только испуг.

— Э-э, продолжайте работать. Начинайте подготовку к старту.

— Слушаюсь, сэр, — ответил Уолтер, сделал паузу и спросил: — Позвольте поинтересоваться, капитан, когда вы намереваетесь взлететь?

У Макса снова все поплыло перед глазами.

— Когда? Не раньше завтрашнего дня — завтра в полдень. Мне надо выспаться.

Он решил, что вместе с Келли выведет «Асгард» на орбиту ожидания и уже после этого обдумает дальнейшие действия.

— Это разумное решение, сэр. Нам нужно время.

Мистер Компаньон встал.

— Если капитан позволит мне удалиться, я займусь подготовкой машинного отделения.

Самуэльс последовал его примеру.

— Ваша каюта готова, сэр. Я отдал распоряжение — ваши личные вещи перенесут туда через несколько минут.

Макс уставился на него изумленным взглядом. Он еще не привык к преимуществам должности капитана.

Жить в святая святых — каюте капитана Блейна? Спать в его кровати?

— Гм... не думаю, что в этом есть необходимость. У меня достаточно удобная каюта.

Самуэльс посмотрел на первого офицера, затем перевел взгляд на Макса.

— Если позволите заметить, капитан, это один из моментов, которые я имел в виду, говоря о хрупкой социальной структуре.

— Вот как? — Макс задумался и внезапно кроме груза ответственности, упавшей на него, почувствовал и прилив силы, необходимой для исполнения подобных обязанностей. — Хорошо, — произнес юноша внезапно окрепшим голосом. — Действуйте.

— Слушаюсь. — Самуэльс окинул Макса критическим взглядом. — Кроме того, капитан, — если не возражаете, — я пришлю Лопеса, и он пострижет вас.

Макс откинул назад гриву волос.

— Неужели я такой лохматый? Пусть зайдет.

Интендант и старший механик вышли из каюты. На мгновение Макс почувствовал неуверенность — он не знал, как действовать дальше.

— У вас найдется для меня несколько минут, капитан? — спросил Уолтер.

— Да, конечно. — Они сели, и первый офицер налил еще по чашке кофе.

— Мистер Уолтер! — неожиданно произнес Макс. — Вы не могли бы позвонить буфетчику — пусть принесет хлеба. Я сегодня ничего не ел.

— Ну разумеется! Извините, сэр, я как-то не подумал.

Уолтер тут же распорядился, чтобы принесли ужин. Затем он повернулся к Максy.

— Капитан, я не посвятил вас во все подробности, да и не хотел рассказывать о них при всех.

— Говорите.

— Поймите меня правильно. То, что я передаю вам командование кораблем, никак не связано с происшедшим. И вашим офицерам — даже старшим — необязательно знать об этом.

— Пожалуй, вы правы.

Уолтер пристально смотрел в свою чашку.

— Вам известно, как умер мистер Саймс?

Макс рассказал то, о чем ему успел поведать Сэм. Уолтер кивнул.

— В общих чертах так оно и было. Видите ли... не принято говорить плохо о мертвых, но Саймс был неуравновешенным человеком — что-то не в порядке с психикой. Когда умер капитан Блейн, он счел само собой разумеющимся, что должность капитана автоматически перешла к нему.

— Ну что ж... с юридической точки зрения у него были для этого основания.

— Ну что вы! Извините, что мне приходится поправлять вас, капитан, но тут вы ошибаетесь. Все обстоит как раз наоборот.

Макс нахмурился.

— По-видимому, до меня плохо доходит, — но когда мы обсуждали мое назначение, вы пользовались именно этим аргументом, правда?

— Нет, сэр. Пока мы находимся на планете, я, как старший среди офицеров, команду кораблем. Я не обязан передавать командование астрогатору до тех пор — и если — мы не вышли в космическое пространство. Но даже и в этом случае командование не переходит автоматически к старшему по званию среди астрогаторов. Мои обязанности четко определены, и множество уже рассмотренных спорных вопросов говорит в их пользу: я должен передать командование кораблем только тому человеку, который, по моему мнению, справится с такой ответственностью.

Так вот, в течение длительного времени у меня были сомнения относительно мистера Саймса, точнее, его уравновешенности. И тем не менее в подобной нештатной ситуации мне было бы очень трудно не передать ему командование кораблем, после того как принято решение о вылете с планеты. Но еще до того, как мы потеряли капитана, у меня появилась возможность проверить его способности к астрогации — отчасти после нашего с вами разговора. Я поговорил с Келли — вы знаете, что его очень высоко ценят. Мне кажется, что теперь я знаю, почему переход не получился; Келли не только объяснил это, но и подкрепил фактами. Это обстоятельство, а также то, что специалисты, работавшие в «беспокойной дыре», дружно выступили против мистера Саймса как капитана, заставило меня принять

решение, что, если дело пойдет так далеко, я оставляю корабль на планете — навсегда, если потребуется, — но не передам ему командование. Я всего лишь пытался предугадать развитие событий — капитан был болен, и осторожность требовала, чтобы я заглядывал в будущее.

И вдруг капитан умирает, а Саймс делает заявление, что отныне он капитан «Асгарда». Этот кретин даже переехал в капитанскую каюту и вызвал меня к себе. Я объяснил ему, что не передал ему командование и никогда не передам. После чего покинул каюту, нашел свидетелей, вызвал старшину корабельной полиции, и мы пошли выселять его из каюты капитана. Вы знаете, что произошло дальше. Андерсон спас не только вас, я тоже обязан ему жизнью. — Внезапно Уолтер изменил тему разговора. — Мне говорили, что вы обладаете феноменальной памятью и можете вести расчеты без справочников и таблиц. Это верно?

— Да.

— Скажите, вы помните все таблицы? Или только некоторые из них?

— Я знаком со всеми существующими таблицами и справочными материалами, а также руководствами — со всем, что астрогатор считает своими «рабочими инструментами».

Макс начал рассказывать о своем дяде, но Уолтер мягко прервал его.

— Извините меня, сэр. Я очень рад слышать это от вас. Дело в том, что справочники и таблицы, необходимые нашему кораблю, остались только в вашей памяти.

Исчезновение книг заметил, разумеется, Келли, а не Уолтер. Когда он сообщил первому офицеру о своих подозрениях, они принялись за поиски. Ничего не обнаружив, они объявили, что пропал только один комплект таблиц; Уолтер пообещал награду тому, кто отыщет таблицы, и корабль обыскали с носа до кормовых дюз, но ничего не нашли.

— Думаю, он выбросил их во время выхода на поверхность Чэрити, — закончил Уолтер. — Вы понимаете, в каком положении мы оказались; фактически в осаде. Даже если бы мы могли свободно ходить по

планете, найти спрятанные книги можно было лишь случайно. Так что я очень рад, что вы так же уверены в своей памяти, как и Келли.

А вот у Макса начали появляться сомнения — одно дело проводить расчеты в уме, когда это что-то вроде фокуса и ты знаешь, что ошибку обязательно заметят, и совсем иное — проделывать такое по необходимости.

— Не думаю, что положение на самом деле настолько плохо, — заметил юноша. — Может быть, это просто не пришло Келли в голову, но логарифмические таблицы и таблицы перевода в бинарную систему можно, наверное, найти в машинном отделении, а с их помощью мы как-нибудь сумеем определить способ перехода. Остальные таблицы и справочники требуются главным образом при аномальных переходах.

— Келли уже думал об этом. Скажите, капитан, каким образом возвращается обратно разведывательный корабль, сумевший проникнуть в заново обнаруженную конгруэнтность?

— Значит, вы хотите, чтобы я совершил именно такой маневр?

— Я не имею права, — заявил Уолтер официальным голосом, — советовать капитану, как управлять кораблем в космосе.

— Я думал об этом, — медленно, словно размышляя вслух, произнес Макс. — У меня было для этого много времени. — Он не стал объяснять, что ночами, в плену у кентавров, размышлял о путях спасения, чтобы сохранить рассудок. — Разумеется, у нас нет инструментов, которые имеются в распоряжении разведывательных кораблей, да и прикладная астрогация не занимается расчетом конгруэнтностей. К тому же далеко не все разведывательные корабли возвращаются назад.

— Но...

Их разговор прервал стук в дверь. Вошел помощник стюарда и накрыл стол. Макс почувствовал, как у него от голода текут слюни. Он намазал свежую гренку маслом и джемом и откусил большой кусок.

— Как вкусно!

— Жаль, что я сразу не подумал об этом. А вот и бананы — выглядят совсем неплохо. За последнее вре-

мя мы были вынуждены уменьшить количество посадок в гидропонических ваннах.

— Нет, не думаю, что в ближайшее время мне захочется бананов, — вздрогнул Макс. — Или папайи.

— У вас к ним аллергия, капитан?

— Не то чтобы аллергия. Впрочем... да.

Юноша съел кусок хлеба и взглянул на первого офицера.

— Я сообщу вам о своих планах в ближайшем будущем.

— Слушаюсь, капитан.

Незадолго до ужина Макс встал перед огромным зеркалом в каюте капитана и взглянул на себя. Подстриженные волосы снова топорщились коротким ежиком, и после двухчасового сна он выглядел отдохнувшим. Он надел фуражку — внутри на околыше было написано «Гендрикс», юноша нашел ее у себя на кровати вместе с аккуратно разложенным мундиром, и на фуражке уже красовались знаки отличия капитана. На мундир было нашито сияющее солнце с расходящимися лучами, что смущало Макса. Он уже примирился с ролью капитана, хотя это казалось ему дивным сном, но, несмотря на четыре нашивки на рукаве, он предпочел бы более скромное солнце, без лучей, в маленьком кольце.

Уолтер и Самуэльс выслушали его аргументы с уважением, подобающим подчиненным, однако сумели настоять на своем, причем Самуэльс привел массу precedентов, которые Макс все равно не смог бы проверить. Наконец юноша сдался.

Он посмотрел на свое отражение, расправил плечи и вздохнул. Ничего не поделаешь, придется встретить трудности с улыбкой. Направляясь в кают-компанию, Макс услышал, как из громкоговорителя донеслось:

— Внимание! Внимание! Всем членам экипажа и всем пассажирам прибыть в «Бифрост Лаундж»!

...Перед ним молча расступались. Он подошел к капитанскому столу — теперь это его стол! — и сел во главе. Рядом с креслом стоял Уолтер.

— Добрый вечер, капитан.

— Добрый вечер, мистер Уолтер.

Элли сидела напротив. Она поймала его взгляд и улыбнулась.

— Привет, Элли, — произнес Макс и почувствовал, что краснеет.

— Добрый вечер, капитан.

Девушка была одета шикарно, как и в тот раз, когда Макс впервые увидел ее в гостиной; трудно было представить, что эта красивая молодая особа в модном платье та самая замарашка, чье грязное лицо смотрело на него с другой стороны начерченных на земле трехмерных шахматных досок.

— Как ноги?

— Их так перебинтовали, что пришлось надеть шлепанцы. Но врач постарался. Завтра я уже смогу танцевать.

— Не стоит спешить.

Элли окинула взглядом капитанские нашивки и эмблему на груди Макса.

— И ты еще говоришь мне, что не надо спешить?

Не успел юноша найти ответ на вопрос, не требующий ответа, как Уолтер наклонился к нему и тихо прошептал:

— Мы готовы, капитан.

— Действуйте, мистер Уолтер.

Первый офицер легонько постучал ножом по хрустальному бокалу. Наступила тишина.

Спокойно и убедительно мистер Уолтер объяснил создавшуюся ситуацию. Его слова звучали рассудительно, и сделанный им вывод казался неизбежным. Он закончил свою краткую речь словами:

— И теперь, в соответствии с существующими законами и традициями космоса, я передаю командование нашему новому капитану. Дамы и господа, разрешите представить вам капитана Джонса!

Макс встал. Он оглянулся вокруг, попытался заговорить и не смог. Тогда он взял стакан с водой и отпил глоток.

— Уважаемые гости и коллеги, — начал он. — Мы не можем оставаться на планете. Это вам хорошо известно. Мне рассказали, что наш врач называет систему, враждебную нам, «симбиотическим порабощением», нечто вроде взаимоотношений человека с собакой, только в еще более значительной степени зависимости.

Эта система, судя по всему, охватывает все животное царство на этой планете. Так вот, человек рожден не для рабства, будь оно симбиотическим или каким-нибудь другим. Но нас слишком мало, чтобы одержать верх над этой системой, поэтому мы вынуждены оставить планету.

Он сделал паузу, отпил еще глоток и увидел, что Элли ободряюще кивнула ему.

— Может быть, наступит время, и сюда прилетят люди — знающие, что их ждет, и подготовленные к этому. Что касается нас, я попытаюсь провести «Асгард» обратно через... ну, можно назвать это щелью в пространстве. Это рискованный маневр. Я никого не хочу принуждать лететь с нами против воли, хотя вернуться домой другим способом невозможно. Те, кто не желает рисковать, будет высажен на северном полюсе планеты номер три — вечерней звезды, которую мы называем Афродитой. Возможно, им удастся выжить, хотя даже на полюсах там очень жарко. Если вам больше нравится такая альтернатива, сообщите свои фамилии интенданту сегодня вечером. Остальные сделают попытку вернуться домой. — Он помолчал, внезапно произнес: — Это все, — и сел.

Аплодисментов не последовало, и Макс мрачно подумал, что его первое выступление перед публикой оказалось не слишком удачным. В гостиной возобновились разговоры, члены экипажа вышли из кают-компании, и помощники стюарда стали накрывать на столы. Элли посмотрела на Макса и одобрительно улыбнулась. Рядом с ней, по левую сторону, сидела миссис Мендоза.

— Ма... я хотела сказать, капитан, — действительно ли этот маневр настолько опасен? Мне не хотелось бы подвергаться излишнему риску. Неужели нет иного выхода?

— Нет.

— В это трудно поверить.

— Другого способа нет. Мне не хочется обсуждать за столом эту проблему.

— Но...

Макс опустил голову и стал есть суп, стараясь, чтобы его рука не дрожала. Подняв глаза, он заметил, что на него смотрит миссис Монтефиоре, предпочитавшая, что-

бы ее называли княжной — весьма сомнительный титул.

— Долорес, перестань приставать к нему. Нам хотелось бы услышать рассказ о ваших приключениях, капитан.

— Никакого рассказа не будет.

— Бросьте! Я слышала, что они были удивительно романтичными. — Миссис Монтефиоре многозначительно протянула последнее слово и бросила хитрый взгляд в сторону Элли. Затем она снова посмотрела на Макса. У нее были глаза хищной птицы и мелкие зубы — юноша подумал, что их гораздо больше, чем у обыкновенного человека. — Расскажите нам все!

— Нет.

— Но вы просто не можете отказаться!

Эдрет повернулась к ней, широко улыбнулась и ласково заметила:

— Дорогая княжна, — у вас клыки торчат изо рта. Миссис Монтефиоре мгновенно замолчала.

...После ужина Макс отвел в сторону мистера Уолтера.

— Одну минуту, мистер Уолтер.

— Да, капитан!

— Скажите, это верно, что я сам могу выбрать тех, кто сидит за моим столом?

— Да, сэр.

— В таком случае — среди них есть некто миссис Монтефиоре. Прошу вас найти для нее другое место. Еще до завтрака.

По лицу первого офицера промелькнула едва заметная улыбка.

— Слушаюсь, сэр.

Глава 21

КАПИТАН «АСГАРДА»

Тело Сэма опустили в лифте на поверхность планеты и похоронили там, где он погиб. По распоряжению Макса в похоронах принимали участие только он сам, Уолтер и Джиордан; юноша предупредил Элли, чтобы не приходила. Их окружал почетный караул, вооруженный до зубов и не спускавший глаз с дальних холмов. Заупокойную молитву Макс прочел еле слышным голосом, но читать громче у него не было сил.

Механики быстро изготовили памятник — остроко-
нечная пирамида из нержавеющей стали. Прежде чем
установить ее на свежую могилу, капитан долго думал,
какую надпись выжечь на памятнике. «Он так любил
жизнь»? — нет, Сэму это не понравится, решил он,
вспомнив его циничное презрение ко всякой сентимен-
тальности. «Он никогда не спорил с судьбой»? — и это
противоречило характеру Сэма, — если Сэму не нрави-
лись карты, выпавшие на его долю, он просто подсовывал
вместо них новую подтасованную колоду. Нет, вот такая
надпись на памятнике больше соответствует характеру
Сэма; Макс наклонился над памятником и прочитал:

ПАМЯТИ
СЕРЖАНТА СЭМА АНДЕРСОНА

СЛУЖИВШЕГО
В ИМПЕРСКОМ КОРПУСЕ МОРСКОЙ ПЕХОТЫ
ОН СЪЕДАЛ ВСЕ, ЧТО СТАВИЛИ ПЕРЕД НИМ

Уолтер впервые увидел памятник.

— Значит, вот кем он был. Вообще-то я догадывался об этом, сэр.

— Да. Он так и не открыл мне свое настоящее имя. Ричардс или Робертс. Я не уверен.

— Вот как. — Первый офицер задумался. — А вы знаете, сэр, мы можем восстановить его в корпусе посмертно. Его опознают по отпечаткам пальцев.

— Думаю, Сэм был бы рад этому.

— Как только вернемся, я лично займусь этим.

— Если вернемся.

— Извините, капитан, — *когда* вернемся.

После окончания церемонии похорон Макс поднялся прямо в рубку управления. Он уже побывал там накануне вечером и успел оправиться после первого потрясения — в «беспокойной дыре» его считали капитаном и обращались с должным уважением. Когда Келли поздоровался с ним: «Доброе утро, капитан», Макс постарался ответить почти небрежно:

— Доброе утро, шеф. Привет, Лунди.

— Принести кофе, сэр?

— С удовольствием. Относительно взлета корабля и орбиты ожидания — все готово?

— Еще нет, сэр.

— Тогда не стоит трудиться. Я решил лететь прямо домой. Расчеты сделаем в пути. Где пленки?

— Я захватил их еще утром.

Имелись в виду пленки, спрятанные в каюте Макса. Саймсу удалось уничтожить первый комплект сразу после смерти капитана Блейна; запасной комплект остался единственным, где были зафиксированы координаты и пеленги того места, где появился «Асгард» сразу после прорыва.

— О'кей. За работу. Ковак сядет за компьютер.

Специалисты приходили в рубку управления задолго до начала вахты, как это было принято у Келли.

— Как прикажете, сэр. Но я был бы рад сам помочь капитану.

— Ковак справится. Вы поможете Ногучи и Лунди при просмотре пленок.

— Слушаюсь, сэр.

Данные начали поступать к капитану. Ночью Макс дважды просыпался, покрытый холодным потом, опасаясь, что утратил свою уникальную память. Но когда пошли данные, Макс убедился, что программирует без малейших усилий, в его сознании будто открывались соответствующие страницы, и он читал их. Нужно было быстро вылететь в космос, чтобы избавиться от тяготения планеты и оставить позади местное «солнце»; в этом случае поправки, вводимые в курс, станут относительно простыми. Затем корабль будет долго лететь по прямой к тому месту, где они появились в этой вселенной. Расчеты не должны быть точными, потому что с первой попытки не следовало пытаться осуществить переход; они исследуют окружающее пространство, сделают много фотоснимков пеленгации и произведут на их основе вычисления, чтобы как следует изучить галактику, в которой еще не бывал человек.

Взлет был рассчитан, записан на пленку для автопилота, и пленка введена в консоль задолго до полудня. Раньше жизнь в корабле протекала по местному времени, где в одном часе было около пятидесяти пяти минут, но теперь она будет проходить по гринвичскому, то есть по тому времени, которое было основным в рубке управления; таким образом обед запоздает, а некоторые «звери» как всегда переведут стрелки своих часов не так, как следует, и во всем обвинят капитана.

В рубке управления сверили часы с машинным отделением, включили ленту автопилота, и теперь оставалось только нажать на кнопку за несколько секунд до расчетного времени, чтобы автопилот дал команду и корабль начал взлет.

Зазвонил телефон, Смит поднял трубку и посмотрел на Макса.

— Это вас, капитан.

— Капитан, — голос интенданта звучал тревожно, — извините, что я беспокою вас в рубке.

— Ничего страшного. Что случилось?

— Миссис Монтефиоре хочет, чтобы ее высадили на Афродите.

— Кто-нибудь еще не желает оставаться на корабле?

— Нет, сэр.

— Но всем объявили, что желающие должны были обратиться к вам еще вчера.

— Я объяснил ей это, сэр. Ее ответ показался мне не совсем логичным.

— Если говорить откровенно, я был бы счастлив посадить ее там и таким образом избавиться от нее. Но мы, в конце концов, несем ответственность за нее. Передайте миссис Монтефиоре, что я отказался удовлетворить ее просьбу.

— Слушаюсь, сэр. Вы позволите мне сформулировать ваш отказ в несколько иной форме?

— Да, конечно. Позаботьтесь только, чтобы она мне не мешала.

Макс положил трубку и увидел, что рядом с ним стоит Келли.

— Вот-вот наступит расчетное время, сэр. Может быть, вы возьмете на себя управление и проверите готовность к взлету?

— Нет, шеф. Командуйте взлетом. Это ваша вахта.

— Слушаюсь, капитан.

Келли сел у консоли, Макс опустился в кресло капитана, чувствуя себя как-то неловко. Жаль, что я не курю трубку, промелькнуло в голове Макса. Ему казалось, что капитану следует сидеть спокойно и непринужденно, курить трубку и следить, как его подчиненные осуществляют маневры.

Макс почувствовал, что его тело вдавилось в подушку кресла: «Асгард» снова оказался в коконе собственной силы тяжести, и теперь ускорение не будет влиять на тех, кто находится внутри него. Через несколько мгновений корабль взлетел, но заметить это можно было лишь при взгляде в иллюминатор — голубое небо постепенно уступило место черному космическому пространству, усеянному звездами.

Юноша встал, заметил, что все еще держит в руке воображаемую трубку, и поспешно разжал пальцы.

— Я буду у себя в каюте, шеф. Вызовите меня, когда будете готовы к расчетам взятых после взлета пеленгов. Между прочим, кто будет нести вахты?

Келли встал и подошел к Максy.

— Я решил, капитан, что Ковак и я будем сменять друг друга, а парни поделят вахты между собой. Затем, во время перехода, мы оба будем в рубке.

Макс покачал головой.

— Нет. Вахты будут нести все — вы, Ковак и я. И так будет продолжаться столько, сколько нужно. Незвестно, сколько времени понадобится на подготовку перед решающим броском.

— Вы позволите мне высказать свою точку зрения, капитан? — тихо спросил Келли.

— Вы ведь понимаете, Келли, если между нами не будет прямоты и откровенности, я не сумею осуществить переход.

— Спасибо, капитан. Вам нельзя уставать. Когда наступит решающий момент, вся тяжесть вахты ляжет на вас. — Помолчав, Келли добавил: — Безопасность корабля более важна, чем... ну, назовем это гордостью.

Макс задумался. Он учился тому — без посторонней помощи, — что капитан корабля не должен допускать ошибок, простительных любому другому, он обладал огромной властью, которой был наделен, как самая конечная инстанция. Его привилегии, такие, как возможность избавиться от неприятной для него женщины, сидящей за капитанским столом, были велики, тогда как последствия ошибок, связанных с выполнением нечеловечески трудных обязанностей, часто являлись непредсказуемыми.

— Послушайте, шеф, — медленно, словно все еще размышляя, произнес он, — как вы думаете, можно установить кофеварку вон там, за компьютером?

Келли повернулся и смерил расстояние взглядом.

— Да, сэр. А зачем это вам?

— Мне кажется, что тогда здесь поместится раскладная койка.

— Вы собираетесь спать в рубке управления, сэр?

— Иногда. Мне пришла в голову мысль, что на койке мог бы отдыхать любой из нас. Вот вы, например, проводите в рубке половину суток. В течение нескольких недель присутствие вахтенного офицера вообще-то не потребуется, так что, находясь на вахте, можно будет и подремать. Как вы считаете?

— Это противоречит правилам, сэр. И станет плохим прецедентом... и плохим примером. — Он посмотрел на Ногучи и Смита.

— Занесите в вахтенный журнал соответствующую запись со ссылкой на существующие правила и укажите, что это сделано ввиду чрезвычайной ситуации и для безопасности корабля. Я подпишу.

— Если вы считаете это необходимым, сэр.

— В вашем голосе звучит сомнение, так что я не исключаю, что ошибся. Подумайте и сообщите мне свое мнение.

Раскладная койка была установлена в рубке, и соответствующая запись внесена в вахтенный журнал, но ни Келли, ни Ковак ни разу не отдыхали на ней. Что же касалось Макса, то он тоже не воспользовался ею — он знал, что все равно не уснет.

Теперь Макс ел тоже в рубке. Хотя особой необходимости в его присутствии не было, так как требовалось только брать пеленги звезд, чтобы определить место randevу с пустотой в окружающем корабль космическом пространстве, Макс заметил, что, если он не занимался вычислениями, его не оставляло беспокойство, и он стремился поделиться своими тревогами с Келли.

Каким образом разведывательный корабль возвращался в собственную Галактику через только что рассчитанную новую конгруэнтность? И что случалось с теми, кто не сумел вернуться? Может быть, доктор Гендрикс сумел бы вычислить характеристику противоположной стороны еще не рассчитанной конгруэнтности, пользуясь лишь теми инструментами, что находятся на борту обычного космического лайнера? Макс пришел к выводу, что доктору Гендриксу это было бы по силам — ведь покойный астрогатор был настоящим фанатиком своей профессии и обладал глубокими знаниями в области теоретической физики, выходившими далеко за пределы обычных вычислений. Макс был уверен, что доктор Гендрикс намного превосходил в знаниях большинство астрогаторов.

Молодому капитану было известно, что разведывательные корабли рассчитывают конгруэнтности с обеих сторон, применяя к гравитационному полю теоретические данные, собранные на ранее не исследованной

стороне. Он сделал несколько попыток прикинуть форму подобных расчетов, затем сдался, не испытывая уверенности в точности полученных им результатов — Макс был уверен в своих прикладных способностях, но сомневался в теоретических аспектах и понимал, насколько приблизительны эти результаты. Ведь не было никакой возможности точно измерить массу звезд, особенно когда в распоряжении астрогатора были обычные инструменты грузопассажирского лайнера.

Теперь все время посвящалось попыткам рассчитать «колею» к той неизвестной точке в космическом пространстве, где, судя по имеющимся в распоряжении пленкам, они ворвались в незнакомую вселенную. Войдя в эту «колею», корабль сможет прибыть к расчетной точке на скорости, лишь немного уступающей скорости света, затем резко ее увеличить и — оставалось надеяться на благоприятный исход.

Подобный маневр был бы прост на поверхности планеты, однако совсем иное — ситуация в космосе. Пеленгуемые звезды движутся с огромной скоростью, и других ориентиров здесь нет; для того чтобы определить, какое место космического пространства соответствует тому, где корабль находился в другое время, требуется произвести сложнейшие расчеты, у которых не существует простых теоретических решений. Для каждой вычисленной контрукруэнтности у астрогатора имеется таблица ранее проделанных расчетов — «Критические таблицы рассчитанных аномалий». На «Асгарде» Макс и Келли приходилось вычислять все самим.

Макс проводил в рубке управления столько времени, что первый офицер посоветовал ему время от времени показываться в гостиной, дабы повысить моральный дух пассажиров. Уолтер не счел нужным добавить, что капитану надлежит улыбаться и демонстрировать спокойную уверенность, это подразумевалось само собой. После разговора с первым офицером Макс принял решение — по мере возможности — ужинать с пассажирами и офицерами.

Конечно, с Эддрет он почти не встречался. Когда он впервые после долгого отсутствия увидел ее за столом, девушка выглядела приветливой, но сдержанной. Макс подумал, уж не заболела ли она. Он вспомнил, что ее доставили в каюту на носилках, а потому не исключено,

что ее здоровье совсем не такое крепкое, как могло показаться. Макс решил узнать об этом у корабельного врача — через кого-нибудь, разумеется.

Принесли кофе. Макс испытывал острое желание поскорее вернуться в «беспокойную дыру» и тут вспомнил, что Уолтер просил продемонстрировать уверенность и спокойствие. Он посмотрел вокруг и громко заметил:

— У нас в кают-компании какая-то похоронная атмосфера. Неужели больше никто не танцует? Мистер Дюмон!

— Да, капитан?

— Распорядитесь, чтобы включили музыку. Миссис Мендоза, вы не окажете мне честь?

Миссис Мендоза хихикнула и приняла приглашение капитана. Но оказалось, что она была позором для Аргентины — у нее полностью отсутствовало чувство ритма. Макс, однако, сумел провести ее по залу без серьезных столкновений с остальными парами, подвел к креслу и поклонился. Затем он воспользовался своим званием и отнял миссис Дайглер у ее партнера. Волосы Мэгги еще были короткими, но выглядела она по-прежнему великолепно.

— Мы скучали без вас, капитан.

— Приходится много работать. В рубке управления не хватает специалистов.

— Да, я знаю. Гм... капитан, а скоро произойдет переход?

— Теперь ждать недолго. Нам понадобилось столько времени потому, что необходимо было проделать огромное количество расчетов — ведь безопасность прежде всего, правда?

— Значит, мы действительно летим домой?

Макс постарался улыбнуться как можно убедительнее.

— Разумеется. Так что не берите в корабельной библиотеке длинные романы: интендант не разрешит взять их с собой, когда вы будете покидать корабль.

— Спасибо, я уже чувствую себя лучше, — вздохнула миссис Дайглер.

Он поблагодарил ее за вальс, посмотрел по сторонам, увидел миссис Монтефиоре и решил, что его обязательства поддерживать моральный дух пассажи-

ров уже выполнены. Эддрет одиноко сидела за столом. Макс подошел к ней.

— Ноги еще болят, Эддрет?

— Нет, капитан, все прошло. Спасибо за заботу.

— Тогда потанцуем?

Девушка широко открыла глаза.

— Вы хотите сказать, что у капитана есть для меня время?

Макс наклонился к уху Элли.

— Еще одна такая шутка, чумазая мордашка, — и я прикажу заковать тебя в кандалы.

Элли наморщила нос и хихикнула.

— Слушаюсь, капитан. Больше не буду, сэр.

Сначала они танцевали молча; Макс испытывал огромную радость от близости девушки и жалел, что не пригласил ее раньше. Наконец Элли подняла к нему лицо.

— Скажи, Макс, ты навсегда забросил трехмерные шахматы?

— Нет. Как только закончим переход, у меня будет больше времени и я брошу тебе вызов, — если дашь мне фору в два звездолета.

— Я уже жалею, что рассказала тебе об этом. Но пообещай мне — будешь заходить и беседовать с Чипси. Она спрашивала сегодня утром: «Где Макси?»

— Господи, я совсем забыл о бедняжке. Пожалуй, можно было бы взять ее в рубку управления, да боюсь, что она нажмет на кнопку — и месяц работы псу под хвост. Иди принеси ее.

— Она будет нервничать: вокруг столько людей. Давай пойдем к ней, а?

Юноша покачал головой.

— Я не могу идти к тебе в каюту.

— Почему? Не говори глупостей. Моя репутация и так подмочена, а капитан имеет право поступать так, как ему заблагорассудится.

— Это потому что ты никогда не была капитаном. Видишь, как следит за нами эта хищница? — Он указал глазами на миссис Монтефиоре. — Перестань спорить и принеси Чипси.

— Слушаюсь, капитан.

Макс пощекотал счастливую обезьянку под подбородком, дал ей кусочек сахара и заверил ее, что Чипси

самая лучшая обезьянка в этой части галактики. Затем извинился и ушел.

Он чувствовал себя оживленным и бодрым. Увидев, как мистер Уолтер заходит к себе в каюту, Макс остановился в коридоре и машинально последовал за ним. Для той проблемы, которая его беспокоила, сегодняшней день ничуть не хуже завтрашнего.

— Голландец! Вы не заняты?

Первый офицер повернулся.

— А-а, это вы, капитан. Нет, сэр. Заходите.

Макс подождал, пока Уолтер нальет по чашке извечного кофе, и заговорил:

— Меня не оставляет одна мысль, мистер Уолтер, — это личный вопрос.

— Я могу вам чем-нибудь помочь?

— Вряд ли. Но у вас гораздо больше опыта в таких делах, и потому мне хотелось бы рассказать об этом.

— Если таково желание капитана...

— Послушайте, Голландец, это проблема Макса, а не капитана.

Уолтер улыбнулся.

— Ну хорошо. Только не требуйте, чтобы я обращался к вам по-другому. Это может стать плохой привычкой.

— Хорошо, хорошо.

Макс собирался вывести у Уолтера, что знает первый офицер о поддельных документах, с которыми Макс прибыл на корабль: сообщил ему об этом доктор Гендрикс или нет?

Однако Макс тут же понял, что не может вести подобные расспросы: положение капитана обязывало.

— Я хочу рассказать вам, как оказался на «Асгарде».

И юноша поведал первому офицеру все, не скрывая от него даже роль Сэма, потому что откровенность уже не могла повредить другу. Уолтер слушал с серьезным выражением на лице.

— Я ждал, что вы расскажете об этом, капитан, — сказал он наконец. — Доктор Гендрикс поделился со мной своими сомнениями, хотя он не знал всех подробностей, когда намеревался назначить вас на должность ученика астрогатора. Мы решили, что этот вопрос не будет подниматься на корабле.

— Меня беспокоит, что произойдет после нашего возвращения. Если нам удастся вернуться.

— Когда мы вернемся. Вы обратились ко мне за советом, сэр? Или вам требуется помощь?

— Не знаю. Мне просто хотелось поделиться с вами.

— Гм... существует две возможности. Одна заключается в том, что мы решим это вопрос прямо здесь, изменив не очень важный отчет. В нем...

— Нет, Голландец. Я запрещаю подделку любых документов на «Асгарде».

— Вообще-то я почти не сомневался, что получу от вас именно такой ответ. Мое мнение совпадает с вашим, сэр, только я считал бы себя обязанным — по разным причинам — помочь вам скрыть это дело, если бы вы обратились ко мне с такой просьбой.

— Когда-то я подумывал о подделке отчета, даже считал, что такое действие оправданно. Теперь я изменил точку зрения.

— Я согласен с вами, капитан. Остается один выход: доложить о случившемся и быть готовым к неприятностям. В этом случае я приложу все усилия, чтобы уладить их; не сомневаюсь, что интендант и старший механик придерживаются такого же мнения.

Макс откинулся на спинку кресла, испытывая какое-то теплое чувство, ощущение полного благополучия.

— Спасибо, Голландец. Мне все равно, как поступят со мной... лишь бы разрешили остаться в космосе.

— Не думаю, что они пойдут на такие жесткие меры, — если вам удастся вернуть корабль на Терру. Но если их решение будет таким, мы будем добиваться справедливости. А пока постарайтесь забыть об этом.

— Попытаюсь. — Макс нахмурился. — А теперь скажите мне откровенно, Голландец, что вы думаете о фокусе, который я выкинул?

— Это сложный вопрос, капитан. Важнее то, что вы думаете о нем.

— Я? Не знаю. Припоминаю, что я чувствовал себя агрессивным и обиженным.

— Вот как?

— Я всегда объяснял — про себя, разумеется, — почему я пошел на такой шаг, считал, что виновата система, а не я. Теперь я не хочу оправдывать себя. Не

то чтобы я жалел о случившемся, особенно теперь, когда я знаю, что мог бы упустить. Но я не хочу уходить от ответственности.

Уолтер кивнул.

— Это разумный подход. Видите ли, капитан, не бывает полностью справедливых законов. Человек должен руководствоваться здравым смыслом и рассудительностью, а не слепо повиноваться. Мне тоже приходилось нарушать правила; за некоторые нарушения я расплатился, другие остались незамеченными. Ошибка, которую вы совершили, могла превратить вас в формалиста, педанта, твердо решившего следовать букве закона и требовать, чтобы и все остальные поступали так же. Или вы могли стать вечным ребенком, убежденным, что правила обязаны исполнять все, кроме вас. По-видимому, вы не стали ни тем ни другим. Наоборот, это оказало на вас благотворное влияние.

На лице Макса появилась улыбка.

— Спасибо, Голландец. — Он встал. — Вернусь в «беспокойную дыру» и постараюсь как можно больше запутать цифры.

— Капитан, вы спите достаточно?

— Я? Ну конечно, ложусь подремать во время почти каждой вахты.

— Осталось четыре часа, капитан.

Макс сел на койке и протер глаза. Вот уже несколько суток «Асгард» мчался по «колее», подгоняемый мощным двигателем, набирая скорость для окончательного рывка, который выбросит их из этой вселенной в другую — ту, в которой они жили раньше... или какую-нибудь еще, в зависимости от того, насколько точно их расчеты соответствовали истинной структуре вселенной.

Макс обернулся к Келли.

— Сколько времени вы несли вахту?

— Не слишком долго, капитан.

— Хорошо спали?

— Видите ли, капитан...

— Достаточно, Келли, вы неисправимы. Сделали пенгацию?

- Да, сэр.
- Давайте.

Макс сидел на койке с закрытыми глазами, слушая поступающие данные, и программировал, переводя их в бинарные числа, понятные для компьютера. Он не выходил из «беспокойной дыры» уже несколько суток, изредка покидая ее всего на несколько минут. Между пеленгациями он дремал, его будили, он обрабатывал информацию и ложился снова.

По распоряжению капитана Келли и Ковак несли вахты, сменяя друг друга, — правда, заставить Келли отдыхать было непросто. Лунди, Смит и Ногучи подменяли друг друга, оставаясь в рубке, когда ситуация требовала присутствия нескольких вычислителей и нужно было помогать при смене пластинок и снятии данных. У Макса сменщика не было; ему приходилось обрабатывать данные каждой пеленгации, черпая из своей фантастической памяти информацию, которая содержалась в пропавших таблицах.

Сейчас в «беспокойной дыре» находились все, кроме Лунди. Он пришел в тот момент, когда Макс закончил расчеты и дал команду внести поправку в курс.

— С наилучшими пожеланиями от кока, — объявил Лунди, ставя на стол кастрюлю с галлоном мороженого.

— Какой сорт? — спросил Макс.

— Шоколадное, сэр.

— Мое любимое. Когда начнете раздавать, не забудьте, что подходит время составления характеристик, где будет оцениваться ваша квалификация.

— Но, капитан, это несправедливо! У шефа вес намного больше вашего, а потому ему требуется больше калорий.

— А у меня очень активный обмен веществ, — объявил Ногучи. — Мне тоже нужна большая порция.

— Ногги, в каждой твоей ноге скрыт канал, соединяющий тебя с космическим пространством, так что тебя насытить невозможно. Поручим раздачу мороженого Келли и будем надеяться, что скромность ограничит его потребности. — Макс повернулся к старшему вычислителю. — Сколько времени в нашем распоряжении?

— Двадцать минут, капитан.

— Неужели так скоро?

— Всего лишь мера предосторожности.

— О'кей.

Они сделали еще одну пеленгацию, съели мороженое, и Макс распорядился, чтобы все заняли свои места. Приближался решающий момент. Келли на этот раз не сидел за компьютером, там расположился Ковак. По мнению Макса, Ковак сумеет нажимать кнопки ничуть не хуже старшего вычислителя, и полученный результат будет тем же. Капитан решил поставить Келли у верньера стереографа, потому что огромный опыт старшего вычислителя поможет извлечь максимум возможного из более чем скромных данных. Лунди помогал Келли; Смит и Ногучи были на подхвате.

В момент минус два часа Макс поговорил по телефону с Компаньоном и сказал, что щель сужается; старший механик пообещал, что с этого момента сам будет следить за тягой и курсом.

— Желаю удачи, капитан, — добавил старший механик.

За десять минут до начала окончательных расчетов Макс еще легко справлялся с вычислениями, хотя и был вынужден признаться себе, что уже не так свеж, как только что снесенное яйцо. Но он осуществлял программирование без особых усилий, да и поправок было совсем немного — по-видимому, Компаньон приложил к этому свою руку. Когда программное устройство компьютера показало, что до момента перехода осталось меньше часа, Макс встал и потянулся.

— Всем приготовиться, — скомандовал он. — И разбудите Ногги. Уже приняли стимулирующие таблетки? А где моя?

Ковак передал ему таблетку. Макс сунул ее в рот, проглотил и запил глотком кофе.

— Если кому-то хочется съесть последний бутерброд, делайте это побыстрее. Итак, парни — за работу!

Данные поступали непрерывным потоком. Через некоторое время Макс начал уставать. Едва он получал поправку с экрана компьютера и сообщал ее составляющие в машинное отделение, как Келли передавал ему новые данные. Одна поправка как будто выпадала из общего направления, словно корабль начал «рыскать» в поисках цели. Перед тем как передать ее в машинное

отделение, Макс взглянул на экран и тут услышал, что названы уже новые цифры.

— Повторите! — произнес он.

Келли повторил данные. Макс провел в уме расчеты и понял, что полученные результаты не имеют никакого смысла. Какова была цель предыдущей коррекции? Правильный ли метод применил он для исследования этой аномалии? Можно ли вообще назвать это исследованием? Как поступали специалисты разведывательного корабля, чтобы найти путь обратно? Разве можно ожидать от человека, чтобы он...

— Капитан! — резко окликнул его Келли.

Макс тряхнул головой и выпрямился в кресле.

— Извините. Задержите всю новую информацию — пока.

С чувством растущего страха юноша мысленно проверил данные и попытался запрограммировать их. Лишь теперь он понял, что значит ощущать неумолимое и стремительное — со скоростью света — приближение решающего момента и утратить уверенность.

Макс подумал, что ему придется отменить попытку перехода, постепенно уменьшить скорость корабля, потратить несколько недель на то, чтобы развернуться, и сделать новую попытку. Однако он понимал, что, если поступить так, как диктует паника, у него не хватит решительности проделать все заново.

И в это ужасное мгновение по нему словно прокатилась волна уверенности, Максу показалось, что позади, за спиной, стоит кто-то, и, положив на плечи руки, успокаивает его и ободряет. Юноша начал четко и ясно называть цифры Коваку.

Спустя двадцать минут он продолжал называть их с аккуратностью и четкостью автомата. Макс выслушал результаты еще одной пеленгации, обработал полученные данные и передал их Коваку, не сводя глаз с программного устройства компьютера. Он ввел последнюю коррекцию — совсем небольшую — передал ее в машинное отделение и скомандовал:

— Приготовиться!

В следующее мгновение его палец нажал на кнопку, позволяющую хронометру бросить корабль вперед с точностью до микросекунды. Лишь после этого юноша оглянулся, но позади никого не было.

— Смотрите, вон Джип! — слышался ликующий возглас Келли. — А вон Гадкий Утенок!

Макс поднял голову. Корабль мчался по знакомому небу к ню Пегаси и Хальциону.

Через пять минут Келли и Макс пили холодный кофе и доедали оставшиеся на подносе бутерброды, а Ногучи и Смит завершали пеленгацию звезд, что следовало делать после перехода. Ковак и Лунди разошлись по каютам, чтобы немного передохнуть — им предстояло заступить на вахту.

— Итак, мы добились своего! — произнес Макс, глядя на звездное небо. — А я уже потерял надежду.

— Неужели, капитан? У меня не было ни малейших сомнений в благополучном исходе, после того как вы заняли эту должность.

— Гм... хорошо, что вы не догадывались о моих чувствах.

Келли пропустил эту фразу мимо ушей.

— Знаете, сэр, когда вы вели программирование, ваш голос звучал в точности как голос доктора Гендрикса.

Макс резко повернулся к старшему вычислителю.

— Перед самым прорывом у меня наступил момент растерянности... — медленно сказал он.

— Я знаю, сэр.

— Затем... понимаете, это было только чувство. Я не верю в призраков. Но мне показалось, что доктор стоит позади меня, как он обычно стоял, когда проверял правильность моих расчетов. И после этого все пошло как по маслу.

Келли кивнул.

— Да, он был в рубке. Я не сомневался, что он нам поможет.

— Что вы хотите этим сказать? — спросил Макс, но Келли промолчал.

Вместо ответа он повернулся и начал рассматривать снимки, сделанные сразу после перехода, сравнивая их с образцами из сейфа. На лице старшего вычислителя появилась счастливая улыбка — еще бы, такая возможность представилась впервые с того момента, как корабль потерялся в космическом пространстве.

— Думаю, — заметил Макс, когда Келли отложил в сторону пленки, — что, перед тем как отправиться спать, нужно сделать предварительные расчеты курса к ню Пегаси. — Он широко зевнул. — Как я устал!

— К ню Пегаси, сэр? — озадаченно спросил Келли.

— Ведь мы не можем рассчитать курс к Хальциону на таком расстоянии, правда? Что вас удивляет, Келли?

— Ничего, сэр.

— Говорите.

— Видите ли, сэр, я считал, что мы выберем курс для перехода к Новой Терре. Но если капитан считает...

Макс побарабанил пальцами по стенке сейфа. Ему даже в голову не приходило, что от него будут ждать продолжения исполнения обязанностей капитана, после того как он осуществил невозможное. Макс считал, что теперь следует лететь к ближайшей планете, к той самой, откуда они вылетели, казалось, так давно, совершить там посадку и ждать прибытия квалифицированных специалистов.

— Неужели вы думаете, что я могу продолжать вести корабль к месту назначения? Без таблиц и настоящего астрогатора?

— Я не хотел высказывать свою точку зрения, капитан. Это было всего лишь инстинктивное предположение. Макс встал.

— Сообщите Коваку, чтобы он продолжал вести корабль по этому курсу. Позвоните мистеру Уолтеру и передайте, что я хочу встретиться с ним в моей каюте.

Когда Макс спустился на свою палубу, первый офицер уже ждал у входа в капитанскую каюту.

— Привет, Голландец. Заходите.

Они вошли. Макс снял фуражку и положил на стол.

— Ну что ж, все прошло удачно.

— Да, сэр. Я следил из кают-компания.

— Не слышу изумления в вашем голосе.

— Вы считаете, мне следует изумляться успешному исходу?

Юноша устроился в кресле, давая отдохнуть уставшей спине.

— Конечно, Голландец. Да, следует — еще как.

— Хорошо, сэр. Я изумлен.

Макс посмотрел на первого офицера и нахмурился.

— Скажите, Голландец, куда теперь направляется наш корабль?

— Не знаю, — ответил Уолтер. — Капитан еще не сообщил мне об этом.

— Черт побери! Вы ведь знаете, что я имею в виду. Конечной точкой маршрута является Новая Терра. Но совсем рядом находится Хальцион — слепой сумеет найти его со своей клюкой. Когда вы назначили меня капитаном, какой маршрут вы имели в виду?

— Тогда речь шла не о маршруте, — заметил Уолтер. — Мне нужно было найти капитана для «Асгарда».

— Но это не ответ на мой вопрос. Пассажиры тоже зависят от нашего решения. Да, конечно, мне пришлось рискнуть ими, но тогда у нас не было выбора. А теперь он у нас есть. Может быть, следует спросить их мнение?

Уолтер решительно покачал головой.

— Вы не должны ни о чем спрашивать пассажиров, сэр. По крайней мере во время полета. Спрашивать пассажиров нечестно по отношению к ним. Вам следует только информировать их.

Макс вскочил и принялся расхаживать по каюте.

— Нечестно, говорите? А по отношению ко мне это честно? — Он повернулся и посмотрел в лицо Уолтеру. — Вы — мой первый офицер. Как, по-вашему, нам следует поступить?

Уолтер ответил ему таким же пристальным взглядом.

— Я не могу принимать решение за капитана. Именно поэтому вы и являетесь капитаном.

Макс остановился и закрыл глаза. Ряды цифр выстроились у него в памяти, четкие и ясные. Он подошел к телефону и нажал кнопку вызова рубки управления.

— Говорит капитан. Келли все еще в рубке? А-а, это вы, шеф? Отлично. Мы меняем курс для последующего перехода к Новой Терре. Принимайтесь за работу — я сейчас подойду.

Глава 22

«ТОМАГАВК»

Макс любил это время дня и это время года. Он лежал на траве на склоне небольшого холма, не отводя глаз от выходного кольца кольцевой дороги C.S. & E., откуда в любой момент мог выскочить «Томагавк» и промчаться по свободной траектории через щель в пространстве. Макс не читал, никуда не спешил; он просто лениво наслаждался летним вечером.

Прибежала белка, села рядом и с любопытством уставилась на Макса, потом, решив, по-видимому, что он совершенно безобиден, занялась своими делами. Птица пролетела мимо.

На миг все замерло, и вдруг из направляющего кольца вырвался серебряный снаряд, чтобы нырнуть в кольцо уже с той стороны долины.

— Ах, черт, — пробормотал Макс, — всегда кажется, что они промахнутся.

Вот и все, что он хотел увидеть, забравшись на холм, — но вставать не хотелось. Макс вынул из кармана письмо и перечитал последние строчки: «...Думаю, папа был рад тому, что я уцелела, потому как в конце концов он смягчился. Мы с Путси поженились неделю назад, — и, о Макс, я так счастлива! Ты должен навестить нас, когда в следующий раз шлепнешься на Гес-

перу». И приписка: «P. S. Любящая тебя Мистер Чипс шлет привет, и я тоже».

Ну и девчонка эта Элли. Так или иначе, но она добивается своего. Ему стало немного жаль Путси. Если бы все они остались на Чэрити...

Что ж, астрогаторы не женятся. Он потрогал на груди медальон в форме солнца. Скверно, что он не смог остаться на «Асгарде», но они, конечно, были правы: не мог он летать помощником на корабле, где был капитаном. Но помощник астрогатора на «Элизабет Регине» — тоже хорошее назначение, и все говорят, что «Лиззи» вполне приличный корабль.

Кроме того, не каждый молодой помощник может похвалиться новой конгруэнтностью, так что ему не из-за чего поднимать шум. Его не беспокоил ни жуткий штраф, который наложил на него совет гильдий, ни официальное предупреждение, занесенное в его послужной список. Главное, ему позволили остаться в космосе, а предупреждение, в конце концов, соседствовало с официальным отличием за новую конгруэнтность.

Он не оспаривал справедливость наказания, — он был виноват и знал об этом, и все же гильдии следовало создавать по иным принципам, которые давали бы шанс каждому. В будущем, когда он займет достаточно высокое положение, он постарается изменить нынешние правила.

Однако, если он не тронется с места, такси влетит ему в копеечку. Макс поднялся и стал спускаться по склону. Геликоб был припаркован у дома, и стоявший рядом водитель глядел на строившийся огромный Миссури-Арканзасский разрез. Поля, которые когда-то обрабатывал Макс, исчезли, строительство подступило к самому амбару. Их дом еще стоял на прежнем месте, но дверь висела на одной петле, и кто-то повыбивал все окна. Макс подумал, где же теперь его мать и тот человек, за которого она вышла замуж. Впрочем, это не слишком интересовало его, да, похоже, и никто в Клайдс Корнерсе ничего не знал о них. В суде ему сказали, что мать получила свою половину правительственной компенсации за землю и вместе с мужем уехала из города.

Вероятно, они уже истратили деньги, да и Макс свои — тоже. Его доли не хватило даже на то, чтобы оплатить штраф. Не исключено, что Монтгомери пришлось взяться за работу — мать не из тех женщин, что позволят мужчине бездельничать, когда в кошельке негусто. Эта мысль была приятна Максу; ему хотелось расквитаться с Монтгомери, но мать, надо думать, прекрасно сделает это за него.

Водитель обернулся к нему:

— Большая будет шутовина, когда закончат. Можно ехать, сэр?

Макс поглядел вокруг в последний раз.

— Да, здесь я со всем покончил.

Они забрались в кабину.

— Назад в Корнерс?

Макс задумался. Ему действительно стоило поэкономить, но — к черту, сэкономит в следующем путешествии.

— Едем в Спрингфилд, и подбросьте меня к станции кольцевой дороги южного направления. Я бы хотел попасть на «Дротик».

Тогда он успеет в космопорт до наступления утра.

Содержание

Красная планета, роман	
<i>перевод с английского Н. Виленской</i>	7
Астронавт Джонс, роман	
<i>перевод с английского И. Почталина</i>	197

МИРЫ РОБЕРТА ХАЙНЛАЙНА

Книга седьмая

Составитель В. Быстров
Главный редактор А. Захаренков
Ответственный за выпуск Е. Чутов
Редакторы Г. Попова, М. Проворова
Технический редактор К. Козаченко
Корректоры Е. Ошуркова, Г. Бочарова, К. Вартанова
Оператор компьютерной верстки Л. Бирюковская
Художественное оформление серии: М. Захаренкова
Оформление обложки и форзаца: А. Кириллов
Оформление шмуцтитлов: Д. Затравкин

Лицензия № 062455 от 23.03.93

Подписано в печать 10.07.93. Формат 84×108/32.

Усл. печ. листов 25,62. Тираж 30 000 экз. Заказ 1289.

Издательская фирма «Полярис».

Латвийская Республика, LV-1039, Рига, а/я 22.

Отпечатано с готовых диапозитивов на Книжной фабрике № 1
Комитета РФ по печати.

144003, г. Электросталь Московской области, ул. Тевосяна, 25.

**Миры Роберта Хайнлайна кн. 7 / Пер. с англ.—Рига:
Полярис, 1993. — 479с.**

VERBA VOLANT, SCRIPTA MANENT

POI RIS
publishers